

К 250-летию
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени М. В. Ломоносова

С. В. Юшков,
заслуженный деятель науки РСФСР,
академик АН Казахской ССР, член-
корреспондент АН Украинской ССР,
профессор

Русская Правда

*ПРОИСХОЖДЕНИЕ,
ИСТОЧНИКИ, ЕЕ
ЗНАЧЕНИЕ*

*Под редакцией
лауреата Государственной премии РФ,
заслуженного профессора МГУ
О. И. Чистякова*

Москва
Зерцало-М
2002

⌘ — φ — ⌘ .

В В Е Д Е Н И Е

§ 1. Общие задачи исследования

советской исторической науке существовал и существует непрекращающийся интерес к Русской Правде. Всеми осознано громадное значение этого памятника не только для установления основных моментов в развитии права Киевской Руси, но и для установления основных черт ее общественно-экономического строя.

Большое значение Русская Правда имеет и для истории русского литературного языка.

Неудивительно, что этот памятник уже давно сделался предметом исследования в русской исторической литературе, причем можно установить ряд различий во взглядах на его происхождение представителей дворянско-креиостнической и буржуазной историографии. Наиболее ярко выразил взгляды дворянско-крепостнической школы на происхождение Русской Правды Н. М. Карамзин. Модернизируя власть первых киевских князей, Карамзин считал, что они с самого момента образования Киевского государства издавали законы. По его мнению, Русская Правда как Краткая, так и Пространная является памятником законодательства одного князя — Ярослава Владимировича: «Еще в Олегово время Россия не имела законы, но Ярослав, может быть, отменил некоторые, исправил другие, и первый издал законы письменные на языке славянском»¹.

¹ Н. М. Карамзин, История государства Российского, изд. 5-е, т. II, СПб., стр. 30.

Являясь ярким норманистом, Карамзин считал, что основанием «Русской Правды был» древнейший закон скандинавский... или~ иемецкийл L

Характерной особенностью взглядов буржуазной историографии на Киевскую Русь является представление о весьма низком уровне ее общественно-экономического развития. Буржуазные историки в силу этого полагали, что нормы Русской Правды могли сложиться только под воздействием чужеземного права. Признавая, что княжеское законодательство могло быть источником Русской Правды, они тем не менее отвергали мысли об официальном ее происхождении.

Буржуазные исследователи всячески старались затушевать классовую сущность норм Русской Правды и, конечно, решительно отказывались связывать их происхождение с общественно-экономическим развитием Киевского государства.

Отсюда характернейшей особенностью буржуазных исследований о Русской Правде является всемерное стремление к догматическому изучению ее норм.

"Первым распространителем и защитником буржуазных взглядов на Русскую Правду был Н. В. Калачов. В основу своих взглядов он положил следующее утверждение: «Русская Правда есть сборник, составленный частными лицами и в разное время таким же образом дополненный»¹2.

Н. В. Калачов разделил списки Русской Правды на четыре редакции (фамилии), причем в основу этого деления он положил случайный факт — нахождение тех или иных списков в различного рода сборниках.

Следовательно, классификация списков Русской Правды, предложенная Н. В. Калачовым, органически была не в состоянии показать развитие текста Русской Правды в зависимости от общественно-экономического, политического и правового развития Киевской Руси.

¹ Н. М. Карамзин, История государства Российского, изд. 5-е, т. II, СПб., прим. 91 к стр. 34.

² Н. В. Калачов, Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды, вып. I, изд. 2-е, СПб., 1880, стр. 79.

Издавая Русскую Правду по известным ему спискам, Н. В. Калачов разбил текст на отделы в зависимости от того, касаются ли те или иные статьи государственного, гражданского, уголовного или процессуального права, т. е. дал образец чисто догматического подхода к юридическому памятнику.

Последующие исследователи, например: Н. Дювернуа¹, П. Мрочек-Дроздовский², В. И. Сергеевич³, В. О. Ключевский⁴, Н. А. Максимейко⁵ и др., продолжали развивать основные положения буржуазной историографии о Русской Правде.

Благодаря применению порочных методов буржуазные исследователи не могли решить основные вопросы происхождения и истории текста Русской Правды. Существовало много непримиренных мнений по этим вопросам. Кажется, не было двух исследователей, которые бы держались одного мнения, например, в вопросе об источниках Русской Правды. —=4

Одни буржуазные исследователи считали источником ее норм скандинавское право (Щепкин), другие — римское право (Максимейко), третьи — византийское право (Владимирский-Буданов, Сергеевич, "КлТОЧ'бскийу и" даже" еврейское (Барац); '*~zr

Существовали даже разные взгляды при решении вопроса об источниках Русской Правды. —
Воп^fJTa~ITfj7HTjpiTeTe KpвткотHтApo^ратпго^
Та-кт—некоторые^ исследователи (Соболевский) На- ' ,—
стаивали "на лтом. что JffiStKjffi" Правда "возникла в результате^ сокращения Пространшид^ —>

Марксистско-ленинская историко-юридическая наука указанным взглядам буржуазных исследователей по вопросу о Русской Правде должна противопоставить следующие положения.

¹ Н. Дювернуа, Источники права и суд в древней России, М., 1869.

² П. Мрочек-Дроздовский, Исследования о Русской Правде, вып. I, Ученые записки Московского Университета, М., 1885.

³ В. И. Сергеевич, Русская Правда и ее списки, Журнал Министерства народного просвещения, 1899, январь.

⁴ В. О. Ключевский, Курс Русской истории, ч. 1-я, разных изданий.

⁵ Н. А. Максимейко, Опыт критического исследования Русской Правды, вып. I, Харьков, 1914.

Советскими историками разбит тезис о низком уровне общественно-экономического, политического и правового развития восточного славянства VIII—XIII вв., и поэтому надо решительно отвергнуть взгляд на Русскую Правду как на сборник права, возникший в результате заимствования чужеземного права. Русская Правда — это сборник русского права.

На основе указаний Ленина и Сталина советскими историками было установлено что в Киевской Руси стали развиваться феодальные отношения, — исходя из этого, Русскую Правду следует признать сборником возникавшего русского феодального права. А так как в развитии феодальных отношений надо отмечать разные моменты, то и в истории текста Русской Правды следует учитывать отдельные пласты ее норм. Для того чтобы облегчить изучение этих отдельных пластов текста Русской Правды, надо дать такую классификацию списков Русской Правды, которая могла бы отразить это развитие норм феодального права. Далее, поскольку как в издании отдельных норм феодального права, так и в составлении сборника этого права должна была быть заинтересована русская феодальная власть, то надо признать официальное происхождение Русской Правды.

Эти основные положения марксистско-ленинской историко-юридической науки должны предопределить решение и отдельных вопросов о происхождении Русской Правды и истории ее текста.

Советскими историками сделано много в деле изучения Русской Правды. Так, было завершено издание текста Русской Правды, о котором ранее могли только мечтать буржуазные историки. В 1935 г. Русская Правда была издана Академией Наук УССР по пяти редакциям и семи спискам, причем были учтены все известные в науке списки. В 1940 г. Русская Правда была издана и Институтом истории Академии Наук СССР под редакцией акад. Б. Д. Грекова, причем были привлечены к изданию новооткрытые после 1935 г. списки. Акад. Б. Д. Греков с наибольшей четкостью стал развивать взгляды о происхождении Русской Правды, которые предопределялись

указанными общими принципами марксистско-ленинской методологии.

В советское время появился ряд исследований текста. Достаточно указать на работы И. А. Стратонова¹, В. М. Чернова², Н. А. Максимейко³, акад. С. П. Обнорского⁴ и т. д. В 1941 г. вышло в свет «Исследование о Русской Правде» М. Н. Тихомирова⁵.

М. Н. Тихомиров, один из крупнейших специалистов по источниковедению, пересмотрел вопрос о происхождении текста всех редакций Русской Правды на основе изданного двумя академиями материала, а также на основе богатого знакомства с другими источниками права и сделал весьма удачную попытку восстановления первоначального текста так называемой Пространной Правды.

Однако приходится признать, что многие из этих работ о Русской Правде не свободны от ряда буржуазных извращений.

В частности, очень часто выводы исследователей Русской Правды о происхождении той или иной ее редакции или об источниках этой редакции не находятся в соответствии с данными об уровне общественно-экономического и политического развития Киевской Руси.

На изучении Русской Правды (ее происхождения, источников и значения) до сих пор не отразились достижения советской исторической науки в отношении изучения Киевской Руси. Исследователи не учитывают того, что если Киевское государство в XI в. становится феодальным государством, то в этом фео-

¹ И. А. Стратонов, К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды, Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанском Унив., т. XXX, вып. 4, Казань.

² В. М. Чернов, До питания про редакци «Русской Правды», К., 1920, и пр.

³ Н. А. Максимейко, Опыт критического исследования Русской Правды, вып. 1, Московская редакция Русской Правды (Проблемы источниковедения), Сб. 3, М.—Л., 1940, и др.

⁴ С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

⁵ М. Н. Тихомиров, Исследование о Русской Правде, изд. А. Н. СССР, М.—Л., 1941.

дальном государстве должны развиваться и нормы феодального права. Отсюда исследователи обычно не делают следующих выводов в отношении Русской Правды: 1) что нор_мы Русской Правды — это нормы возникшего и "развивающегося феодального права" а не сборники старых обычаев; 2) что основным источником этих норм являются постановления и судебные решения князей; 3) что, как общее правило, древнейшие редакции Русской Правды имеют официальное происхождение. Далее, многие работы написаны без учета того, что Русская Правда является прежде всего и с т о ч н и к о м п р а в а . Исследователи подходят к Русской Правде только как к памятнику письменности, как к литературному памятнику.

Мы попытаемся развернуть и обосновать те взгляды на Русскую Правду, которые в предварительном и в общем виде были выдвинуты в нашей работе: «Русская Правда как кодекс феодализма». Поскольку мы принципиально иначе подходим к вопросу о происхождении Русской Правды, чем это делалось в предшествующей литературе, то наша работа носит полемический характер.

В заключение необходимо остановиться на плане I данного исследования. Мы считаем, что при исследовании такого памятника права, как Русская Правда, памятника, в котором не содержится прямого упоминания, когда и при каких условиях он появился, и который вместе с тем дошел до нас в большом количестве списков, составлявших разные редакции, вначале необходимо установить первоначальный его текст, а когда он будет установлен, необходимо выяснить его происхождение и, в частности, его источники. Для установления первоначального текста Русской Правды необходим тщательный анализ отдельных редакций, которому должен предшествовать обзор истории этого памятника в тех рукописях, где он содержался, т. е. в разного рода сборниках и Кормчих. Эта часть исследования должна носить по преимуществу археографический характер. Вторая часть исследования, когда приходится

иметь дело уже с восстановленным текстом Русской Правды, должна носить главным образом историко-юридический характер. Однако необходимо отметить, что элементы того или иного вида исследования должны иметь место в каждой из этих двух основных частей исследования. Так, мы считаем, что без историко-юридического анализа мы не можем обойтись при исследовании текста Сокращенной Правды, так как только этот анализ поможет нам понять смысл сокращения и переработки норм Пространной Правды. Мы считаем, что методика исследования первой и второй части должна быть^ различной и в том отношении, что если в первой мы должны начать исследование с анализа позднейших текстов, чтобы с наибольшей легкостью очистить первоначальный текст от позднейших наслоений, то вторая часть должна начинаться с исследования общественно-экономического, политического и правового строя Киевской Руси, позволяющего вскрыть обстановку, при которой могли появиться первые нормы русского права, а затем уже и другие позднейшие памятники, которым будет усвоено название Русской Правды.

£ 2. Классификация списков Русской Правды

Как известно, Русская Правда дошла до нас в большом (свыше ста) количестве списков, иногда сильно отличающихся по своему составу друг от друга. Для того чтобы исследовать текст памятника, нам необходимо прежде всего произвести классификацию его списков. Основное требование, которое должно быть предъявляемо к классификации списков Русской Правды,— это необходимость выявления изменений и в ее тексте в зависимости от развития норм права. Каждая научная классификация должна показать, как изменялся текст памятника в связи с изменением общественно-экономического, политического и правового строя Киевской Руси. Конечно, **при** классификации должны

учитываться и изменения текста, которые были сделаны позднейшими переписчиками, но это является требованием в т о р о с т е п е н н о г о значения. Попытки классификации списков Русской Правды были сделаны уже давно. Первая .д.одытка-.Кл.с-сификации была предпринята Тобиным¹, который раз-де7тил"~все списки" Русской Правды только на две редакции: Краткую и Пространную. Эта несложность классификации Тобина в значительной степени могла предопределяться тем, что ему было известно только небольшое число списков (всего шесть). Но когда Н. В. Калачов приступил к своей работе над Русской Правдой, то ему было уже известно около 50 списков. Естественно, что он не мог удовлетвориться классификацией Тобина и разделил, как выше было указано, все списки памятника на четыре фамилии в зависимости от того, в каких памятниках Русская Правда находилась. К первой фамилии были отнесены списки из Новгородской и Ростовской летописей; ко второй — списки из Кормчих книг и Мерил Праведных, причем эта фамилия была разделена Калачовым на три вида. Первый вид состоял из списка Синодальной Кормчей XIII в. (№132); второй вид составляли списки, находящиеся в Кормчих и Мерилах Праведных; к третьему виду были отнесены сокращенные списки (список Оболенского и Толстовский список). Третью фамилию образовали списки Русской Правды из Софийских летописей, а четвертую — списки, находившиеся в памятниках, не содержащих списков всех других фамилий².

Нетрудно видеть, насколько неправильно была эта классификация списков Русской Правды, предложенная Н. В. Калачовым, в зависимости от того, в каком памятнике сложного состава находился тот или иной список. Под одной «фамилией» (а под фами-

¹ T o b i e n , Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechts. Die Prawda Russkaja und die ältesten Tractate Russlands. Dorpat, 1844.

² Н. В. К а л а ч о в , Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды, изд. 2-е, вып. I, СПб., 1880.

лией надо понимать то, что обычно понимают под редакцией) мы встречаем списки, резко различающиеся друг от друга. Достаточно учесть, что ко второй фамилии относятся как списки Пространные (например, Синодальный или Троицкий), так и Сокращенные из Пространных. А к четвертой фамилии принадлежат списки, которые, как мы потом увидим, составят две различных редакции. При подобном формальном и внешнем подходе к классификации текст Русской Правды нельзя изучать в связи с общественно-экономическим, политическим и правовым развитием Киевской Руси.

Гораздо удачнее была классификация списков Русской Правды, предложенная Калачовым в его «школьном» издании текста этого памятника. В этом издании он дал текст по четырем спискам: Академическому, Троицкому, Карамзинскому и Оболенскому. Но и при этой классификации он не учел ряд весьма важных в истории Русской Правды видов и редакций, в частности той редакции, которая находилась в соединении с Законом Судным людем (Судебником царя Константина).

Иная классификация была предложена В. И. Сергеевичем, который в отличие от Калачова в состав одной редакции (III) включил списки Синодальный, Троицкий и Карамзинский, но выделил в особую редакцию (IV) список Оболенского. Главной же особенностью его классификации является то, что он разделил Краткую Правду на две редакции (I и II). Это деление Краткой Правды на две самостоятельные редакции справедливо признается весьма спорным в исторической литературе. «Первая и вторая часть Краткой Правды, — отмечает, например, М. А. Дьяконов, — говорит вовсе не об одном и том же, они различаются содержанием, а не изложением; это скорее два памятника, соединенные, однако, между собою потому, что один служит дополнением другого, а вовсе не разные редакции одного и того же. Между частями Краткой редакции Правды необходимо проводить различие, как это и делал Тобин и др. Но все же это будут две части одного и того же

списка, а не две разные редакции одного памятника»¹.

С другой стороны, нельзя признать правильным объединение Сергеевичем в одной редакции (III) Синодального, Троицкого, Пушкинского и Карамзинского списков. Если Синодальный и Троицкий по составу статей почти тождественны (их различие заключается только в порядке расположения статей), то Карамзинский список не только имеет ряд иногда весьма важных дополнительных статей к составу Троицкого и Синодального списков (например, статьи о приплоде скота и пр.), но и такие важные статьи, как «А судным кунам росту нет», «О человеце», «О муце», «Устав князя Ярослава о мостех», а также много весьма важных вариантов по отношению к ним.

Несомненно, что в истории текста Русской Правды Карамзинский список имеет крупное значение и вполне заслуживает отнесения его к особой редакции. Основным недостатком является и то, что Сергеевич так же, как и Калачов, не обратил внимания на наличие списков Русской Правды, находящихся в соединении со статьями Закона Судного людем (Судебника царя Константина). Эти статьи, как это видно из издания Русской Правды Академии Наук УССР, присоединены непосредственно к тексту Русской Правды без всякого особого оглавления, и каждый из списков этого вида представляет собою единое литературное целое. Своеобразие состава этого памятника, отразившего один из последних этапов развития Русской Правды, именно, момент влияния на нее болгарского законодательства, обуславливает необходимость выделения его в качестве особой редакции.

Обратимся к характеристике классификации, предложенной в издании Русской Правды Академии Наук СССР.

Исходным делением всех списков Правды было принято деление их на два разряда: 1) Краткие списки

¹ М. А. Дьяков, Очерки государственного и общественного строя древней Руси, 1926, стр. 36.

и 2) Пространные списки. Характернейшим моментом в классификации издания Академии Наук СССР является то, что всячески подчеркивается противопоставление Краткой Правды Пространной: «Только такое противопоставление и дает первый момент, от которого следует исходить в изучении памятника»¹, говорит В. П. Любимов — автор вводной статьи, в которой излагаются принципы классификации списков Русской Правды, принятой в издании Академии Наук СССР. Затем В. П. Любимов все пространные списки разделил на три группы: Синодально-Троицкую, Пушкинскую, Карамзинскую, причем каждую группу он делит на виды и даже ветви. Так, Синодально-Троицкая группа состоит из восьми видов: 1) Троицкого, 2) Синодального, 3) Новгородско-Софийского (с двумя ветвями), 4) Рогожского, 5) Мясниковского, 6) Розен-камповского, 7) Сокращенных списков.

Пушкинская группа состоит из Пушкинского списка и Археографического вида, а Карамзинская группа из трех видов: 1) Троицкого IV списка, 2) Музейского вида, 3) Оболенско-Карамзинского вида.

Переходя к оценке классификации списков Русской Правды В. П. Любимова, которая была принята для академического издания этого памятника, необходимо указать на основной ее порок, а именно на то, что она не выявляет изменений его текста в зависимости от развития норм права. Она не показывает нужным образом, как изменялся текст Русской Правды в связи с изменением общественно-экономического, политического и правового строя Киевской Руси.

Прежде всего надо признать порочность основной мысли В. П. Любимова о противопоставлении Краткой Правды Пространной, что лежит в основе его классификации. Дело в том, что это противопоставление возможно провести только путем намеренного игнорирования особенностей ряда списков, которые до академического издания издавались как особые редакции (издания Калачова, Сергеевича). По-

¹ Правда Русская, т. 1, изд. А. Н. СССР, М.--Л., 1940, Списки Правды Русской, стр. 31.

доной редакцией являлась Сокращенная из Пространной (список Оболенского). По классификации В. П. Любимова эта редакция составляет только вид Синодально-Троицкой группы. Но так называемый список Оболенского возник не в результате простого сокращения какого-либо пространного списка, а в результате сложной переработки его текста. С другой стороны, противопоставление кратких и пространных списков Русской Правды как основной момент при классификации их — порочно и потому, что в изданиях приходится намеренно отсекал часть текста некоторых списков. Так, из текста IV Троицкого списка было исключено особое предисловие, заимствованное из «Слова Василия Великого о клеветах». А между тем это предисловие органически было связано с текстом Русской Правды, что доказывается оглавлением, относящимся к тексту всего списка, — «Устав великого князя Ярослава». Но в особенности поражает пренебрежение В. П. Любимова к подлинному тексту памятника, а именно отсечение от него в списках Археографического вида Пушкинской группы статей из Закона Судного людем и ряда русских статей, замыкавших эти списки. А что статьи из Закона Судного людем органически входили в состав Русской Правды данного вида, доказывается опущением особого названия и предисловия к Закону. Редактор этого вида принимал все меры к тому, чтобы графически показать органическую связь Русской Правды с Законом.

Если В. П. Любимов в целях противопоставления Краткой Правды Правде Пространной был вынужден сокращать текст некоторых списков Русской Правды, то, с другой стороны, он предложил выделить без всякого серьезного основания большое число видов Пространной Правды, в частности, так называемые Новгородско-Софийский, Розенкамповский, Ферапонтовский, Рогожский, Мясниковский виды и пр. Количество вариантов, указанных в академическом издании для этих так называемых «видов», исключительно невелико. Чтобы не быть голословными, приведем варианты Новгородско-Софийского списка, лежавшего в основе Новгородско-Софийского вида, от-

меченные в сводных текстах этого издания (стр.402—457), но не воспроизводимые другими списками:

Доб. роустии, вир'впуовл*. вировную, на погнание и на разграбление *вм.* на поток и на разграбление, тъже ел. же, въже *вм.* же, гоаваженм *вм.* голважень, о поклепе *вм.* о поклеп-нси вире, вже *вм.* же, все *нет, доб.* не ведаю, копу *вм.* купу, кто же ударить ель кто его ударил, потнетъш. подьтнетъ, аже будешь ли следа *вм.* аже не будетъ следа; а за муку гривна кун; аже огнищанина мучить, то 12 гривен продаже *нет;* а за гусь 30 кун, а за лебедь 30 кун *нет.*

Наряду с крайней малочисленностью вариантов для особого вида Русской Правды поражает тот факт, что другие списки данного вида не воспроизводят эти варианты основного списка. Даже такой важный вариант — аже огнищанина мучить, то 12 гривен продаже — не воспроизводится двумя списками. Единственный вариант для всего вида — за гусь 30 кун, а за лебедь 30 кун.

Словом, В. П. Любимов предпринял выдвижение таких списков Русской Правды, которые возникали в результате различного рода ошибок, описок и переработок, допущенных переписчиками позднейших Кормчих и других сборников сложного состава XVI—XVII вв., когда Русская Правда давно потеряла свое значение. Все эти Розенкамповские, Ферапонтовские, Рогожские виды и списки XVI—XVII вв. — это литературные памятники, которые могут быть привлечены только для изучения истории русского языка, а не для изучения норм действовавшего права.

Классификация списков Русской Правды, предложенная В. П. Любимовым для академического издания Русской Правды, имеет и тот весьма важный недостаток, что она не даст возможности изучить изменений в развитии текста и так называемой Пространной Правды. Достаточно указать, что им не отмечаются, как общее правило, графические показатели различий между первой частью и второй частью этой Правды, в частности, не указывается, что каждая из этих частей в Сборниках составляла особую главу. Словом, можно считать классификацию В. П. Любимова неудовлетворительной и, во всяком

случае, не могущей показать, как изменялся текст памятника в связи с изменением общественно-экономического, политического и правового строя Киевской Руси.

Естественно, что классификация В. П. Любимова не была принята новейшим исследователем Русской Правды М. Н. Тихомировым, который наряду с Краткой и Пространной редакцией указал на необходимость выделения Сокращенной Правды; не согласился он с отнесением к Карамзиновским спискам Троицкого IV списка.

В этих условиях классификация, предложенная в свое время в издании Академии Наук УССР, по которой списки Русской Правды делились на пять редакций, лучше отображала историю текста этого памятника. При этой классификации все основные моменты в его развитии были выявлены лучше, чем в издании Академии Наук СССР. В этом издании была выделена особая редакция (IV) Русской Правды, в которой статьи Русской Правды находятся в соединении со статьями Закона Судного людем (Судебника царя Константина).

Если же к числу пяти редакций, предусмотренных в украинском издании, присоединить еще одну редакцию, включающую два списка (вида) — Троицкий IV и Пушкинский, то это, несомненно, явится наиболее удовлетворительным решением вопроса. Мы тогда получим следующие редакции: I редакция (так называемая Краткая Правда); II редакция, включающая Синодальный и Троицкий изводы; III редакция, объединяющая так называемые Карамзинские списки; IV редакция, состоящая из двух списков — Троицкого IV и Пушкинского; V редакция — Русская Правда в соединении с Законом Судным людем; VI редакция (так называемая Сокращенная Правда).

Остается решить вопрос о подразделении этих редакций на отдельные группы и виды.

В первой редакции основные списки мало отличаются друг от друга. Поэтому нет оснований делить их на виды. Но в состав первой редакции входят так называемые Татищевские списки, которые интересны

тем, что они показывают, как понимался текст Русской Правды в первой половине XVIII в. Поэтому есть смысл выделить Татищевские списки в особый вид I редакции.

Число списков, относящихся ко II редакции, весьма велико (свыше семидесяти). Можно было бы ожидать, что число отдельных видов в пределах этой редакции будет значительно. Но оказывается, если выделить на этой редакции Синодальный извод, состоящий из одного списка, все остальные списки так называемого Троицкого извода весьма близки друг к другу. Число вариантов сравнительно незначительно, причем они не имеют серьезного значения, по-1 скольку они появились тогда, когда Русская Правда ⁴ч[^] перестала быть действующим источником права, и поскольку они, как общее правило, являются ошибками или описками позднейших переписчиков.

Только один серьезный момент должен быть учтен при классификации списков Троицкого извода, а именно: в очень большом количестве списков прекратилось деление Русской Правды на две части или на две главы—Устав Ярослава и Устав Владимира Всеволодовича, как это было в древнейших списках или в наиболее близких к Троицкому списках Мерила Праведного. Вся Русская Правда стала составлять одну главу. Материал, относящийся к Уставу Владимира Всеволодовича, стал передаваться без какого-либо графического выделения (например, киноvarной вязью и пр.).

Внутри этой группы списков можно различить ряд отдельных видов.

В. П. Любимов, как было указано, делит эти списки на следующие виды: Новгородско-Софийский, Розенкамповский, Фераионтовский, Варсонофьевский, Рогожский (Лаптевский), Мясниковский. М. Н. Тихомиров принял это деление и подверг довольно подробному исследованию тексты этих видов. Поскольку различия между списками в основном порождены ошибками переписчиков или их попытками осмыслить прежний текст, естественно, что исследование этих видов не могло дать каких-либо существенных данных

для истории текста Русской Правды. Но, поскольку деление Троицкого извода на виды было уже дано, приходится с ним считаться.

III редакция была разделена В. Н. Любимовым на три вида: Троицкий IV список, Музейский вид и Карамзинский. Поскольку Троицкий IV список отнесен к Карамзинским спискам по меньшей мере по недоразумению, то речь может идти о разделении этой редакции только на два последних вида.

IV редакция, как было уже указано, делится на два вида: Троицкий IV и Пушкинский.

Списки, входящие в состав V и VI редакций, настолько близки между собой, что нет никаких оснований выделять их в особые виды.

Учитывая все это, получим следующую классификацию всех дошедших до нас списков Русской Правды¹.

В Москве: БЛ — Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина.
ИМ — Государственный Исторический музей. ГАФКЭ — Государственный архив феодально-крепостнической эпохи.
В Ленинграде: АН — Библиотека Академии Наук СССР.
ИИ — Институт истории Академии Наук СССР. ПБ — Государственная Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина. В Киеве: УАН — Библиотека Академии Наук УССР.

/ РЕДАКЦИЯ²

1. Академический I список, середины XV века, из Новгородской I летописи — АН, 17.8.36.

2. Археографический I список, середины XV века, из Новгородской I летописи — ИИ, собрание Археографической комиссии, № 240.

3. Толстовский первой четверти XVIII в., из Новгородской летописи — ПБ, F IV 233, собрание Толстого I, 351.

¹ Нами применяются без изменения условные обозначения мест хранения рукописей, содержащих списки Русской Правды, принятые академическим изданием.

² К числу списков I редакции не были отнесены списки из работы Татищева или их копии; см. подробное их перечисление на стр. 189.

4. Уваровский второй половины XVIII в., из Новгородской I летописи — ИМ № 1402/34.

5. Татищевский — Воронцовский I 20-х годов XIX в., из Новгородской I летописи — АН, 31.7.31, собрание Воронцовых, № 1090.

6. Татищевский — Румянцевский, 20-х годов XIX в., из Новгородской I летописи, БЛ, Румянцевское собрание, № 248).

// РЕДАКЦИЯ

А. Синодальный извод

1. Синодальный I список, 1282 г., из Кормчей — ИМ, Синодальное собрание, № 132.

Б. Троицкий извод

1. Троицкий вид

2. Троицкий I список, второй половины XIV века, из Мерила Праведного — БЛ, Троицкое собрание, № 15.

3. Московско-Академический список, конца XV века, из Мерила Праведного — БЛ, собрание Московской духовной академии, № 187.

4. Синодальный II список, конца XV века, из Мерила Праведного — ИМ, Синодальное собрание, № 525.

5. Синодальный III список, 1587 г., из Мерила Праведного — ИМ, Синодальное собрание, № 524.

6. Кирилло-Белозерский III список, середины XVI века, из Мгрила Праведного — ПБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 145/1222.

2. Новгородско-Софийский вид

7. Новгородско-Софинекий список, третьей четверти XV в. ка, из Кормчей — ПБ, Софийское собрание, № 1173.

8. Румянцевский I список, конца XV века, из Кормчей — БЛ, Румянцевское собрание, № 231.

9. Вязниковский список, второй половины XV века, из Кормчей — Вязниковский краеведческий музей, рукопись № 47/1.

Ю. Ярославский список, конца XV века, из Кормчей — Ярославский областной музей, собрание Ярославского архиерейского дома, № 73—60.

П. Прилуцкий список, 1534 г., из Кормчей — БЛ, Рогожское собрание, № 257.

12. Соловецкий III список, 1519 г., из Кормчей — ПБ, Соловецкое собрание, № 415/476/495.

13. Архивский I список, конца XV — начала XVI века, из Кормчей — ГАФКЭ, Собрание Государственного древлехранилища, отд. V, рубрика I, № 10.

14. Егоровский I список, начала XVI века, из Кормчей — БЛ, собрание Егорова, № 472.
15. Список Царского I, середины XVI века, из Кормчей— ИМ, собрание Уварова, № 558/125.
16. Список Ундольского I, середины XVI века, из сборника— БЛ, собрание Ундольского, № 821.
17. Овчинниковский II список, 1518 г., из Кормчей — БЛ, собрание Овчинникова, № 151.
18. Хворостининский список, конца XVI века, из Кормчей — ПБ, F II 298.
19. Толстовский III список, второй половины XVI века, из Кормчей — ПБ, F II 87.
20. Егоровский II список, второй половины XVI века, из Кормчей — БЛ, собрание Егорова, № 850.
21. Егоровский III список, второй половины XVI века, из Кормчей — БЛ, собрание Егорова, № 254.
22. Киево-Печерский II список, конца XVI века, из Кормчей— УАН, собрание Киево-Печерской лавры, № 80/102.
23. Годуновский II список, конца XVI века, из Кормчей — ИМ, собрание Успенского собора, № 21/173.
24. Киево-Софийский I список, второй половины XVI века, из Кормчей — УАН, собрание Киево-Софийского собора, № 51.
25. Фроловский-Браиловский список, второй половины XVI века, из Кормчей—ПБ, F II 81.

3. Рогожек и вид

26. Рогожский I (Лаптевский) список, первой половины XVI века, из Кормчей — БЛ, Рогожское собрание, № 256.

4. Мясниковский вид

27. Мясниковский (Берсенеvский) список, начала XV века, из Кормчей — ПБ, F II 119.
28. Толстовский I список, первой половины XV века, из Кормчей — ПБ, Q И 49.
29. Чудовский I список, 80-х годов XV века, из Кормчей— ИМ, Чудовское собрание, № 169.
30. Соловецкий I список, 1493 г., из Кормчей — ПБ, Соловецкое собрание, № 412/968/858.
31. Тихонравовский список, начала XVI века, из Кормчей — БЛ, собрание Тихонравова, № 332.
32. Барсовский список, конца XV — начала XVI века, из Кормчей — ИМ, собрание Барсова, № 155.

5. Розскамповский вид

33. Розскамповский список, конца XV века, из Кормчей— ИМ, собрание Уварова, № 556/791.
34. Чудовский II список, 1499 г., из Кормчей — ИМ, Чудовское собрание, № 167.

35. Погодинский I список, конца XV века, из Кормчей — ПБ, собрание Погодина, № 235.
36. Список Публичной Библиотеки, конца XV века, из Кормчей — ПБ, F II 80.
37. Соловецкий II список, начала XVI века, из Кормчей — ПБ, Соловецкое собрание, № 414/477/496.
38. Киево-Софийский II список, XVII века, из Кормчей— УАН, собрание Киево-Софийского собора, № 53.
39. Троицкий II список, начала XVI века, из Кормчей — БЛ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 205.
40. Список Царского II, второй половины XVI века, из Кормчей — ИМ, собрание Уварова, № 560/296.
41. Крестининский (Рогожниковский) список, конца XV века, из Кормчей — ИМ, Музейское собрание, № 798.
42. Овчинниковский I список, конца XV века, из Кормчей — БЛ, собрание Овчинникова, № 150.
43. Академический II список, начала XVI века, из Кормчей— АН, 21.5.4.
44. Антониево-Сийский список, середины XVI века, из Кормчей—АН, собрание Архангельского древлехранилища, №211/133.
45. Ионовский список, конца XVI века, из Кормчей — ИМ, Музейское собрание, № 3471.
46. Троицкий III список, начала XVI века, из Кормчей — БЛ, Троицкое собрание, № 206.
47. Музейский I список, второй половины XVI века, из Кормчей — ИМ, Музейское собрание, № 3468.
48. Возмицкий список, 1553 г., из Кормчей — ИИ, собрание Института, № 1111.
49. Забелнский список, конца XVII века, из Кормчей — ИМ, собрание Забелина, № 236.
50. Овчинниковский III список, XIX века, из Кормчей—БЛ, собрание Овчинникова, № 152.
51. Список «Музейские отрывки» конца XVI века, из фрагмента Кормчей — ИМ, Музейское собрание, № 3988.
52. Список Царского IV, XVIII века, из сборника статей, выбранных из Кормчей —ИМ, собрание Уварова, № 539 703.

6. Ферапонтовский вид

53. Ферапонтовский список, середины XVI века, из Кормчей — БЛ, собрание Егорова, № 248.
54. Толстовский II список, второй половины XVI века, из Кормчей —ПБ, F II 83.
55. Фроловский I список, конца XVI века, из Кормчей — ПБ, F II 78.
56. Соловецкий IV список, второй половины XVI века, из Кормчей — ПБ, Соловецкое собрание, № 416/475/494.
57. Егоровский IV список, конца XVI — начала XVII века, из Кормчей— БЛ, собрание Егорова, № 253.

58. Архивский II список, конца XVI века, из Кормчей — ГАФКЭ, собрание Государственного древлехранилища, отдел V, рубрика I, № 11/1592.

59. Румянцевский II (Никоновский) список, 1620 г., из Кормчей — БЛ, Румянцевское собрание, № 233.

60. Рогожский II список, начала XVII века, из Кормчей — БЛ, Рогожское собрание, № 254.

61. Кирилло-Белозерский I список, второй половины XVI века, из Кормчей — ПБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 2/1079.

62. Кирилло-Белозерский II список, 1590 г., из Кормчей — ПБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 1/1078.

63. Погодинский II список, первой половины XVII века, из Кормчей — ПБ, собрание Погодина, № 238.

64. Погодинский III список, второй половины XVII века, из Кормчей — ПБ, собрание Погодина, № 237.

65. Список Царского III, первой половины XVII века, из сборника статей, выбранных из Кормчей — ИМ, собрание Уварова, № 565/217.

66. Киево-Печерский I список, конца XVI — начала XVII века, из Кормчей — УАН, собрание Киево-Печерской лавры, № 80/102.

67. Годуновский (Успенский) I список, конца XVI века, из Кормчей — ИМ, собрание Успенского собора, № 21/173.

68. Хлудовский список, первой половины XVII века, из Кормчей — ИМ, собрание Хлудова, № 154.

69. Киево-Софийский III список, первой половины XVII века, из Кормчей — УАН, собрание Киево-Софийского собора, № 52.

70. Никифоровский I список, второй половины XVI века, из Кормчей — БЛ, № 6379.

71. Никифоровский II список, третьей четверти XVI века, из Кормчей — БЛ, собрание Никифорова, № 23.

72. Никифоровский III список, первой половины XVII века, из Кормчей — БЛ, собрание Никифорова, № 19.

/// РЕДАКЦИЯ

1. Список Оболенского II, второй половины XV века, из Софийской I летописи — ГАФКЭ, собрание Государственного древлехранилища, отдел V, рубрика 2, № 3.

2. Карамзинский список, конца XV века, из Софийской I летописи — ПБ, F IV 298.

3. Музейский II список, третьей четверти XV века, из Сборника — ИМ, Музейское собрание, № 1009.

4. Список Ундольского II, конца XV века, из Сборника — БЛ, собрание Ундольского, № 1302.

5. Бальзеровский список, второй половины XV века, из Софийской I летописи — ИИ, собрание Археографической комиссии, № 23.

6. Список И Библиотеки им. В. И. Ленина, конца XV — начала XVI века, из Софийской I летописи — БЛ, № 3841.

7. Список Ундольского III, середины XVI века, из Сборника — БЛ, собрание Ундольского, № 820.

8. Воронцовский список, конца XVI — начала XVII века, из Софийской I летописи — АН, 34.2.31.

9. Толстовский V список, конца XV века, из Софийской I летописи — ПБ, F IV 211.

10. Воскресенский список, второй половины XVI века, из Софийской 2-й летописи — ИМ, собрание Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, № 1546.

11. Горюшкинский список из Софийской I летописи, являющейся копией XVIII века с Бальзеровского списка — ПБ, П 602.

IV РЕДАКЦИЯ

1. Троицкий IV список, начала XV века, из Сборника — БЛ, Троицкое собрание, № 765.

2. Пушкинский список, второй половины XIV века, из Юридического сборника — ГАФКЭ, собрание Государственного древлехранилища, отдел V, рубрика I, № 1.

V РЕДАКЦИЯ

1. Археографический II список, середины XV века, из Юридического сборника, помещенного в приложении к Новгородской I летописи — ИИ, собрание Археографической комиссии, № 240.

2. Соловецкий V список, 1493 г., из Юридического сборника, помещенного в приложении к Кормчей — ПБ, Соловецкое собрание, № 412/968/858.

3. Список Авраамки, 1445 г., из Юридического сборника, помещенного в приложении к Летописи Авраамки, Поли, собр. русск. летоп., т. XVI.

4. Погодинский IV список, начала XVI века, из Юридического сборника — ПБ, собрание Погодина, № 1572.

5. Егоровский V список, начала XVI века, из Юридического сборника, помещенного в приложении к Кормчей — БЛ, собрание Егорова, № 245.

VI РЕДАКЦИЯ

1. Толстовский IV список, середины XVII века, из Кормчей — ПБ, Q II 46.

2. Список Оболенского I, второй половины XVII века, из Кормчей — ГАФКЭ, собрание Государственного древлехранилища, отдел V, рубрика I, K» 12.

Кроме того, имеются не разысканные до сих пор списки, которые относятся к спискам II редакции, а именно:

1. Строевский список, XVI века, из Кормчей, принадлежавший П.М. Строеву.
2. Московско-Академический список, XVI—XVII веков, принадлежавший библиотеке Московской духовной академии под № 73.
3. Загоровский список, третьей четверти XV в., из Кормчей Загоровского монастыря, № 34.
4. Ипатьевский список, начала XVI века.
5. Архангельский список XVII века, из Кормчей, хранящейся в библиотеке Архангельской семинарии¹.

#>

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

следование текста дошедших до нас редакций

¹ Сведения об этих списках см. Правда Русская, т. I, стр. 61.

РУССКАЯ ПРАВДА В СБОРНИКАХ И В КОРМЧИХ

И § 1. *Краткая Правда в летописных сборниках*
История текста Русской Правды может быть исчерпывающим образом установлена только в результате изучения тех сборников и Кормчих, в составе которых этот текст находился.

Очень часто переписчики сборников были и редакторами их и изменяли (иногда очень значительно) текст отдельных статей, входящих в данный сборник, в частности и текст Русской Правды. Иногда представляется возможность проследить, как и когда происходило изменение текста и, следовательно, как и когда возникали отдельные редакции Русской Правды. Наиболее проста и несложна история Краткой Правды (I редакции по нашей классификации).

Краткая Правда была помещена в Новгородскую I летопись, откуда она затем была переписана Татищевым. С текста Татищева был сделан ряд копий и списков.

Нам известны шесть списков Новгородской I летописи, в которых содержится текст Краткой Правды.

Несмотря на простоту и несложность истории текста Краткой Русской Правды в памятниках сложного состава, в литературе тем не менее давно уже ведется спор, как и когда Русская Правда была помещена в текст Новгородской I летописи. Как известно, Русская Правда помещена в летописи после рассказа о помощи, оказанной Новгородом князю Ярославу в борьбе его с князем Святополком. Рассказав о раздаче новгородцам денег, летописец далее продол-

жает: «Дав им Правду и Устав списав, тако рекши им: по сей грамоте ходите; якоже списах вам, такоже держите. А се есть Правда Русская». После этого непосредственно следует текст Краткой Правды. Рассказ летописца помещен под 1016 г. Татищев, подготавливая текст Русской Правды к изданию, не сомневался в достоверности данного летописного известия и Русскую Правду называл «Правом или законом, данным новгородцам от великого князя Ярослава Владимировича в 1017 г.»¹.

Но уже со времени Розенкампа достоверность этого известия стала подвергаться сомнению. Розенкамп обратил внимание на то, что в древнейших списках летописи текст Русской Правды не приводится². В особенности доказал необоснованность мнения Татищева А. А. Шахматов³. Шахматов, впрочем, не отрицает, что в древнейших летописях вслед за рассказом о пожаловании Ярославом грамоты действительно приводится текст грамоты Ярослава, но, по его мнению, эта грамота ничего общего не имела с Русской Правдой и была особым уставом, определяющим финансовые отношения Новгорода к великому князю. Возражения против гипотезы Татищева были настолько серьезны, что с течением времени в литературе с ней перестали считаться. Но в сравнительно недавнее время эта гипотеза стала возрождаться, хотя и в значительно модифицированном виде. Один из исследователей краткой редакции Русской Правды Стратонов⁴ стал доказывать, что в первоначальном тексте летописи приводилась не вся Краткая Правда, а только ее первая часть (Правда Ярослава). Вторая же часть — Правда Ярославичей — представляет собой кодекс, составленный в 1036 г. детьми Ярослава по его поручению во время его поездки в Новгород. Стратонов отмечает

¹ Татищев ошибочно считал годом появления Устава 1017 год.

² Розенкамп, Обзорение Кормчей книги в историческом виде, М., 1829, стр. 222.

³ А. А. Шахматов, Розыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908, стр. 215 и далее.

⁴ И. А. Стратонов, К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды, стр. 385—494.

в составе Краткой Правды еще третью часть, представляющую собой устав, определяющий финансовые отношения между новгородцами, княжеским посадником и другими должностными лицами (вирниками) — Покон вирный, который якобы был дан Ярославом Новгороду, когда в Новгороде был посажен им сын его Владимир. Все эти грамоты, по мнению Стратонова, были сведены в одно целое авторами летописных сводов, и полученный сводный их текст образовал Краткую Правду; авторы же летописных сводов этот сводный текст приписали Ярославу и стали помещать вслед за рассказом о даче грамоты Ярославом в 1016 г. Стратонов отводит указания исследователей, что в древнейших списках летописей, в том числе и в Синодальном списке Новгородской 1 летописи, текст Русской Правды не приводится. Он, ссылаясь на Шахматова, указывает, что составители летописных сводов младшего извода пользовались более древними летописными сводами, чем сам Синодальный список, и в этих сводах мог быть приведен текст Русской Правды. Стратонов, чтобы сильнее обосновать историческую достоверность о даче Ярославом грамоты Новгороду, доказывает, что Правда Ярослава является Уставной грамотой, подобно Двинской и Белозерской грамотам.

Это оригинальное мнение о происхождении краткой редакции Русской Правды и истории ее текста в Новгородской 1 летописи Стратонов крайне слабо аргументирует. В частности, его предположение, что в 1036 г. был издан кодекс Ярославичами (которые, кстати, были малолетними в это время) и что Ярославом был дан Новгороду так называемый Покон вирный, ровно ни на чем не основано. Оно не может найти ни малейшей опоры ни в летописных данных, ни в содержании этих памятников.

Против принятия этой необоснованной гипотезы Стратонова, которую в определенной части стал разделять и М. Н. Тихомиров¹, можно привести ряд

¹ См. М. П. Тихомиров, Исследование о Русской Правде, стр. 40.

возражений. Прежде всего необходимо указать, что Шахматов в «Обзрении русских летописных сводов XIV—XVI вв». — в работе, которая, сложившись с первых его шагов в изучении летописных сводов, сопровождала потом его изучение во все последующее время, отражая на себе и моменты расширения материала изучения и моменты углубления и перестройки прежде изученного, — нигде не говорит о том, что младшие изводы Новгородской I летописи (Академический и Комиссионный) имели своим источником более древние летописные своды, нежели Синодальный список. Шахматов древнейшим источником Комиссионного списка считает протограф Синодального списка, а древнейшим источником Академического— Новгородскую I летопись 1421 г.¹

Главное же — Русскую Правду никоим образом нельзя отождествлять с Уставными грамотами Московского государства. Уставные грамоты наместничьего управления в Московском государстве даются в период, когда делаются первые попытки ограничить произвол кормленщиков, когда наметился кризис системы кормления. Далее, текст Русской Правды ни по своей дипломатике, ни по содержанию не может быть отождествлен с Уставными грамотами. В Уставных грамотах определяются и регламентируются кормы и судебные пошлины наместников, между тем как Русская Правда представляет собой сборник уголовного и уголовно-процессуального права, в котором ни слова не говорится о кормах княжеской администрации, да и не могло говориться, поскольку система кормления стала развиваться в период оформления феодального политического аппарата, т. е. в конце XI и начале XII века.

Доказывать, что в 1016 г. могла быть дана князем Ярославом Уставная грамота Великому Новгороду,— это значит решительно не понимать сущности политической организации в период возникновения феодального государства и одновременно не понимать

¹ А. А. Шахматов, Обзрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., М., 1938, стр. 172 и 181.

предпосылок и условий выдачи таких специфических для конца XV и начала XVI в. актов, как Уставные грамоты наместничьего управления.

А. А. Шахматов, как указано, считал, что в древнейших летописных сводах было приведено содержание грамоты Ярослава, но эта грамота ничего общего с Русской Правдой не имела: она определяла те или другие вольности новгородские. По мере усиления влияния московских князей, новгородские летописи стали перерабатываться, причем при этой переработке исключались древние документы, подтверждающие наличие у Новгорода особых прав со времен Ярослава. При этой переработке, по мнению Шахматова, и произошла замена грамоты Ярослава Русской Правдой, поскольку в летописной традиции Русская Правда связывалась с именем Ярослава.

Взгляд Шахматова также основан на ряде предположений, но он правдоподобнее необоснованных гипотез Стратонова. Как бы то ни было, включение текста Русской Правды в Новгородскую I летопись могло произойти только при возникновении позднейших изводов этой летописи — Академического и Комиссионного.

А. А. Шахматов¹ привел ряд соображений в пользу того, что одним из источников Академического списка Новгородской I летописи был список Комиссионный. Этот список мог быть составлен лишь после 1448 г., поскольку его составитель пользовался Новгородским летописным сводом, датирующимся этим годом.

Но сопоставление Академического списка со списком Археографическим, т. е. Комиссионным, показывает, что последний список не мог быть сочтен оригиналом первого.

Таким образом, мы обязаны включением Краткой Правды не составителю Комиссионного списка, а составителю общего для Комиссионного и Академического списков протографа Новгородской I летописи.

Дальнейшие предположения по вопросу, откуда текст Русской Правды был заимствован в Свод 1448 г.,

¹ А. А. Шахматов, Обзрение, стр. 181.

были сделаны также Шахматовым. Он полагал, что в Свод 1448 г. текст был заимствован из Общерусского свода, а в этот последний — из Новгородской владычной летописи, в частности же из лежащего в основании ее **Свода 1167 г.** Шахматов, однако, считал возможным, что в новгородском источнике Общерусского свода читался не текст Русской Правды, а текст Ярославовой грамоты¹.

М. Д. Приселков высказал мнение, что Русская Правда была заимствована неким Матвеем Кусовым из Киевского свода XIII столетия и включена в Софийский Временник, который сохранился в Новгородской I летописи, — но это мнение надо признать совершенно не обоснованным.

М. Н. Тихомиров сделал попытку установить причины включения в Свод 1167 г. Краткой Правды.

Он предполагает, что уже в источнике свода 1167 г. под 1035 г. стояли слова не только о пожаловании Ярослава, но и какая-то Ярославова грамота, может быть, близкая по содержанию к Краткой Правде. Для свода **1167 г.** такая грамота могла казаться неполной и архаичной, вследствие чего она и была названа Краткой Правдой.

Вероятной причиной вписания ее в Свод 1167 г. является то, что этот Свод возник в эпоху ожесточенной борьбы Новгорода за свою вольность. В **частности**, в **1170 г.** суздальские войска неудачно осаждали Новгород. В этих условиях, по мнению М. Н. Тихомирова, и было вполне уместно вспомнить о существовании грамоты, которую новгородцы считали пожалованием Ярослава и которая определяла льготное положение новгородцев².

Но можно ли Краткую Правду считать грамотой, которая определяла льготное положение новгород-

¹ А. А. Шахматов, Розыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 215—216.

² М. Д. Приселков, Задачи и пути дальнейшего изучения Русской Правды, Исторические записки АН СССР, т. 16, М., 1945.

³ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 40

цев? Нам кажется, что Краткая Правда не могла признаваться новгородцами подобной грамотой ^даже и во время борьбы их за свои вольности. Краткая Правда является сборником преимущественно уголовного права.

В ней не содержалось никаких норм, которые бы определяли автономию новгородской земли и ограничивали бы власть князя. А главное, нормы уголовного и судебного права, содержащиеся в Краткой Правде, едва ли чем могли отличаться от норм уголовного и судебного права других земель.

Итак, вопрос об источниках заимствования текста Русской Правды в Новгородскую I летопись не пошел дальше предположений А. А. Шахматова, поскольку Стратонову не удалось доказать свое мнение о том, что так называемая Правда Ярослава была помещена в текст древнейших летописей после рассказа о событиях 1016 г.

Установив, что Русская Правда Краткой редакции впервые была внесена в текст составителем протографа Комиссионного и Академического списков Новгородской I летописи, нам не трудно проследить ее дальнейшую историю.

Переписчики Новгородской I летописи, воспроизводившие ее по спискам Комиссионному и Академическому, переписывали и содержащийся в этих списках текст Русской Правды (АН, 31.7.31; ПБ F IV 2.33, собрания Толстого, 1 351; БЛ, собрания Румянцева, № 248; ИМ, № 1402/34).

Остальные списки Краткой Правды являлись списками Татищева или копиями с них.

Итак, история текста Краткой Правды в летописях (а она содержится только там) ни в коем случае не дает возможности приурочивать ее возникновение к 1016 г. Тот факт, что она приведена только в Новгородских летописях, объясняется не тем, что она возникла в Новгороде, а тем, что ее текст скорее всего мог сохраниться в Новгороде, поскольку Новгород не подвергался разгрому ни со стороны татар, ни со стороны других внешних врагов русского народа. Достаточно отметить, что древнейшие подлинные до-

кументы (например, княжеские грамоты, купчие и пр.) сохранились в Новгороде, а не в Киеве или во Владимире.

§ 2. Русская Правда II—VI редакций в различного рода юридических и канонических сборниках

1. Русская Правда в сборнике из русских статей

Вне всякого сомнения, что Пространная Правда, когда она была действующим источником права, переписывалась отдельно. Но эти списки не дошли до нас. Лишь благодаря тому, что эти списки вошли в состав сборника, состоящего из русских статей, т. е. из княжеских церковных уставов и из княжеских постановлений. Пространная Правда сделалась известной нам. Но и этот сборник не дошел до нас в первоначальном своем виде. Мы можем установить некоторые его следы в памятниках более сложного состава: в частности, в сборнике, названном нами в специальной статье: «К истории древнерусских юридических сборников»¹ Сборником 30 глав, который в свою очередь целиком вошел в состав сборника, известного под названием Мерилы Праведного.

В Мериле Праведном (БЛ, Троицкого собрания, № 15, и ИМ, Синодального собрания, № 525) сохранились следы Сборника русских статей следующего состава:

1. О церковных людех и о сужех и о десятинах и о мерилех городских (памятник дошел в дефектном виде — текст оборван) (гл. 27 Сборника 30 глав).

2. Суд Ярославль Володимерича. Правда Русьская (гл. 28 Сборника 30 глав).

3. Устав Володимер Всеволодича (гл. 29 Сборника 30 глав).

В Мериле Праведном (ИМ, Синодального собрания, № 524) Сборник, состоявший из русских статей, дан в другой редакции:

¹ Сохранилось только несколько оттисков этой статьи, Саратов, 1919.

1. Сборник княжеских Уставов в той редакции, которая в нашем специальном исследовании названа третьей редакцией. Состав Сборника следующий:

а) Устав князя Владимира, крестившего русскую землю, о церковных сужех и о десятинах (так называемая Обширная редакция);

б) Правило о церковных людех и о десятинах, и о сужех епископских, и о мерилех городских;

в) Устав князя Ярослава;

г) Слово святых отец 100 и 60 и 5 на обидящих церкви святых;

д) Сий ряд и суд установили первии князи (Сборник княжеских уставов составляет гл. 27 Сборника 30 глав).

2. Суд Ярославль Володимеричь. Правда Русская (гл. 28 Сборника 30 глав).

3. Устав Володимер Всеволодича (гл. 29 Сборника 30 глав).

Вне всякого сомнения, что Сборник, состоящий из русских статей, т. е. из княжеских Уставов и Русской Правды, в составе Сборника 30 глав не дошел до нас в первоначальном виде. И в Мериле Праведном — БЛ, Троицкого собрания, № 15, и ИМ, Синодального собрания, № 525, с одной стороны, и в Мериле Праведном — ИМ, Синодального собрания, № 524, с другой стороны, этот Сборник подвергся серьезной переработке. В протографе Мерилы Праведного Троицкого собрания, № 15, и, следовательно, Синодального собрания, № 525, помещался Сборник княжеских Уставов I редакции, включавший в свой состав следующие статьи:

1) Правило законно о церковных людех и о десятинах и о мерилех градских и о сужех епископских.

2) Правило святых отец 165 пятого собора на обидящих церкви божия и священные власти их.

3) Устав князя Владимира (без заглавия, I редакции).

4) Устав князя Ярослава (без заглавия).

5) Устав Ярослава Володимерича. Правда русская (первая часть Русской Правды по Троицкому изводу).

6) Устав Володимер Всеволодича (вторая часть Русской Правды по Троицкому изводу).

В нашем исследовании¹, посвященном Уставу князя Владимира, было доказано, что так называемое Правило законно (в Мериле Праведном, БЛ, Троицкого собрания, № 15, и ИМ, Синодального собрания, № 525, было озаглавлено: «О церковных людех и о судех и о десятиных и о мерилех городских») является первоначально ничем иным, как предисловием к Сборнику княжеских Уставов. Самостоятельно этот памятник нигде не встречается. Поэтому и в первоначальном подлиннике Мерила Праведного или, вернее, Сборника 30 глав состав Сборника княжеских Уставов был ближе к составу Сборника княжеских Уставов, начинавшегося Правилем Законным, наиболее близкому по своему тексту к обрывку Правила Законного именно этого Сборника.

Но затем переписчики Мерила Праведного обратили внимание на то, что статья Правило Законно, являвшаяся ст. 27 Сборника 30 глав, представляет собой обрывок предисловия к Сборнику княжеских Уставов. Они решили восстановить этот сборник, используя состав статей его в Кормчих и в других канонических сборниках.

Сборник, состоящий из русских статей княжеских церковных Уставов и Русской Правды, текст которой был весьма близок к Троицкому изводу, являлся сборником действующего права.

Можно не сомневаться в том, что он был составлен в церковной среде. Ведь достаточно учесть тот факт, что Русской Правде предшествовал Сборник княжеских церковных Уставов, причем одной из статей его является статья «Слово святых отец 100 и 60 и 5 на обидящих церкви святых», которая целиком направлена против светских княжеских судей.

Что касается времени возникновения Сборника, состоящего из русских статей, то оно определяется следующим образом. Как было указано, так называемое Правило Законно является предисловием к Сборнику княжеских Уставов, составляющему первую часть Сборника русских статей.

¹ С. В. Юшков, Исследования по истории русского права, вып. 1, Новоузенск, 1925, стр. 64.

Нами в специальном исследовании было установлено, что это предисловие могло существовать если не в конце XII в., то во всяком случае в начале XIII в. Примерно к этому времени надо отнести время составления Сборника, состоящего из русских статей. Во всяком случае этот Сборник возник тогда, когда и княжеские церковные уставы и Русская Правда были действующими источниками права и применялись в судах.

2. Русская Правда в юридических сборниках, включающих в свой состав Закон Судный людей

Одним из важных моментов истории Русской Правды в памятниках сложного состава является то, что Сборник из русских статей стал дополняться Законом Судным людям, являющимся, как известно, болгарской переработкой византийского и еврейского права, которая с достаточным, по нашему мнению, основанием приписывается болгарскому царю Симеону (893—927).

До нас дошли несколько редакций этого сборника.

Одной из этих редакций является сборник БЛ, Ундольского собрания, № 820, относящийся к XV в. Состав статей этого сборника следующий:

1. Л. 1—10. Судебник святого правоверного великого самодержца царя Константина Греческого Закона Судного людям.

2. Л. 10—II об. Устав святого князя Владимира, крестившего Русскую землю, о церковных судех и о десятинах.

3. Л. 11 об. Правила святых отец 165 на обидящая святых церкви божий.

4. Л. 12—13 об. Правило о церковных людех, и о десятинах, и о судех епископских, и о мерилех городских.

5. Л. 10 об.—15. Устав великого князя Ярослава (без заглавия).

6. Л. 15 об.—25 об. Устав великого князя Ярослава Володимировича о судех. Суд о душегубстве.

Две последние статьи составляли Правду Русскую (II редакция). В этом сборнике Закон Судный людям предшествовал Сборнику русских статей.

Другую редакцию составляет Сборник, находящийся в составе следующих Софийских летописей:

- 1) ГЛФКЭ, собрание Государственного древлехранилища, отдел V, рубрика 2, № 3.
- 2) ПБ F IV 298.
- 3) ИИ, собрание Археографической комиссии, № 23.
- 4) БЛ, № 3841.
- 5) АН, 34, 2.31.
- 6) ПБ F IV 211.
- 7) ИМ, собрание Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, № 1546.

В Софийской летописи Русская Правда помещена под 1019 г. Ее составитель решил дать взамен Краткой Правды, как это было в некоторых списках Новгородской I летописи. Правду Пространную, причем эту Правду он выписал из юридического сборника, в котором Сборник из русских статей находился в соединении с Законом Судным людем. Но, выписав Русскую Правду, которая по нашей классификации принадлежит к III редакции (Карамзинский список), составитель решил под 1019 г. поместить и другие статьи, входящие в состав этого сборника. Словом, данная редакция имела следующий состав:

1. Русская Правда III редакции (Карамзинский список).
2. Закон Судный людем.
3. Устав князя Владимира (церковный).
4. Правило святых отец 165 на обидящих святых церкви.
5. Правило законно.
6. Церковный Устав князя Ярослава (без заглавия).

М. Н. Тихомиров поставил вопрос о времени происхождения данного сборника, причем указал на следующий очень важный момент, который может быть принят во внимание для решения этого вопроса. А именно, в сборнике после текста церковного Устава князя Ярослава сказано: «Списан бысть сий свиток из великого и старого Номоканона на Москве, в лето в 911 (1402), индикта 11, месяца ноября 11».

Под свитком надо понимать, как это было нами установлено, Сборник княжеских Уставов, который является составной частью юридического сборника данной редакции. Включение в его состав Русской Правды и Закона Судного людем могло произойти несколько позднее, чем в 1402 г.

Решение вопроса, когда же это было, может быть облегчено соображениями А. А. Шахматова и М. Н. Тихомирова о времени возникновения Софийской I летописи. М. Н. Тихомиров полагает, что протограф Софийской I летописи, который мог включить в свой состав юридический сборник, возник в 30-х годах XV в.¹ Примерно в это время мог возникнуть и юридический сборник этого типа.

Русская Правда из Софийских летописей была затем заимствована в Сборник ИМ, Музейского собрания, № 1009, и Сборник БЛ, собрания Ундольского, № 1302.

Третья редакция юридического сборника, состоящая из Сборника княжеских церковных уставов, из Русской Правды, следовательно, из Сборника, состоящего из русских статей и Закона Судного людем, находится в составе следующих рукописей:

- 1) ПБ, Соловецкое собрание, № 412(968)858.
- 2) ПБ, Собрание Погодина, № 1572.
- 3) ИИ, Собрание Археографической комиссии, № 240.
- 4) Сборник, составляющий приложение к «Летописи Авраамки» по списку 1495 (П. С. Р. Л., т. XVII).

Состав статей этого юридического сборника: 1. а) в рукописи ПБ, Соловецкого собрания, №412 (968) 858: Установленное законение, иже божественными святыми отцы сия правила о церковных людех и о десятинах церковных, еже есть даяти церкви от всего имения своего десятое, и о мирилех градских, и о судех святительских, еже есть в коем град епископия и по приделом градским и по властем;

б) В других рукописях: Правило законно о церковных людех, и о десятинах, и о мерилех градских, и о судех епископских.

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 180.

2. Правило святых отец 165 пятого Собора о обидящих церкви божия и священныя власти их.

3. Рукописание святого князя, крестившего русскую землю.

4. А се Устав Ярославль, суды святительские (Пространной восточно-русской редакции).

5. О женитве.

6. Устав великого князя Всеволода о церковных судех, и о людех, и о мерилех торговых.

7. Русская Правда V редакция (в органическом соединении с Законом Судным людем).

8. А се роукописание князя Всеволода (Устав церкви Ивана на Опоках).

Нетрудно видеть, что Русская Правда, будучи включена в состав протографа данного юридического сборника, подверглась серьезному изменению:

1) Перед текстом Русской Правды помещена в качестве особого предисловия часть «Слова св. Василия о клеветах».

2) Текст Закона Судного людем был присоединен к Русской Правде после русской статьи «Се бещестие. А за бещестную гривною золота»... без всякого заглавия, начиная со статьи «О бранех и суперничь. да сю биють беспрестани. О супостатех».

В ПБ Соловецкого собрания № 412 (968) 838 Русская Правда имеет со статьями, взятыми из Закона Судного людем, общую нумерацию. Первая статья из этого памятника составляет гл. 32.

3) В некоторых списках, например, в ПБ Соловецкого собрания, № 412 (968) 858, «Устав Ярослава князя о мостех» был присоединен к тексту Русской Правды (в соединении со статьями Закона Судного людем). В этом памятнике Устав о мостех имеет общую нумерацию с Русской Правдой, составляя гл. 105. Нет никакого сомнения в том, что в протографе данных юридических сборников каждая из этих статей представляла отдельное целое. Текст же Русской Правды, не объединенный со статьями Закона Судного людем, был близок с Пушкинским списком или с Троицким IV.

Вопрос о месте и времени составления юридического сборника, состоящего из Сборника русских

статей в соединении с Законом Судным людем, был поставлен еще А. С. Павловым в его известной работе «Первоначальный славяно-русский Номоканон»¹. По его мнению, протограф этого юридического сборника возник во времена отдаленные, может быть в ту эпоху, когда в первый раз появились полные списки Русской Правды.

М. Н. Тихомиров делает попытку точнее определить время происхождения данного юридического сборника. Он указывает, что сборник возник в Новгороде во второй половине XIII в. Поскольку в этом сборнике представлены важнейшие юридические памятники В. Новгорода — Устав и рукописание князя Всеволода, Устав о мостех, — то никаких серьезных возражений против предположения о том, что юридический сборник, типом которого является Сборник ИИ, собрания Археографической комиссии, № 240, возник в В. Новгороде, быть не может. Нам кажется вполне убедительным мнение М. Н. Тихомирова о возникновении сборника во второй половине XIII в.

3. Русская Правда в сборниках, состоящих из русских статей и Закона Судного людей

До нас дошли сборники, в которых отсутствовали тексты княжеских церковных Уставов, но которые включали в свой состав Закон Судный людем и Русскую Правду.

К числу таких сборников принадлежат так называемый Пушкинский сборник (ГАФКЭ, собрание Государственного древлехранилища, отдел V, рубрика 1, № 1) и Сборник, следы которого сохранились в рукописи Троицкого собрания № 765.

Пушкинский сборник был в свое время издан Д. Дубенским².

¹ А. С. Павлов, Первоначальный славяно-русский Номоканон, Казань, 1869.

² Д. Дубенский, Памятники древнего русского права по харатейному списку; с примечаниями Дубенского, Русские достопамятности, ч. II, М., 1843.

На 1-м листе этого сборника было написано скорописью: «Книга харатейная Судебник великого князя Владимира во святом крещении Василия сына Святослава».

Состав Пушкинского сборника следующий: 1) «Суд Ярослава князя. Устав о всяких пошлинах и о уроцех» с предисловием, взятым из Слова Василия о судиях и клеветах (нач. «Нища не помиловати»). Так называемый Пушкинский извод Русской Правды и по классификации, предложенной в настоящем исследовании, относящийся к IV редакции.

2. Устав Володимира князя.
3. Закон Судный людем.
4. Избрание из законов Моисеевых.
5. Договор Смоленска с Ригюю и 1229 г.
6. Устав Ярослава о мостех.

Вопрос о месте и времени происхождения Пушкинского сборника не представляет особых трудностей. Помещение в Сборник специально новгородского памятника Устава Ярослава о мостех и наличие характерных особенностей новгородского говора (замена буквы «ц» на «ч» и обратно) в текстах — все это делает новгородское происхождение сборника несомненным.

Что касается времени происхождения Сборника, то *tempus a quo* определяется временем составления договора Смоленска с Ригюю — 1229 г. Этот договор был помещен в сборник, как, несомненно, памятник действующего права. Поэтому естественно предполагать, что протограф Пушкинского сборника мог возникнуть в промежуток времени, близкий к 1229 г., т. е. в первой половине XIII в. Что же касается времени происхождения самого Пушкинского сборника, то его обычно относят к XIV в. Нам кажется, что есть некоторые основания отнести происхождение его к более раннему времени. Дело в том, что Пушкинский сборник является с начала до конца сборником действующего права — настоящим руководством для судей. Следовательно, он мог переписываться с протографа в такое время, когда каждая его статья и в том числе Русская Правда были действующим источником права.

Можно ли предполагать, что в Новгороде мог возникнуть Харатейный сборник, переписка которого стоила довольно дорого, из статей, которые уже перестали быть в XIV в. действующим правом?

А между тем в Новгороде уже в XIV в. стала складываться своя система права, отличная от системы русского права, о чем свидетельствует хотя бы первая часть Псковской Судной Грамоты.

Все это дает основания отодвигать происхождение Пушкинского сборника и тем более его протографа на более ранний срок — к половине XIII в.

Обратимся к другому виду сборника, находящемуся в рукописи Троицкого собрания, № 765.

Данная рукопись, как это было указано еще Арсением — автором описания Троицкого собрания, состоит из нескольких рукописей, объединенных в одном переплете.

Юридический сборник составляет первую рукопись (Л. 1—28), написанную, по мнению Арсения, в начале XV в. Текст отдельных статей в данной рукописи перепутан. М. Н. Тихомиров с достаточной убедительностью указал, что в состав ее входили следующие статьи:

- 1) 4 поучения Василия Великого;
- 2) Закон Судный людем;
- 3) Слово о судьях и клевете;
- 4) Русская Правда по предложенной нами в настоящем исследовании классификации — IV редакции;
- 5) Устав о мостех.

Что касается времени возникновения сборника этого вида, то оно, по мнению Арсения, определяется первой половиной XV в.

Местом происхождения Сборника является или Москва или один из других каких-либо центров Северо-Восточной Руси, например Тверь. Одним из оснований к такому решению вопроса является легко установившаяся связь текста сборника с Мерилем Праведным, — северо-восточное происхождение которого является несомненным.

¹ Арсений, Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, М., 1888.

4. Русская Правда в Мериле Праведном

Как было указано, Сборник, состоящий из Сборника княжеских Уставов и Русской Правды, вошел в так называемый Сборник 30 глав. Этот сборник не дошел до нас в своем непосредственном виде: он вошел в состав Мерила Праведного. Вхождение Русской Правды в этот Сборник является одним из важнейших моментов ее истории:

1) Само Мерило Праведное вошло в состав весьма многочисленной группы Кормчих (Кормчих в соединении с Мерилом Праведным); 2) Русская Правда в других Кормчих была заимствована из Кормчих с Мерилом Праведным. Словом, все списки Русской Правды II редакции или все списки Синодально-Троицкой группы по классификации составителей Академического издания так или иначе имеют отношение к спискам Мерила Праведного.

Вопрос о Мериле Праведном часто затрагивался в историко-юридической или вообще в исторической литературе. Так, например, Н. В. Калачов¹ сделал этот сборник предметом специального исследования. Мерило Праведное дошло до нас в трех редакциях.

I редакция представлена в следующих рукописях:

- 1) БЛ, Троицкого собрания, № 15, XIV в.
- 2) ИМ, Синодального собрания, № 524, 1587 г.
- 3) ИМ, Синодального собрания, № 525, конца XV в.
- 4) ПБ, собрания Кирилло-Белозерского монастыря, № 145/1222 (Сборник, включающий, кроме Мерила Праведного, еще и Диоптру), XVI в.

Мерило Праведное данной редакции состоит из трех частей: а) из 56 статей, имеющих характер поучений, адресованных князьям и судьям; б) из Сборника 30 глав, который содержит различного рода канонические постановления, византийские и русские юридические сборники, и в) из дополнительных статей.

В начале Сборника 30 глав помещено оглавление.

¹ Н. В. К а л а ч о в, Мерило Праведное, Архив истор. юрид. сведений, относящихся до России, кн. 1, СПб., 1876, отд. III, стр. 29—42.

И редакция дошла до нас в рукописи БЛ, Собрания Московской духовной академии, № 187, конца XV в. Вопрос о взаимоотношении между этими редакциями был нами поставлен в «Исследовании по истории русского права»¹. Было указано, что вначале наблюдается сходство между ними, но это сходство простирается до статьи «О исправлении суда» (гл. 31 II редакции). Далее состав статей их уже не совпадает: в то время как первая редакция содержит дальнейшее продолжение мелких поучений (главным образом о правосудии), вторая дает материал канонического содержания, заимствованный из Кормчей. В конце сборника можно заметить опять сходство: некоторые статьи находятся в обеих редакциях. Вопрос о том, какая из этих двух редакций является древнейшей или первоначальной, должен быть решен в пользу первой но целому ряду соображений:

1) Особое оглавление и разбивка на главы I части сборника II редакции отсутствуют в I редакции; следовательно, есть основания считать, что это оглавление является позднейшей обработкой.

2) В сборнике II редакции перемешаны статьи разного содержания — и апологетического, и догматического, и юридического, тогда как состав I редакции носит характер планомерности и единства: Мерило Праведное в этой редакции есть не что иное, как судебник, а не сборник для назидательного чтения.

3) Сборник 30 глав, литературное единство которого несомненно, в I редакции приведен полностью, во II редакции из него взято только несколько статей.

Словом, Русская Правда в Мериле Праведном II редакции заимствована из Мерила Праведного I редакции, древнейшим списком которой является Троицкий № 15.

5. Русская Правда в Кормчих, находящихся в соединении с Мерилом Праведным

Имеется довольно большое число Кормчих, находящихся в соединении с Мерилом Праведным. В изда-

¹ С. В. Ю ш к о в, Исследования по истории русского права, вып. 1, Новоузенск, 1025.

нии АН СССР списки, которые находились в Кормчих этого вида, были отнесены к двум видам: Феррапонтовскому (18 списков) и Розенкамповскому (16 списков). Вообще же число этих списков заходит за сорок.

Составитель Кормчей книги этого вида присоединил Мерило Праведное не механически, а делал выборку отдельных статей из этого сборника. Были присоединены следующие статьи¹:

1. Избрание от закона богом данаго Израильтом Моисеом (гл. 101; в Мериле Праведном I редакции эта статья являлась гл. 15).

2. Закон Судный людем (гл. 102; в Мериле гл. 16).

3. Закона градского главы различны в 40 гра-нех (гл. 103; в Мериле гл. 26).

4. Слово да не обидять силнии меньших (без обозначения главы; в Мериле эта статья помещена в 1 части, т. е. тоже без обозначения главы, и носит иное оглавление: «Слово, како подобасть тязатися пред богом с насильники, иже обидять меншаго»).

5. Слово о вдовах и о сиротах (без обозначения главы, так же, как это было и в Мериле).

6. Слово о властелех (без обозначения главы, так же, как и в Мериле, где она озаглавлена «Того же о властелех»).

7. Слово о еже судити право (без обозначения главы; в Мериле: «Ог житья св. Епифания, право судити, не обинуватися на суд, ни богату, ни убогу» тоже без обозначения главы).

8. Слово святаго Иоанна Златоустаго о смиряющихся (без обозначения главы; часть той статьи в Мериле, которая озаглавлена «От Еуангелия толкование Златоуста, како обидимо терпетины»).

9. Герман милостию божиею архиепископ вселенный патриарх (без обозначения главы; этой статьи в Мериле I редакции нет).

10. Леон и Коньстантин верная царя (гл. 104; в Мериле гл. 19).

11. Новая заповедь благочестиваго царя Алексиа Комнина (гл. 105; в Мериле гл. 20).

¹ Нами дается обычный перечень статей Кормчих данного вида по рукописи БЛ, Троицкого собрания, № 205.

12. Заповедь новая бывшая от христолюбиваго царя нашего Алексиа Комнина (гл. 106; в Мериле гл. 2).

13. Воспоминание хранителя великого стража Иоанна Фракисия (гл. 107; в Мериле гл. 22).

14. Царя Леона зачаток (гл. 108; в Мериле — нет статьи, имеющей подобное оглавление).

15. От книг Еноха праведного прежде потопа (гл. 109; в Мериле — без обозначения главы).

16. Слово о том, еже судити божия достоиньства есть (без обозначения главы; в Мериле статьи, имеющей подобное оглавление, не имеется).

17. Образ винам (без обозначения главы; в Мериле — гл. 1).

18. Никиты митрополита Ираклийского к Константину Памфилинскому ответ (без обозначения главы; статья является переработкой ст. 2 Мерила — Оиослусех и о числе их Константина Памфилинского вопрос).

19. Суд Ярославль Володимирича. Правда Русская (гл. 110; в Мериле гл. гл. 28 и 29).

Далее идут статьи без обозначения глав, взятые из Мерила: «Слово Сирахово», «Слово о гордости», «Слово о судиях и о властелех, емлющих мзду и не в правду судящих», «Слово Аввакума пророка на обидящая и насильствующая», «Слово святого Василия о судиях и властелех», «Слово святых отець 100, и 60, и 5 об обидящих церкви святые (статья имеется в Мериле М. С. Б. № 524).

Кормчая этого вида обычно заканчивается статьей: «Сий ряд и суд церковный», которая содержится также в Мериле М. С. Б. № 524.

При воспроизведении статей, взятых из Мерила Праведного составителем Кормчей данного вида, эти статьи сокращались или перерабатывались, что должно служить доказательством того, что не Кормчая была источником Мерила Праведного, а наоборот.

Возникает вопрос: какая редакция—I или II Мерила Праведного послужила источником при составлении Кормчей данного вида? Нами в свое время было указано¹, что этот вопрос должен быть решен в пользу

¹ С- В. Ю ш к о в, Исследования, стр. 41

первой редакции, так как только в ней мы находим статьи: «Слово св. Евария о властелех», «Слово о гордости», «От жития св. Епифания», «Како подобает тягаться пред богом с насильники», помещенные в Кормчую.

Легко решить вопрос, какой извод I редакции послужил источником для составителя этого вида Кормчей — БЛ, Троицкого собрания, № 15, или ИМ, Синодального собрания, № 525, или ИМ, Синодального собрания, № 524.

Характерной особенностью Кормчих, находящихся в соединении с Мерилом Праведным, является то, что там имеется статья: «Сий ряд суд оставили первий князи». Правило Законно приводится не в дефектном виде, как это наблюдается в БЛ, Троицкого собрания, № 15, или ИМ, Синодального собрания, № 525, а полностью, как это наблюдается в ИМ, Синодального собрания, № 524.

Словом, Мерило Праведное, близкое к тексту ИМ, Синодального собрания, № 524, включающее Сборник княжеских Уставов (по нашей классификации 111 редакции), явилось источником для Кормчих данного вида.

Естественно, что Русская Правда в Кормчих в соединении с Мерилом Праведным будет принадлежать к Троицкому изводу, т. е. к тому изводу, который характерен для Мерил Праведных вообще. Но поскольку Русская Правда в эти Кормчие взята из такого вида I редакции Мерила Праведного, который является наиболее близким к ИМ Синодального собрания № 524, то ее текст будет более близок к тексту этой рукописи.

При переносе Русской Правды в Кормчую через посредство Мерила Праведного произошли следующие серьезные изменения в ее тексте. А именно: 1) составитель, в отличие от Мерила Праведного, Русскую Правду обозначил одной главой (ПО), а не двумя главами — Устав Ярослава (гл. 28) и Устав Владимира Всеволодовича (гл. 29), как это было в Мериле Праведном; 2) в соответствии с этим Русская Правда в Кормчих этого вида должна была превратиться в единое литературное целое, — составитель постарался сгладить следы различного существования двух основных

частей Русской Правды Троицкого извода; в частности, оглавление «Устав Володимера Всеволодовича» стало переписываться так же, как заголовки отдельных глав.

Возникает вопрос, когда же была объединена Кормчая с Мерилом Праведным?

В работе «Исследования по истории русского права», вып. I, нами было указано, что до нас дошла копия с Кормчей, находившейся в соединении с Мерилом Праведным, написанная в 1375 г. при великом князе Дмитрие Константиновиче и епископе Суздальском Дионисии (ПБ, Погодинского собрания, № 235, XVI в.). Мы указали, что у нас нет данных считать эту Кормчую оригиналом всех Кормчих, находящихся в соединении с Мерилом Праведным. Поэтому вполне вероятно существование Кормчих этого вида и в более раннее время, т. е. непосредственно после возникновения Мерила Праведного. М. Н. Тихомиров, основываясь на том, что запись о составлении Кормчей ПБ, Погодинского собрания, № 235, монахом Дорофеем в 1375 г. по своему содержанию является буквальным повторением записи монаха Лаврентия в Лаврентьевской летописи 1377 г., признает ее подложной. Тем не менее и при признании ее подложной он считает возможным отнести происхождение одного списка Кормчей этого вида (Чудовского извода) ко временам великого князя Дмитрия Константиновича и епископа Дионисия Суздальского. Но, признавая происхождение Чудовского извода именно в это время, он не привел убедительных доказательств в пользу предположения, что так называемый Чудовский извод является первым списком Кормчих в соединении с Мерилом Праведным. Даже и принимая во внимание соображения М. Н. Тихомирова о подложности записи в Кормчей ПБ, Погодинского собрания, № 235, можно относить происхождение Кормчих в соединении с Мерилом Праведным на более ранний срок, нежели 1375 г.

Что касается места возникновения Кормчих в соединении с Мерилом Праведным, то этот вопрос не вызывает никаких трудностей. Дело в том, что нами

доказано, что Мерило Праведное возникло в Северо-Восточной Руси.

С другой стороны, имеются прямые указания, что и древнейшие списки Кормчих этого вида (например, указанная нами Кормчая ПБ, Погодинского собрания, № 235) произошла также на северо-востоке. Таким образом, все списки Русской Правды в Мерило Праведном так же, как и списки в Кормчей в так называемом Троицком изводе, получили распространение в Северо-Восточной Руси, а затем в Московском княжестве.

6. Русская Правда в Кормчих, в которых статьи «о послушестве» и «о мужг кроваве» объединены с Русской Правдой

В Кормчих, находящихся в соединении с Мерилом Праведным, Русской Правде предшествуют статьи «О послусах». В некоторых Кормчих, например, в Кормчей, из статей которой был составлен сборник ИМ, собрания Уварова, № 565 (217), редакторы или переписчики решили объединить статьи о послушестве с аналогичными статьями Русской Правды. При составлении Сокращенной Правды была использована Русская Правда, находящаяся в Кормчей подобного состава. Следовательно, в этих Кормчих нет ни статьи о послушестве, неги статьи «О муже кроваве» (ПБ, Q 11 № 46 и ГАФКЭ, собрания Государственного древлехранилища, отдел V, рубрика 1, № 12).

7. Русская Правда в Синодальной Кормчей и в Кормчих Новгородскз-Софийского вида

Число Кормчих, находящихся в соединении с Мерилом Праведным, весьма значительно. Но имеются Кормчие, в которых Русская Правда и некоторые другие статьи вошли в ее состав не посредством присоединения к ним Мерила Праведного, а путем непосредственного заимствования из других памятников. Такой Кормчей является Кормчая ИМ, Синодального собрания, № 132, 1280 г., и Кормчие Новгородско-Софийского вида, как видно из нижеследующего сопоставления.

СОСТАВ СТАТЕЙ

НОВГОРОДСКОЙ (СИНОДАЛЬНОЙ) КОРМЧЕЙ И КОРМЧИХ НОВГОРОДСКО-СОФИЙСКОГО ВИДА

Новгородская Кормчая

Гл. 70. Правило Кюрила, митрополита русьского.

Гл. 71. Сказание хытро о чюйствах телесных и проч.

Гл. 72. Черноризьцех правила.

Гл. 73. Св. отца нашего Иоанна, Пантелареи игумена.

Гл. 74. Св. Василия о спитимиях.

Гл. 75. Преп. отца нашего Феодора, игумена Студийского о стапцех церковных.

Гл. 76. Иоанна Дамаскина о македонских месяцах 12.

Гл. 77. Великого книжника Ангиюхийского о каландех.

Гл. 78. Никифора, патриарха царяградского, летописца вскорю.

Гл. 79. Епифаньево сказание о пророцх.

Гл. 80. Того же о 16 пророк.

Гл. 81. Дорофея, епископа Турьского о 12 апостолу.

Гл. 82. Того же о 70 ученик.

Гл. 83. А се списокоия Царяграда Никифора патриарха.

Гл. 84. Правила б-го собора.

Гл. 85. Егда отстоит новопосвященный поп...

Гл. 86. Василия толкование.

Гл. 87. Толк аностолстей соборной церкви.

Гл. 88. Толк божественные службы.

Гл. 89. Максима Черноризца, чий образ содержит соборная церковь.

Гл. 90. О сени первого закона.

Гл. 91. Иоанна Златоуста.

Новгородско-Софийского вида

Гл. 70. Правило Кирила, митрополита русьского.

Сказание хитро о чюветвах телесных.

Гл. 71. О черноризцех правила.

Гл. 72. Св. отца нашего Иоанна Пантеларии игумена.

Гл. 73. Св. Василия о епитимияхъ.

Гл. 74. Устав св. Федора Студийского (без заглавия)

Гл. 75. Правило шестого Събора (с толкованием).

Гл. 76. Егда остоит новопосвященный поп урок свой у Соборней церкви.

Гл. 77. Св. Василия толк священничьский чин...

Гл. 78. Толк апостольстей соборней церкви.

Гл. 79. Толк божественныя службы.

Гл. 80. Максима черноризца, чий образ содержит Соборная церковь.

Гл. 81. Осени первого закона. О ризах архиерзовых первого закона.

Гл. 81. Правило иереем, иже не облачаются в вся священные ризы.

Гл. 82. Кирила, епископа Туровского сказание о черноризьчьем чину.

Гл. 83. Сказание о пострижение мних.

Гл. 84. Св. Василия Великого запрещения иноком.

Гл. 85. О Аронях ризах.

Гл. 86. Разум о сложении обою закону.

Гл. 92. О ризах архиереевых 1-го закона.

Гл. 93. Иоанна Златоустого. Правило иереом, иже не облачают въ все священные ризы.

Гл. 94. Кюрила, епископа Туровского, сказание о черноризьегем чину.

Гл. 95. Чин, яко погребати братню по уставу монастыря Студийского.

Гл. 96. Речь жпдовского языка преложена на рускую.

Суд Ярославль Володимирица. Правда Русьская.

Гл. 97. Устав св. кн. Владпмира.

Устав Святослава Новгородского.

Гл. 87. Чин, како подобает погребати братию.

Устав св. Владимира (без заглавия),

Гл. 88. Василия великого слово о прозвитерех.

Гл. 89. Дорофея, епископа Турского о 12 Апостолу. Того же о оученик.

Гл. 90. Суд Ярослава Володимерича. Правда Русьская.

Гл. 91. Никифора, патриарха Царяграда, летописец вскоря,

Гл. 92. Епифания сказание о пророцех.

А се епископна Царяграда.

Гл. 93. Речь жидовского языка преложена на русьскую.

Гл. 94. Иже но святых отца нашего Никифора...

Вопрос, откуда была заимствована в эти Кормчие Русская Правда, не может быть решен за недостатком данных. Возможны одни предположения. Так, поскольку возникновению Кормчих этого типа предшествовало возникновение сборника Мерило Праведное, причем в одном из этих Мерил находился и Сборник княжеских Уставов и Русская Правда II редакции, то можно, следовательно, полагать, что в эти Кормчие Русская Правда была заимствована непосредственно из Мерила Праведного. Имеется, как мы знаем, один вид Мерил Праведных, содержащий Сборник княжеских церковных Уставов и Русскую Правду II редакции, например ИМ, Синодального собрания, № 524, который, несомненно, скорее чем другие виды, мог быть использован составителями Синодальной Кормчей и Кормчих Новгородско-Софийского типа.

Именно в Синодальной Кормчей церковный Устав князя Владимира принадлежал к той же редакции, что в Мериле ИМ, Синодального собрания, № 524.

Русская Правда, будучи воспроизводима в Кормчих изувенных нами видов, иногда переписывалась составителями Кормчих, имевших особый состав. Так, имеется так называемая Годуновская Кормчая, в которой сперва была переписана вторая часть Простран-

ной Правды, т. е. Устав князя Владимира Мономаха, а затем первая, т. е. Устав князя Ярослава.

Таких Кормчих, которые по своему составу отличались от Кормчих Ферапонтовского и Розенкамповского или Новгородско-Софийского видов, имеется сравнительно большое число. Нет, однако, большого смысла изучать историю текста Русской Правды в этих Кормчих, поскольку эти Кормчие относятся к XVI или даже к XVII в., т. е. ко времени, когда Русская Правда перестала быть действующим источником права, — изучение этой истории не поможет выяснить происхождение основных редакций этого памятника.

8. Итоги исследования истории Русской Правды в памятниках сложного состава

С текстом Краткой Правды мы могли познакомиться благодаря тому, что она была включена в состав Новгородской I летописи по Академическому и Археологическому спискам в середине XV в. Академический список лежит в основе так называемых Татищевских списков. Однако в древнейшем списке Новгородской I летописи (Синодально.м) текст Русской Правды не был воспроизведен. По вопросу, когда и в какую Новгородскую летопись был первоначально включен текст Русской Правды, существуют только предположения Шахматова, Приселкова и Тихомирова.

Исследование истории Краткой Правды в летописи позволяет сделать выводы о правильности предположения акад. А. А. Шахматова о том, что грамота, которая, по Новгородской летописи, была дана Ярославом в 1016 г. Новгороду, не была Русской Правдой, а грамотой, содержащей административно-финансовые льготы.

История протографа II—VI редакции (обычно этот протограф называется вообще Пространной Правдой) является, как мы могли убедиться, более сложной.

Как и следовало ожидать, поскольку Русская Правда была действующим источником русского права

XII—XIV вв., она должна была переписываться и распространяться между судьями и представителями княжеской администрации в небольшом сборнике, включавшем так называемые Суд Ярослава Владимировича и Устав Владимира Мономаха. Переписывалась Русская Правда и представителями церкви, причем к Русской Правде присоединялся ими Сборник из княжеских церковных Уставов: князя Владимира и князя Ярослава, а затем и князя Всеволода Мсти-славовича (Новгородского).

Дальнейшая история Русской Правды в памятниках сложного состава идет в следующем направлении. Сборник, состоящий из княжеских церковных Уставов и из Русской Правды, дополняется Законом Судным людем.

Этот сборник в полном своем составе присоединен под 1019 г. в Софийскую I летопись, а затем другая редакция этого сборника составила приложение к Новгородской I летописи по Археографическому списку и к летописи Авраамки. Этот сборник вошел и в другие сборники, в частности в Кормчие.

В составе этого сборника возникли один из видов IV редакции, III и V редакции Русской Правды. Нами было выяснено, что протограф II—V редакции подвергся разного рода дополнениям. Так, в III редакции к первоначальному тексту Русской Правды были присоединены некоторые русские статьи и Устав князя Ярослава о мостех. Но самым главным дополнением было включение в конце первой части Русской Правды математических упражнений о приплоде скота, об урожае хлеба и пр.

Важным моментом в истории текста Русской Правды в одной из редакций данного сборника было полное слияние двух частей Правды — Суда Владимира Ярославича и Устава Владимира Мономаха (III редакция Русской Правды).

В Троицком изводе (Троицкий IV список) IV редакции был присоединен также ряд новых статей, а в начале помещено особое предисловие к Русской Правде, взятое из Слова Василия Великого.

В III редакции была сделана попытка присоединить к Русской Правде, снабженной указанным предисловием, и большую часть Закона Судного людем.

Одна из редакций сборника, включавшего Сборник княжеских уставов и Правду 11 редакции, вошла в состав Сборника 30 глав, который в свою очередь был полностью включен в Мерило Праведное. История этой (II) редакции в значительной степени предопределялась тем, что Мерило Праведное было присоединено к Кормчей. Русская Правда при этом присоединении мало подвергалась изменениям (впрочем, в издании Академии Наук СССР обозначены как два особых вида списки II редакции—Розенкампфов-ский и Феранонтовский).

Из Мерила Праведного текст Русской Правды был заимствован в Синодальную Кормчую, а также в Кормчие Новгородско-Софийского вида.

Среди Кормчих, находящихся в соединении с Мерилом Праведным, имелись Кормчие, в которых Русской Правде предшествовала статья о послушестве, в состав которой входили «Володимера князя суд о послушестве» и «О мужи кроваве».

Один из переписчиков Кормчей этого вида решил объединить текст этих памятников с текстом соответствующих статей Русской Правды. Примером подобного рода переработки является список Русской Правды, известный под названием списка Царского III. А затем один из редакторов Кормчей решил положить текст Русской Правды II редакции Феранонтовского вида с изменениями статьи «О муже кроваве» в основу своей работы над его сокращением и переработкой. Так возникла VI редакция Русской Правды.

VI (СОКРАЩЕННАЯ ИЗ ПРОСТРАННОЙ)
РЕДАКЦИЯ

"МЖ § 1. Обзор литературы

ЛШ^опрос об этой редакции был поставлен еще Ланге, который, обратив внимание на наличие в ее тексте выражений и терминов XVI и XVII вв. (например, «наказать по мужу смотря»), считает ее позднейшим кратким извлечением из Правды частного лица и притом с собственными его прибавлениями¹. Из высказываний Ланге можно понять, что эта редакция возникла в XVI—XVII вв., будучи сокращена и переработана на основе московских источников.

С большей четкостью в отношении решения вопроса о времени и месте происхождения данной редакции высказывается Мрочек-Дроздовский. Он указывает, что эта редакция является переделкой Правды, появившейся не раньше второй четверти XVII в. По крайней мере, в Кормчих начала и первой четверти XVII в. этой переделки еще нет². Данная редакция, указывает далее Мрочек-Дроздовский, составлена в духе московских законов и московским языком. Он, кроме тех выражений и понятий московского права, отмеченных уже Ланге, особое внимание обращает на вариант в статье о толчках и ударах жердью, где вместо роты поставлен жребий. Эта замена присяги жре-

¹ Н. Л а н г е, Исследование об уголовном праве Русской Правды, 1859, стр. 5—6.

² П. М р о ч е к - Д р о з д о в с к и й, Новое издание Русской Правды, Уч. зап. Моск. унив., Юр. факультет, вып. 26, 1907, стр. 3—4.

бием в делах, не касающихся духовенства, указывает, по его мнению, на время Уложения (1649 г.), на ту его статью, по которой в делах ниже рубля присяга заменялась жребием.

Значительная часть позднейших исследователей¹ обходила вопрос об этой редакции, как не имеющей особого значения в истории Русской правды, вплоть до работ Сергеевича, который высказал ряд новых соображений об ее происхождении и источниках.

Указывая, что в данной редакции имеется только одна статья (16), не встречающаяся в других редакциях, он считает ее извлечением из более старых списков с изменениями и большими пропусками². Хотя составитель этой редакции имел перед собой старые редакции, из которых и брал материал для своего труда, и в них упоминаются Ярослав, его сыновья и Владимир Мономах, тем не менее ни одно из этих имен не перешло в его списки. А это, по мнению Сергеевича, говорит о том, что ни с одним из этих имен не соединилось у него никакого определенного представления. «Едва ли можно думать,— говорит В. И. Сергеевич,— что третья редакция возникла ранее конца XII или начала XIII века»³.

Переходя к характеристике источников этой редакции, Сергеевич указывает, что составитель пользовался I (т. е. частью Краткой Правды — Правдой Ярослава) и III (т. е. Пространной Правдой, типичным списком которой считался им Троицкий список) редакциями. Первые три статьи по содержанию и по последовательности соответствуют первым статьям списков I редакции, но изменены. Все остальные взяты из списков III редакции с сохранением последовательности, но с изменениями и большими пропусками.

¹ Напр., М. Н. Я с и н с к и й, Лекции по внешней истории русского права, Киев, вып. I, 1898, стр. 124, М. А. Д ь Я - к о н о в, Очерки, стр. 38.

* В. И. С е р г е е в и ч, Лекции и исследования по древней истории русского права, изд. 3-е, СПб., стр. 68—70.

³ Там же, стр. 70.

Касаясь причин пропусков при переработке статей I и III редакции, Сергеевич объясняет их устарелостью некоторых статей Русской Правды, некоторые же пропуски статей Пространной Правды, допущенные составителем данной редакции, он называет загадкой.

Одним из важных моментов в истории изучения VI редакции является работа Н. А. Максимейко «Московская редакция Русской Правды».

Само название этой работы Н. А. Максимейко уже показывает нам, в каком направлении будет развиваться основная мысль исследователя. И действительно, он развивает положение, выраженное ранее Ланге и Мрочек-Дроздовским, о том, что данная редакция произошла в Москве, будучи переработана на основе принципов московского права.

Н. А. Максимейко очень подробно и конкретно объясняет причины пропусков отдельных статей и переработку их путем ссылки на основные принципы московского права. Так же как Ланге и Мрочек-Дроздовский, он считает данную редакцию московской и, повидимому, приурочивает ее возникновение ко времени составления Соборного уложения 1649 г.

Н. А. Максимейко решил остановиться на вопросе, какие конкретные списки Пространной Правды могли быть использованы составителем VI редакции. Он считает такими списками (по названию Калачова) Чудовский II, Крестининский, Толстовский III, Румянцевский I, Московско - академический II, Фроловский I, Троицкий II и III, Строевский, Царского II, III и IV и Годуновский.

Совершенно оригинальные взгляды о происхождении Сокращенной из Пространной редакции были высказаны М. Н. Тихомировым. В отличие от прежних исследователей, которые главнейшим источником данной редакции считали Пространную Правду или некоторые статьи Краткой Правды, он настаивает на том, что якобы ее источником является не Простран-

¹ Н. А. Максимейко, *Московская редакция Русской Правды. Проблемы источниковедения*, Сборник статей. М.—Л., 1940, стр. 127—162.

ная или Краткая, а какая-то другая, более древняя. Так, приведя разные доказательства в пользу своего мнения, он заключает: «Общий вывод из всего сказанного заключается в признании того, что Сокращенная Правда представляет особую редакцию Правды, сохранившую более древний состав, чем Пространная. Эта древняя редакция не дошла до нас в полном виде и подверглась сокращениям, вероятно, при внесении ее в Кормчую в конце XIV или в начале XV в.»¹. Эта древняя редакция, равно как и ее протограф, по М. Н. Тихомирову — новгородского происхождения. Он предполагает, — что Сокращенная Правда возникла в церковных кругах. Поскольку содержание Кормчей, включившей в состав Сокращенную Правду, обнаруживает, по его мнению, некоторый интерес к Пермской епископии, то для этой епархии, возможно, и была составлена новая Кормчая, в которую была внесена Сокращенная Правда в известном виде.

§ 2. Взаимоотношение списков

VI (Сокращенная из Пространной) редакция дошла до нас в двух списках: 1) в Толстовском IV списке, середины XVII в., из Кормчей — ПБ, Q II 46 и 2) в списке Оболенского I, второй половины XVII в. — из Кормчей, собрания Государственного древлехранилища, отдел V, рубрика I, № 12, скоропись, второй половины XVII в. Сопоставляя оба эти списка, надо притти к выводу о том, что второй список (так называемый список Оболенского) является дефектным. Так, нами² было указано на 34 разночтения, внесенные в текст. Переписчиком было допущено очень много ошибок в тексте, которые так и не были исправлены. Так, написано:

видак *ем.* видока (ст. 2); жреби *ем.* жребий (ст. 4); дикою *ем.* (в)дикую(ст. 6);впродажв.м. в продаже(ст. 12);т;> всем нет (ст. 15); лошедь *ем.* лошадь (ст. 16); кто кто *ем.* то суд (ст. 17); тому **нет** (ст. 18); ныне *ем.* и не (ст. 21); то княжи куны **нет** (ст. 21);

¹ М. Н. Тихомиров, *Исследование*, стр. 194. »
Руська? Правда, вид. У.А.Н., К., 1935, стр. 169—174.

перви *ем.* верви (ст. 24); тя *ем.* татя (ст. 24); голупь *ем.* голубь (ст. 28); дшери *ем.* дшери (ст. 35); ненадобя *ем.* ненадобе (ст. 37); на *нет* (ст. 37); брати *ем.* братия (ст. 38); безрядиу *ем.* без ряду (ст. 43) и т. д. .

Естественно, что при анализе текста данной редакции, а также при решении вопроса об источнике ее надо принимать во внимание главнейшим образом текст положенного нами в основу издания списка (Толстовского IV).

£ 3. Источники VI редакции

Из обзора литературы нетрудно установить, что имеются два следующих мнения: 1) по одному, выраженному Ланге, Мрочек-Дроздовским, Максимейко и др., источником данной редакции является один из списков Пространной Правды, т. е. списков, находившихся в Кормчей, принадлежавший к Троицкому изводу, который был переработан на основе московского права;

2) По другому мнению — М. Н. Тихомирова — данная редакция является переработкой особой редакции Правды, которая существовала до возникновения Краткой («памятник, появившийся раньше той редакции Краткой Правды, которая сохранилась до настоящего времени»)².

Тщательное исследование вопроса об источниках VI редакции приводит нас к убеждению, что в решении вопроса об источниках этой редакции правы Ланге, Мрочек-Дроздовский, Максимейко и др., а не М. Н. Тихомиров. Оказывается, особенности в тексте VI редакции предопределяются не тем, что ее составитель использовал список редакции Правды, который предшествовал Краткой Правде, а тем, что он имел дело со списком Пространной, где эти особенности имели место. Следовательно, в нашу задачу входит установление связи между этими особенностями данной редакции и Пространной Правды данного вида. Под-

¹ Нами приняты следующие сокращения: *ем.*—вместо, *доб.*—добавлено, *нет* — отсутствует.

* М- Н, Т и х о м и р о в, Исследование, стр. 192 и ел.

вергнем тщательному разбору доказательства, приводимые М. Н. Тихомировым в пользу его мнения о том, что не Пространная Правда, а какая-то особая, и притом более древняя, послужила источником для данной редакции. М. Н. Тихомиров, с одной стороны, стремится доказать, что Пространная Правда вообще не может быть сочтена источником данной редакции, а с другой стороны — доказать, что какая-то особая редакция лежит в ее основе. М. Н. Тихомиров, между прочим, указывает, что мысль о зависимости Сокращенной Правды от Чудовского извода устраняется уже тем соображением, что в этой редакции имеются слова: «а же без людей в поклепе, а людие вылезут, то 12 гривен продаж и», которые отсутствуют во всех списках Чудовского извода и, следовательно, отсутствовали в его протографе. М. Н. Тихомиров убедил себя в том, что исследователи, держащиеся иных, чем он, взглядов об источниках, считают один из списков Чудовского или Ферапонтовского извода единственным возможным источником VI редакции. На самом деле ряд исследователей, как, например, Максимейко, давший более подробный, чем другие, анализ источников данной редакции, говорит и о Чудовском списке, и о Крестининском, и о Толстовском 11 списках¹. А в большинстве этих списков имеется фраза—«аже без людей в поклепе..., а людие вылезут, то 12 гривен продажи». Со времени Академического издания Русской Правды мы знаем список Русской Правды Троицкого извода (издатели называют его Ферапонтовским видом) — именно список Царского III, содержащий текст, который прекрасно мог объяснить все особенности списков VI редакции. А затем В. П. Любимов напечатал во II томе «Правды Русской» варианты списка Никифоровского II, которые дополнительно объясняют изменения текста VI редакции без всякой необходимости предполагать существование какой-то, до нас недошедшей редакции Правды, предшествовавшей Краткой. Дело оказалось гораздо более простым.

¹ Н. А. Максимо Ико, Московская редакция Русской Правды, стр. 133.

Сборник Царского III состоит из сборника статей из Кормчей, написан в восьмую долю листа на 306 листах четким полууставом, переходящим в скоропись, первой половины XVII в.

Текст Русской Правды помещен на лл. 238 об.— 257 об. иод гл. 110. Обращает на себя внимание, что в сборнике особых статей «о иослушестве» и «о муже кроваве» нет, но ст. 22 (28)¹ Русской Правды «о муже кроваве» в этом сборнике написана на основе статьи «о муже кроваве», а затем была выправлена по тексту списков других Кормчих.

Отсюда нетрудно предположить, что Русская Правда, которая находилась в Сборнике Царского, состоявшем из статей Кормчей, взята из какой-то Кормчей. Особенно должно укрепить нас в этом предположении то, что она была помещена под главой 110, т. е. под той главой, под которой вообще помещалась Русская Правда во многих Кормчих. Как было уже указано, В. П. Любимов указал на существование такой Кормчей, в которой статья «о муже кроваве» не была написана в тексте Правды; составитель только сослался на помещение им соответствующей статьи «назад» предшествовавших в этой Кормчей Правде, указав: «О мужи кроваве, Аще приидет кровав мужь на двор или синь, п и с а л н а з а д и».

Наличие подобного рода списка Русской Правды в одной из Кормчей подготавливало возможность появления списка, подобного Царского III.

Все это делает решение вопроса об источниках Русской Правды VI редакции гораздо менее трудным делом, чем это казалось М. Н. Тихомирову.

Прежде всего надо отметить, что в списке Царского III в ст. 67 имеются слова, так же как и в списках VI редакции: «Аже без людии, а в поклепе..., а людие вылезут, то 12 гривен продажи...».

Далее обнаруживается, что текст VI редакции имеет решительное сходство с прежним текстом спи-

¹ Здесь и далее в тексте первый номер статьи дан по изданию «Руська Правда», вни. УАН, К., 1935, и второй номер статьи по изданию АН СССР «Правда Русская», т. I, 1940.

ска Царского III. Это обнаруживается прежде всего из сопоставления статей «О муже кроваве» (см. стр. 64—65).

Из этого сопоставления нетрудно видеть, что составитель VI редакции заимствовал эту статью из списка, весьма близкого к списку Царского III, текст которого сложился под непосредственным влиянием отдельной статьи «О мужи кроваве», встречающейся в некоторых Кормчих, в том числе в Кормчей, которой он пользовался.

Как мы теперь знаем, в списке Царского III ст. 23(29) читалось первоначально так: «Аще же ударит мечем или ножем, а не утнеть на смерть, то князю вины 9 гривен, а ищцу за рану судят».

Основной довод М. Н. Тихомирова, который, не зная, очевидно, первоначального текста списка Царского III, утверждал, что такого различия в тексте Сокращенной не могло появиться в результате простого сокращения Пространной Правды, где за несмертельную рану предписывается платить 3 гривны, а пострадавшему гривну, должен полностью отпасть. Упоминание о 9 гривнах в Сокращенной взято составителем из того списка Пространной, в которой, как и в списке Царского III, устанавливалось 9 гривен за несмертельную рану. Отсюда нет никакой необходимости настаивать, что составитель пользовался каким-то особым источником, не сходным с известными нам редакциями Пространной Правды.

Нет теперь для М. Н. Тихомирова оснований настаивать, что текст ст. 4 данной редакции не может якобы быть выведен из Пространной, а основан на каком-то особом источнике или сам послужил источником для Пространной Правды. Нам известен этот источник — это особая статья «О мужи кроваве», но теперь, когда мы знаем текст списка Царского III, нам ясно, что из подобного списка и заимствована была данная статья VI редакции.

Другие доводы М. Н. Тихомирова в пользу предположения, что не Пространная Правда, а какая-то особая редакция послужила источником для составления Сокращенной, покоятся на том положении, что якобы имеются варианты в списках этой редакции,

VI редакция О
мужи кроваве

Аще придет{ь} кровавь мужь(ь) на двор(ь) или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажа за бесчестие, каков(ь) будет(ь); аще не будет(ь) на нем знаменья, то привести ему видок{ь}, слово противу слова. Аще лее ударит{ь} мечем{ь} или ножем(ь), а не на смерть, то князю вины 9гривен(ь), а исцу за рану судят (ь).

Аще ударит(б) на смерть жерцию или попехнет(ь), а знаменья нет, а видокъ будет (ь), аще будет болярин(ь), или людин(ь), или варяг{ь}, крещения не имея, то по их пути платити бесчестие; аще видока не будетъ, итиимъ на жребии, а виноватый в продаже, во что обложат{ь}.

Список Царского III
О мужи кроваве

Аще придет кровавь мужь на дворъ или синь, то видока ему не искати, но платиши ему продажа за бесчестие, каковъ будет; аще ли не будетъ на немъ знаменья, то привести ему видокъ, слово противу слова; и, кто будет почаль, тому платити куны во что их обложат; аще же и кровав пршдет или будет сам почаль а вылезуть послуси, то то ему за платеж, еже и б!ли. Аще же ударит мечем или ножем, а не утнет на смерть, то князю вины 9 гривень, а исцу за рану судят; аще потнетъ ли на смерть, то вира платити-

Аще ли пхнет мужь мужа, любо к себе, любо от себе, любо по лицу ударит или жердш ударит, а без знаменья, а видока два выведут, то бесчестие ему платити; оже будет варяг или коlobяг, крещетя не имея, а будет(ь) има бои, а видока не будетъ, ити има па роту по своей вЪр!>, а любо на жреб{и}, а виноватый в продажа во что и обложатъ.

Статья «О муже кроваве»¹

Аще придет кровов мужь на дворъ или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажа за бесчестхе, каков будет; аще ли не будет на нем знамста, то привести ему видок, слово противу слова, а кто будет почал, тому платити купы, въ что и обложат; аще же и кровав пр/пдетъ, или будетъ сам почал, а выле-зуть послуси, то то ему за пла-тежь, оже и били. Аще ударить мечемъ или ножемъ, а не утнетъ на смерть, то князю вины 9 гривен, а истцу за рапу судить, а оже лечебное; иотнетъ ли на смерть, то в!>ра платити.

Аще ли пехнет{ь} мужь(ь) мужа, любо к себе, любо от себе, любо по лицу ударит{ь}, или yicerdiiо ударит{ь}, а беззиаме-;nïа, а видок будет(ь), бесчестие ему платити; аже будетъ болн-рин, великих, бояр(ь) или ментыхболяръ, или людин городский, или селянин, то по его пути платитъ бесче-стie; а оже будет(ь) варяг{ь} или коlobяг{ь}, крещения не им>а., а будет има бои, а видока не бует{ь}, ити има ротгъ по своей вгър{ь}, а любо на жребии, а виноватый в продажгъ, во что и обложат(ь).

Троицкий I список А
придеть кровав мужь

Алее придеть кровав/, мужь на дворъ или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажо 3 гривны; аще ли не будетъ на немъ знаменья, то привести ему видок, слово противу слова; а кто будетъ почил, тому плати 60 кун; аче же и кровавь придетъ или будетъ самъ почаль а вылезуть послуси, то то ему за платежь, оже и били.

Аже ударить мечемъ, а не утнетъ на смерть то 3 гривны, а самому гривна, за рану же лечебное; потнетъ ли на смерть, а вира.

Аче потъхнетъ мужь мужа любо к соб!> ли от себе, любо по лицу ударить, ли жердью ударить, а видока два выве-дутъ, то 3 гривны продажи; аже будетъ варяг или колбяг, то полная видока вывести; и <дета па роту.

1.-ИЕз Кормчей, ПБ, Соловецкого собрания. №490 (415) Руська Правда, стр. 174—175.

которые более близки к тексту Краткой % редакции, нежели к тексту Пространной.

Так, он указывает, что в Сокращенной Правде и слова «*аже един*» крал» встречаются в Краткой, тогда как Пространная Правда дает здесь более запутанное чтение: «*то же будет еоин*» (в Троицком) и «*тоже будет един*» (в Ферапонтовском). Но и в некоторых списках Пространной имеются аналогичные варианты. Так, в Годуновском П *ем.* «*то же*» сказано «*оже*» (стр. 50); в очень большом количестве списков (ок. 15) *ем.* «*один*» сказано «*един*». Вполне возможно, что составитель VI редакции использовал такой текст Пространной (близкой к списку Царского III), которая содержала близкие к этой редакции варианты.

М. Н. Тихомиров обращает внимание, что статья об убийстве вора ст. 14 (40) читается в VI редакции следующим образом: «Аще убиет(ь) кого у клети или которой татбы, то убит(и) во пса место». В Пространной же Правде — в Троицком списке читается иначе: «то убиють во пса место». По его мнению, эта статьи Сокращенной Правды находится в зависимости от статьи Краткой Правды, где говорится: «то убити в пса место».

М. Н. Тихомирову нет смысла искать источник заимствования слова «убит(и)» в Краткой Правде, поскольку все списки Ферапонтовского вида, за исключением двух (а к Ферапонтовскому виду принадлежит Царского III), также содержат слово «оубит». А вообще, как нами отмечено в издании Русской Правды Академии Наук УССР, имеются двадцать один список, где в ст.34 говорится или оубит(ь, ъ) или убит(ь, ъ)¹.

Таким образом, все отмеченные особенности текста Сокращенной Правды прекрасно объясняются и текстом Пространной, без всякого посредничества Краткой.

Чтобы сделать более убедительной свою мысль о том, что Пространная Правда не могла быть источником Сокращенной, М. Н. Тихомиров высказывает положение о том, что якобы сама Пространная Правда подверглась правке на основе Сокращенной.

¹ Руська Правда, стр. 50.

Не говоря уже о том, что это положение ровно ни на чем не основано, достаточно учесть, что, как было доказано, статья «О муже кроваве» в списке Царского III отнюдь не могла быть переработана на основе Сокращенной, а была переработана на основе особой статьи в Кормчей «О муже кроваве».

М. Н. Тихомиров считает, что некоторые статьи Пространной Правды при сравнении их текста с Сокращенной производят впечатление пополненного, интерполированного текста. Так, он настаивает на том, что якобы слова в ст. 40 (46) Пространной Правды «Аже будут холопи татие, любо княжи, любо боярь-стии, любо чернечь, их же князь продажею не каз-нить» стоят в полном противоречии с прямым указанием о князем суде в заголовке к этой статье, поставленном в Троицком списке. На этом основании он считает слова «любо княжь, любо боярьстии, любо чернечь» позднейшей вставкой, взятой «возможно» из Сокращенной Правды.

Но нами в свое время указано¹, что в т р и д ц а т и списках Пространной Правды, в том числе и в списках Ферапонтовского вида, нет заголовка «Аже будут холопи татые, суд княжь». Следовательно, нет противоречия между заголовком и содержанием статьи. М. Н. Тихомиров, чтобы говорить об этом противоречии, должен был доказать, что в первоначальном тексте Пространной Правды действительно был данный заголовок, но он этого не мог сделать за полным отсутствием данных. Противопологать совершенно ясную статью Пространной Правды: «Аже будут холопи татие, любо княжи, любо боярьстии, любо чернечь, их же князь продажею не казнить, за не суть несвободни, то двоиче платити ко истьцю за обиду», смысл которой легко понять из предшествующей статьи: «То ти уроци смердом, оже илатять князю продажи» (т. е. составитель как бы хотел подчеркнуть, что холопы в отличие от смердов продажу не платят), совершенно неясной статье Сокращенной: «Аже будут холопи тати, то суд княжь, их же князь обиду пла-

¹ Руська Правда, стр. 63.

тить исцу>>, можно только в увлечении полемикой. Из этой статьи не понятно, почему князь, вопреки иммунитетам, присвоил исключительно себе суд над ворами-холопами; не понятно, что значит «князь обиду платит исцу». Почему князь самолично должен удовлетворить претензии лиц, пострадавших от воров-холопов?

Вообще нам представляется загадочным, как эта неудачная фраза могла послужить основой для развития вполне ясной и притом имеющей глубокий смысл нормы об освобождении холопов, как людей, не являвшихся субъектом права, в противоположность смердам, от уголовного наказания. Далее идут уже доводы, доказательную силу которых историк права уловить уже не в состоянии. М. Н. Тихомиров пишет:

«Другая заметная интерполяция в тексте Пространной Правды бросается в глаза в статье о резе, где читаем: «аже кто куны дает в ртэзь и наставь медь или жыто в ирисопь» (стр. 251). Слова «наставь медь» производят впечатление вставки, так как следовало бы читать «медь в настав». Действительно, эти слова читаются только в Синодальном и Троицком списках, а также в тех изводах Правды, которые стоят с ними в связи. В Пушкинском списке, относящемся уже к XIV в., этих слов нет, их нет и в Сокращенной Правде. Между тем в близких к ней по вариантам Чудовском и Ферапонтовском изводах слова «или наставь медь» также имеются в тексте. Следовательно, и в этом случае Сокращенная Правда дает более древний текст»¹.

В самом деле, почему исключение из соответствующей статьи Сокращенной слов Пространной Правды должно явиться признаком, что списки данной редакции дают более древний текст? Наоборот, ссуда медом и проценты по этой ссуде носят, вне всякого сомнения, архаические черты.

Какое доказательное значение может иметь утверждение М. Н. Тихомирова о том, что слово видок имеет исключительно новгородское происхождение и, следовательно, упоминание о них в одной из статей

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 192—193.

Сокращенной Правды исключает мысль о московском происхождении.

Трудно согласиться с М. Н. Тихомировым в том, что слово видок, кроме Новгорода, нигде не применялось. Видоки—это свидетели факта, и они противопоставляются послухам. Нигде ни в Новгородской, ни в Псковской Судной грамоте мы не встречаем ви-доков как вид доказательства. Какое значение для установления большей древности Сокращенной Правды может иметь утверждение, что текст Правды при всей его краткости гораздо легче поддается толкованию, чем текст Пространной Правды с ее явной компилятивностью и запутанностью? Как будто является аксиомой, что позднейшие тексты правовых памятников, терминология которых является более близкой к нашему языку, являются как раз наиболее легкими для понимания. В частности, текст Судебника 1497 г. и 1550 г. по сравнению с Русской Правдой и Псковской Судной грамотой легко понимается даже и не специалистами.

Сокращенная Правда потому понятнее для нас, нежели Краткая или Пространная, что она переработана на основе более поздних институтов и норм и притом институтов и норм более близкого нам московского права.

М. Н. Тихомирову не удалось доказать, что Сокращенная Правда представляет особую редакцию Правды, сохранившую более древний состав, чем Пространная. Следовательно, его дальнейшие выводы из этого основного положения мы принять не можем. В частности, мы не можем с ним согласиться и по вопросу о месте происхождения (В. Новгород) и пр.

Опровергнув взгляды М. Н. Тихомирова на происхождение VI редакции, нам не остается ничего другого, как вместе со всеми историками настаивать на московском ее происхождении и считать, подобно большинству историков, что в основе этой редакции лежит список Пространной редакции, переработанный на основе принципов и положений московского права.

Нами было уже указано, что в основе данной редакции лежит список, весьма близкий к первоначально-

ному списку Царского **III**, основной особенностью которого являлось то, что составитель его объединил материал специальной статьи, встречающейся в Кормчей, «О муже кровавс» со статьей аналогичного содержания Пространной Правды. Но составитель не просто механически сократил текст, но и переработал его.

Возникает вопрос, чем конкретно вызваны сокращение и переработка текста Пространной Правды? На этот вопрос уже дал ответ Н. А. Максимейко. Необходимо его взгляды подвергнуть оценке и пересмотру.

В отличие от Н. А. Максимейко, который при анализе возникновения текста VI редакции сперва касался пропусков статей Пространной Правды, произведенных ее составителем, а затем изменений их текста, мы коснемся одновременно и пропусков и изменений текста в отношении определенных разделов права, а именно разделов, посвященных: 1) правовому положению отдельных групп населения; 2) убийству и относящихся к этому разделу норм; 3) преступлениям против телесной неприкосновенности (увечья, побои и т. д.); 4) имущественным преступлениям; 5) займу; 6) закупничеству; 7) наследственному праву; 8) правовому положению холопов; 9) суду и процессу.

1. Правовое положение отдельных групп. Характерной чертой Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., а затем Московского княжения являлось то, что многие социальные группы южной Руси, в частности Киевской земли, там не существовали. Так, полностью исчезли термины огнищанин, смерд, закуп, рядович, кормилец, кормилица, ремесленник и ремесленница.

Естественно, что составитель Сокращенной Правды, стремясь переработать на основе современного ему строя, быта и судебной практики нормы Пространной Правды, исключил все статьи, в которых говорилось об этих группах (огнищанах, смердах, закупах и т. д.).

2. Постановления об убийстве. Как известно, число статей об убийстве и непосредственно примыкающих к ним в Пространной Правде весьма значительно ст: **1, 2, 3, 4 (4—6), 5 (7), 6 (8), 7 (9), 8 (10), 9 (11—14),**

10(15), 11 (16), 12 (17), 13 (17), 14 (19), 79 (88), 80 (89).

Вместо этих статей в VI редакции, если не считать новой статьи об ударе насмерть жердью 24 (31) — составителем оставлены всего пять статей— 1, 5(7), 6 и (8). 33 (99), 34 (89). Были произведены и серьезные изменения в тексте оставшихся статей. В результате: а) ограничен круг тех лиц, которые могли мстить (брат, отец, сын); б) исключены различия в размере денежного взыскания в зависимости от лица убитого (князь муж, тиун князь, русин, гридин, купец, тиун бо-яреск, мечник, изгой, Словении, князь отрок, князь конюх, князь повар, огнищный тиун, конюшный тиун, княжий сельский тиун, ратаинный рядович, ремесленник, ремесленница, смерд, холоп, кормилец и кормилица). Вместо статей об убийстве всех этих лиц и установлении разного наказания в зависимости от их положения в ст. 1 говорится: «разеудити по муже смотря»; в) были исключены статьи, определявшие условия и порядок платежа дикой виры (ст. 3 и 4); г) исключен так называемый Покон вирный, трактующий о распределении вир между князем и его агентами.

Понять мотивы всех этих изменений нетрудно:

а) прежде всего и ст. 1 Краткой Правды, если вдуматься в ее смысл, имеет своей целью ограничить круг мстителей. Иначе, какой бы смысл законодателю регламентировать существование кровной мести между кровными родственниками, которое было всем известно. Защитники взгляда о том, что в ст. 1 Краткой и тем более Пространной Правды круг мстителей был ограничен и что перечисление родственников-мстителей отнюдь не было примерным, а исчерпывающим, конечно, правы. Иначе пришлось бы настаивать на том невероятном положении, что еще при Ярославичах, когда Киевское государство являлось уже феодальным государством, на Руси господствовала кровная месть.

Вполне естественно в этих условиях, что ряд исследователей настаивал на том, что в ст. 1 Краткой и Пространной Правды говорилось только о иослесудебной мести,

Тем более ограничительный смысл надо вкладывать в ст. 1 рассматриваемой редакции. Здесь Н. А. Максимейко, по нашему мнению, глубоко прав, когда говорит, что в этой статье слову «мстить» придавалось не то значение, какое с ним обычно связывается: «Чувство мести может быть удовлетворено не только непосредственно расправой с обидчиком, но и при посредстве суда. С этой точки зрения «мстить» значит возбуждать судебное преследование против обидчика»¹.

Естественно, что в результате дальнейшего разложения патриархальных отношений круг так называемых «мстителей» должен был еще более сузиться. Это и нашло свою регламентацию в ст. 1 Сокращенной Правды (см. ст. о самосуде в Двинской Судной грамоте);

б) исключение из соответствующих статей указания об убийстве разных лиц и даже исключение ряда статей, предусматривающих убийство этих лиц, и затем общее указание в ст. 1 Сокращенной Правды о том, что «оже ли не будет кто его мстя, то положите за голову 80 гривен (т. е. наказание за убийство представителей верхушки общества), либо разеудити по муже смотря», легко объясняются тем, что в московском праве уже были совершенно неизвестно большинство киевских категорий населения, поэтому упоминание об убийстве их было исключено. Достаточно учесть, что такими категориями являлись гридин, мечник, изгой, тиун огнищный, рядович, смерд и пр. Некоторые категории хотя и продолжали существовать и в Московском княжестве (княжеские отроки, конюхи, повары), но их удельный вес, несомненно, был другой по сравнению с Киевской Русью. Зато в Пространной Правде ничего не говорилось об убийстве представителей таких основных разрядов населения, как бояре, слуги вольные, дети боярские, дворяне, а также категорий служилых людей, появившихся в XIII—XV в. Чтобы избежать весьма сложных дополнений и переработки текста Пространной Правды, составитель,

¹ Н. Л. Максимейко, Московская редакция Русской Правды, стр. 155 и с.и.

ограничился указанием — «разеудити по мужу смотря». Этот общий принцип при наказании за убийство стал утверждаться в Московском княжестве;

в) вполне естественно, что составитель данной редакции при сокращении и переработке исключил статьи Пространной Правды, которые регулируют условия и порядок платежа дикой виры. Н. А. Максимейко указывает, что эти нормы были исключены составителем данной редакции потому, что вира в XIV—XV вв. уплачивалась не вервью, а волостью, станом или городом. Он ссылается на одну уставную грамоту, где говорилось: «а учинится у них в волости душегубство, а не доищутся душегубца и они дадут наместником за голову виры четыре рубля». А затем, как указывает А. Н. Максимейко, в XVII в. отношение московского законодательства к ответственности общины вообще изменилось, голый факт неотыскания преступника сам по себе уже не влек за собою карательных последствий для нее.

В своих работах мы всячески доказываем, что вервью по Русской Правде является большая семья, аналогичная задруге южнославянского права, причем до сих пор не убеждены доводами акад. Б. Д. Грекова, доказывающего, что под вервью Русской Правды надо понимать соседскую общину. Вервь — это архаический институт, который в основных русских центрах должен был исчезнуть по мере развития феодальных отношений.

Подобный же архаический институт — и дикая вира. Основной ее чертой является добровольный характер: «А кто не вложится в дикую виру, тому людье не помогают, но сам платить». Следовательно, можно вложиться и не вложиться в дикую виру. Лица, которые не вложились в дикую виру и не подверглись обвинению в убийстве, находились, если они не являлись представителями верхушки общества, в очень тяжелом положении: они должны были уплатить громадную по тем временам сумму денег — 40 гривен. Неуплата этой суммы влекла за собой весьма тяжелые последствия: продажу в холопы или передачу по качеству холопа родственникам убитого.

Но все эти архаические институты — вервь и дикая вира— исчезали, как указано, уже в период развития феодализма.

Вместо верви стали оформляться сельские общины, а институты дикой виры заменялись институтами круговой поруки. Эта круговая порука определялась не тем, что кто-либо «вложился» в нее на добровольных началах, а фактом принадлежности к этой сельской общине.

По мере развития системы кормления круговая порука стала охватывать не только членов сельских общин, но и жителей тех округов, где сидели кормленщики, а равно жителей волостей, станов, городов с уездом и т. д.

С другой стороны, но позднему русскому праву факт неотыскания преступника сам по себе не влек за собой карательных последствий для общины. Она теперь отвечала только за укрывательство преступника¹. В этих условиях составитель VI редакции решил опустить статью, говорящую об условиях и порядке платежа дикой виры. Но, очевидно, память о ней все же оставалась в момент составления рассматриваемой редакции, и составитель сохранил ее в составе ст.б (8): «Аще кто не вложится в дикую виру, тому люде не помогають, но сам платить».

Поскольку в данной редакции исключены статьи, регулирующие условия и порядок платежа дикой виры, получает несколько другой смысл статья об убийстве в разбое. В Пространной Правде противопоставляется убийство в сваде или на пиру убийству «на разбои», «без всякой свады». Пока убийство в разбое особого состава преступления не составляет: это только вид убийства*. В рассматриваемой редакции понятие разбоя как особого состава преступления стало уже развиваться. Это доказывается хотя бы наличием заголовка: «О разбойнице».

Некоторой новостью является в данной редакции установление нового состава преступления — удар на-

¹Н. Сергеевский, Наказание в русском праве XVII века, СПб., 1888, стр. 3(5—37).

смерть жердью. В Пространной Правде говорилось просто об ударе жердью («или жердию ударить»). Этот новый состав преступления появился здесь в результате неловкой редакционной работы составителя, которому необходимо было противопоставить удар мечом или ножом не насмерть — удару мечом или ножом насмерть. Но составитель почему-то для характеристики смертельного удара упомянул удар жердью.

Другой новостью по сравнению с Пространной Правдой является упоминание об ударе ножом. Но это упоминание об ударе ножом было заимствовано из статьи «О муже кроваве» («Аще же ударит мечем или ножем»).

3. Преступления против телесной неприкосновенности. Характерной особенностью данной редакции является то, что все статьи Пространной Правды о преступлениях против телесной неприкосновенности в ней отсутствуют. Нет никакого сомнения в том, что пропуск этих статей вовсе не был случайным: составитель строго следует в дальнейшем порядке расположения статей Пространной Правды.

Так, он приводит статью о поклепной вине, о неплатеже виры «По костех и по мертвецех», «О вседении на чужь конь», о свободе, о коневом и клетном тате — 7, 13 (18); 8, 14 (19); 9,26 (33); 10, 28-29(35); 12, 31. (37) и т. д.

Пропущены следующие весьма важные для Русской Правды— памятника главным образом уголовного и процессуального права — статьи: 17 (23) об ударе мечом или рукоятью меча; ст. 18 (24) об обнажении меча; ст. 19 (25) об ударе батоном, чашею, рогом, тылеснию; ст. 19 (26) об ударе мечом, вызванном всякого рода угрозами пострадавшего; ст. 20 (27) об увечиях—о повреждении руки или ноги, глаза; ст. 21 (28) о повреждении перста. Исключена была и ст. 56 (65) об ударе холопом свободного мужа. Возникает вопрос, чем же был вызван пропуск составителем этих статей? Неужели в то время, когда эта редакция составлялась, не было уже таких составов преступления? Конечно, эти составы преступления существовали, как только возникла Русская Правда,

Существовали эти составы преступления и во всех частях Руси.

Максимейко, в основном, правильно, на наш взгляд, ответил на этот вопрос. Он сделал из анализа статей Русской Правды о преступлениях против телесной неприкосновенности тот вывод, что установленные там наказания (12 гривен и 3 гривны) имели в виду защитить от этих преступлений только представителей «военно-землевладельческого» класса (т. е. класса феодалов) при игнорировании всех других сословий (т. е. городских низов и представителей класса феодально-зависимого сельского населения).

Мы в своей работе, посвященной смердам (1923 г.), высказали мысль, что вообще статьи о преступлениях против телесной неприкосновенности Русской Правды не могли иметь отношения к смердам, поскольку за их «муку без княжа слова» взыскивалось всего три гривны, в то время как по Русской Правде за удары батогами или жердию взыскивалось 12 гривен. Мы указывали, что «мука», пусть она устанавливалась княжеской администрацией — только без санкции самого князя (без княжа слова), включала в себе не только удары батогами, а настоящее истязание.

В Московском великом княжении, в конце концов, утвердился принцип, по которому большинство перечисленных посягательств стали входить в новые составы преступления — бесчестье и увечье. А бесчестье и увечье в Московском великом княжении подлежали наказанию по принципу, который очень хорошо был сформулирован в ст. 26 Царского Судебника в отношении крестьян, но применялся он и в отношении других групп общества:

«А за увечье указывати крестьянину, посмотри по увечью и по бесчестью; и всем указывати за увечье, посмотри по человеку и по увечью». Этот принцип и был положен в основу установления Царским Судебником особого тарифа за бесчестье.

Раньше Судебника 1550 г. был этот принцип выражен в Правосудье Митрополичьем: «по житию, по службе бесчестье судят»¹. А бесчестье и увечье в Московском

¹ Руська Правда, стр. 176.

великом княжении подлежало наказанию по принципу, который лучше всего был сформулирован в ст. 26 Судебника 1550 г.

Окончательно этот принцип был развит в Соборном Уложении 1649 г., в котором дается весьма развернутый тариф за бесчестье и увечье лиц разных категорий (2,27—99).

Вполне естественно, что этот принцип находился в полном противоречии с установками Русской Правды, в которой давались безусловно твердые санкции за те составы преступления, которые назывались впоследствии увечьем и бесчестьем; причем эти безусловно твердые санкции применялись как бы ко всем одинаково. Словом, благодаря дальнейшему развитию феодального права-привилегии, нормы о преступлениях против телесной неприкосновенности получили иной характер, и составитель, который, как было уже указано, хотел приспособить нормы Русской Правды к современному ему праву, вынужден был эти статьи исключить.

Вполне естественно исключение из Сокращенной редакции и статьи об ударе холопом свободного мужа. По этой статье взыскивается 12 гривен продажи в случае, если хозяин не выдавал пострадавшему холопа-оскорбителя, т. е. устанавливались также безусловно твердые санкции безотносительно от того, кто был пострадавшим, т. е. и здесь наблюдалось противоречие развитым нормам феодального нрава, которое уже применялось в судебной практике во время составления данной редакции.

4. Имущественные преступления. Большой переработке со стороны составителя Сокращенной редакции подверглись нормы Русской Правды, относящиеся к имущественным преступлениям. Некоторые нормы были пропущены, а другие подверглись изменениям. Среди пропущенных статей обращает на себя внимание пропуск ст. 36 (42) о краже скота на поле; ст. 37 (43) о краже гумна и жита в яме; ст. 38 (44) о краже коня. К числу статей, которые подверглись переработке и изменениям, надо отнести и ст. 39 (45), где слова «за кобылу 60 кун» заменяются словами «за лошадь», а

Перечень животных, за кражу которых устанавливалась продажа, сокращен; так, исключено упоминание о поросенке, об овце, о баране, о жеребце. Исключено и упоминание о продаже за коровье молоко.

Очень большим изменениям подверглась группа статей об имущественных преступлениях во второй части Пространной Правды: ст.ст. 60 (69); 61 (70); 62(71); 63 (72); 64 (73); 66 (75); 67(76); 72 (80); 73 (80); 74(81). Вместо этих статей составитель Сокращенной Правды дал четыре статьи, имеющие следующие подзаголовки: о бобре и разламании борти (24), о посечении борти (25—26), о перевесе (27—29), о гумне (ст. 30 и 31).

Наконец, составитель Сокращенной Правды переработал ст. 110(121) о краже, совершаемой холопом. Несомненно, пропуски и переработки составителем данной редакции Пространной Правды вызваны стремлением сократить материал, который ему казался непонятным. Но все же и при этом сокращении он руководствовался тем, что многие нормы Русской Правды противоречили слагавшейся в его время судебной практике, основные принципы которой в значительной степени определялись в результате дальнейшего развития феодальных отношений и дальнейшего роста классовых противоречий.

Чем же можно объяснить пропуск и переработку статей Пространной Правды об имущественных преступлениях составителем рассматриваемой редакции? Н. А. Максимейко указывает, что пропуск составителем Сокращенной Правды статьи о краже скота на поле мог быть вызван тем обстоятельством, что по московскому праву стал устанавливаться совершенно другой принцип ответственности, чем в Киевской Руси. В то время как по Пространной Правде похитивший скот в хлеве карался гораздо строже, чем похитивший скот в иоле, по московскому праву было наоборот. Н. А. Максимейко ищет аналогии более строгого отношения к краже скота в поле в византийском праве, где, по Василикам, этот принцип получил свое исчерпывающее выражение: «Qui ex grege vel silva domiturn animal abigit, graviter punitor; qui ex stahulo abstulit domi-

tun pecus, lenius punitor». Но этот принцип, само собой разумеется, стал устанавливаться самостоятельно а Русском государстве.

Составитель Сокращенной Правды, зная об установлении этого нового принципа в судебной практике, не решился, однако, изменить соответствующим образом статьи о краже в хлеве и в поле, а просто опустил последнюю. Но вполне возможно, что в тот период, когда была составлена Сокращенная Правда, еще не получил распространения в Московском княжестве, как это думает Н. А. Максимейко, принцип об установлении более тяжкого наказания за кражу скота в иоле, и кража скота и в поле и в хлеве наказывалась одинаково. И в этом случае составитель должен был уничтожить статьи о разном наказании за кражу скота в поле и в хлеве и заменить их одной, где говорилось вообще о краже, безотносительно от того, где она совершалась.

В Сокращенной Правде так и говорилось: «Аще крадет скот, за лошадь 60 кун, за вол гривна, за корову 40 кун» и т. д. Переработка других статей о повреждении чужого имущества и кражи объясняется тем, что в Северо-Восточной Руси и, в частности, в Московском княжестве не было тех хозяйственных объектов, какие существовали в Киевской Руси, а если еще и существовали, то потеряли свое хозяйственное значение, и едва ли имелся смысл сохранять нормы об охране этих объектов. Так, в Сокращенной Правде говорится только о краже бобра («А кто украдет бобр...»), тогда как в Пространной Правде имелось в виду целое хозяйственно-охотничье предприятие (бобровые гоны). Там норма о наказании за кражу бобра имела продолжение: «Аже будет росечена земля или знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати татя, ли платити продажу»—61 (71) Тр.

Составитель Сокращенной Правды, которому была непонятна техника бобрового лова, решил выкинуть все это, сохранив лишь указание о сети. Но в то время как в Пространной Правде нахождение сети было уликой для вора, укравшего бобров, составитель сделал сеть объектом кражи и записал: «А кто украдет бобр или сеть...».

Составителю осталась, повидимому, неизвестной и техника («бортевого») пчеловодства. Так, он опустил статью «О разнаменовании борти», ограничившись сохранением в усеченном виде нормы о ее «разломании». Значит, составитель Сокращенной Правды уже не мог отчетливо представить себе такой состав преступления, как разнаменование борти. Для него осталось неуясненным различие двух составов преступления похищения меда при условии «аже будет пчелы не лажены», осталось непонятным слово «олек», почему он и опустил эти нормы.

Н. А. Максимейко, как нам кажется, прав, когда объясняет причины переработки составителем Сокращенной Правды нормы Пространной Правды о последствиях кражи холопами ст. ст. 109 (120), ПО (121). Именно, он указывает, что эти статьи могли составителю показаться противоречащими друг другу и он объединил их в одну: «А чий холоп побежит, а возмет что у сосед, то платити господину чий холоп». Нам известно, что и некоторым исследователям казалось наличие противоречия в этих статьях, например Сергеевичу¹.

5. Договора. Большие изменения сделал составитель Сокращенной редакции и в области норм, относящихся к системе договоров: а) закупничества; б) займа.

Коснемся прежде всего закупничества. Мы в своих работах проводим взгляд, что закупничество — это отношение *sui generis*. Источником закупничества могли быть наем (почему в некоторых списках Русской Правды закупы отождествляются с наймитами), заем и др. Закупничество существовало в Киевской Руси, а затем оно сохранилось в Литовском государстве, как это в свое время было доказано Ясинским. Но вполне возможно, что закупничество в Литве уже значительным образом отличалось от закупничества Киевской Руси. После распада Киевского государства закупничество исчезло в Новгородской земле и в Северо-Восточной Руси, где оно до известной степени заменилось кабальными отношениями. Словом,

¹ В. И. Сергеевич, Древности русского права, т. I, стр. 112—113.

можно полагать, что в Северо-Восточной Руси закупничество перестало давно быть известным. Естественно, что составитель Сокращенной Правды исключил полностью статьи Пространной: 50(56), 51(57), 52 (58), 53 (59—62), 55 (64).

Что касается займа, то составитель Сокращенной Правды внес следующие изменения.

Были пропущены статьи 42 (48) и 45 (52). По этим статьям не требовались послухи для признания займа действительным (заем, совершаемый между купцами и заем, совершаемый на сумму не свыше 3 кун). Пропуск этих статей объясняется тем, что форма заключения займа в XIV—XVI вв. подверглась сильному изменению, именно, она и в В. Новгороде и в Северо-Восточной Руси стала получать письменный характер (в В. Новгороде — доски, а в Северо-Восточной Руси так называемые кабальные записи). Естественно, составитель Сокращенной Правды, приспособив нормы Русской Правды к существующей практике, не мог оставить в тексте ст. ст. 42 (48), 45 (52). Ведь тогда к главной части заключаемых договоров займа, т. е. к договорам, заключаемым купцами, к договорам, заключаемым на небольшие суммы, не предъявлялось никаких формальных требований. Опустив эти две статьи, составитель ограничился сохранением общей нормы ст. 44(50): «Аще кто дает куны в рзы или жито в п р и с о и в, то п о с л у с и ему ста в ити, как ся рядил, так ему и имати».

Но устанавливая эту общую норму составитель пропустил слова: «или наставъ въмедъ», и этот пропуск характерен для Северо-Восточной Руси, где пчеловодство не играло той роли, какую оно имело в Киевской земле, — месте происхождения Русской Правды. Пропущены были статьи, регулирующие величину процентов по займам — 45 (51), 46 (52), 47 (53).

Пропуск этой статьи мог быть обусловлен, с одной стороны, тем, что в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. стали создаваться иные нормы о дозволенном размере процентов по займам, а с другой стороны, составитель Сокращенной Правды стремился переработать текст Пространной так, чтобы у его совре-

менников не оставалось никаких неясностей в понимании отдельных норм. Но всем известно, что статьи Русской Правды об ограничении процентов вызывали большие споры при их толковании со стороны исследователей. Тем более они могли показаться неясными составителю и он опустил эти статьи.

6. В области наследственного права составителем Сокращенной Правды было допущено два более или менее крупных изменения по сравнению с Пространной Правдой, а именно: была пропущена статья о наследовании смердов /81 (90)/ и статьи, в которых говорится о наличии собственности у матери и праве распорядиться ею по своему усмотрению — ст. ст. 93(103), 95(106). Пропуск ст. 81 (90) вполне понятен, если мы учтем, что в Северо-Восточной Руси давно (по крайней мере, с конца XII в.) исчезла группа сельского населения, называемая смердами, а следовательно, и самый термин. Составитель не желал сохранять норму, смысл которой был непонятен как ему, так и его современникам.

Что касается пропуска статей, говорящих о праве со стороны матерей делать завещательные распоряжения в отношении своего имущества, то можно не сомневаться, что женщины в XIV—XV вв. в Северо-Восточной Руси по мере развития феодализма должны были утрачивать имущественные права, о которых говорилось в Пространной Правде XII вв.

7. Довольно серьезные изменения были сделаны составителем Сокращенной Правды в отношении судебного права.

Среди этих изменений обращает на себя внимание пропуск ст. 16(22) об ордалиях, т.е. испытании железом и водой, а также о роте (присяге), ст. ст. 68 (77); 77 (85); 78 (86—87); 57 (66); 7 (9); 8 (10); 86 (96); 87 (97); 96 (107); 98 (109).

Довольно серьезные изменения были сделаны составителем Сокращенной Правды в области норм, относящихся к судебному праву.

Здесь прежде всего следует указать на пропуск большого числа статей о судебных доказательствах — 16 (22); 57 (66); 68 (77); 77 (85); 78 (86—87) и всех ста-

тей о всякого рода сборах и пошлинах 7 (9); 8 (10); 86(96); 87(97); 96(107); 97(108).

Кроме того, имеется ряд изменений в самом тексте статей, причем эти изменения большею частью относятся к нормам о доказательствах. Так, составителем были опущены те части статей Пространной Правды, которые описывают процедуру и подробности свода: 28(35); 30(36); 31 (37); 32(38); 33(39).

Обратимся прежде всего к материалу, относящемуся к судебным доказательствам. Здесь пропущены те статьи, которые имеют отношение к развитой системе ордалий. Ордалии — испытание железом, водой и пр. — получают распространение в период наибольшего развития состязательного процесса, который в свою очередь падает на период феодальной раздробленности. С развитием товарных, денежных отношений и ростом классовых противоречий возникает следственный процесс — сыск или розыск. Ордалии начинают уступать другим видам судебных доказательств: показаниям свидетелей, письменным доказательствам, а в сыске — повальному обыску и пытке.

Если мы возьмем основные памятники, относящиеся к суду в В. Новгороде или в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., в частности к Московскому великому княжеству, то там мы не найдем упоминания об испытании железом или огнем. Из всех ордалий как в В. Новгороде, так и в Северо-Восточной Руси, продолжал сохранять свое значение лишь судебный поединок. Известно, какое внимание ему уделялось в Псковской Судной грамоте и в Судебнике 1497 г.

Вполне естественно, что составитель Сокращенной Правды, стремясь переработать нормы Русской Правды на основе современной ему практики, опустил все статьи, в которых говорилось о вышедших из употребления испытаниях водой и железом /ст. ст. 16(22); 77 (85); 78 (86—87)/.

Выпущена была статья 68 (77) о «гонении следа», поскольку в Северо-Восточной Руси гонение следа стало все более и более сближаться с институтом повального обыска. Ответственность жителей села, которые не отвели от себя следа, не ограничивалась

платежом продажи и урока; они, по правилам сыска, стали подвергаться пытке. Так, по крайней мере, говорит о позднейшей эволюции института «гонении следа» Соборное уложение 1649 г. (XX 1,60).

Многие нормы Пространной Правды о доказательствах были составителю и тем более рядовому читателю Кормчей, в которой обычно они находились, совершенно неясными. Вполне естественно, что составитель, который вообще имел в виду в качестве основной своей задачи сокращение Пространной Правды, опустил некоторые статьи, относящиеся к доказательствам, и переработал в духе современного права те статьи, по которым в нраве Северо-Восточной Руси, а затем в московском нраве права холопов, как послухов, а затем свидетелей, расширились. Известно, что Соборное Уложение допустило к свидетельству на суде боярских людей, т. е. холопов (X, 173).

Этим, несомненно, объясняется то, что составитель Сокращенной Правды опустил ст. 57(66) и сократил ст. 77 (85), где говорилось об особых условиях признания действительными показаний холопов, на которых ссылался истец.

Были опущены статьи о процедуре и подробностях свода, хотя свод как институт сохранился в Сокращенной Правде. Н. А. Максимейко правильно, на наш взгляд, указал, что свод в Северо-Восточной Руси эволюционировал к очной ставке, которая получила свое окончательное оформление и регламентацию в Соборном Уложении (XXI, 75).

Составитель Сокращенной Правды опустил все статьи, относящиеся к судебным пошлинам и к другим сборам (уроки городнику и уроки мостникам). Этот пропуск совершенно понятен, поскольку в XIV—XV вв. и Северо-Восточной Руси вводится другая система судебных пошлин и других сборов, которая достаточно четко выявилась в Двинской и Белозерской Уставных грамотах и в особенности в Судебнике 1497 г.

Итак, вдумываясь в те изменения, которые были внесены составителем Сокращенной Правды, нетрудно установить, что в его время многие статьи Пространной Правды уже утратили свое действие.

§ 4. Место возникновения Сокращенной Правды

Время происхождения Сокращенной Правды с большей, легкостью может быть установлено после решения вопроса о месте ее возникновения. Как можно было установить из историографического обзора, здесь сложились два мнения по этому вопросу.

В то время как Мрочек-Дроздовский и Максимейко считают, что Сокращенная Правда возникла в Москве, М. Н. Тихомиров настаивает на новгородском ее происхождении.

Анализируя статьи Сокращенной Правды, мы, следуя Н. А. Максимейко, установили, что составитель ее находился под весьма сильным влиянием права Северо-Восточной Руси и, в частности, под влиянием московского права. Этим предreshается вопрос об ее происхождении. Она возникла в Северо-Восточной Руси, вероятнее всего в Московском великом княжении.

Нам надлежит теперь подробно рассмотреть доводы М. Н. Тихомирова¹ о новгородском происхождении Сокращенной Правды.

Он причисляет к числу этих доводов:

а) терминологию Сокращенной Правды, знающей видоков как очевидцев и послухов как свидетелей доброй славы. Но о видоках и послухах говорит и Пространная Правда, следовательно, эта терминология Сокращенной Правды вовсе не носит специфического характера. В частности, о послухах говорят и московские источники. Этот довод может иметь значение только тогда, когда будет доказано, что слово «видок» — новгородского происхождения и ни в одной части Киевской Руси оно более не встречалось. Но для этого надо иметь словарь областных наречий. Данных для составления этого словаря мы не имеем, следовательно, нет возможности утверждать, как это делает М. Н. Тихомиров, что слово «видок» это только новгородский термин;

¹ М. Н. Т и х о м и р < > к, Исследование, стр. 1¹Д" и ел.

б) по мнению М. Н. Тихомирова, доказательством новгородского происхождения Сокращенной Правды является особый ее интерес к холопам, который невольно напоминает позднейшие требования о выдаче беглых холопов, помещаемые новгородцами в договорах с великими князьями. Этот довод М. Н. Тихомирова мог бы иметь какое-либо значение, если бы в других частях Руси не существовали холопы или к ним проявляли бы крайне слабый интерес. Наоборот, именно в В. Новгороде и в Пскове XV в., т. е. тогда, когда возникла, по мнению М. Н. Тихомирова, Сокращенная Правда, холопы, как рабочая сила потеряли значение. О холопах почти не упоминается ни в Новгородской, ни в Псковской Судной грамоте. Наоборот, холопы в других частях и в особенности в Северо-Восточной Руси, играли несравненно крупную роль, нежели в В. Новгороде;

в) третьим доводом новгородского происхождения Сокращенной Правды является, по М. Н. Тихомирову, якобы особое положение боярства, которое проявляется в наличии особой статьи «о заднице боярстей». Но ведь статья «о заднице боярстей» вовсе не является специфической для Сокращенной Правды. Эта статья содержится и во II, и в III, и в IV редакциях Русской Правды;

г) четвертым доводом М. Н. Тихомирова является указание, что в Сокращенной Правде опекуну передается и товар, который предполагается отдать в проценты и в торговлю («изрезит товаром тем или пригостит»). Особый интерес к торговле проявляется в статье о холопстве, где предусматриваются торговые операции холопов («а кто пустит холопа в торг»).

Для каждого, элементарно знакомого с Русской Правдой, известно, что о передаче товара опекуну (кстати сказать, товар на Руси IX—XIV вв. означал ничто иное, чем объект торговых операций) и о поручении холопам торговых операций говорят и II, III, IV и V редакции Русской Правды,

Так, по ст. 89 (99) Гр. «Аже будут в дому дети мали, а не джи ся будут сами собою иечаловати, а мати им поидеть за мужь, то кто имь ближии будут, тому же

дати на руке и с добыткомъ и с домом донележе возмогутъ, а то в а р дати перед людми; а что сре-зить товаромъ. темь ли пригостить, то то ему себе, а истый товар воротить им».

Или по ст. 106 (117) Гр. «Аже пустить холоп в торг, а одождаетъ, то выкупати его господину и не лишитися его».

Словом, все эти нормы вовсе не являются специфическими для Сокращенной Правды и таким образом эти доводы М. Н. Тихомирова теряют свое доказательственное значение.

Положение М. Н. Тихомирова о том, что, поскольку Кормчая, которая включала в свой состав Сокращенную Правду, обнаруживает некоторый интерес к новоучрежденной (в 1383 г.) Пермской епископии, то для этой якобы епархии, возможно, и была составлена в качестве особого юридического пособия Сокращенная Правда, не основано на каких-либо фактах/Это— голое предположение. Нельзя же в самом деле считать серьезным доводом, например, такие рассуждения: «Книги законные были слишком громоздки по содержанию и не могли удовлетворить потребности новой Пермской епархии в юридическом пособии»¹. Но Книги законные, т. е. сборник византийского права могли быть признаны слишком громоздкими не только для одной Пермской епархии, но и для всех русских епархий. Словом, доводы М. Н. Тихомирова о новгородском происхождении Сокращенной Правды являются для нас совершенно неубедительными. Приходится признать, следуя большинству исследователей, московское ее происхождение.

§ 5. Время происхождения Сокращенной Правды

Итак, нами установлено московское происхождение Сокращенной Правды. Возникает вопрос: когда же она могла появиться? Исследователи, которые настаивали на московском происхождении, относили

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 19,1.

ее происхождение или к XVI—XVII вв. (Ланге)¹ или ко второй четверти XVII в. (Мрочек-Дроздовский)² или, наконец, к середине XVII в, как это делал Н. М. Максимейко, причем последний проводит связь между составителем этой Правды и московской кодификацией 1649 г.

М. Н. Нихомиров, с одной стороны, связывает ее происхождение со временем организации новой Пермской епархии (1383 г.), для которой были составлены новая Кормчая и юридическое пособие, а с другой — без всякого уточнения, приурочивает ее возникновение к концу XIV или к началу XV вв.

В. И. Сергеевич³ относит происхождение Сокращенной Правды на более ранний срок—на XIII в. и никак не ранее конца XII в., причем это предположение он аргументирует тем, что в ее тексте были пропущены имена князей Ярослава, его сыновей и Владимира Мономаха.

Коснемся прежде всего взгляда В. И. Сергеевича. Уже Н. М. Максимейко отметил слабость его аргументации. Она основана не на подробном анализе всего памятника, а только на том, что пропущены имена князей Ярослава и Владимира Мономаха, которые якобы были уже забыты составителем Сокращенной Правды. «Но почему это обстоятельство должно указывать непременно на XIII в. или конец XII века, это остается неясным: ведь память о названных князьях изгладилась и в позднейшие столетия», справедливо говорит Н. А. Максимейко¹.

Нельзя согласиться и с решением вопроса о времени происхождения Сокращенной Правды со стороны тех исследователей, которые настаивали на ее мос-

¹ П. Л а П г с, Исследован не об уголовном праве Русской Правды, стр. 0.

² П. М р о ч е к - Д р о з д о в с к и й , Новое издание Русской Правды, стр. 4.

³ В. И. С е р г е е в и ч, Лекции и исследования, стр. 70.

¹ Н. А. М а к с и м с и к о, Указ. соч., стр. 102.

ковском происхождении и притом в XVI—XVII вв. Ведь все названные исследователи считают, что Сокращенная Правда была составлена для практических надобностей. Составитель имел своей целью приспособить нормы Русской Правды к существовавшему в его время правовому строю, с таким расчетом, чтобы она могла применяться в существовавших тогда судах. Но какой был смысл перерабатывать Русскую Правду после издания Царского судебника, губных и уставных грамот, появления указных книг приказов и к особенностям в период московской кодификации 1649 г. В XVI и XVII вв. сложилась весьма развитая система московского права, по сравнению с которой Сокращенная Правда являлась явным примитивом, не имеющим особого практического значения. Какому судье, какому администратору могло прийти в голову руководиться нормами Сокращенной Правды, которая все-таки была С о к р а щ е н н о й по сравнению с П р о с т р а н н о й П р а в д о й, когда в XVI—XVII вв. все институты московского права получили свое развитие? Тем более, никакой связи Сокращенная Правда не могла иметь с Соборным Уложением 1649 г. Ведь в чем могла выразиться эта связь? Или в том, что Сокращенная Правда была источником Соборного Уложения 1649 г. или Соборное Уложение было источником Сокращенной Правды. Но что могли заимствовать составители Соборного Уложения из этой все же небрежной переработки Русской Правды, когда даже при составлении Судебника 1497 г. были заимствованы только две статьи Русской Правды. И наоборот, составитель Сокращенной Правды в целях приспособления ее к московскому праву мог обращаться, как мы это показали, не к Соборному Уложению и не к III Литовскому Статуту, а к тем нормам, которые сложились в Северо-Восточной Руси и в Московском великом княжестве в более раннее время. А самое главное, какая могла быть связь с московским правом XVI и XVII вв., когда в Сокращенной Правде сохранились такие архаические нормы уголовного права, как вира в размере -so гривен, «вина» в размере 9 гривен, дикая вира[^]

продажи и уроки, в размере, тождественном с размером Пространной Правды?

Более серьезный довод, который выдвигают защитники позднего происхождения Сокращенной Правды, это указание на то, что она помещалась в рукописях, относящихся к XVII в. Но в истории Русской Правды факт нахождения того или иного списка в поздней рукописи не имеет особого значения при датировке этого списка. Известно, что Краткая Правда, возникшая в XI в., дошла до нас в списках 1-й Новгородской летописи середины XV в. Вполне естественно предположение о том, что Сокращенная Правда могла находиться и в Кормчих более раннего времени, которые до нас не дошли. Нам думается, что если составитель Сокращенной Правды действительно имел практические цели — приспособить ее к действующему праву, а в этом сомневаться нельзя, так как в сто работе имеется совершенно определенная и притом строго проводимая система отношений к нормам Пространной Правды, то это могло быть только тогда, когда этот юридический памятник Киевского государства еще не окончательно утратил свое значение и *когда* основные принципы московского права только стали утверждаться и, наконец, в Северо-Восточной Руси, в частности в Москве еще не было сделано попыток кодификации права.

• -
Нам думается, что таким временем является первая половина XV в. и в крайнем случае вторая половина XV в. (до издания Белозерской грамоты и до Судебника 1497 г.).

§ 6. Значение Сокращенной Правды

Как было указано, большинство историков права не придает особого значения Сокращенной Правде в истории русского права. Ее обычно называли самостоятельной. Но Н. А. Максимейко, считая ее «московской редакцией» Русской Правды, должен был несколько иначе подойти к этому вопросу. Он считал,

что составление Сокращенной Правды являлось последним этапом на пути постепенного приспособления Русской Правды к нуждам судебной практики и ее решительной и основательной переработки в духе московского нрава¹.

Еще большее значение придает Сокращенной Правде М. Н. Тихомиров², который настаивает на большей древности ее текста по сравнению с Пространной и на признании ее особой редакцией Правды, сохранившей более древний состав, чем Пространная.

Мы, как известно, не разделяем взглядов на происхождение Сокращенной Правды ни М. Н. Тихомирова, ни Н. А. Максимейко. Тем не менее, мы признаем большое значение в истории русского права Сокращенной Правды. Мы уже неоднократно указывали, что эта VI редакция является не только сокращенной, но и переработанной редакцией одного из списков II редакции. Наиболее близким к нему был список Царского III. Сокращение во многих случаях предопределялось тем, что составитель стремился исключить те нормы Пространной Правды, которые вышли из употребления. Сокращение Пространной Правды явилось не капризом составителя, сокращением для сокращения, а преследовало определенные цели. VI редакция является таким образом очень важным моментом в истории Русской Правды и в истории русского нрава вообще. Ее составление показывает, что Русская Правда не была отброшена сразу же после распада Киевского государства, а долгое время существовала, причем делались попытки ее переработать на основе новых норм обычного права и судебной практики. Как известно, имеется весьма крупный пробел в истории источников русского права между Русской Правдой с одной стороны, и Псковской Судной грамотой и Судебником 1497 г. — с другой. Правосудие Митрополичье и VI редакция Русской Правды как бы заполняют этот

¹ Н. Л. Максимошко, Московская редакция Русском Правды, стр. 162.

² М- П. Тихомиров, Исследование, стр. 103—194.

весьма обширный пробел и дают некоторую возможность проследить основную эволюцию в развитии права в период феодальной раздробленности. Однако, признавая важное значение за VI редакцией, надо тем не менее отметить, что обработка ее составителем материала — одного из списков Пространной Правды была мало удачна. Часто он при изложении той или иной нормы стремился только свести, как говорят, концы с концами. Благодаря этим плохим качествам переработки, эта редакция Русской Правды долгое время и не была предметом какого-нибудь внимания со стороны исследователей.

Г Л А В А Г Р Е Г Ъ Я

V РЕДАКЦИЯ

§ /. Вводные замечания

V главе, посвященной истории Русской Правды в памятниках сложного состава, в Кормчих и в разного рода сборниках, нами был показан процесс возникновения данной редакции. Нами было установлено, что имелись юридические сборники, в состав которых кроме русских статей входил Закон Судный людем. Затем стала наблюдаться тенденция включить текст :>того памятника в текст Русской Правды, а затем эта тенденция, как было указано, получила свое окончательное выражение в возникновении единого литературного целого, причем оглавление и начало Закона Судного людем было опущено. Что это литературное целое существовало в русской юридической письменности доказывается наличием в некоторых рукописях (например, ПБ, Соловецкого собрания, № 412(968)858) *о с о б о г о о г л а в л е н и я*, начинающегося с первой статьи Русской Правды. Чтобы еще сильнее представить данный памятник, как одну из редакций Русской Правды, составитель заключил его рядом русских статей, которые по содержанию и стилю являются весьма близкими к статьям Русской Правды

§ 2. Взаимоотношение списков

До нас дошли четыре списка данной редакции: 1) Археографический И, 2) Соловецкий V, 3) Список летописи Авраамки, 4) Погодинский V список.

Сопоставляя текст всех дошедших до нас списков этой редакции с текстом протографа II, III, IV редакций, необходимо иррити к выводу, что наиболее близким к нему является список Археографический II. так как у этого списка меньше отступлений от него. Наоборот, другие списки обнаруживают больше, нежели список Археографический II, ошибок, пропусков и прочих дефектов. Список же Соловецкий V имеет, кроме того, много всякого рода добавлений, носящих риторический характер.

Так, список Авраамки имеет следующие дефекты¹:

сбращашь *ем.* сбращася (138, 51), ино *ем.* иное (138, 62), то *нет* (138, 69), дела *ем.* дт-ля (138, 74), понервное *ем.* по верни (138, 85), тоже *ем.* также (139,20), шпона *ем.* пшена (139,22), голважинъ.и. голважень (139,24), прикладна *ем.* перекладная (139,30), Ожо *ем.* Аже (139,33), вира *ем.* вира (139,34), *доб.* 10 (139,36), ратаинемъ *ем.* ратаинемъ (139,51), платити *ем.* платлти (140,9), нирию *ем.* виру (140,13), выры *ем.* виры (140,21), плати *ем.* платити (140,67), видока *ем.* видокъ (140,73), продаже *ем.* продажи (140,5), лѣцьное *ем.* лечебное (141,6), вы дока *ем.* видока (141,20), заключю *ем.* заклично (141,32), взяти *ем.* вдати (140, 60), конча *ем.* конца (142,3), свод *ем.* скот (141,38), есми *нет* (142,40), сводех *ем.* сводъ же (142,48), всим *ем.* всъмъ (143,5), о тадбТ), Аще крадоуъ скот или овци *нет* (143,10), дногат *ем.* ногат (143,45), гозбу *ем.* гостьбу (144,3), иокажай *ем.* поклажей (144,5), лежало *ем.* лежал (144,7), Володи миров ел. Володи меръ (144,40), Бвлогорочскаго *ем.* Бълогородскаго (144,50), рѣзе *ем.* рѣза (144,61), купечь *ем.* купецъ (145,4), мочи начистъ *ем.* нач-неть мочи (145,11), гостиви *ем.* гостеви (145,42), обильный *ем.* обельный (145,50), а любо взяти гривна з сором *нет* (146,74), на *нет* (157,10), 2 *ем.* 12 (147,48), бчелы *ем.* пчелы (147,71), чолонъ *ем.* челн (148,37), дъчьского *ем.* детского (149,11), зап *ем.* запа (149,17), а товар дати им пред людьми *нет* (150,67), целовался *ем.* печаловался (150,70), женахъ *ем.* же life (151,5), дт.лечъ *ем.* д'Блепъ (151,63), ролейновл* ролбиной (151/75), метнику *ем.* мечнику (151,78), бес *ем.* безъ (152,6), трт.и *ем.* трип (152,7).

Имеется большое число дефектов и в других частях этого списка.

Имеет значительное число дефектов и список Погодинский IV. Среди них можно указать на следующие, наиболее значительные:

¹ См. Руська Правда, К, 1935 г. (первая цифра означает страницу, вторая примечание).

словесник *ем.* Словении (138,45), дт-коюю *ем.* дикую (138,77), оувпл *ем.* оубил (138,83), ремественики *ем.* ремествешк'Ъ (139, 53), смертная *ем.* сметная (140,17), клепла *ем.* клепал (140,19), належить *ем.* пелезеть (140,24), платить *ем.* платити (140,75), послидь *ем.* послды (141,46), свадб'Ъ *ем.* татб'Ъ (142,12), сводхъ *ем.* свод* (148,48), *кимвм.* кым (142,53), Володимеров *ем.* Володи-меръ (144,40), сто *ем.* исто (144,62), должниц'Ъ *ем.* должници (145,45), тое *ем.* то (146,3), ноу жди *ем.* ноужи (147,4), розломить *ем.* разломить (147,40), ноптпя *ем.* нагата (150,16), мосътоу *ем.* мосту (150,31), возомогуъ *ем.* возомогуъ (150,06), которуя *ем.* котирую (151,58), метышкоу *ем.* мечнику (151,73), местннку *ем.* мечнику (151,80), дале *ем.* дачь (152,24), држить *ем.* держать (152,54).

Но особенно много отступлений от текста протографа данной редакции наблюдается в Соловецком V списке.

Перечислим наиболее крупные его варианты в отношении Археографического списка.

Доб. А се сказ о.Русской Правде (138,17), осмидесягъ *ем.* 80 (138,32), гражаннвл* горожаинъ (138,37), *доб.* за его (138, 46), *доб.* великомъ же (138,49), *доб.* Володимеръ (138,53), *доб.* Вячеславъ (138,54), *доб.* сиа (138,57), *доб.* и тако укоша яже (138, 00), *доб.* сиа (138,78), ntpnin *ем.* вврпни (139,10), пяток *ем.* пятицоу (139,19), головажинъ *ем.* головажень (139, 24), вородъ *ем.* ворот (139,27), прикладная *ем.* перекладная (139, 30), Аще *ем.* Оже (139, 33), а за голову 3 гривнв *нет* (139,40), въра *ем.* вира (140,4), аще *ем.* оже (140,5), позлати *ем.* знати (140,11), пьрув.и. виру (140, 13), аще *ем.* оже (140,14), в1,роу *ем.* виру (140,16), аще сл. аже (140,30), м'ньши *ем.* мене (140,32), *доб.* мужъ мужа (140, 35), Аще *ем.* Оже (140, 40), А иже ли *ем.* Оже (140,41), телеснию *ем.* тылеснию (140,44), десять *ем.* 10 (140,55), Аще *ем.* Оже (140,56), *доб.* же оубо (140,62), *доб.* княжь (140,64), *доб.* за сию рану (140,75), вылТ.зеть *ем.* выльзоуъ (141,3), *доб.* ли (141,4), лпцбпое *ем.* лечебное (144,6), *доб.* же есть (141,9), *доб.* то 3 гривны продажа, а самому гривна за рану (141,21), *доб.* ли (141,26), *доб.* продажи (141,63), *доб.* вины и во (142,31). и паки *ем.* то (142,66), видели *ем.* видвли (142,73), *доб.* О гоумнт, (143,18), тридесять *ем.* тридесяти (143,22), аще *ем.* аже (143,23), зань *ем.* за пего (143,30), О взискании коунъ *ем.* коунъ въЗышетъ (143,70), *доб.* А о купць, иже дасть куны в куплю (143,83), *доб.* сиче (144,8), *доб.* ино (144,9), наста *ем.* настав (144,16). сиче паки *ем.* то (144,34), *доб.* на него (144,39), *доб.* А се (144, 39), *доб.* великого князя брата Ростиславля, внука Ярославля (144,41), доо.положиша о резах и оустави (144,56), себе омогатпя *ем.* мочи (145,12), платити *нет* (145,13), А *tin* сказ о долгах ко-муждо есть *ем.* А се долги (145,29), *доб.* он гостеви томоу не уч-петь (145,38), *доб.* за его товаръ (145,42), *доб.* паки (145,49), обт.ды *ем.* обиды (145,68), *доб.* на ино (145,76), простъвл. продасть (146, 28), *доб.* потому же продажа (146,40), бити разязав еж. также

2 гривны (146,73), или паки *ем.* а любо (146,74), *доб.* О братъ. (147,11), *доб.* О зубъхъ (147,19), не *т* будет * ли татя, то 5 коунълет(148,1), *доб.* есть инакии (148,16), *доб.* О конгъ. А кто коупитъ княжь, бояринъ, или коупецъ, или сирота, а боудеть в кони чернь или проестъ, а то поидеть к государю оу кого боудеть коупилъ, а тому свое серебро^взяти в задъ (149,20), О убіеніи жеиьстъм *ем.* О жені> (149,27), *доб.* а прок взяти (149,45), аще ли паки боудеть сей на женоу *ем.* любо си на женоу будеть взло-жилъ (149,71), *доб.* съ ей доводомъ (150,7), *доб.* Да егда (150, 11), мога *ем.* може (150,42), или кто *ем.* токмо (150,57), *доб.* паки есть (150,62), *доб.* еже есть за тое (150,69), *доб.* пред люд-ми (150,80), *доб.* ли кождо есть (151,9), мечнику *ем.* метникоу (151,80), Л се о холопъствъ рчь *ем.* А се оурош ротнии (152, 1), *доб.* О ковати мужемъ. Ащели коустъ моужь моужа, или кого ни есть в ни и в или колико ст.днть, взяти железного 5 коунъ, а кормить свимъ хѣноуМв, ипо емоу взяти грпвнада 5 кунъ (153,39).

Словом, каждый из трех списков имеет настолько значительные разночтения с протографом Пространной Правды, что его нельзя считать первоначальным списком данной редакции. Наиболее близким к этому списку надо все же считать список Археографический П.

Но и он имеет ряд весьма серьезных дефектов, в частности, переписчик пропустил ряд очень важных норм, воспроизведенных Соловецким V списком:

Доб. а за смердпй холопъ 5 гривен,*аза кормилна 12 гривен такожъ (139,57), *ооб.* за свинью 5 кунъ, за порося ногата, за ов-цю 5 куп (143,41), *доб.* а безъ люден в поклепъ, нтьъ продажи (147,19), *Ооб.* или межнии то 12 гривнв продажи (147,53), *ооб.* за куря 9 кунъ, за лебедь 30 коунъ (148,45).

Анализ дошедших до нас списков Русской Правды V редакции показывает довольно продолжительную и сложную ее историю. От ее протографа успели развиться уже своего рода изводы (например, Археографический V и Соловецкий), которые стали довольно значительно различаться друг от друга уже в XV в.

£ 3. Источники V редакции

V редакция является наиболее сложной из всех дошедших до нас редакций Русской Прайды. Она состоит не только из русских памятников, но и памятников иноземных.

1. Она начинается с особого предисловия: «Писано бо есть: проливая кровь человекъскоу за кровь оного да пролиется кровь его... друзии же златолубия ради корчельствуютъ».

Это предисловие является выдержкой из «Слова о судиях и клеветах Василия Великого», которое обычно помещалось в Мерилах Праведных Троицкого вида. Это предисловие является более кратким, нежели предисловие к Пушкинскому списку IV редакции. В нем отсутствует несколько предложений: «Нища не помиловати, яко леть... лукавства на ближнего своего».

Приводя выдержку из «Слова о судиях и клеветах», принадлежащего Василию Великому, составитель юридического сборника, в котором образовалась данная редакция, не упомянул об его авторстве. Вследствие этого выдержка производит впечатление специально написанного к Русской Правде данной редакции-предисловия.

2. После предисловия идет текст Русской Правды. Нами были установлены различия между отдельными дошедшими до нас четырьмя списками Русской Правды данной редакции и приведены соображения о том, что ни один из дошедших до нас списков не может быть признан первоначальным. Каждый из них имеет ряд общих, ему только присущих разночтений с протографом II—IV редакций. Наиболее близким к протографу Русской Правды данной редакции является список Троицкий IV.

Кроме ряда важных общих разночтений, близость списка IV Троицкого к протографу Русской Правды V редакции определяется одинаковыми предисловиями к Русской Правде (то и другое начинается словами: «Писано бо есть: проливая бо кровь чело-веческу»... и наличием статьи «Аще холоп бегаа до-будеть товара, то господину же и долг и товар, а не лишиться его»).

Троицкий I и Синодальный списки отличаются от Русской Правды V редакции тем, что начало статьи опущено («Аже холоп бегая будеть добудеть товара, то господину долг...»).

А Синодальный список кроме того отличается от V редакции тем, что в нем опущена статья о поклепной вире и различен порядок расположения многих статей во второй части текста.

Пушкинский список отличается от Русской Правды V редакции весьма многими отступлениями от текста. Приведем лишь главнейшие¹.

Устав великого князя *ем.* Суд Ярослава князя. Устав о всяких пошлинах и о уроцах (402,1), *доб.* мужь (402,2), положить *ем.* положи (402,3), гридь *ем.* гридин (402,4), людинь *ем.* один (404, 2), верви ныне *ем.* вервине (404,8), О ремественнике и о ре-мественнице *ем.* О ремественице (408,1), *доб.* А за смердии холоп 5 гривен, а за кормилца 12 гривен тако же и (408,3), *доб.* а не ударить, то гривна кун. Оже кто ударить (410,7), Ащс по-знаеть челядин *ем.* О челядине (416,4), *доб.* будет ли их -много, то всем по 60 кун (418,3), *доб.* за свинию 5 кунь, за поросю ногата, за овцо 5 кун (420,2), Ожс пчелы выдерсть 3 гривны, а за пчелы, аже будуть не лажепы пчелы, то 10 кун, будет ли олек, то 5 кун, *ем.* Ащс пчелы не лажепы 10 кун, будет ли олек, 5 кун, аще пчелы выдреть, 3 гривны продажи (436,1), *доб.* будут ли дети то, что первой жены, то то, возмутъ дети матери своей; любо си на жену будетъ возложил... (444,1), отдадать ю братья за мужь како ей могутъ *ем.* отдадать ю замужь но силе братья (444,2), *доб.* А се уроци судебнии. А се уроци судебнии: от виры 9 кун, а метьнику 9 векошь, а от бортное земли 30 кун, а метьнику 12 векши, а от ролейной земли такожде, а освободивше челядинь 9 кунь, а митнику 9 векошь, а от иных от всех тяжь, кому возмо-гутъ, по 4 коуны, а метьнику 6 векошь (450,2), *доб.* А се третье холопство: тиунство без рядоу; с рядом ли, то како ся будетъ рядил, на том же стоить (452,3), *доб.* то господину выкупати, а не лишитися, ведая ли будетъ дал (454,15).

Не может быть признан протографом Русской Правды V редакции и Карамзинский список, содержащий ряд статей, известных под названием «Устава о резах» и заканчивающихся статьями, которые являются особенностями этого списка («О человеце» и «О муке»).

Словом, Троицкий IV список ближе к протографу Русской Правды V редакции, нежели какой-либо из дошедших до нас списков. Но признать его протографом этой редакции нельзя, так как ее списки имеют ряд особенностей в тексте, невоспроизводимых этим списком.

¹ См. Правда Русская, изд. АН СССР, М.— Л., 1940 г. (первая цифра обозначает страницу, вторая примечание).

Поскольку текст Русской Правды V редакции не содержит основного дефекта Троицкого и Синодального списков (где отсутствует начало статьи: «Аще холоп бегаея добудет товара»), то его протограф древнее Троицкого I и Синодального списков.

3. Третьим источником Русской Правды V редакции является часть Закона Судного людем.

Предисловие и начало этого памятника было опущено составителем.

Между Русской Правдой и статьями Закона Судного людем помещается статья о бещестии («А за бещестную гривну золота...»), несомненно, русского происхождения.

Первой статьей, взятой из Закона Судного людем, является статья «О бранех и суперничь, да ся биють беспрестани».

При изложении статей Русской Правды и Закона Судного людем применялись одинаковые графические приемы. Давались заголовки, написанные киноварью наиболее значительным по смыслу статьям и отмечались киноварными буквами менее значительные.

Число статей, взятых из Закона Судного людем, несколько меньше, нежели число статей Русской Правды (по нашему делению Русской Правды данной редакции на статьи,— число статей, взятых из Русской Правды будет 106(1—106), а число статей из Закона Судного людем —82 (108—190).

М. Н. Тихомиров считает образование V редакции случайным. По его мнению, трудно думать, чтобы редактор протографа сборников Археографического типа сознательно выкинул начало Закона Судного людем (благодаря чему и образовался сложный текст Русской Правды V редакции). «Скорее следует предположить, что здесь мы имеем дело со случайным пропуском»¹ — пишет он. М. Н. Тихомиров подкрепляет свое мнение тем, что в Пушкинском списке опущенный текст занимает две страницы (т. е. один лист).

Но причем тут Пушкинский юридический сборник, который имеет совершенно иной состав статей,

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 150.

нежели юридический сборник, составляющий приложение к Новгородской летописи по списку Археографической комиссии, и который содержит явно дефектный список Русской Правды? Пушкинский список и даже его протограф не могут быть протографом юридического сборника Археографического типа и, следовательно, оперировать данными этого списка для решения вопроса о происхождении V редакции у нас нет никаких данных.

В дореволюционной и советской исторической и историко-юридической литературе отсутствуют крупные специальные монографии, посвященные этому памятнику болгарского права, который играл у нас весьма крупную роль в истории источников права. О Законе Судном людем писали попутно А. С. Павлов¹, Н. С. Суворов²; имеется специальная статья Флоринского³. Памятник до сих пор не был издан по всем основным спискам.

Естественно, что до сих пор не установились среди исследователей единые взгляды на происхождение и основные моменты в развитии Закона Судного людем.

В то время, как Павлов и Суворов делят Закон Судный людем на две редакции: Краткую и Обширную, Флоринский отличает еще в Обширной редакции два извода. М. Н. Тихомиров, как нам кажется, правильно предлагает выделить еще одну редакцию — Среднюю, к которой относит списки Пушкинского юридического сборника и юридического сборника, составляющего приложение к Новгородской I летописи ИИ, собрания Археографической комиссии № 240.

Эта Средняя редакция и была использована составителями русских юридических сборников XIII—

¹ А. С. Павлов, Первоначальный славяно-русский Номо канон, Казань, 1869; Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках юго-славянского и русского церковного права, М., 1892.

² Н. С. Суворов, Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права, Ярославль, 1888 г.

³ Т. Д. Флоринский, Древнейший памятник болгарского права (Сборник в честь М. Ф. Владимирского-Буданова).

XV вв. и послужила материалом для «рецепции» болгарского права на Руси.

Закон Судный людем был одним из тех памятников, которые явились предметом оживленной полемики между Павловым и Суворовым.

Н. С. Суворов стремился доказать, что в Законе Судном людем проявляются яркие признаки католического влияния на этот памятник южнославянского права. А. С. Павлов опровергал основные положения Суворова и доказывал, что на самом деле на тех памятниках, которые были предметом его изучения, наблюдались следы не западокатолического, а византийского влияния. Оба противника в этом своем споре выявили большое знание памятников древнерусского, византийского и католического (канонического) права. Однако ни тот, ни другой не были правы.

Те правовые институты русского и южнославянского права, возникновение которых объяснялось или влиянием чужеземного — византийского или римскокатолического (западноевропейского) права, на самом деле порождены внутренним общественно-экономическим развитием Руси и южнославянских стран.

Благодаря недостаточному исследованию этого памятника не до конца выявлены источники Закона Судного людем по всем редакциям. Обычно считают, что одним из источников были Эклога и Законы Моисея, но каков был удельный вес болгарского права — до сих пор не установлено.

Что касается взаимоотношения отдельных редакций друг к другу, то нам кажется правильным указание Г. А. Розенкампа¹ о том, что первоначально текст Закона Судного людем заканчивался словами: «и вниди в радости господу богу нашему веселящаяся с ангелы в веки, аминь», т. е. так, как это наблюдалось в Краткой редакции. Следовательно, Средняя и Обширная редакции характеризуются дальнейшим наращиванием статей к материалу Краткой и, следовательно, имеют более позднее происхождение.

¹ Г. А. Розенкампф, Обзорение Кормчей книги, М., 1829, стр. 118, 133—134.

4. Для того, чтобы лучше представить Русскую Правду в соединении с Законом Судным людем, как единое литературное целое, составители V редакции решили закончить ее русскими статьями.

Непосредственно к Закону Судному людем при-мыкают четыре русских статьи: 1) «Иже кто изломить чуже копие»; 2) «Аще дадять деля векормити...»; 3) «Аще ся даст человек или женщина...»; 4) «А за стог за тяжебной гривна кунъ».

Русское происхождение этих статей доказывается общим стилем их, весьма близким к стилю Русской Правды и гривенным, т. е. типично русским счетом при установлении уголовной санкции.

5." Русская Правда V редакции замыкается Уставом князя Ярослава о мостех.

Поскольку этот памятник тесным образом связан с историей текста Русской Правды, необходимо остановиться на его происхождении. Когда Устав о мостовой повинности стал называться именем князя Ярослава, без уточнения, какой князь Ярослав имелся здесь в виду, то естественно было отождествить этого Ярослава с тем Ярославом, которому приписывалось по книжной традиции составление Русской Правды, т. е. с Ярославом Владимировичем.

Но уже давно в историко-юридической литературе было установлено позднейшее происхождение этого памятника. В особенности много ценных соображений об этом памятнике высказал Б. А. Рыбаков¹. Наиболее исчерпывающее обобщение материала было сделано М. Н. Тихомировым². О позднейшем происхождении «Устава Ярослава князя о мостех» говорят следующие данные.

1. По Уставу полагалось мостить «с Прусы до Бориса и Глеба»), т. е. до церкви Бориса и Глеба. Эта церковь, согласно летописным данным, была построена в 1146 г. на месте дубового собора Софии.

¹ Б. А. Рыбаков, Деление Новгородской земли на сотни в XIII п. (Исторические записки, т. II, стр. 148—149).

² М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 145.

2. В Уставе упоминаются вошники («Тысячьскому до вошник, от вошник посаднику до Великого ряду»), т. е. члены объединения купцов, торговавших воском, патрональной церковью которых была церковь св. Ивана на Опоках. Имеются данные о том, что организация Ивановского купечества, торговавших воском, была учреждена князем Всеволодом Мстиславичем не позднее 1136 г.

3. Из текста Устава видно, что в В. Новгороде выступили в качестве представителей местной администрации, обладавших особым значением, посадники и тысяцкие. В памятнике упоминаются дворы посадника и тысяцкого. Это особое положение посадников и тысяцких могло сложиться только после событий 1146 г., т. е. после изгнания князя Всеволода и превращения В. Новгорода в республику.

М. Н. Тихомиров отмечает, что отодвигать происхождение Устава о мостех на слишком позднее время нельзя, поскольку в тексте этого памятника отражается некоторое значение князя, в частности там упоминается княжеский двор «от великого ряду — князю»³. Можно присоединиться к окончательному выводу М. Н. Тихомирова о вероятном времени происхождения памятника². По его мнению, Устав Ярослава возник в конце XII в., когда с небольшими перерывами княжил князь Ярослав Владимирович³.

§ 4. Предпосылки образования V редакции

Анализ источников редакции дает нам возможность установить следующие факты.

1. В этой редакции содержится пять русских статей, не входивших в состав протографа Пространной Правды. В этих статьях говорится о новых составах

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 146.

² Там же, стр. 147.

³ Б. А. Рыбаков (Указ, соч., стр. 149) и Л. В. Черепини (Русские феодальные архивы XIV—XV вв., М.—Л., 1943, стр. 254) настаивают на принадлежности Устава князю Ярославу Всеволодовичу (1228—1230 гг.).

преступлений (о бесчестии, о повреждении копья, щита, топора), о некоторых новых нормах обязательственного права.

2. К материалу Русской Правды присоединены почти все статьи Закона Судного людем. В основном эти статьи касаются уголовного права. Норм, посвященных другим разделам права, сравнительно мало. Такими разделами являются разделы, посвященные семейному праву: разводу (ст. ст. 144—146), наследственному праву (ст. ст. 184—190), правовому положению рабов (ст. ст. 129, 130, 134, 137, 143, 172, 174), процессу (ст. ст. 115, 116, 126—128, 131, 147). Имеются несколько статей, относящихся к духовенству (попам) (ст. ст. 152, 163, 164).

Среди норм, посвященных уголовному праву, наибольшее число посвящено имущественным преступлениям (ст. ст. 123—125, 132, 135, 136, 138—142, 150, 153, 154, 156—160, 175). Далее идут статьи, относящиеся к преступлениям против половой нравственности и семьи (ст. ст. 109—114, 117—122, 144—146, 165, 167, 168, 170). к преступлениям против чести и телесной неприкосновенности (ст. ст. 161, 171).

Сопоставляя нормы Закона Судного людем с нормами Русской Правды, очень легко установить, что они регулируют, как общее правило, новые отношения: касаются таких сторон семейного или гражданского права или таких составов преступления, которые не нашли своего отражения в памятниках Киевской Руси.

Характерной чертой всех этих норм, взятых из Закона Судного людем, является то, что в них отражается более высокий уровень общественно-экономического развития, нежели это можно выявить на основании анализа статей Русской Правды, и несравненно большая степень классовых противоречий, которая в особенности выявилась в жесткой уголовной репрессии.

По многим статьям Закона Судного людем устанавливалась смертная казнь, болезненные и членораздельные наказания. Рецепция норм Закона Суд-

ного людем предопределялась дальнейшим развитием феодальных отношений, ростом гражданского оборота и ростом классовых противоречий в отдельных русских землях. Все эти элементы общественно-экономического развития наиболее ярко стали проявляться в В. Новгороде, который в XII—XV вв. сделался самым крупным общественно-экономическим центром. Именно, в В. Новгороде и возник Сборник, включавший наряду с русскими статьями и Закон Судный людем.

Нетрудно уяснить, в какой среде могла возникнуть V редакция. Это, несомненно, церковная среда. Русская Правда не касалась преступлений против семьи и половой нравственности. Не затрагивала она и вопросов, относящихся к духовенству. Статьи Закона Судного людем как раз давали ответ на многие вопросы, интересующие церковный суд.

§ 5. Вопрос о времени и месте происхождения V редакции

Нами было установлено, что наиболее близким к первоначальному подлиннику списком юридического сборника, в составе которого сформировалась V редакция Русской Правды, был сборник, составляющий приложение к Новгородской I летописи ИИ, собрания Археографической комиссии, № 240.

Новгородская I летопись по Археографическому списку датируется серединой XV в.

Но нет сомнения в том, что юридический сборник, в составе которого и образовалась V редакция, должен был возникнуть гораздо раньше. Дело в том, что он получил в XV в. распространение не только в В. Новгороде, но и в Западной Руси (летопись Авраамки). Но прежде чем быть присоединенным к летописи, данный юридический сборник, как это было указано, существовал в качестве совершенно самостоятельного целого, о чем говорит особое оглавление и разбивка на главы.

Словом, имеются данные отнести его происхождение, а следовательно, и V редакцию Русской Правды, если не к концу XIV в., то к началу XV в.

Что касается места возникновения V редакции, то здесь никаких затруднений не возникает: как в юридическом сборнике, в составе которого возникла V редакция, так и в составе самой V редакции были помещены типично новгородские памятники — Устав князя Ярослава о мостех и Устав князя Всеволода («А се рукописание князя Всеволода»). Наличие этих памятников говорит о новгородском происхождении V редакции.

W

Г Л А В А Ч Е Т В Е Р Г А Я

IV РЕДАКЦИЯ

£\

§ 1. Пушкинский список

И[^]писки этой редакции, равно как и списки III и V редакций, возникли в составе юридического сборника, объединившего кроме русских статей (церковных княжеских уставов и Русской Правды) Закон Судный людем. Основной особенностью списков этой редакции являлось то, что к тексту Русской Правды присоединено особое предисловие, взятое из слова Василия Великого о судиях и клеветах. К этой редакции относятся два списка: 1) Пушкинский и 2) Троицкий IV, которые отличаются друг от друга: а) тем, что в Троицком IV предисловие дано в несколько сокращенном виде и б) тем, что в этом списке отсутствует статья «О коне» (ст. 75) и последняя статья — «О копии».

В истории текста Русской Правды списки IV редакции как бы подготавливают переход к V редакции, которая, как было только что указано, характеризуется непосредственным присоединением текста Закона Судного людем, к материалу Русской Правды.

Сопоставляя оба эти списка IV редакции, нетрудно прийти к выводу, что Пушкинский список является наиболее удаленным от протографа этой редакции, так как он содержит много описок, пропусков слов и прочих дефектов и отступлений по сравнению с Троицким IV списком.

Приведем наиболее важные .

местпти *ем.* мьстити (24,33), отчю *ем.* отцю (24,35), хтовл/. кто (24,42), Перениг *ем.* ПерепЪгъ (24,07), боевника *ем.* головника

¹ Руська Правда, К., 1935, стр. 23—39.

(24,80), дѣкую *ем.* дикую (24,86), явленъ *ем.* явлено (25, 21), купи *ем.* тиоунъ (25,75), а не ударить, то гривна кун. Оже кто кого оударить *нет* (20,55), то *ем.* томоу (26,72), вылізу *ем.* выстоупять (27,20), личе *ем.* лечебное (27,28), заклюти *ем.* за-кльчють (27,45), то ити *нет* (28, П), боудеть ли их много, то всимъ но 30 коунъ *нет* (29,29), за свинью 5 кунъ. за поросю ногата, за овцю 5 коунъ *нет*, (29,58), Моннслава *ем.* Мирослава (30, 85), иза *ем.* или (31,40), бижить *ем.* бйжить (31,70), без ума ел. не смься (32,44), но оже не будетъ) свободного, то по ноужп *нет* (33,2), вылизуть *ем.* выльзоутъ) (33,11), вару *ем.* товару (34,16), жела *ем.* села (34,28), зорьскую *ем.* морскоую (34,47), бойную *ем.* набойную (34,49), за жеравль 30 коунъ *нет* (34,71) потъ *ем.* потокъ (34,83), именптип *ем.* иметь (35, 14), *доб.* О желт» (35,70), дъчному *ем.* дъцьскому (35,33), бежа-жоу *ем.* без дети (35,58), безадници *ем.* задниц* боярствъ и о людстѣи (35,68), в боярствъ дрозжнт, *нет* (35,72) а оу своих дѣтии взяти чьсть *нет* (36,11), боудоутъ) ли дѣти, то что первой жены, то то возмоутъ дѣтн матери своей, любо си на женоу боудеть возложил *нет* (36,20), отделить *ем.* отдѣла (36,47), *кунем.* коунъ (36,53). От виры 9 коунъ, а метелникоу 9 въкошь, а от бортной земли 30 коун, а метелникоу 9 въкошь, а от бортной земли 30 коун, а метелникоу 12 въкши, а от ролейной земли такоже, а осво-боднше челядин 9 коун, а метелникоу 9 въкошь, а от иных ото всех тяжъ комоу помогоутъ) по 4куны, а метелникоу 6 въкошь. Асе оуроци ротитъ) и *нет* (37,77). А се третье холопство: тиунство без рядоу или првяжеть ключъ) к собъ; с рядомъ ли, то како ся бо-удетъ) (ь) рядил на том же и стоитъ) *нет* (38,17), Аше оупуститъ и гоня, собъ емоу пагоуба *нет* (38,63), то господину выкоупати и алн лишитися его: в-бдая ли боудеть дал *нет* (38,76).

Но считать список Троицкий IV протографом Пушкинского списка нельзя. Многие особенности последнего списка нельзя объяснить развитием текста первого. Так, в Пушкинском списке предисловие к Русской Правде несколько обширнее, нежели в Троицком IV. Характерно также, что в середине текста Пушкинского списка помещена статья о коне.

В литературе вопрос о времени и месте происхождения Пушкинского списка поставлен только М. Н. Тихомировым. По его мнению, Пушкинский список — новгородского происхождения и восходит к концу XIV в. Такое решение вопроса о времени и месте происхождения Пушкинского списка имеет серьезные основания. В самом деле, в Пушкинском юридическом сборнике, в котором помещен данный список, помещена

такая типично-новгородская статья, как Устав князя Ярослава о мостех.

Далее, в Пушкинском списке имеется большое число новгородских особенностей в языке, в частности, постоянная замена «ц>> — «ч», «t» — «и» и т. д.

Единственное сомнение вызывает факт нахождения в Пушкинском юридическом сборнике договора Смоленского князя Мстислава с немцами 1229 г. В самом деле, почему новгородскому составителю этого сборника пришло в голову включить в его состав не договор В. Новгорода с немцами (а их было большое количество), а договор Смоленской земли, которая не входила в его политическую орбиту? На основании того, что в Пушкинском сборнике помещена смоленская статья, можно было бы с большим вероятием настаивать на смоленском его происхождении и на смоленском происхождении списка Русской Правды. Но тогда представляется непонятным, зачем смоленский составитель Пушкинского сборника включил в состав его такой типичный новгородский памятник, как Устав князя Ярослава о мостех? Это противоречие можно решить только на основании предположения, что договор князя Мстислава перерос областное свое значение и стал отображать международное положение всех русских земель среди немецких государств.

Что же касается времени происхождения Пушкинского списка, то нам кажется вполне возможно определять его временем происхождения Пушкинского сборника. До нас не дошло ни одного списка Русской Правды, который мог бы быть сочтен протографом Пушкинского списка или, наоборот, Пушкинский список мог бы быть признан его протографом. Пушкинский список является списком-уникумом, подобно Синодальному списку. Все его особенности выявились в момент переписки текста Русской Правды в Пушкинский сборник. А если это так, то время его происхождения определяется временем происхождения всего Пушкинского сборника. Это время, как было указано, в исторической литературе определи-

лось по-разному. Нам думается, что наиболее правильным будет отнесение происхождения Пушкинского сборника ко второй половине XIV в.

£ 2. Троицкий IV список

Вторым видом данной редакции является Троицкий IV список, т. е. список из сборника БЛ, Троицкого собрания № 765, конца XV в., который подобно Пушкинскому, является списком-уникумом; он не был воспроизведен в другой какой-либо рукописи. В исторической литературе вопрос об его происхождении наиболее подробно затронут был М. Н. Тихомировым¹. По мнению М. Н. Тихомирова, текст Троицкого IV списка сложился путем слияния и взаимной проверки, по крайней мере, двух источников, а может быть и трех источников — Троицкого I, Археологического и Мясниковского списков, причем основным является текст протографа Археологического и Пушкинского изводов.

Время возникновения текста Правды типа Троицкого IV списка определяется, по мнению М. Н. Тихомирова, с большим трудом. Но поскольку Троицкий IV список написан в начале XV века и предполагает более ранний протограф без перепутанных листов, то происхождение этого протографа должно быть отнесено на конец XIV в. Что касается места происхождения данного списка, то оно, по мнению М. Н. Тихомирова, определяется характером тех источников, которыми пользовался его составитель. Такими источниками являются Археологический II список V редакции, Устав оместех, т. е. памятники, возникшие в Новгороде. Словом, М. Н. Тихомиров настаивает на том, что Троицкий IV список является прямой и притом сознательной компиляцией ряда более древних текстов Русской Правды.

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 172 и сл.

С таким положением мы согласиться не можем. Те примеры, которые были приведены М. Н. Тихомировым в качестве доказательства явной и сознательной компилятивности Троицкого IV списка,— не убедительны. Во-первых, их слишком мало (всего три примера: об обеде закупа и о посечении вереи в перевесе). Далее, М. Н. Тихомирову надо было еще доказать, что Археологический II и Мясниковский списки послужили источником для Троицкого IV, а не наоборот. А главное, выясняется, что приведенный М. Н. Тихомировым текст, якобы доказывающий наличие прямой и сознательной компиляции редактора Троицкого IV, на самом деле характеризует и текст III редакции (так называемых Карамзинских списков).

Мясниковский

Археологический II

Аще боудеть на кого поклепная вира, то же не будеть пира, то оже боудеть 7 евт>дт> паки ли варяг или кто ин, тогда телии, то ти имуть вт>роу, па-кыли варяг или ииь кто, то 2.

Карамзинский

Троицкий IV

Аще боудеть на кого клепная вира, то оже боудеть послухов 7, то же выведеть виру, то ти имоуть вгъроу, паки ли варяг или инь кто, то 2.

Принимая во внимание, что в некоторых списках, как например, в Воронцовском, полностью дается такой же порядок слов, что и в Троицком IV (например, «боудеть на кого»), нетрудно установить, что Карамзинские списки воспроизводят с предельной точностью текст данного списка. То же самое приходится сказать и в отношении статей «об обеде закупа» и «о посечении иереи перевесной».

Мясниковский Археографический II Синодальный I
 А господин пре- Аже господин при- Аже господин
 обидить закупа и обидить закоупа, а преобидить закоу-
 оувередить цълу его или отарицу... введеть копоу его или па, а оувѣдять
 враждоу его или
 отарицу... Карамзинский
 Троицкий IV Оже (Аже) господиень при-
 Алее господин приобидить обидить закоупа, оувн>детъ
 закупа, оувидить враждоу и враждоу и оувередить и ценоу, а
 оувередить цъгноу, а введешь ко- введешь в копоу его или отарицу.
 поу его или отарицу... ..

Археографический Мясниковский
 Аще кто поебчеть верею в Иже кто подьтнеть вервь пе-
 персвѣсѣ, то 3 гриппы продажи, а реименую, продажи гривна, а
 господиноу гривна за верею... господину за вервь гривна куп...
 Троицкий IV Карамзинский
 Аще кто посп>четъ верею или Аще кто поаъчетъ верею или
 вервь перетпеть в пепевеегъ, то Я вервь перетпеть в перевеегъ, то 3
 гривигъ продажи, а господину за гривны продажи, а господину за
 вервь и за верею гривна кун... вервь и за вервь гривна кун...

Таким образом, нетрудно
 понять, что многие осо-
 бенности текста Троицкого
 IV объясняются не тем, что редактор его совершил
 сознательную компиляцию из других списков, как
 полагал М. Н. Тихомиров, а тем, что он воспроизвел уже
 давно сложившийся текст, который развивался в
 результате постепенных добавлений —схолий или
 интерполяций к тексту первоначального протографа
 данной редакции.

Обратимся к вопросу об этом протографе, или,
 вернее, к вопросу об источниках Троицкого IV списка.
 Этот список включает в свой состав: 1) один из списков
 Русской Правды, состоящий из так называемого Устава,
 или Суда князя Ярослава и Устава Владимира
 Всеволодовича, 2) из дополнительных статей к Русской
 Правде и 3) «Устава Ярослава князя о мостех».

Обратимся к вопросу о протографе Русской Правды,
 лежащем в основе Троицкого IV списка:

Сопоставление этого списка с другими списками,

л именно: 1) Троицким I, 2) Синодальным, 3) Архео-
 графическим II, 4) Карамзинским и 5) Пушкинским
 показывает, что ни один из этих списков не мог явиться
 непосредственным протографом Троицкого IV.

Так, Троицкий I отличается от Троицкого IV не
 только тем, что в нем отсутствуют конец ст. 107 (118) и
 начало ст. 108 (119) («ведая ли боудеть коупил, то коун
 ему лишеноу быти. Аже холоиъ бѣтая добоудет(ь)
 товара, то господину же и холоп и долг»), а также конец
 ст. 16 (22) «А соудным коунам ростов нѣту», но и весьма
 большим числом весьма важных вариантов.

Перечислим лишь основные Ч

О душгоуб(ь)ствѣ *нет* (328, загл.), ли тиоун князь *нет* (329,1),
 горожанин *нет* (329,1), Соуд Ярославлих д-бтей *нет* (329,2),
 оубийств-ѣ *ем. оубойствѣ* (329,3), сплати *ем. сплатити* (329,5), а то
нет (329,5), стал *ем. стоял* (329,7), виноу и *нет* (330,8), о вирах *нет*
 (330,9), также *ем. то же* (330,9), курь *ем. куrows* (330,9), ему *нет*
 (330,9), О вирах *нет* (330,10), Аже *ем. Оже* (330,10), муж-ѣ *ем.*
 отрош/в (330,11), *доб.* и о ремествениц-ѣ (330, 15), О смердѣ холоп*
нет (330,16), кормилця *ем. искормилця* (330,17), гривнѣ *нет*
 (330,17), то ти имоуть вѣроу *нет* (330,18), тогда *ем. то два* (330,18),
доб. Аже свержетъ вироу (330,20), по-мечнаго *ем. помоченого*
 (330,20), О мечи *нет* (331,23), угнетъ *ем. оударить* (331,24),
 тьгвению *ем. тылѣсницею* (331,25), оударить *ем. тлеть* (331,26), не
ем. нос (331,27), *доб.* три (331,28), видок *ем. видоки* (331,29),
 выведоуть *ем. выидоуть* (331,31), Аже кто всядетъ на чужь *копьем*, о
 чоужем конѣ (331,33), О изги-Осли *нет* (331,34), О татбѣ *нет*
 (332,35), на торгоу *нет* (332,37), Аще познаеть кто челядь *ем. извод*
 татбт» о челядин-ѣ (332,38), оукрадше *ем. оукрадено* (332,38), или
 оуведше *нет* (332,38), томъ же *нет* (332,39), оже *ем. оуже* (332,40), О
 татбт> иже кто скота взищеть *ем. О татбт. же, оуроци скотоу*
 (333,42), *доб.* то (333,44), *доб.* А се оуроци скоту (333,45), 7 *ем. 60*
 (333, 45), Аже будутъ холопи татѣ судь князь *ем. О холопехъ*
 (333,46), Оже кто кунъ взищеть *ем. О запрт>нѣи коун* (333,47), а *ем.*
 како (333, 49), *доб.* товаръ того (333,49), р-ѣз-ѣ *ем. р-ѣзоу* (334,51),
доб. Оуставъ Володимѣра Всеволодича (334,53), А се оуставил *нет*
 (334,53), князь *нет* (334,53), тысячьского *ем. тысячника* (334, 53), о
 рѣзѣ же *нет* (334,53), Аже которой купецъ истопиться *ем. О Коупи*
 (334,54), испортить *ем. потравить* (334,54), господь *ем. гость*
 (334,55), долже *ем. должници* (334,55), *доб.* бити (334,55), Аже
 закупъ бѣжить *ем. О закупѣ* (334,56), робять<ш.роботять>(334, 56),
 Правду *ем. правда* (334,56), *доб.* О закупи же (334,57), венский *ем.*
 воински (334,57), *доб.* О закупи ж (335,58), из забоя *нет* (335,58),
 погубить *ем. погибнеть* (335,58), враждоу и

""Правда Русская, изд. АН СССР, М.—Л. 1940, стр. 329—341
 (шрвая цифра означает страницу, вторая — статью).

оуверсдить цбноу, а вввсдсть *нет* (335,59), *доб.* О закуп!» (335,61), выведеть *вм.* оувсдеть (335, 64), иреди *ем.* перед I; (335,65), *доб.* А се аже холопъ оударить (335,65), хоромъ *ем.* хоромы (335,65), складаюп. *ем.* вскладают(ь) (335,66), складывати *ем.* вскладывати (335,66), выл-взуть *ем.* боудоуть (335,67), О бобре *нет* (336,70), Аже кто борть разнаменаеть *ем.* иже борть разломить (336,71), межу *нет* (336,72). О доуб!; *нет* (336,73), А се наклади *ем.* О паклад I хъ (336,74), на *ем.* за (336,74), О огнишаншгв *нет* (336,78), О лодь *нет* (336, 79), не боудст(ь) ли линем, то за *нет* (336,79), морьскую *ем.* заморскоую (336,79), и за верею *нет* (336,80), О птицах *нет* (337, 81), зажгуть *ем.* зажжеть (337,83), грабежь *ем.* изграбежь (337,83), переди *ем.* переж (337,83), А *нет* (337,85) запа *ем.* за-пана (337,87), Аже оумрсть смердь *ем.* Осмердьей зад иицъ (337,90), людстий *ем.* дружней (337,91), боярстий *нет* (337,91), вь *нет* (337, 11), а *ем.* и (338,92), О женъ *нет* (338,93), А се закладаючи город *ем.* А се оуроци городнии (338,96), *доб.* и за мяса (338,96), О мстнищъхъ *ем.* А се оуроци моелнии (338,97), смертью *ем.* с матерью (338,98), что поймал боудеть *нет* (338,99), *доб.* аже ворче-тс я ст. дт. ги (338,101), дасть, томоу же взяти *ем.* хочет(ь) дати, томоу дасть (339,103), моужа *нет* (339,106), А се оуроци судеб-ниив-м. О судебных оуроцех (339,107), а метелпикоу 12 вькши, а от ролъйной земли тако же, а освободивше челядип 9 коунъ, а ме-телникоу 9 вькошь *нет* (339,107), обельное *ем.* обельное (339,110), идеть *ем.* отлдетъ (340,115), кренеть *ем.* купит(ь) (340,118), вь-дая ли боудеть коупил, то коун емоу лишеноу быти. Аже холоп бвгаи добоудет(ь) товара, то господину же и холоп и долг *нет* (340,119), поиметь *ем.* иоемлетъ (340,120).

У Синодального I списка со списком Троицким IV имеются еще более значительные расхождения, нежели у Троицкого I. Кроме отсутствия конца ст. 107(118) и начала ст. 108(119), конца ст. 16(22) «А ссудным кунамь росту нетъ» и ст. 13(18) о поклеп ной вире, имеются такие же, примерно, варианты, как и у Троицкого I. У Карамзинского списка (т. е. у списков III редакций) со списком Троицким IV имеются также серьезные расхождения. Так, в последнем отсутствуют статьи о приросте скота и хлеба, которые являются характерными для Карамзинского списка. С другой стороны, имеется довольно большое число вариантов, из коих нами приводятся наиболее важные.

Устав великаго князя Ярослава Володимерича о судъхъ. Соуд о душегубствъв.и. Соуд Ярославль Володимеричъ одушего-убьствъ (329, загл.), А еже *ем.* Аже (329,1), *доб.* мужъ (329,1), или *ем.* ли (329,1), мстай *ем.* мстя (329,1), о убийстве *ем.* о убой-стве (329,3), *доб.* соуд (329,3), ляжеть *ем.* лежить (329,3), платити *ем.* сплатити (329,5), обыче *ем.* опчъ (329,5), без *ем.* безо (329,

7), за *нет* (329,7), выдадять *ем.* выдадоуть (329,7), *доб.* вели-комъ князв (330,9), да *ем.* оже (330,9), емоу *нет* (330,9), в I->кошь *ем.* BliKint (330,9), *доб.* же (330,10), вькошь *ем.* вькши (330,10), ремественицхъ *ем.* ремествениць (330,15), поклепная *ем.* клепная (330,18), *доб.* и (330,19), Иже *ем.* А оже (330,20), исклепал *ем.* исклепаль (330,20), иомощнаго *ем.* помоченаго (330, 20), неправа *ем.* правда (330,21), то *ем.* тогда (333,22), *доб.* исправа (330,22), росту *ем.* ростов (330,22), Иже *ем.* оже (331, 23), выизет *ем.* выиез (330,24), *доб.* кровавь (330,29), иже *ем.* оже (331,29), о мечв *нет* (331, 30), *доб.* а (331,30), иже *ем.* оже (331,31), или палицею *ем.* любо по лицу (331,31), идетвлъ. идета (331,31), челядинъ *ем.* челяди (331, 32), не *нет* (331,32) пяти *ем.* понятия (331,32), иже на чюжемкони ездит *ем.* о чюжем(ь) кони (331,33), по *ем.* на (331,34), послъ *ем.* послъди (331,34), взя-ти *ем.* платити (331,34), речи *ем.* рци (331,35), *доб.* ему (331,35), сведоутся *ем.* сведитеса (332,35), или *ем.* и (332,35), и *нет* (332, 35), *доб.* за то (332,35), аще *ем.* а что (332,36), емоу *ем.* томоу (332,36), то *ем.* того (332,37), *доб.* боудет(ь) (332,37), то *нет* (332,37), взяти *ем.* возмет(ь) (332,37), О челядинном изводъ *ем.* извод татбт> о челядинъ (332,38), и *нет* (332,38), а той *ем.* ать (332,38), рече *ем.* речи (332,38), оукраден *ем.* оукрадено (332,38), оуведше *ем.* оуведень (332,38), сводъ *нет* (332,38), тати *ем.* татбтз (332,40), иже *ем.* оже (332,40), аще *ем.* аже (332,40), оуже *нет* (332,40), иже *ем.* аже (333,41), един *ем.* один (333,41), же *нет* (333,41), *доб.* кто (333,42), *доб.* то (333,42), колко *ем.* колико (333,43) по емлети *ем.* поиметь (333,45), А пм. Аже (333,45), *доб.* а (333,45), холопя татт>б.и. холопн тати (333,46), или *ем.* ли (333,46), послусивл*. послухов (333,47), (оо. есть (333,47), за ель на (333,47), иже *ем.* оже (333,48), надобъ *ем.* надобны (333,48), хранил *вм.* хоронил (333,49), рг.зоимстве *ем.* рг>з'ъ (333,50), р'взъ *ем.* р-взоу (334,51), *доб.* а (334,52), *доб.* велики князь (334,53), *доб.* Мана-мах (334,53), *доб.* не (334,53), О рf.3т.х *вм.* О рвзъ же (334,53), О коунць *нет* (334,54), *доб.* кто (334,54), или *вм.* любо (334,54), то *нет* (334,54) продадоут<ш. продадят(ь) (334,54), товар *вм.* коун (334,55), и *вм.* же (334,55), ли *вм.* л'ъ (334,455), Иже *вм.* Оже (334,56), Новгорода *вм.* иного города (334,56), осподаря *вм.* господы (334,56), *доб.* емоу (334,56), свойскы *ем.* воински (334,57), емоу *нет* (334,57), А *вм.* Оже (335,58), Иже *вм.* Оже (335,58), *доб.* и не затворить (335,58), оуведеть *вм.* оувидить (335,59), коппоу *вм.* копоу (335,59), Иже *вм.* Аже (335,63), Иже *вм.* Аже (335,64), закоупен *вм.* закоуп (335,64), Иже *ел.* оже (335,64), переже *вм.* перед!» (335,64), и *вм.* а (335,64), же *вм.* иже (335,64), А *нет* (335,65) ли *нет* (335,65) который *вм.* кто же (335,65), *доб.* на (335,65), А *ем.* на (335,66), вскладывай *вм.* вскладают(ь) (335, 66), а еже *вм.* аже (335,67), О бобръ *нет* (336,69) то *нет* (336,69), явлено *вм.* ловлено (336,70), О борти *ем.* Иже борть разломит(ь) (336,71), межу *нет* (336,72), И *нет* (336,73), *доб.* кто (336,73), коихъ *вм.* коню (336,74), или *вм.* любо (336,74). Оже *вм.* иже (336,75), кто *вм.* то (336,76), себв *вм.* собя (336,77) гонити *вм.* гнати (336, 77), великой *вм.* велици (336,77), О смердь *нет* (336,78), Иже *вм.* Аже (336,78), О лодь I; *нет* (336,79),

осподарю *вм.* о господину (330,80), *доб.* О перснтех и (337,81), Иже *вм.* аже (337,81), т* *ем.* ты (337,85), людей <ш. люди (337,87), речем *ем.* р*чи (337,87), запа *ем.* запаиа (337,87), прихоженне *ем.* прохожсине (337,87), *доб.* и робоу (337,89), статк* *ем.* задниц* (337,90), статок *ем.* задница (337,90), *доб.* ничто же (337, 90), статок *ем.* задница (337,91), О жен* *нет* (338,93), статка *ем.* задници (337,95), А се оуроци городнии *нет* (338,96), *доб.* сир-Ьчь о статк*x (338,98), статка *ем.* задници (338,98), с матерью *ем.* материю (338,98), не тужи *ем.* не могоуться (338,99), *доб.* добрыми (338,99), либо *нет* (338,99), статком *ем.* задницею (338,99), якожеся *ем.* како (338,99), оборчется *ем.* воречет(ь)-ся (338,102), всяко *ем.* всякоу (338,102), надобна *ем.* надобе (339, 103), вьхочеть *ем.* хочеть (339,103), статок *ем.* задница (339, 104), растерял *ем.* истерял (339,105), метальнику *ем.* метальни-коу (339,107), пособять *ем.* помогоуть (339,107), обельное *ем.* обельное (339,109), *доб.* а (339,110), же и *нет* (339,110), ро-бят *ем.* роботять (339,111), Иже *ем.* Аже (339,112), посадник *вм.* нам'бстник (340,114), *нет* *ем.* н*тоу (340,115).

Между Археографическим II и Троицким IV списком имеются довольно значительные расхождения. Так, в Археографическом II отсутствует окончание ст. 16(22): «А соудным кунамъ росту нетъ». ст. «О человеце и о муке», а в Троицком отсутствует ст. «О бещестии». Число разночтений в текстах довольно значительно. Приведем главнейшие \

Оже *ем.* аже (138,1), главу *ем.* голову (138,1), *доб.* роусин (138,1), любо ел*, ли (138,1), *доб.* лю (138,1), събрашася *ем.* совокупившиися (138,2), но *нет* (138,2), Аиде *ем.* иже ли (138,3), оубойника *ем.* головника (138,3), которой *ем.* чьей (138,3), ли *нет* (138,3), тоу *нет* (138,4), виноу *ем.* впроу (138,4), тон *ем.* то (138,4), же *нет* (138,4), си *нет* (138,4), виноу *ем.* вироу (138,4), а *нет* (138,4), 40 *ем.* сороц* (138,4), Свадил *ем.* в свад* (138,4), явлен!; *ем.* явлено (138,4), без вины *нет* (139,5), то *нет* (139,5), в дикую вину и вироу *ем.* на поток и на разграбление (139,5). А се покони *ем.* вирнии (139,5), по *ем.* при (139,6), любо *ем.* или (139,6), тождев,и. тоже (139,6), головаженьвд*. голважень (139,6), воротъ *ем.* ротъ (139,6), прикладнаа *ем.* перекладная (139,6), *доб.* А се (139,8), А се *ем.* Аще (139,8), о *ем.* в (139,8), и *ем.* А (139,8), *доб.* то (139,8), за *нет* (139,8) *доб.* О ремествншк* (139,9), *доб.* и за кормилицу, хотя снидсть холопъ или роба (139,9), О смердьи холоп*: А за смердьи холоп 5 гривен; а за рабу 6 гривен. А за ис-кормилча 12 гривн* тако же и за кормилщю, хотя си боудеть холопъ или роба *нет* (139,9), клепной *ем.* поклепноу (140,10), св*дътелии *ем.* послухов (140,10), тоже выведеть вироу *нет* (140,10), мертвомъ *ем.* мертвец!-, (140,11), *доб.* Свержетъ виру (140,12), *доб.* Сс(1 40,12), помечногов,«. помоченаго (140,12), ли *нет*

¹ См. Руська Правда, К., 1935 г., стр. 138—153 (первая цифра обозначает страницу, вторая — статью).

(140,13) истецъ *ем.* истца(140,13), дати *нет* (140,13), ли *нет* (140,13); аже *ем.* оже (140,13), Аще оударить мечемъ *ем.* О мечи (140,14), не *нет* (140,14), вынем е, w. вынезь (140,15), тылеснию *ем.* тыльсни-цею (140,16), оударит(ь) *ем.* тнет(ь) (140,16), рука *нет* (140,17), перст *нет* (140,18), Асе еще иридеть кровавь моужь *ем.* о муже (140,19), Аще *ем.* оже (140,19), видок вл./видоки (140,19), выл*-зоуть *ем.* выстоупать (140,19), билтъв.м.били (141,19), О мече *нет* (141,20), Аще кто *ем.* Оже (141,21), или жердью оударнт(ь) *нет* (141,21), закличю *ем.* закличють (141,22), Всяде на чюжь конив.и. О чужемкони (141,23), *доб.* продаж! (141,23), О изгибелп *нет* (141,24), заповедь *ем.* заповьеть (141,24), есть *ем.* боудеть (141,25), он *нет* (141,25), О татб* *нет* (141,26), ли *нет* (141,27), истца тоу *ем.* нти истцю (141,27), томоу *ем.* емоу (142,27), своду *нет* (142,27), вывести *ем.* выведеть (142,28), не *нет* (142,28), на торгу *нет* (142,28), Аще познаеть челядни *ем.* извод татб* о челядин* (142,29), коунамъ *ем.* конамъ (142,29), но *нет* (142,29), оубитый *ем.* оубьють (142,31), немъ *ем.* томъ (142,3), ли *нет* (143,32), оуроци скотом *нет* (143,33), к радеть *ем.* крадоуь (143,34), животь *ем.* жито (143,34), възметьвл». поиметь (143,34), *доб.* А се оур'бчп скотомъ (143,36), за свинью 5 коунъ, за порося ногата, за овцю 5 коун *нет* (143,36), то ти *нет* (143, 36), оуроци *ем.* оуречи (143,36), Оже боудуть холопы тати *ем.* О холопехъ (143,37), Коунъ възыщеть *ем.* О запр'бньи коунъ (143,38), то *нет* (144,42), *доб.* Оустав Володимеръ Всеволодичя (144,43), оустав *ем.* оуставилъ (144,43), князь *нет* (144,43), тысячьского в.м.тысячьпика (144,43), в рѣ)3вѣ *нет* (144,43), Иже в.и.Ожс (144,44), А се который коупецъ истопится *ем.* О купце (144,45), а любо *ем.* или (145,45), же *нет* (145,45), А се долзи *ем.* О долз'ь (145,46), не дати м. запипати (145,46), запираюшесъ, дадоуче (145,46), аши ли *ем.* паки л* (145,46), первое *ем.* преже (145,46), *доб.* Асе о закуп* (145,48), розный *ем.* ролейный (145,48), того *ем.* то то (145,48), господину *нет* (145,48), *доб.* О закуоп* (146,49), из хлебанет (146,49), погочубить *ем.* погибнуть (146,49), *доб.* и не затворить (146,49), вьведсть *ем.* оувидить (146,49), враждоу и оувередит(ь) ценоу и вьведсть *нет* (146,50), пнеть *ем.* бьеть (146,50), О закуп* же *ем.* О холоп* (146,51), *доб.* А се о холоп!» (146,52), выведеть *ем.* оуведет(ь) (146,52), по *нет* (146,52), преди *вм.* перед* (146,52), *доб.* иже холопъ оударить (146,53), храмъбл/. хоромы (146,53), а *ем.* но то (146,53), а любо *ем.* или (146,53), а любо такоже 2 гривн* *ем.* или вязати, любо бити развязавши (146,53), *доб.* А се (147,54), на *нет* (147,54) выкладывають *ем.* нскладають (147,54), выкладывати *ем.* вскладывати (147,54), О бород* *нет* (147,55), аже без людии, а в поклеп*, то и*тоу продажи *нет* (147,55), О зоуб* *нет* (147,56), выидоуть *ем.* выл*зо-ут(ь) (147,56), О бобр* *нет* (147,57), знамениемъ *ем.* знамение (147,58), сьтъювл*. с*тъ (147,58), *доб.* К (147,58), Иже *нет* (147,59), борть *ем.* бортноую (147,60), или межный подотнеть, то 12 гривенъпродажи *нет* (147,61), *доб.* Асе (147,62), воротъ *ем.* ротъ (147,62), 10 *вм.* 5 (147,62), потнеть *ем.* подотнеть (147,63), то *нет* (147,63), за пчелы *ем.* за медь (147,64), *доб.* гн*здо (147,64), олекъ *ем.* олекоть (147,64), *доб.* то 5 коунъ (147,65), то по сл*доу

женоут(ь) *нет* (147,65), и *нет* (148,65), поути ел*. поусГь (148,65), *доб.* А се (148,66), О огнищаншГь *нет* (148,65), продажи *нет* (148,67), О лодь-Ь *нет* (148,68), продажи *нет* (148,68), бойнуел*. иабойную (148,68), *доб.* А се (148,69), вервь перетиеть в перевесе *нет* (148,69), за вервь кет (148,69), О птицах *нет* (148,69), в чьей перев'Ьс *нет* (148,70), а за куря 9 кун *нет* (148,70), А за лебедь *нет* (148,80) а за жерав(ь) *нет* (148,70), *доб.* А се (148,72), платити *нет* (148,72), запна *ем.* запана (149,75), единого *ем.* одно (149,75), О смердьи задници *нет* (148,78), розрядить *ем.* роздълить (149,80), О жен* *нет* (149,81), а оу своих д-бтйи взяти чьясть *нет* (149,81), аще *ем.* а что (149,81), *доб.* А се оурочи (150,83), за *нет* (150,83), *доб.* и за мяса (150,83), А се *нет* (150,84), *доб.* А се (150,84). Толок *ем.* колико (150,84), А се о безад-ници в/К. О задници (150,85), с матерью *ем.* смертью (150,85), не дужи *ем.* не могоутъ ся (150,86), токмо *ел.* то кто (150,86), и *нет* (150,86), а истый товаръ воротить им *нет* (150,86), а *ем.* зане (150,86), кормильел*. прекормил (150,86), ляди *ел.*.* от челяди (150,86), что поймал боудеть *нет* (150,86) *доб.* аже ворчеться съд'Ьти (151,89), ему *ел.*.* ей (151,89), ни *нет* (151,89), всяко *ел.*.* всякоу волю (151,89), и з детми *нет* (151,89), сяде *ел.*.* с-Ьдит(ь) (151,89), *доб.* сию (151,90), моужа *ел.*.* языка (151,90), и мертва *нет* (151,90), отца *нет* (151,91), отчима *ел.*.* иночима (151,91), оньхъел*. он'вмь (151,91), отчимля *ел.*.* иночимля (151,91), лиси *нет* (151,92), которую *ел.*.* кто ю (151,92), *доб.* же (151,93), то *нет* (151,93), дйлець *ел.*.* д'лшски идет(ь) их (151,98), Асеоуроци соудебнии *ел.*.* О судебных оуроцех (151,94), метьникоу *ел.*.* ме-тельникоу (151,94), от *нет* (151,94), митникоу *ем.* метельникоу (151,94), *доб.* А се (152,96), обилное *ел.*.* обельное (152,96), а ногату дасть пред самим холопом(ь) *нет* (152,95), срядиль *ем.* рядиль (152,96), или привяжет(ь) ключ(ь) *нет* (152,96), ни *ел.*.* и ни по (152,97), хлебъ *ем.* хл-Ьбий (152,97), ходить *ел.*.* доходить (152,97), есть *нет* (152,98), а холпияел*. за холопъ (152,99), пере-емная ему *ем.* на переем отходить (152,99), город'в *нет* (152,100), храм* *ел.*.* хором* (152,100), а не веде *ем.* а боудеть (152,100), взяти *ел.*.* пояти (152,100), взяти *ел.*.* оувязати (152,100), аще спустить и гоня *нет* (152,100), не *нет* (152,100), *доб.* или (152,101), вьдааль *ел.*.* в*дая даль (152,102), а не *ел.*.* и али (152,102), а лишитися нельз* *ел.*.* а не лишитися его (151,103), какоел*. яко (153,104), за *иьнет* (153,104), но *ел.*.* а оже (153,106).

Наличие такого числа расхождений с Археографическим II списком делает невозможным предположение М. Н. Тихомирова о близости оригинала Правды, лежащего в основе текста Троицкого IV списка, к спискам Археографического типа. Этих расхождений между Троицким IV и Археографическим II больше, чем, например, между Троицким IV и Троицким I.

Велики расхождения, как это показывает текст издания Русской Правды Академии Наук УССР, между

Троицким IV и Пушкинским списками (в издании даны многочисленные варианты Троицкого IV на Пушкинский).

Все это дает возможность установить, что Троицкий IV список представляет собой особую ветвь среди списков Русской Правды, подобно Троицкому I, Карамзинскому и списку, лежащему в основе Археографического II списка (т. е. списков II, III и V редакций). Ни один из этих списков не может быть сочтен протографом Троицкого IV списка, равно как и не может быть признан протографом этих списков.

По составу статей и по их расположению Троицкий IV список является наиболее близким к протографу II—V редакций. Так, в нем содержится конец ст. 107 и начало ст. 108, т. е. тот материал, который отсутствует в списках II редакции. Но в нем нет позднейших добавлений к тексту, как мы это наблюдаем в Карамзинском, Пушкинском и Археографическом II списках. Можно предполагать, что Троицкий IV список возник раньше, чем эти списки, т. е. в первой половине XIV в. В вопросе о месте происхождения данного списка, надо присоединиться к мнению М. Н. Тихомирова о новгородском происхождении этого списка. Мы считаем доводы его в защиту этого мнения в основном вполне убедительными. Так, нами уже было установлено, что юридический сборник, в котором к русским статьям был присоединен Закон Судной людем,— новгородского происхождения. Новгородского происхождения и Устав князя Ярослава о мостех. Можно считать доказанным, что Троицкий IV список был помещен вместе с новгородскими статьями в юридический сборник новгородского происхождения.

Троицкий IV список имеет большое значение в истории текста Русской Правды. Как было указано, текст ее во многих отношениях является наиболее близким к протографу II—V редакций. Благодаря этому представляется возможным восстановить протографы всех этих редакций, в частности II и III редакций.

III РЕДАКЦИЯ

§ /. Общие замечания

К III редакции нами отнесены так называемые Карамзинские списки, т. е. списки, которые включали в свой состав так называемые статьи о резах (статьи о приплоде скота и хлеба) и некоторые другие статьи. Отнесение к этой редакции Троицкого IV списка, как это было сделано в издании Русской Правды Академии Наук СССР, является совершенно неправильным. В этом списке нет статей о резах (о приплоде скота и хлеба). А с другой стороны, чтобы причислить Троицкий IV к Карамзинским спискам, надо было составителям этого издания исключить из его текста введение, состоящее из выдержки из слова Василия Великого о судьях и клеветах. А кроме того, как только что нами было указано, между Троицким IV списком и Карамзинским имеются многочисленные и притом весьма серьезные разночтения¹.

Вопрос о происхождении списков этой редакции был наиболее подробно затронут М. Н. Тихомировым². По его мнению, окончательное оформление Карамзинского извода (т. е. III редакции) произошло на основании более ранней работы, представление о которой дает Троицкий IV список в Москве не позднее половины XV и не ранее начала этого века.

¹ Признает неправильности отнесения Троицкого IV списка к Карамзинской группе и М. Н. Тихомиров, Исследование, примечание 1 к стр. 169.

² М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 169 и сл.

§ 2. Взаимоотношение списков

До нас дошло одиннадцать списков данной редакции. Из них три списка содержатся в юридических сборниках (Музейский II, Уидольский II, У идольский III), а остальные, если не считать хронографа ИМ, собрания Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, № 154 (Воскресенский список)—в рукописях, содержащих Софийскую I Летопись (Бальзе-ровский, Карамзинский. Оболенского II, Воронцов-ский. Толстовский V, БЛ II МБ F IV, № 602).

Обращаясь к сопоставлению одиннадцати дошедших до нас списков данной редакции, необходимо отметить, что значительная часть их дошла до нас в дефектном виде. Во многих списках пропущены не только отдельные фразы, но и целые статьи. Иногда изменен и обычный для протографа II—V редакций порядок расположения статей. Так, в Оболенском II пропущена статья «А се суроци ротнии». В Бальзеровском, БЛ II, Ундольском III, Воронцовском статьи 82(72) — 85(75) пропущены и затем вставлены после ст. 115(108). В Воронцовском списке, кроме того, опущен текст со слов «Иже пчелы выдереть» до слов «тому же дасть», т. е. от ст. 86(76) до 114(106).

В списках Музейском II, Ундольском II и Воронцовском опущены статья «А се оуроци мостнии» и «Устав о мостех».

Таким образом, Русская Правда III редакции только в Толстовском, Воскресенском и Карамзинском является полной по составу статей. Но и эти списки не могут быть признаны близкими к своему протографу. Они содержат очень много ошибок, отступлений, опусков в отношении текста, наиболее близкого к первоначальному протографу II—V редакций. Так, Карамзинский список содержит следующие дефекты:

словЪникъем. словвнннъ, кормицоу ем. кормилицю.тылисницею ем. тылесницею, чожевл. чожую, воритити ем. воротитн, словода ем. слобода, за набойную ем. на забойную, прихожение ем. прохождение, закладюче ем. закладаюче, овса, нет възварити ем. възворотити и проч.

В Толстовском списке имеются следующие погрешности:

отц-лі *ем.* отцу, убиствѣ *ем.* оубиствѣ, шпона *ем.* пшена, доб. сыпати, поклонной *ем.* поклепной, вынзеть *ем.* выиезь, сводѣ *нет*, налостъ *ем.* нальзеть, а боудоуть люди видели, нолгривня *нет*, доб. а за свинью 5 коунь, оже сси *нет*, лоноские *ем.* лонские, молеченого *ем.* молоченого, стоиже *ем.* стожей, прода *ем.* продадутъ, оного *ем.* иного, обѣлмыи *ем.* обельный, а любити *ем.* или бити, прихождение *ем.* прохождение, стварити *ем.* возворотити, иночимая *ем.* иночимля и проч.

В Воскресенском списке можно отметить также многочисленные дефекты, например:

Переньч *ем.* Псренъгъ, ловник *ем.* головник, в обыч-ѣв.и. в обче, дружинны *ем.* дружины, шпона *ем.* пшена, голвяжень *ем.* ролважень, доб. сыпати, мец-ѣ *ем.* мече, нынзеть *ем.* вынез, не отпадеть *ем.* отпадеть, плати *ем.* платити, а того емоу желѣти *нет*, свде *нет*, что с ний погибло, а ономоу своих коунь желѣти *нет*, а боудуть люди видели *нет*, а за свинью 5 коунь *нет*, а он ся оучне заперати *нет*, Новгорода *ем.* иного города, обелмый *ем.* обельный, подеть *ем.* поидеть и проч.

Нетрудно видеть, что благодаря наличию указанных дефектов всех дошедших до нас списков III редакции ни один из них не может быть сочтен протографом этой редакции.

Но и сравнительно большое число дошедших до нас списков и наличие весьма крупных разночтений между ними — все это свидетельствует о том, что списки данной редакции были сильно распространены в письменности XIV—XV вв.

£ 3. Источники III редакции

Как было установлено, протограф III редакции получил оформление в юридическом сборнике, в котором русские статьи — княжеские церковные уставы и протограф Русской Правды II редакции были объединены с Законом Судным людем. В процессе этого оформления отдельные статьи этого сборника, которые первоначально имели самостоятельное существование, окончательно объединились, причем это объединение получило и свое графическое выражение. А именно, отдельные части сборника — Устав князя Ярослава, Устав Владимира, Устав о мостех, заглавие которых

выписывалось крупной вязью, теперь превращаются в обыкновенные статьи Русской Правды и выделяются из других прочих ее статей киноварными оглавлениями. Некоторые части сборника, которые по своему характеру не могли быть разделены на отдельные статьи (напр., статьи о резах), получают это разделение, причем даются заголовки этим статьям в стиле других заголовков и графически выделяются.

Коснемся подробно этих источников Русской Правды III редакции.

1. Основным источником этой редакции являются Устав князя Ярослава и Устав князя Владимира Всеволодовича, которые, как было указано, в других юридических сборниках составляли отдельные статьи. Сопоставляя текст этих уставов с текстом других редакций, необходимо отметить следующие его особенности. Прежде всего, этот текст своим протографом имеет не протограф II—V редакций, а протограф III—V редакций, который в некоторых отношениях лучше отображает древнейший текст Русской Правды, чем II редакция. Наиболее характерными особенностями данного текста являются:

а) Более подробная разбивка на статьи — снабженные особыми заголовками. В III редакции имеется 60 статей, а во II редакции, в частности в Троицком изводе всего 50 статей (нами, само собой разумеется, не учитываются при этом «статьи о резах»).

б) Полное воспроизведение статей 107—108 (118—119) («ведая либоудеть коупиль, то коунь емоулишеноу быти. Аще холоп бегая добудеть товара, то господину же долг...»).

в) Перестановка статьи «А се уроци судебнии» (96) со статьями «О заднице», «Аще братья растяжаются перед князем».

г) Наличие разного рода дополнений и схолий, которые имеют характер пояснений и подновлений, на что обратил внимание М. Н. Тихомиров¹. Наиболее

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 177. Наиболее подробно можно изучить эти подновления при анализе приведенных разночтений между Карамзпским списком и Троицким I списком.

яркими примерами подобных подновлений является усвоение князю Ярославу и князю Владимиру титула великого («при великом князе Ярославе», «а се устави велики князь Владимир Всеволодович!» Манамахъ»).

Сопоставляя текст данной редакции с текстом других редакций Русской Правды, приходится признать, что ни один из них не может быть признан прямым источником данной редакции. Разночтения III редакции с Троицким I, с Троицким IV списком и со списками V редакции весьма значительны. Так, приведем только наиболее значительные расхождения между Музейским списком и Троицким I списком¹.

Судь Ярославль Володимѣрича *ем.* Устав великого князя Ярослава Володимѣрича о соудъхъ. Суд о доушегоубствѣ (371, Огл.), *доб.* мужъ (371,1), ли тиунъ княжъ *нет* (371,1), горожанинъ *нет* (371,1), *доб.* то (371,1), Соудъ Ярославлихъ дѣтей *нет* (371,2), соуд *нет* (371,3), вивевную *ем.* вервную (371,3), заплатитъ *ем.* платитъ (371,4), сплати *ем.* нлатити (371,5), вообчи *ем.* обычс (371,5), *иже ем.* еще (372,7), *доб.* за (372,7), самого *нет* (372,7), вину и *нет* (372,8), тому *ем.* то (372,8), О вирахъ *нет* (372,9), *же ем.* да (372,9), великом князе *нет* (37,9), коровъ *ем.* коров (372,9), то *ем.* ти (372,9), 7 суборковъ *ем.* такоже (372,9), сути *ем.* сыпати (372,9), метелнику *ем.* металнику (372,9), мужъ *ем.* отроць (372,11), *доб.* рсмественницъ (372,15), О смер-дш холопъ *нет* (372,1(3), комилця *ем.* искормилича (372,17), тогда *ем.* то два (373,18), поел, на (373,19), *доб.* Лже свержетъ вируу (373,20), и клспаль *ем.* исклеиаль (373,20), помечного *ем.* помощнаго (373,20), коунъ *нет* (373,20), тогда *ем.* тому (373,21), *доб.* имъ (373,21), правда *ем.* исправа (373,22), линия *ем.* истыда (373,22), исправа *нет* (373,22), Л соудиим коунамъ ростоу нътъ *нет* (373,22), о меч-бъ *нет* (373,23), Аже ел. Иже (373,23), вынзел. выизсть (373,24), оутнеть *ем.* оударитъ (373,24), тылестию *ем.* ыле-стничею (373,25), оударитъ *ем.* тьнеть (373,26), п *ем.* а (373,27), не *нет* (373,27), не *ем.* вость (373,27), *доб.* коунъ (373,28), А при деть кровавъ моужъ *ем.* О моужи Кровавт. (373,29), Аже *ем.* Иже (373,29), почаль *ем.* началъ (373,29), аче *ем.* аще (373,29), выльзуть *ем.* выстоупять (383,29), оутнсть *ем.* потпеть (374,30), *доб.* 3 (374,30), а *ем.* то (374,30), А че *ем.* Иже (374,31), любо по лицу *ем.* или палицею (374,31), выведоуть *ем.* выидоуть (374,31), Аже кто всядетьна чюжъ конь *ем.* Иже на чюжемкона ездит (374,33), О избели *нет* (374,34), на *ем.* по (374,34), речи *ем.* рци (374,35), сведоутся *ем.* свдситеса (374,35), зато *нет*

¹ См. Правда Русская, изд. АН СССР, 1940. М.—Л., 1940 г., т. I, стр. 30—388.

(374, 35) а что ел. аще (375,36), томоу *ем.* емоу (375,36), выведеть *ем.* пведеть (375,37), на торгоу *нет* (375,37), боудеть *нет* (375, 37), возьметъ *ем.* взяти (375,37), Аже позпаеть кто челядь *ем.* о челядинном изводъ (375,38), ать *ем.* а тон (375,38), рчи *ем.* рече (375,38), свод *нет* (375,38), о сводъ же *ем.* О том же (375, 39), татьбв. *ем.* тати (375,40), до *нет* (375,40), *доб.* ооуже (376,40), Аже *ем.* Иже (376,41), О татьбе, *иже* кто скота взищеть *ем.* О татьбт. оуроци скотоу (376,43), пойметъ ел. поемлетъ (370,44), *доб.* А се оуроци скотоу (376,45), Аже *ем.* А (376,45), боудеть *нет* (376,45), дати зань *нет* (375,45), молоко *ем.* млеко (376,45), Аже будуть холопи татьс суд княжъ *ем.* О холопъх (376,46), Аже *ем.* Иже (376,46), любо *ем.* или (376,46), чернсчъ *ем.* черпъ-чьскыи (376,46), же *нет* (876,46), Оже кто кун взищеть *ем.* О запрении коунъ (376,47), О купшт. *нет* (377,48), Аже ел. *иже* (877,48), надобъ *ем.* надобны (377,48), несть *ем.* не боудеть (377, 49), оу кого тот товар лежигъ *нет* (377,99), *доб.* товар (377,49), а *ем.* како (377,49), *доб.* товар того (377,49), О рьзт, *ем.* О р'ьзоим-ствт, (377,50), рьз'ь *ем.* р-ьзоу (377,51), О *ем.* А (377,51), дни *нет* (377,51), а *нет* (377,51), *доб.* ся (377,51), треть ел. третля (377,51), *доб.* а (377,51), рьз *ем.* рьзы *ем.* рьзы (377,51), 3 ел. 30 (377,52), *доб.* Оустав Володимѣрь Всеволодича (380,53), А се устави велики князь *нет* (380,53), Манамахъ *нет* (380,53), рьза *ем.* рѣ-зоу (380,53), иста *ем.* истое (380,63), о рьзъхъ *нет* (380,53), Аже ел. Иже (380,53), на *ем.* по (380,53), Аже *ем.* Иже (380,54), *доб.* Аже который купецъ испопитъ (380,54), любо ел. или (380,54), испортитъ *ем.* потравитъ (381,54), товаръ ел. коуны (381,54), (>об. своя им воля (381,54), продаятъ ел. продадоут (381,54), господь ел. гость (381,55), товаръ *нет* (381,55), долже ел. должни-ни» *доб.* ему (381,55), и *нет* (381,55), первое ел. первие (381,55), гостины ел. гостевы (381,55), останеть *ем.* останеться (381,55), *доб.* то княжи куны (881,55), первое ел. преже (381,55), Ажезакупъ бе жить ел. О закуп!; (381,56), закупъ ел. закупный чельовкъ (381,56), емоу *нет* (381,56), робять *ем.* работять (381,56), прав-доу ел. правда (381,56), *доб.* О закупе же (381,57), войский *ем.* свойский (381,57), то *ем.* но (381,57), плугъ *ем.* плуго (381,57), копоу *ем.* копоу (381,57), емоу *нет* (381,57), аже ел. аще (381, 57), господину *нет* (381,57), *доб.* о закупъ же (381,58), Аже *ем.* А (381,58), из забоя *нет* (381,58), господину *нет* (381,58), и *ем.* или (381,58), его *нет* (381,58), оувидеть *ем.* оуведеть (381, 59), враждоу и оувередитъ цъноу, а введеть *нет* (381,59), паки *ем.* Аще (381,50), Аже *ем.* Аще ли (381,62), в свободнт.мъ *ем.* свободпоу (381,62), Аже ел. Иже (381,63), обельный ел. обельмый (382,63), *доб.* О закуп* (382,64), Аже ел. Иже (382,64), закупу *ем.* закупень (382,64), выведеть *ем.* оуведеть (382,64). Аже ел. Оже" (382,64), преди ел. переже (382,64), ино *нет* (382,64), боудеть а *нет* (882,64), обельный ел. обельмы (382,64), *доб.* и (382,64), его *нет* (382,64), а ел. и (382,64), п *нет* (382,64), пе-реди ел. преже (382,64), *доб.* или (382,64), *доб.* Асе аже холоиъ ударитъ (382,65), Асе аже ел. *иже* (382,65), аче и ел. аще (382,65), ть *ем.* топ (382,65), кто ел. которой (382,65), то ел. то (382, 05), великий князь *нет* (882,65), Володимировичъ *нет* (382,

05), *доб.* и (382,65), то *нет* (382,05), отци ел. пемь (382,(35), или вязати *нет* (382,05), *доб.* ли (382,63), *доб.* и (382,05), любо елж, или (382,05), вскладываюу в/*, вскладывай (382,00), дворьскаго(382,06) *нет*, выл*зуть *ем.* боудуть (383,07), а *нет* (383,07), людие *ем.* люди (383,08), на земли *нет* (383,70), ловлено *вм.* явлено (383,70), к себь *нет* (383,70), к себь *нет* (383,70), ли *вм.* а любо (383,70), Аже кто борть разнаменаеть *вм.* О борти (383,71), кто *нет* (383, 71), Аже *вм.* Оже (383,72), перегородить *вм.* перетынить (383,72), О дуб* *нет* (38,373), подотнеть *вм.* перетнеть (383,73), А се наклада *вм.* О накладах (383,74), коню *вм.* конех (383,74), любо *вм.* или (383,74), а *нет* (383,74), на *вм.* за (383,74), А се о борти *вм.* О борти (383,75), Аже *вм.* Оже (383,75), *доб.* то (383,75), то *вм.* кто (383,70), *доб.* не (384,77), след *вм.* следь (384,77), следа *вм.* слъдоу (384,77), *доуть *вм.* идоут (384,87), гнати *вм.* гоити (384,77), *авм.* и (384,77), велиц*ел. великой (384,77), огнишанин* *нет* (384,78), коунъне/л (384,78), а не будет ли лицемъ то *нет* (384, 79), а *вм.* за (384,79), морскую ел. заморскоую (384,79), а за челн 8 кун *нет* (384,79), посечптел. подотнеть (384,80), господину *вм.* осподарю (384,80), верею или *нет* (384,80), О перевъхсх и птицах *нет* (384,81), зажгутъ *вм.* зежжеть (384,82), и *нет* (384,83), преди *вм.* преже (384,83), за *нет* (384,84), ты *вм.* а т* (385,85), с *нет* (385,85), а р*ка *вм.* нар*кати (385,85), емсти *вм.* емлетъ (385,85), обвинить *вм.* обвинит (385,85), иметь *вм.* емлетъ (385,87), речи *вм.* речем (385,87), ли запа не боудеть *нет* (385,87), прохоже-ние *вм.* прихожение (385,87), одипо *вм.* единое (385,87), Аже *вм.* Иже (385,88), виноват *вм.* виновата (385,88), нбтуть *вм.* н*тъ (385,89), Аже оумреть смердъ *вм.* О смердш състатк* (385,90), без двтей, задницю *вм.* статок (385,90), ничто же *нет* (385,90), о заднищ боярьстѣи и о дружыгѣи *вм.* и о людскихъ (385,91), задница *вм.* статок (385,91), а *вм.* и (385,92), задница *вм.* статка (380,94), первое *вм.* первья (385,94), *доб.* А се закладаюче город. А се оуроци (380, 90), *доб.* а за мяса (380,90), одну *вм.* единой (386,96), *доб.* О мостийЦѣхъ (386,97), мостнику оуроци *вм.* оуроци мостнии. Мостнику (386,97), городнъ *вм.* городень, дроугомоу *нет* (380,97), можеть *вм.* мога (380,97), А се о задниц* *вм.* О задниц*, сиречь о състатк*х (386,98), *доб.* с (380,98), Оу моужа *нет* (380,99), джи *вм.* тоужи (380,98), добрыми *нет* (380,99), он *нет* (380,99), кормиль *вм.* прекормиль (385,99), что поималь боудеть *нет* (387,99), *доб.* то (387,99), задницю *вм.* статком (387, 100), *доб.* аже ворчеться с*д*ти (387,101), ворчеться *вм.* оборчеться (387,101), то *вм.* но (387,102), с д*тми *нет* (387,102), сидит *вм.* с*д*ти (387,102), дасть *вм.* въехощеть (387,103), взяти *вм.* дасть (387,103), Аже *вм.* оже (387,104), задница *вм.* статок (387,104), *доб.* что а (387,105), ей *нет* (387,105), боудеть *нет* (387,100), *доб.* о задниц* (387,108), задницю *вм.* статк* (387,108). метелпикоу *вм.* мстальпику (387,107), А *нет* (388,110), то *нет* (388,110), а не без него *нет* (388,110), второе *вм.* дроугое (388,110), а *нет* (388,110), *доб.* се (388,110), запов-бсть (388,112), слышав *вм.* слыше (388,112), а *вм.* и (388,112), или робоу *нет* (388,113), коупъ *нет* (388,113), его *нет* (388,113), сам *нет* (388,114), или хоромин* *нет* (388,114), посадник *вм.* намбсник (388,114), ему

вм. оу него (388,114), и а *нет* (388,116), ему лишитися *вм.* ли-шеноу емоу быти (388,110), кто *нет* (388,117), в*дая ли боудеть коупил, то коупъ ему лишеюу быти. Иже холонъ бггая добоудеть добра, то господиноу же и холонъ и долг *нет* (388, 118, 119), поиметь ел. поемлетъ (388,120), поел, а (388,121).

При установлении взаимоотношений Троицкого IV списка со списками III редакции нами были приведены многочисленные и серьезные различия его с Музейским II списком, которые не дают возможности сделать вывод о непосредственной связи между этими списками. Против предположения о непосредственной связи между III редакцией и V редакцией (в частности, Археографическим II) говорит очень большое число различий между ними. Приводим более серьезные¹.

Русинъ *нет* (100,1), Судь Ярославлихъ д*тей *нет* (100,2), совокупившеся *вм.* собрашася (100,2), но *нет* (106,2), о убийств* судъ *вм.* О убоист* (107,3), головника *вм.* оубоиника (107,3), чей *вм.* которой (107,3), аще ли *вм.* паки (107,3), за ту платять ту виру *вм.* за то платять вину (107,4), ей *нет* (107,4), платити *вм.* сплатити (107,4), но *нет* (107,4), свад* *вм.* свадиль (107,4), первинн* *вм.* верви нын* (107,4), оже *вм.* иже (107,4), на поток и на разграбление *вм.* в дикую вину и виру (107,5), О вирах ел. А се покони вирнии (108,7), при *вм.* по (108,7), да *вм.* оже (108,8), нсликомъ князи *нет* (108,7), такожде ел. тожде (108,7), *доб.* по (108,7), овес конемъ соути на ротъ ел. конемъ на ворогъ соути овес (108,7), перекладная *вм.* прикладная (108,7), метальшку *вм.* метельшку (108,7), О вирахъ же ел. А се о пирахъ (108,8), 10 *нет* (108,8), О ремесьяницъх ел. О ремесвеник* и о ремесвениц* (108,10), О смерд* и холоп*. Л за смердъ и холопъ 5 гривень, а за рабоу 0 гривень. А за искормилнча 12 гривень, такоже и за кормилицоу, хотя си бу-деть холопъ или роба *нет* (109,11—12), поклепной ел. клеимой (109,12), сн*д*телии е.м. послухов (109,13), мертвец* ел. мерт-номъ (109,14), платити *вм.* плакати (109,14), в*дают ел. вьдати (109,14), знаютъ ел. знати (109,14), *доб.* свержеть виру (109,15), *доб.* А се (109,15), ислепаль ел. клепаль (109,15), помочногоел. помечного (109,15), и *нет* (109,10), истца *вм.* истецъ (109,10), дати *нет* (109,10), Исправа ел. Правда (109,10), ли *нет* (109,10), Неправа *нет* (109,10), А суднымъ кунамъ росту п*тъ *нет* (109,17), О мече *вм.* Аще ударить мечемъ (110,18), вынес ел. вынем (110,19), тылсницею ел. тылеспию (110,20), персть *нет* (110,22), *доб.* Оже (110,22), кьи *вм.* кто (110,22), О муж* кровав* ел. А се аще придетъ кровавъ мужъ (110,23), Иже ел. Аще (110,23), а *нет* (110,23),началь *вм.* почяль (110,23),выл*зутьел.выступять (110,23), то то *вм.* того (110,23), были *вм.* билъ (110,23), о меч* *нет* (111,24), и *нет* (111,24), лечебно есть ел. л*цебное (112,24),

¹ См. Руська Правда, К., 1935 г., стр. 106—186.

05), *доб.* и (382,65), то *нет* (382,55), отци *вм.* нсмъ (382,05), или нязати *нет* (382,05), *доб.* ли (382,03), *доб.* и (382,05), любо еж. или (382,05), вскладывают *вм.* вскладывай (382,00), дворскаго (382,66) *нет*, выльзуть *вм.* боудуть (383,67), а *нет* (383,67), людие *вм.* люди (383,68), па земли *нет* (383,70), ловлено *вм.* явлено (383,70), к себѣ *нет* (383,70), к себѣ *нет* (383,70), ли *вм.* а любо (383,70), Аже кто борть разнаменаеть *вм.* О борти (383,71), кто *нет* (383,71), Аже *вм.* Оже (383,72), перегородить *вм.* перетынить (383,72), О дуб* *нет* (38,373), подотнсть *вм.* неретнеть (383,73), А се наклади *вм.* О паклад*х (383,74), коню *вм.* консх (383,74), любо *вм.* или (383,74), а *нет* (383,74), на *вм.* за (383,74), А се о борти *вм.* О борти (383,75), Аже *вм.* Оже (383,75), *доб.* то (383,75), то *вм.* кто (383,70), *доб.* не (384,77), след *вм.* следъ (384,77), следа *вм.* сл1 доу (384,77), *доуть *вм.* идоут (384,87), гнати *вм.* гонити (384,77), *авм.* и (384,77), велиц* *вм.* великой (384,77), огнищанин* *нет* (384,78), коуиънет (384,78), а не будет ли лицеиъ *тонет* (384,79), а *вм.* за (384,79), морскую *вм.* заморскоую (384,79), а за челн 8 кун нет (384,79), посеч*т ел», подотнеть (384,80), господину *вм.* осподарю (384,80), вереоу или *нет* (384,80), О прсвъсех и птицах *нет* (384,81), зажгутъ *вм.* зежжеть (384,82), и *нет* (384,83), переди *вм.* преже (384,83), за *нет* (384,84), ты *вм.* а т* (385,85), с *нет* (385,85), а р*ка *вм.* нар*кати (385,85), смети *вм.* емлетъ (385,85), обвинить *вм.* обвинит (385,85), иметь *вм.* емлетъ (385,87), речи *вм.* речсм (385,87), ли запа не боудеть *нет* (385,87), прохоже-ние *вм.* прихожение (385,87), одиоу *вм.* единое (385,87), Аже *вм.* Иже (385,88), виноват *вм.* виновата (385,88), Нѣгутъ *вм.* и*тъ (385,89), Аже оумреть смердь *вм.* О смердш състатк* (385,90), без дѣтей, задииню *вм.* статок (385,90), ничто же *нет* (385,90), о задницѣ боярьстѣй и о дружыгѣи *вм.* и о людскихъ (385,91), задница *вм.* статок (385,91), а *вм.* и (385,92), задница *вм.* статка (380,94), первое *вм.* первыя (385,94), *доб.* А се закладаюче город. А се оуроци (380,90), *доб.* а за мяса (380,96), одну *вм.* единой (386,96), *доб.* О мостпиЦѣхъ (386,97), мостнику оуроци *вм.* оуроци мостнии. Мостнику (386,97), городн* *вм.* городень, другомоу *нет* (386,97), можетъ *вм.* мога (386,97), А се о задниц* *вм.* О задниц*, сиречь състаткѣх (386,98), *доб.* с (386,98), Оу моужа *нет* (386,99), джи *вм.* тоужи (380,98), добрыми *нет* (380,99), он *нет* (380,99), кормиль *вм.* прекормиль (385,99), что поималь боудеть *нет* (387,99), *доб.* то (387,99), задницею *вм.* статком (387,100), *доб.* аже ворчеться с*д*ти (387,101), ворчеться *вм.* оборчеться (387,101), то *вм.* но (387,102), с Дѣтми *нет* (387,102), с*дит *вм.* с*ц*ти (387,102), дасть *вм.* въсхощеть (387,103), взяти *вм.* дасть (387,103), Аже *вм.* оже (387,104), задница *вм.* статок (387,104), *доб.* что а (387,105), ей *нет* (387,105), боудеть *нет* (387,106), *доб.* о задниц* (387,108), задницею *вм.* статк* (387,108), метелникоу *вм.* мстальнику (387,107), А *нет* (388,110), то *нет* (388,110), а не без него *нет* (388,110), второе *вм.* другое (388,110), а *нет* (388,110), *доб.* се (388,110), запов'1:сть (388,112), слышав *вм.* слыще (388,112), а *вм.* и (388,112), или робоу *нет* (388,113), коуиъ *нет* (388,113), его *нет* (388,113), сам *нет* (388,114), или хоромин* *нет* (388,114), посадник *вм.* намѣсник (388,114), ему

вм. оу него (388,114), и а *нет* (388,116), ему лишитися *вм.* лп-шеноу емоу быти (388,116), кто *нет* (388,117), в*дая ли боудеть коупил, то коуиъ ему лишешоу быти. Иже холоиъ бѣгая добоудеть добра, то господиноу же и холопъ и долг *нет* (388,118,119), поиметь *вм.* посмлеть (388,120), но *вм.* а (388,121).

При установлении взаимоотношений Троицкого IV списка со списками III редакции нами были приведены многочисленные и серьезные разночтения его с Музейским II списком, которые не дают возможности сделать вывод о непосредственной связи между этими списками. Против предположения о непосредственной связи между III редакцией и V редакцией (в частности, Археографическим II) говорит очень большое число разночтений между ними. Приводим более серьезные¹.

Русинъ *нет* (100,1), Судъ Ярославлихъ д*тей *нет* (100,2), совокупившся *вм.* собрашася (106,2), но *нет* (100,2), о убийств* судъ *вм.* О убонст* (107,3), головника *вм.* оубоиника (107,3), чей *вм.* которой (107,3), аще ли *вм.* паки (107,3), за ту платять ту виру *вм.* за то платять вину (107,4), ей *нет* (107,4), платити *вм.* сплатити (107,4), но *нет* (107,4), свад* *вм.* свадиль (107,4), первиннт. *вм.* верви ныпѣ (107,4), оже *вм.* иже (107,4), на поток и на разграбление *вм.* в дикую вину и виру (107,5), О вирах *вм.* А се покони вирнии (108,7), при *вм.* по (108,7), да *вм.* оже (108,8), пеликомъ князи *нет* (108,7), также *вм.* тожде (108,7), *доб.* по (108,7), овес конемъ соути на ротъ *вм.* конемъ на воротъ соути овес (108,7), перекладная *вм.* прикладная (108,7), ме-гальику *вм.* метельшку (108,7), О вирахъ же *вм.* А се о нирахъ (108,8), 10 *нет* (108,8), О реместьяницѣхъ *вм.* О ремественикѣ и о ремествениц* (108,10), О смерд* и холоп*. А за смердъ и холопъ 5 гривень, а за рабоу 0 гривень. А за пскормилича 12 гривень, также и за кормилицоу, хотя си бу-деть холопъ или роба лет (109,И—12), поклепной *вм.* клепной (109,12), св*д*телии *вм.* послухов (109,13), мертвец* *вм.* мерт-помъ (109,14), платити *вм.* плакати (109,14), в*дают *вм.* в*дати (109,14), знаютъ *вм.* знати (109,14), *доб.* свержеть виру (109,15), *доб.* А се (109,15), исклепаль *вм.* клепаль (109,15), помочного *вм.* помечного (109,15), и *нет* (109,10), истца *вм.* истецъ (109,16), дати *нет* (109,10), Исправа *вм.* Правда (109,10), ли *нет* (109,10), Неправа *нет* (109,16), А судным кунамъ росту п*ть *нет* (109,17), О мсчѣ *вм.* Аще ударить мечемъ (110,18), вынес *вм.* вынем (110,19), тылсницею *вм.* тылеспию (110,20), персть *нет* (110,22), *доб.* Оже (110,22), кьи *вм.* кто (110,22), О муж* кровав* *вм.* А се аще придетъ кровавъ мужъ (110,23), Иже *вм.* Аще (110,23), а *нет* (110,23), началъ *вм.* почяль (110,23), выл*зуть *вм.* выступить (110,23), то то *вм.* того (110,23), были *вм.* билъ (110,23), о меч* *нет* (111,24), и *нет* (111,24), лечебно естъ *вм.* л*цебное (112,24),

¹ См. Руська Правда, К., 1935 г., стр. 106—186.

а *нет* (112,24), то *вм.* а (111,24), *Иже в.* Аще кто (111,25), палицею «и. по лицу (111,25), челядинъ *ем.* челяди (111,20), *Оже ем.* А (111,20), *крыется ем.* съкрыется (111,20), *Оже на чюжем конь* 'Бзднтем. *Всядс на чюжь конь* (111,27), *О изгибели нет* (111,28), *итн нет* (112,31), *трехъ ем.* третьяго (112,31), *сводовъ ем.* свода (112,31), то *ему ем.* тому (112,31), *своду нет* (112,31), а *ем.* пли (112,31), в *ем.* на (112,31), *введеть ем.* вывести (112,32), не *нет* (112,32), на *торгу ист* (113,32), *взяти нет* (113,32), *О челяди нноагъ нзводъ ем.* Аще позпаеть челядинъ (113,33), *копамъ ем.* кунамъ (113,33), *проторъ ем.* проторю (113,33), *оукраденъ ем.* украдено (113,33), *уведет, ем.* уведше (113,33), *О том же свод¹ ем.* *О сводт. же* (113,34), *доидеже нальзеть нет* (113,34), *О татъ- ем.* о тадбъ (114,35), *Оже ем.* Аще (114,35), *аще ли оубиють и ем.* *оже ли оубнтый* (114,35), *доб.* *оужь* (114,35), *томъ ем.* немъ (114,35), *кто нет* (114,35), *оуроци скот** *нет* (114,37), *кто нет* (114,37), *оукрадетъ ем.* крадоуть (114,37), *жито ем.* животь (114— 38), *поемлетъ ем.* възметъ (114,38), *быль нет* (114,39), *доб.* *А се ур'бчп скотомъ* (114,40), *а за свиною 5 кунъ,* *а за порося ногата,* *а за овцу 5 кунъ нет* (115,40), *а за коровие млеко 0 погаты нет* (115,40), *то ти нет* (115,40), *урони ем.* уречи (115,40), *О хо-лог'бхъ ем.* *Оже будутъ холопье тати* (115,41), *черныцевы ем.* чечиецкыи (115,41), *продажею ем.* продаждею (115,41), *же нет* (115,41), *двопчи ем.* двопчи (115,41), *Озапртниш кунъ ем.* кунъ възы-шетъ (115,42), *учне ем.* иметь (115,42), *О купць нет* (115,43), *па ротув.и.* *рогѣ* (115,43), *учнетъ ем.* иметь (116,43), *поклаже ем.* по-клажаи (116,44), *лежитъв.м.* лежалъ (116,44), *О р'зоимствъ^ вм.* оръзи (116,45), *р'бзы, вм.* ръзь (116,45), *въ нет* (116,45), *такоже вм.* тако (116,45), *то нет* (116,45), *ему нет* (116,46), *доб.* *ся* (116,46), *провиновался ем.* промыловался (116,46). *А се уставиь великый князь Владимиръ Всеволодичъ Манамахъ в.* Устав Во-лодимеръ Всеволодичя (120,64), *Асе оуставъ Володимеръ Всеволодица нет* (120,64), *аже ем.* а *еже* (121,64), *Третий ръзь вм.* 3 р-ф-зы (121,64), *емлетъ нет* (121,65), *доб.* *А се который купецъ истопится* (121,66), *кто нет* (12,66), *доб.* *мочи* (121,66), *своя имъ воля нет* (121,66), *доб.* *Асе* (121,67), *занинати ему начнуть,* *не дадучп кунъ в.* *начнуть ему не дати,* *запирающе кунъ* (122,6), *продати в.* *ирода* (122,67), *нереже в.* *первое* (122,67), *доб.* *О р'бзи же* (122,67), *много ръза ималь в.* *по 10 кунъ от л-Бта на гривну* (112,67), *тому в.* *того* (122,67), *не имативл*.* *не отметати* (122,67), *закоупный ем.* закуипъ (122,68), *ребягъ в.* *работять* (122,68), *ролейны в.* *розный* (122,69), *своискы в.* *воиньскыи* (122,69), *своему господину нет* (122,69), *увидеть в.* *вьедеть* (123,71), *вражду и увередить ц-Бну нет* (123,71), *обель в.* *осиль* (123,71), *свободному платити в.* *в свободномъ платежь* (123,71), *О холопъ в.* *о закупъ же* (123,72), *платити в.* *плати* (123,72), *доб.* *А се о холопъ* (123,73), *но оже в.* *йже* (123,73), *парабок в.* *прок* (124,75), *доб.* *иже холопъ ударить* (124,75), *который в.* *кто же и* (124,75), *великый князь нет* (124,75), *Володимсричъ нет* (124,75), *или взяти или бити развазавши в.* *а любо такоже 2 грнвн-Б* (124,75), *доб.* *А се* (124,76), *А в.* *на* (124,76), *вьекладають в.* *вьекладають* (124,76), *вьекладати в.* *вьек-*

ядьшати (124,76), *о бород-Б нет* (124,77), *а иже безъ людей,* *то в поклеп*, нтьь продажи нет* (124,77), *о зуб* нет* (125,78), *вл-Бзуть в.* *выидуть* (125,78), *О бобръ нет* (126,72), *на земли знамение,* *им же ловлено в.* *знамениемъ же ловлено* (125,79), *разнаменуеть в.* *разнамънасти* (125,81), *перетнетъ в-и.* *протнетъ* (125,82), *тыномъ нет* (125,82), *или межъны перетнетъ,* *12 гривень продажи нет* (125,83), *о пакладъхъ ел*.* *А се накладъ* (125,84), *А се нет* (126,85), *подломить в.* *потнетъ* (125,85), *три гривны в.* *польгрнвны* (125,85), *ча медь нет* (125,85), *доб.* *олекот* (125,86), *гопштъ в.* *гнати* (126,87), *О смерд-Бхъ в.* *А се о смерд-Б* (126,88), *О огнишанинъ нет* (126,89), *продажи нет* (126,89), *кунъ нет* (126,89), *доб.* *се* (127,91), *или вервь перетнетъ нет* (127,91), *о перевьсьхъ и о пти-цахъ нет* (127,92), *въ чемъ нерев'бст.нет* (126,92), *а за куря 9 кунъ нет* (127,92), *утя в.* *утовъ* (127,92), *за жаравъ в.* *за гусь* (127,92), *доб.* *А се* (127,94), *похолопн в.* *холопьею* (128,96), *платити нет* (128,97), *доб.* *не* (128,97), *прихожение в.* *прохождение* (128,97), *н-Бту в.* *н-Бсть* (128,99), *в боярехъ нет* (129,101), *своим нет* (129,102), *О жъ не нет* (129,103), *дати нет* (129,102), *ей в.* *на ню* (129,103), *а у своихъ детей взяти часть нет* (129,103), *А что в.* *аще* (129,103), *доб.* *А се урочи городнику* (130,105), *доб.* *за мяся* (130,105), *доб.* *овса* (130,105), *А се нет* (130,106), *доб.* *Асеуроци* (130,106), *аже еж.* *а* (130,106), *дву конехъел*.* *двоу коню* (130,106), *доб.* *на педьлю,* *а ясти что мога* (130,106), *доб.* *А се* (130,107), *задниц-Б в.* *безаднпц* (130,107), *доб.* *отъ* (131,108), *такоже есть рядъ,* *якоже рядиль в.* *тако есть ряди и* (131,109), *доб.* *ащс ворчеться съд-Бти* (131,111), *оборчеться в.* *ворчеться* (131,111), *доб.* *хог'Бти* (131,111), *с Д'Бтми нет* (131,111), *сидтъ в.* *сядс* (131,111), *нонет* (131,112), *мати нет* (131,112), *язька в.* *мужа* (131,112), *икочима в.* *и отчима* (131,113), *доб.* *же* (132,115), *о судебныхъ уроц'бхъ в.* *А се уроци судебнии* (132,116), *метальнику в.* *метьнику* (132,116), *доб.* *Асе* (133,117), *обелное в.* *обилное* (133,118), *а ногату дасть предъ сам'бмъ холопомъ нет* (133,117), *доб.* *или ключъ к себе привяжеть* (133,117), *вдачь в.* *в дач** (133,118), *а инпц по хлб'бъ робягъ в.* *ни хл'б'бъ работять* (133,118), *есть нет* (133,119), *город нет* (133,121), *коня в.* *куны* (134,123), *и, или лишитесь в.* *а не лишатися* (134,123).

Словом, протограф Русской Правды III редакции получил свое оформление совершенно самостоятельно, независимо от списков II, IV и V редакций.

2. Вторым источником Русской Правды III редакции являются статьи о р'бзах, или статьи о приплоте скота и хлеба. Эти статьи непосредственно примыкают к ст. «О месячном р-вз'в» и таким образом замыкают содержание Устава Ярослава. Прерываются эти статьи первой статьей Устава Владимира Мономаха.

В настоящее время, как будто не должно бы быть исследователей, которые могли бы даже предположи-

гельно говорить о том, что эти статьи имеют какое-то отношение к статьям Русской Правды и, в частности, к статье «О месячном р-вз-в». Как известно, эта статья говорит о процентах по займам, т. е. денежным обязательствам. Первая же статья о приплоде скота говорит о приплоде овец («А от 20 овец и от двою приплода на 12 лет— 90.000 овец...»). Следующие статьи никакого отношения к процентам по займу не имеют. Наконец, последнее присоединение этих статей к основному тексту Русской Правды доказывается разной оценкой тех животных, о приплоде которых говорится в этих статьях и в статье об «уроках скоту». В то время, как в статье «об уроках скоту», кобыла расценивалась в 60 кун, корова в 40 кун, третьяк 30 кун, овца 5 кун, баран — ногата, в статьях о приплоде скота, кобыла по 3 гривны, третьячина по гривне, корова 2 гривны, овца по 6 ногат, баран 60 резан. Несомненно, статьи о приплоде скота составлялись в то время, когда деньги значительно подешевели по сравнению с концом XI в. или с началом XII в. Но М. Н. Тихомиров, касаясь этих дополнительных статей к Русской Правде III редакции, сделал ряд наблюдений, которые дают основание установить связи с предшествовавшей им статьей Русской Правды. Он начинает с замечания о том, что дополнительные статьи о резах в Карамзинском изводе (т. е. в III редакции) являются памятником довольно загадочного характера, так как назначение их не вполне ясно и что математические выкладки этих статей кажутся фантастическими.

Но затем М. Н. Тихомиров замечает, что его внимание привлекает одна особенность статей о резах. В то время, как одни статьи дают фантастическое вычисление приплода скота и денег, другие статьи носят совершенно иной характер, вследствие чего можно предположить, что цифры приплода и его стоимости являются не первоначальными, а введены позже, как пример ростовщических процентов, доведенных до неправдоподобности.

Словом, по М. Н. Тихомирову, первоначальный текст статей о резах не имел фактических под-

счетов приплода, а отличался какими-то более реальными чертами¹. А затем М. Н. Тихомиров делает окончательный вывод: в статьях о резах мы имеем перед собой как бы хозяйственную опись какого-то села, которая находит себе аналогию в более поздних памятниках, подобных новгородским писцовым книгам конца XV века, хотя оно возникло значительно ранее — в XIII—XIV вв. Сами же статьи о резах, в том виде, как они дошли до нас, являются памятником Северо-Восточной Руси, поскольку в этих статьях упоминаются слова: жонка, страда и в особенности р о с т о в с к а я кадь. М. Н. Тихомиров не дал прямого решения вопроса о времени происхождения статьи о резах. Но поскольку он ссылается на памятники Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., можно полагать, что именно к этому времени он и относит происхождение данных статей.

Что же касается времени введения в состав Пространной Правды этих статей, то М. Н. Тихомиров ограничивается общим замечанием, что это произошло очень поздно. Из всех этих рассуждений М. Н. Тихомирова видно, что подсчет приплода от скота и денег, данный в этих статьях, должен был иллюстрировать громадность процентов, нарастающих в течение нескольких лет. Словом, по М. Н. Тихомирову, эти статьи имеют прямое отношение к последним статьям Устава Ярослава «О резоимстве и о месячном р'взе», почему в своей работе он всячески культивирует название статьи о резах, хотя в них ни слова не говорится о резах.

Необходимо подробно рассмотреть все эти соображения М. Н. Тихомирова о происхождении и о значении данных статей.

Коснемся прежде всего вопроса о том, в какой степени является правильным утверждение М. Н. Тихомирова о том, что якобы в основном в этих статьях наблюдаются черты реальности при подсчетах и что в этих статьях вследствие этого дается хозяйственная опись какого-то села.

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 179.

Приходится решительно с этим не согласиться. Все статьи носят гипотетический характер. В реальном хозяйстве (а цифры взяты из сельского хозяйства) такие цифры невозможны. Невозможно не только то, что от 20 овец при ежегодном приплоде в количестве двух ягнят за 12 лет получилось поровну 90. 112 овец и 90. 112 баранов, но невозможен приплод и от других животных: коз (90. 112 коз и 90. 000 козлов), свиней, назимых свиней, кобыл, от лонской кобылицы, донской телицы, но и роев (от двух пчел).

Такой же сугубо гипотетический и притом нереальный характер имеют статьи об урожае хлеба (ржи молоченой или немолоченой и пр.), поскольку дело идет о тысячах копен (ржи молоченой 1 200 копен и ржи немолоченой 4 660, полбы 1 750 копен и т. д.). Совершенно ясно, что никакой реальной описи какого-то села в основе этих исчислений видеть совершенно невозможно. Это -типичные арифметические упражнения на основе цифр сельского хозяйства, в результате которых можно получить навыки в подсчетах основных доходных статей в этом хозяйстве.

Поэтому дается упражнение не только в подсчете приплода скота от взрослых животных, но и от лонщин и третьячин, не только количества хлеба немолоченого в копнах, но и хлеба молоченого в половниках.

Одновременно с этим дается упражнение по подсчету роев и заработной платы сельскохозяйственных рабочих («О сиротьем вырядке»). Словом, в этих арифметических упражнениях были учтены все основные производственные объекты сельского хозяйства.

Чтобы разнообразнее провести математические подсчеты, приплод скота и урожая хлеба в некоторых случаях исчисляется не только за 12 лет, но и за 10 лет (о назимых свиньях) и 9 лет (о лонских кобылицах и о лонских телицах).

Для нас представляется совершенно непонятным утверждение М. Н. Тихомирова о том, что в статьях, представляющих собой фантастические подсчеты, ранее лежали реальные цифры. Какая, например,

«реальность» была ранее в статье об овцах, когда сразу же говорилось о приплоде за 12 лет по двое ягнят? Как можно отделить реальные цифры от фантастических в подавляющем числе этих статей? В этих условиях мысль М. Н. Тихомирова о том, что первоначально статьи о резах представляли хозяйственную опись какого-то села, подобно описи в Новгородских писцовых книгах конца XV в. по нашему мнению, является совершенно не аргументированной. А кроме того, в хозяйственной описи села основное содержание заключается в перечислении числа крестьянских дворов и в указании, сколько засевалось хлеба этими дворами и накапливалось сена. Этих цифр ни реальных, ни фантастических совершенно нет в статьях о резах.

Но, предположил!, М. Н. Тихомиров прав: статьи о резах вначале представляли собой хозяйственную опись какого-то села и только затем эта опись обросла фантастическими цифрами. Но какое значение эта опись могла иметь для и л л ю с т р а ц и и с т а т ь и 0 р е з а х . т . е . с т а т ь и о п р о ц е н т а х п о д е н е ж н ы м з а й м а м . Если надо было иллюстрировать эту статью, то следовало бы привести цифры о нарастании процентов с какой-нибудь денежной суммы или с нескольких денежных сумм.

Словом, М. Н. Тихомиров не доказал наличие непосредственной связи подсчета приплода скота и урожая хлеба к статьям Русской Правды, предшествовавшим этим подсчетам, или к статьям, примыкавшим к ним.

Но тогда возникает вопрос, чем же объяснить нахождение в составе Русской Правды материала, не имеющего никакого отношения к ее содержанию? Возникает вопрос, почему же эти добавления были помещены после статей о резах. т . е . после тех статей, которыми кончается Устав Ярослава.

В главе, посвященной истории Русской Правды в сборниках и Кормчих, нами было в общей форме указано, что юридический сборник, который в Софийской 1 летописи был записан под 1019 г.. вначале пред-

ставлял самостоятельное литературное целое. Он был составлен с практическими целями, являясь руководством для светского или церковного суда. Нами было указано, что первоначально в этом сборнике впредь до образования Русской Правды III редакции каждая статья должна была отделяться друг от друга путем оглавления, написанного вязью. Вполне возможно, что каждая статья отделялась и пустыми (неиспользованными) страницами и строками. Подобным образом, Устав Ярослава или Суд Ярослава князя обычно отделялся, как было уже указано, в главе, посвященной истории Русской Правды в сборниках и Кормчих, и от Устава князя Владимира Всеволодовича.

Известно, что пустые строки и пустые страницы часто заполнялись разного рода записями, не имеющими прямого отношения к основному содержанию памятника. Вполне возможно, что пустая страница или даже полторы страницы после Устава князя Ярослава и были использованы для арифметических упражнений. Поскольку судебник применялся в суде светских или церковных феодалов, то арифметические упражнения были основаны на цифрах крупного сельского хозяйства. С течением времени эти арифметические упражнения стали казаться переписками, имеющими непосредственное отношение к статье о резах Русской Правды, и они стали переписываться вместе с Уставом князя Ярослава, становясь особенностью Русской Правды III редакции. Один из последующих переписчиков решил разделить эти упражнения на отдельные статьи в стиле и в объеме других статей Русской Правды.

Мы полагаем, что попытка М. Н. Тихомирова объяснить нахождение этих статей какими-то рациональными соображениями, не может быть признана в какой-либо степени основательной и эти арифметические упражнения надо признать не имеющими никакого отношения к содержанию Русской Правды. Называть эти упражнения «статьями о резах» нет никаких оснований, и это название надо исключить из научного оборота.

Возникает вопрос о том, где и когда эти арифметические упражнения были записаны в текст юридического сборника.

Нам думается, что это могло быть во время, сравнительно близкое ко времени возникновения Пространной Правды. Тогда существовал еще гривенный счет (гривна, ногата и резана). Цена домашних животных была более высокой, чем в Пространной Правде; ценность денег, следовательно, по гривенному счету несколько снизилась, но эта разница не была особо значительной.

Что касается места, где могли быть произведены данные арифметические упражнения, то мы не можем разделить доводы М. Н. Тихомирова об их северо-восточном происхождении. Дело в том, что слова «жонка», «страда», «ростовская кадь» могли употребляться и в Новгороде и в Северо-Восточной Руси. Наоборот, употребление термина «ростовская кадь» более естественна в Новгороде, который в значительной степени жил привозным хлебом и где, следовательно, могли применяться меры сыпучих тел тех мест, откуда шел хлеб.

Нам думается, естественнее всего предполагать, что математические упражнения были вписаны в юридический сборник там, где он был составлен и где получил распространение, т. е. в В. Новгороде или в Новгородской земле.

3. Третьим источником Русской Правды III редакции был Устав Ярослава князя о мостех, о происхождении которого говорилось выше.

4. Наконец, состав статей Русской Правды III редакции стал включать две новые статьи «Очеловеце» («Оже человекъ, полгавъ куны у людей, а побежить в чюжу землю, въры ему не яти, как и татю»), которая предшествовала Уставу о мостех, и статью «О муце» (Оже утяжутъ в мукъ, а иосидить у дворянина 8 ногатьза ту муку, а у колоколници бьютъ кнотомъ, аза ту муку 80гривень), которая замыкает статью данной редакции.

Статья «О человеце» близка по своему стилю к «Уставу о холопах», а статья «О муце», несомненно, возникла гораздо позднее, нежели все другие статьи

Русской Правды. В статье говорится о дворянине, который ведет следствие по обвинениям в преступлении. Таких должностных лиц Русская Правда не знает. Впервые о дворянах, как особой категории княжеских слуг, говорится в рассказе летописи об убийстве князя Андрея Боголюбского.

4. Время и место происхождения Русской Правды III редакции

Вопрос о времени происхождения Русской Правды III редакции должен решаться на основе следующих соображений: *tern rus a quo* определяется временем возникновения Устава князя о мостех, который вошел в состав Русской Правды этой редакции. Нами уже ранее было указано, что Устав о мостех надо датировать концом XII или началом XIII вв. Статья «о муце», упоминающая о дворянине, как княжеском агенте, а не представителе одной из главнейших групп класса феодалов, могла возникнуть тоже и XIII в.

Что же касается *tempus ad quern*, то он определяется тем, что так называемый Сборник княжеских Уставов, вошедший в состав юридического сборника, в котором получила свое оформление III редакция, по указанию его составителя был выписан из Великого и Старого Номоканона на Москве, в лето 6911 (1402), индикта 11, месяца ноября 11.

Можно таким образом сделать вывод, что в 14(12 г. III редакция уже существовала. Словом, она возникла в промежутке времени между началом XIII в. и началом XV в.

Для того чтобы более точно установить время ее возникновения, необходимо учесть следующие факты. Уже к началу XIII в. в составе III редакции, несомненно, находились все источники этой редакции: и Устав Ярослава, и Устав Владимира, и арифметические упражнения, и Устав о мостех, и дополнительные статьи к Русской Правде. Но эти отдельные источники, как это показывает изучение юридических сборников XIII—XIV вв., пока не составляли лите-

ратурного целого. Они являлись отдельными памятниками, имевшими свои особые оглавления. Окончательное формирование III редакции заключалось в том, что эти отдельные источники вошли в состав Русской Правды, причем графическое выражение самостоятельности постепенно стиралось. Когда этот процесс мог закончиться? Нам -кажется, что это могло произойти в XIII—XIV вв., скорее всего в середине XIV в.

Что касается места происхождения III редакции, то оно определяется местом происхождения одного из источников III редакции — Устава о мостех — типичного новгородского памятника, воспроизводить который в других русских землях не было никакого смысла. С другой стороны, Русская Правда III редакции, как общее правило, помещалась в юридических сборниках, которые воспроизводились под 1019 г. в таком типично новгородском памятнике, как Софийская I летопись.

II РЕДАКЦИЯ

§ I. Синодальный извод

1. Источники Синодального извода

ШШ разделе, посвященном классификации Русской Правды, II редакция нами была разделена на два извода: Синодальный и Троицкий, причем в Троицком изводе мы различаем, следуя изданию Академии наук СССР, несколько видов этого извода.

Как было указано, Синодальный извод представлен единственным списком, находящимся в знаменитой Новгородской (Синодальной) Кормчей № 132.

Основной особенностью этого списка, кроме, довольно значительного числа отдельных вариантов, являются: 1) Пропуск статьи о поклепной вире (ст. 13/18/ Тр.) и иное расположение статей во второй части Русской Правды (в Уставе Владимира Всеволодовича).

Чтобы уяснить это различное расположение статей Синодального и Троицкого изводов, приведем следующую таблицу.

ОГЛАВЛЕНИЕ СТАТЕЙ

Троицкий	Синодальный
48(54) Аже который купец истопиться 49(55) О долзе	50(56) О закупе 57(06) О послушестве 58(67) О бороде 59—61 (68) О зубе
50(56) Аже закуп бежить 51(57) О закупе же	62—64 (69—73) О борти

52—53 (58—62) О закупе же
 54(63) О холопе
 55(64) О закупе
 56(65) А се аже холоп ударить
 57(66) О послушестве
 58(67) О бороде
 59—61 59(68) О зубе
 62—64 Аже кто борть (69—73) разнаменаеть
 65(74) А се наклали
 66(75) А се о борти
 69(78) О смерде
 72—74 (80—82) О перевесех
 75—78 (83—87) О гумне
 81(90) Аже умреть смерд
 82—85 (91—95) О заднице боярьстей и о дружней
 86(96) О се закладаоче город
 87(97) О мостпичех
 88—91 (98 -100) А се о заднице
 92—95 (101 — 106) О жене аже норчеться седети 96(107) А се уроци судебни 97(108) О заднице 98(109) Уроци ротнии 99(100) О холоньстве

65(74) А се наклали
 79—80 (88—89) О жене
 81(90) О задници
 82—85 (91—95) О задници боярьстей и о дружинней (92—95) (101- 106) А се о жене, оже норчеться седети
 96 (107) А се уроци судебни
 97(108) О задници
 98(109) Оурочи ротнии
 48(54) А се о купци оже истопиться
 49(55) О долзг
 51(57) О закупе
 52—53 (58—62) О закупе
 54(63) О холопе
 55 (64) О закупе
 56 (65) А се оже холоп ударить
 66—68 (75—77) А се о борти
 69—71 (78—79) О смерде 72—74 (80—82) О перевесех 75—78 (83—87) О гумне 86(96) А се закладаоче город 87 (97) А се уроки месьнику 88—91 (98—100) О задници 99(110) О холоньстве

Вопрос о происхождении Синодального извода был неоднократно предметом суждения со стороны исследователей. Однажды была сделана попытка привлечь к Синодальному списку особое внимание. Е. Ф. Карский в предисловии к своему изданию Русской Правды стал доказывать, что краткий текст Русской Правды (Краткая Правда) может основываться на древнейших записях, сделанных еще при сыновьях Ярослава, но мог также явиться плодом извлечения из кодифицированного после Владимира Мономаха свода в той его части, которая предшествовала Уставам этого князя, явившимся уже в Киевской области¹. Следовательно, по Карскому, Пространная Правда могла быть источником для Краткой. Анализируя же текст Пространной Правды, Карский стал считать Синодальный список наиболее близким

¹ Е. Ф. Карский, Русская Правда по древнейшему списку, Л., 1930 г., стр. 9.

к первоначальному подлиннику Русской Правды, почему и решил положить его в основу своего издания этого памятника. Характерно, что он решил подвести к этому списку варианты наиболее важных и интересных списков, относящихся по нашей классификации к другим редакциям.

Большое внимание вопросу о происхождении Синодального списка было уделено и М. Н. Тихомировым, который посвятил ему одну из глав своего исследования¹ и затрагивал его и в последующем изложении. Взгляды М. Н. Тихомирова на Синодальный извод совпадают в основном с теми взглядами, которые мы в свое время высказывали в нашей работе «Русская Правда, как кодекс феодального права». В главе, посвященной истории Русской Правды в сборниках и Кормчих, нами высказано предположение, что Русская Правда, до сих пор не входившая в состав Кормчих, могла быть заимствована из какого-либо юридического сборника. Таким сборником, вероятнее всего, был сборник, состоявший из русских статей, причем одной из составных частей этого сборника были и церковный Устав князя Владимира обширной (по нашей классификации 3-й) редакции. Следы существования подобного рода сборника имеются в нашей письменности, а именно в Мериле Праведном ИМ, Синодального собрания, № 524. В этом сборнике Русская Правда принадлежит к Троицкому изводу. Сопоставление Синодального списка с дошедшим до нас наиболее древним списком Троицкого извода показывает, что они находятся в тесной связи между собой.

Чтобы установить эту связь, приведем варианты Синодального списка на Троицкий список и на другие виды Троицкого извода^а.

Вирьвную *ем.* ниреиную (402,3), заплатят!, *ем.* заплатить (404,4), зане *ем.* зань (404,5), еилатити *ем.* сплати (404,5), *доб.* а то (404,8), пршеладываеть *ем.* прикладывають (404,6), *доб.* А се иокони вирьнии (400,!), оже *ем.* же (406,9), *доб.* о вирахъ (400, 10), О княжи отроци *ем.* О княжи муже (406,11), О реместпенице

ем. О рсмественице и о реместпенице (408,15), тако же *нет*, (408,17), помоченого *ем.* помочиаго (408,20), *доб.* кун (408,20), *доб.* а (410,21), мынс *ем.* мне (410,22), то *нет* (410,22), *доб.* Ожс кто ударить мечемъ (410,23), поль вири *ем.* полувиры; (410, 27), платити *ем.* плати (412,25), пхньеть *ем.* поиьхпеть (412,31), О челядех *ем.* О челяди (412,32), О челядине *ем.* Аже познаеть кто челядь (416,38), челядин и челядина ел», челяди на в челяднн (416,38), *доб.* не веде (416,38), воротить *ем.* воротять (416,38), 60 *ем.* 7 (420,45), кунъ *нет* (422,47), его *ем.* того (422,49), на *ем.* в (422,50), А ее усгави В олодимири *ем.* Устав Володи мерь Всеволод, и ч а (424,53), боб. О резе (424,53), А се о купцн оже истопитьсѧ *ем.* Аже который купец истопитьсѧ (424,54), чье то куиы *ем.* чии то товар (426,54), ирсрже *ем.* первое (426,55), то том у и Скмати *ем.* не имати тому (426,55), О за куп *ем.* Аже закуп бежитъ (426,56), Оже ролейный закуп у господина будеть *ем.* Аже у господина ролейный закуп (428,57), кону *ем.* куну (428,57), отслеть его *ем.* его отслеть (428,57), то *нет* (428,57), Оже *ем.* же (428,58), *доб.* и (428,58), у и с д и т ь *ем.* у в и д и т ь (428,59), вражду *ем.* куну (428,59), все *нет* (428,59), 7 *ем.* 60 (428,59), О закупе оже уведеть «.». Аже закуп выведеть (428,64), в топь *ем.* в пемь (430,64), нъ оже господин инде налезуть, то заплатити передний господин его копь или ино что будеть взял *ем.* поотл кде и палезуть, то прди заплатити господин его конь или что будеть ино взял (430,64), На послужествъ на холопа *ем.* А послушствна на холопа (428,66), то *ем.* но (432,66), выиметь *ем.* въньметъ (432,67), борть *ем.* бобр (434,69), *доб.* продаже (432,69), *доб.* на земли (434,70), *доб.* в с обе (434,70), Аже кто борть разиапаста *нет* (434,71), перетлеть *ем.* подотнеть (434,73), за м е х *ем.* н а мех (434,74), 7 *ем.* 60 (436,79), *доб.* з а (436,79), кто *нет* (438,80), неретпеть *ем.* подотнеть (438,80), господину *нет* (438,80), исплатить *ем.* исплатишню (438,83), *доб.* за (438,13), гривну *ем.* господину (438,84), сего *нет* (440,85), *доб.* а (440,85), урок ей*, укор (442,89), О з а д н и ц и *ем.* Аже у преть с м е р д (442,90), спويم детем *нет* (442,92), все *ем.* всем (442,92), то у своих детей взяти часть *ем.* то на нно часть дати (442,93), то *ем.* той (444,95), не надобс *ем.* не имати (444,95), солоду дадять ему одину *ем.* солоду одину дадять (444,96), А се урони мостнику *ем.* О мостицех (444,97), *доб.* взяти (446,97), можета им. можетъ (446,97), с м а т е р и ю *ем.* с м е р т и ю (444,98), что поймал будеть или исте-рял *ем.* что ли растерял (444,99), всяко <ш. всяк (446,100), *доб.* ей (448,102), возворотять братья *ем.* возворотить брату (448,105), первого ли, другого ли *нет* (450,106), ачс пси будут ей сынони лиси *ем.* аче и вси сынови ей будуть лиси (450,106), мятельнику *ем.* мстел-нику (450, 107), *доб.* то (450,108), д. чькьи дети и их делит *ем.* детьский и деть их делит (450,108), поставити *ем.* поставити (452,110), а пятая ему перейми *ем.* а пятая персемпая ему (452,113), вязебнос *ем.* вязебную (454,114), и гоня, а *нет* (454,114), вести *ем.* повесть (454,115), е г о *ем.* с (456,119), поем-леть *ем.* поиметь (456,120).

6 5214

¹ М. П. Тихомиров, Исследование, стр. 99 и сл. ³ См. Правда Русская, изд. АН СССР, М.—Л., 1940 г., т. I, стр. 402-456.

Сопоставление Синодального списка со списками Троицкого извода приводит нас к неожиданному, но крайне интересному выводу, а именно: Синодальный список является наиболее близким не к спискам Русской Правды Мерил Праведных, т. е. к спискам более ранним, а к спискам, находящимся в Кормчих. Из таблицы вариантов Синодального списка на Троицкий I нами приведено 44 варианта, общих с вариантами списков этих Кормчих (варианты в приведенной таблице даны разрядкой).

Очень характерно, что в Синодальном списке так же, как и в списках Кормчих Новгородско-Софийского, Розенкамповского и Фераионовского типа Устав Владимира Всеволодовича, который выделялся из списков Мерил Праведных разного рода графическими способами, здесь полностью сливается со статьями Устава Ярослава. Заглавие «Устав Владимира Всеволодовича» заменяется скромным: «А се уставы Володимир», причем эти слова написаны обычной строчной кинноварью.

Если бы у Синодального списка не было пропуска статьи о поклепной вине и было бы обычное расположение статей, то его пришлось бы отнести к спискам, близким к спискам Кормчих какого-либо другого типа, например, Новгородско-Софийского типа.

При дальнейшем изучении текста Синодального извода приходится отметить, что очень большое число вариантов Синодального списка в отношении Троицкого I списка и других списков Троицкого извода есть результат небрежности, невнимательности переписчика Синодальной Кормчей.

Среди вариантов этого рода необходимо указать на следующие. В ст. 46(53) написано *у с т а в и л ю д и д о т р е т ь е г о р е з а е м. у с т а в и л и*; в ст. 53(59) говорится *7 к у н е м. 60*; в ст. 89(99) сказано, *т о к м о им е м. т о к т о им*; пропущено слово *г р и в н ы* в ст. *А с е о б о р т и (66)75*, и т. д.¹ Но очень большое число вариантов Синодального

¹ Подробный перечень этих вариантов, являющихся ошибками или описками, приведен М. Н. Тихомировым (Исследование, стр. 100).

списка объясняется особенностями языка Синодальной Кормчей. Общая характеристика этим особенностям была дана Е. Ф. Карским в предисловии к его изданию «Русской Правды» и акад. С. П. Обнорским¹. Карским было указано, что Синодальный список был написан в такое время, когда сильные «ъ» и «ь» начали заменяться посредством «о» и «е», а слабые исчезать. Переписчик поэтому часто писал или «ь», или «е», или «ъ», или «о».

Отсюда такие разночтения, как «сѣвт>коунивѣшесея», «вѣрвь», «кльпаль», «мъчь», «пърть» и пр.

Обратимся теперь к основному вопросу происхождения Синодального списка, именно, к вопросу о том, какой порядок расположения статей — Синодального или Троицкого изводов — отражает древнейший текст.

Как известно, имелись исследователи, которые высказывали мнение, что Синодальный список отражает порядок расположения статей, тождественный с порядком расположения протографа II редакции. Эти исследователи указывали, что Синодальный список объединял статьи Русской Правды, по мере их возникновения, т. е. в хронологическом порядке. Отсюда, например, о закупах говорится то в начале 2-й части Русской Правды, то в середине ее (например, о закупах говорится в ст. 46 и в ст. ст. 72—74 и 76; наследству посвящены и ст. 58—66 и ст. 93—96).

Что же касается порядка расположения статей в списках Троицкого извода, то по мнению этих исследователей расположение статей носит систематический характер. Следовательно, при возникновении этих списков, материал, расположенный ранее в хронологическом порядке, был объединен; так, были объединены воедино статьи о закупах, статьи о наследстве. Отсюда, поскольку хронологическое расположение материала предшествовало систематическому, то и список Синодальный I возник раньше списков Троицкого извода. Эти взгляды, принимая во внимание тот

¹ С. П. "Обнорский, Русская Правда, как памятник русского литературного языка («Известия») АН СССР, Отделение общ. наук, 1935, № 10).

факт, что мы рассматриваем Русскую Правду, как сборник княжеских законов, принадлежащих разным князьям, на первый взгляд кажутся убедительными.

Но некоторые исследователи давно обратили внимание на такие моменты в истории текста Синодального и Троицкого изводов, которые не дают возможности так просто представлять себе их взаимоотношение. Как указано, Тобин, например, иначе представлял себе причины изменения порядка расположения статей Синодального и Троицкого изводов. Он считал, что порядок расположения Троицкого извода является первоначальным, что его изменение является делом позднейшим и что оно произошло от неверной сшивки отдельных листов переписчиком Синодальной Кормчей.

Хотя Калачов и пытался оспорить это предположение, но тем не менее отдельные исследователи возвращались к нему.

Нами было выяснено, что имеется определенная закономерность в чередовании статей в Синодальном списке. А именно, в каждом комплексе статей, чередующихся в Синодальном списке, содержится определенное число строк или букв, которое могло содержаться в листе малого формата, увеличенное в несколько раз (1, 4, 5, 6, 8).

М. Н. Тихомиров считает, что чередующиеся комплексы статей в Синодальном списке ранее объединялись в столбцы (1/2, 2 1/2, 2 1/2, 3, 2, 4, 4, 3 столбца).

Но мы полагаем, что Русская Правда была заимствована в Кормчую из юридического сборника, который имел практическое значение, т. е. применялся в судах того времени. Эти сборники обычно имели малый формат (1/4 л.). Следовательно, речь может идти не о столбце, как полагает М. Н. Тихомиров, а о листе малого формата. Эти листы уже были перепутаны в юридическом сборнике или перепутаны при переписке Кормчей, которая послужила оригиналом для Синодальной Кормчей № 132. Но защитники приоритета Синодального извода перед Троицким могут сказать, что перепутать листы при переплете

или сшивании тетради мог как переписчик оригинала Синодальной Кормчей, так и переписчик протографа списков Троицкого извода. Но нетрудно установить, что перепутал листы переписчик протографа Синодального списка.

Дело в том, что Синодальный и Троицкий I списки вообще не могут быть сочтены наиболее близкими к первоначальному протографу пространных редакций. Они имеют две дефектные статьи (нет окончания статьи 107(119) и начала статьи 108(120)). Следовательно, порядок расположения статей в протографе Пространных редакций может быть установлен в результате анализа списков Троицкого IV, наиболее близкого к протографу списков Пушкинского извода и списков IV редакции и III редакции (Карамзинского типа). Именно в этих списках нет дефектной статьи о холопах. И здесь нетрудно установить, что порядок расположения статей Троицкого I списка тождественен с порядком расположения статей Троицкого IV и Карамзинского списков. Следовательно, перепутан текст был не в Троицком, а в Синодальном I списке. Поскольку Синодальный I список является вообще дефектным списком, то, естественно, надо полагать, что переписчик его протографа пропустил статью о поклепной вине, которая имеется во всех списках II редакции.

2. Время и место происхождения Синодального извода

В главе, посвященной истории Русской Правды в Сборниках и Кормчих, мы говорили, что Синодальная Кормчая, согласно особой записи, помещенной в начале рукописи, была написана в 1282 г., причем М. Н. Тихомиров привел, как было указано, ряд соображений в пользу мысли о составлении Кормчей не в 1282 г., а в 1280 г. Им же был и поставлен вопрос, может ли время составления Синодальной Кормчей определить и время возникновения Синодального списка.

Для решения этого вопроса весьма важно сопоставление Синодальной Кормчей с так называемой Рязанской Кормчей, которая, как это было доказано Срезневским¹, была одним из ее источников и так называемой Варсонофьевской (Чудовской № 4) Кормчей, которые, как об этом нами указывалось², произошли от одного общего им оригинала или списаны каждая с особого списка Кормчей 1276 г. Русская Правда не пошла в состав ни Рязанской, ни Варсонофьевской Кормчей; отсутствовала она и в общем протографе Синодальной и Варсонофьевской Кормчей. Можно полагать, таким образом, что Русская Правда была внесена в Кормчую вообще впервые в 1282 г. и совершенно определенно в Новгороде. О новгородском происхождении Синодального I списка свидетельствует его язык, по общему мнению, отразивший очень хорошо новгородские особенности.

£ 2. Троицкий извод

1. Обзор литературных мнений о взаимоотношениях списков Троицкого извода

В главе, посвященной классификации списков Русской Правды, нами было указано, что списки Троицкого извода надо разделить на две основные группы: одна группа включает списки сборника Мерило Праведное, а другая группа, к которой относится большинство списков данного извода, состоит из списков, входивших в состав Кормчих книг. Имеется серьезное различие между этими списками, заключающееся в том, что в списках второй группы первая часть Русской Правды, носящая название Устава Ярослава, слилась со второй частью, с так называемым Уставом Владимира Всеволодовича.

¹ И. И. Срезневский, Обзорение древних русских списков Кормчей книги, СПб, 1897, стр. 12.

² С. В. Юшков, Исследования по истории русского права, стр. 43—44.

Нам известно, как и почему произошло это слияние. Русская Правда помещалась во второй части Юридического сборника Мерило Праведного, в так называемом Сборнике 30 глав, причем она составляла две главы (28 и 29). Мерило Праведное было присоединено к Кормчим, и тогда Русская Правда стала составлять только одну главу — обычно 110. Естественно, что составитель этой Кормчей должен был сгладить признаки разделения Русской Правды на две части. Заголовок второй части II редакции «Устав Владимира Всеволодовича» стал писаться не вязью, а только строчной киншварью.

Как было указано, число списков, находящихся в Кормчих, в соединении с Мерилом Праведным, велико (около 40). В издании Русской Правды Академии наук СССР эти списки разбиты на два вида: Розенкампфовский и Ферапонтовский.

Но кроме Кормчих, находящихся в соединении с Мерилом Праведным, текст Русской Правды Троицкого извода содержится еще в некоторых видах Кормчей. В издании Академии наук СССР выделены три вида Троицкого извода, в зависимости от трех видов Кормчих, в которых они находятся, а именно, в Новгородско-Софийской Кормчей, в Мясниковской и в Рогожской (Лаптевской). Тщательный анализ различий между списками этих видов показывает, что число вариантов, являвшихся специфической особенностью их, весьма невелико. Так, в Новгородско-Софийском виде имеется только один вариант, не воспроизведенный другими видами, именно, пропущена ст. 81— «а за гусь 30 кун, а за лебедь 30кун». Поэтому не было особой необходимости плодить такое большое число видов Троицкого извода. Лаптевский и Мясниковский виды могли быть разнесены по другим видам, а Розенкампфовский и Ферапонтовский могли быть также объединены, поскольку различия между ними весьма невелики и несерьезны. Но поскольку уже была дана классификация списков Троицкого извода в таком авторитетном издании, как издание Академии наук СССР, приходится с ней считаться.

Вопрос о взаимоотношении видов Троицкого извода был затронут В. П. Любимовым¹, который как раз и предложил классификацию списков Русской Правды, принятой в издании Академии Наук СССР. В. П. Любимов указывает, что самым полным и вместе с тем самым исправным видом списков Синодально-Троицкой группы (но пашей классификации II редакции) является Троицкий вид, а из списков этого вида наибольшего внимания заслуживает и является наиболее древним и исправным список Троицкий I из (Мерила Праведного ИМ, Троицкого собрания, № 15).

Среди списков Кормчих книг выделяется Новгородско-Софийский вид и Рогожский (Лаптевский). Эти виды близко подходят к списку Мерил Праведных, но имеют как некоторые более новые черты, так частью и более древние. Второе звено списков данной группы (II редакции) составляют списки видов Мясниковского, Розенкамповского, Ферапонтовского. В. П. Любимов утверждает, что Ферапонтовский вид происходит от Розенкамповского. Сопоставляя Мясниковский и Розенкамповский виды, он приходит к заключению, что оба эти вида, имея общие черты, отличающие их от видов первого звена, в то же время каждый от себя отдельно вносят и свои особенности. Ферапонтовский вид, который является списком Розенкамповского вида, но с прибавлением пропущенных мест, взятых из Новгородско-Софийского вида, по мнению В. П. Любимова, создан в то время, когда Русская Правда уже потеряла значение действующего источника права. Составителю его было чуждо приспособление этого памятника к потребностям жизни. Этим проводится резкая грань между Розенкамповским видом списков и Ферапонтовским. Правда Розенкамповского вида — это юридический памятник древнего происхождения, а Правда Ферапонтовского вида — это уже литературный памятник происхождения XVI века.

М. Н. Тихомиров, который считает классификацию списков В. П. Любимова «проверенной и надежно обо-

снованной»¹, разделяет в основном и его взгляды о взаимоотношениях отдельных видов Троицкого извода. Поскольку список, положенный в основу Розенкамповского вида, заключает в себе в академическом издании только вторую половину Кормчей, то М. Н. Тихомиров предлагает для изучения текста списков этого вида пользоваться списком Чудовского монастыря 1499 года. Отсюда, он так называемый Розенкамповский вид переименовал в Чудовский. М. Н. Тихомиров, указывая, что Чудовский вид произошел от протографа Троицкого извода, настаивает, кроме того, что текст этого вида был подвергнут составителем его не только правке и дополнениям по протографу Сокращенной Правды, но и целому ряду исправлений, придающих тексту Чудовского извода характер большой исправности и кажущейся древности текста. По мнению М. Н. Тихомирова, Чудовский вид составлен в XIV веке².

М. Н. Тихомиров полностью присоединяется к взгляду Любимова о том, что Ферапонтовский вид возник через дополнение Чудовского (Розенкамповского) текста текстом, взятым из Новгородско-Софийского вида. М. Н. Тихомиров считает, что Ферапонтовский вид возник в середине XVI в. в исконных московских пределах. Специальную главу (15) М. Н. Тихомиров посвящает Мясниковскому виду, причем составление этого списка относит к деятельности самого митрополита Кириана³. Он указывает и особую причину для переработки Русской Правды: отложение Двинской земли от В. Новгорода в 1397 г., занятие ее войсками великого князя Василия Дмитриевича и нужда этого нового Московского владения в юридических памятниках. Новгородско-Софийский вид рассматривается М. Н. Тихомировым также в специальной главе, причем время происхождения этого вида он предположительно относит к концу XIV века*.

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 80.

² Там же, стр. 107—108.

³ Там же, стр. 137 и сл.

* Там же, стр. 140.

¹ Правда Русская, т. I, Списки Правды Русской, стр. 45.

2. Списки Мерила Праведного

К этому виду принадлежат следующие списки:

1) Троицкий I, 2) Синодальный II, 3) Синодальный III, 4) Московско-академический, 5) Кирилло-Белозерский III.

В свое время (в главе, посвященной истории Русской Правды в сборниках и Кормчих) нами было указано, что первоначально Русская Правда уже воспроизводилась в тех сборниках, которые вошли в состав Мерила Праведного, а именно, в сборнике из русских статей, состоявшем из Сборника княжеских Уставов и II редакции Русской Правды, который вошел в свою очередь в состав Сборника 30 глав, являвшегося затем второй частью Мерила Праведного.

Сборник княжеских Уставов имел серьезный дефект. Предисловие к нему, так называемое Правило Законно, было оборвано после нескольких вступительных фраз.

Естественно, что при дальнейшей переписке Мерила Праведного был поставлен вопрос о замене этого дефектного предисловия или даже о замене Сборника княжеских церковных Уставов новой его редакцией. Это и было сделано при составлении Сборника ИМ, Синодального собрания № 524, в котором была дана IV редакция Сборника княжеских церковных Уставов по классификации, предложенной нами в работе «К истории древне-русских юридических сборников (XIII в.)». В этом Сборнике первой статьей является не Правило Законно, а Устав князя Владимира; Правило же Законно идет вслед за этим Уставом.

Этот Сборник княжеских Уставов является довольно близким по своему составу со Сборником княжеских Уставов в определенном виде Кормчих (например, ЛВ, Кормчая Румянцевского собрания, № 238). Русская Правда сохранилась в списке, близком к Троицкому I, причем и Устав князя Ярослава и Устав князя Владимира Всеволодовича отделены друг от друга и обозначены разными главами.

Дальнейшая история текста списков Мерила Праведного определилась тем, что была предпринята пе-

реработка Мерила Праведного типа Троицкого списка X» 15. Возникла вторая редакция Мерила Праведного, дошедшая до нас в рукописи ИМ, собрания Московской духовной академии, № 187.

Русская Правда была объединена здесь под одной главой (28-й). Следовательно, уже в списках этого вида можно наблюдать начало процесса слияния Устава Ярослава и Устава Владимира Всеволодовича.

Что касается взаимоотношения отдельных списков, то ни один из них не может быть сочтен протографом данного вида. Троицкий I список, являющийся древнейшим, имеет большое число дефектов. Среди них необходимо указать на следующие его чтения, которые не воспроизводятся как другими списками Троицкого извода, так и равно списками других редакций:

с и л а т и е л. сплатити 14(5), а то *нет* [4(5)], прикладывають ел. прикладывать [4(6)], О кннжи муже *ем*. О княже отроце [9(П)], О ремественице и о рсмствспнице *ем*. О реместиенице 110(15)', неточного *ем*. помочного [15(20)], кунь *нет* (15(20)), и *нет* [10(21)], плати *ем*. платити 122(29)], не веде *нет* [32(38)], воротить ел. воротить 132(38)], 7 ел. 60 [39(45)], того *ем*. его [43(49)], должебити ел. должници (49(55)], на мех ел. :та мех [бэ(74)], за *нет* [71(79)], зажгутъ ел. зажжеть (75(83)], *мнет* 176(84)], укор ел. урок [80(89)]¹, ей *нет* [92(102)], мужа *нет* [95(106)], то *нет* 197(108)], *не нет* [103(114)], сел. его 1109(119)]¹.

Что касается текста других списков данного вида, то он весьма близок к тексту Троицкого I списка. Надо полностью согласиться с положением М. Н. Тихомирова, что текст этих списков отличается от Троицкого I главным образом своими описками и позднейшими словообразованиями. Однако эта близость, благодаря наличию общих чтений, отличных от Троицкого, не дает основания считать эти списки его копиями.

Наиболее близким к тексту Троицкого I является текст Московско-Академического списка. Эта близость дала основание М. П. Тихомирову сделать предположение, что Московско-Академический список надо считать копией с Троицкого I списка, сделанного до того, как некоторые места в Троицком I списке были подчищены.

Обратимся к вопросу о времени и месте происхождения ближайшего протографа списков Мерила Пра-

ведного. Этот вопрос предопределяется решением вопроса о происхождении сборника Мерила Праведного, в состав которого вошла Русская Правда. Нами в свое время был поставлен вопрос о времени происхождения Мерила Праведного древнейшей редакции, т. е. редакции, к которой принадлежит рукопись ИМ, Троицкого собрания, № 15. Мы пришли к выводу, что эта редакция существовала если не в середине XIII в., то во всяком случае в последней четверти этого века. М. Н. Тихомиров привел ряд дополнительных соображений в пользу этого. Он указал, что Мерило Праведное послужило источником для правил Владимирского Собора 1274 г., а также для «Послания Иякова Черноризца ко князю Дмитрию Борисовичу», которое было, по предположению С. И. Смирнова \ написано в 1281 г. Отсюда видно, что до 1274 и 1281 гг. Мерило Праведное уже существовало. Следовательно, существовал и тот вид Русской Правды, который вошел в состав Мерил Праведных. Что же касается места возникновения Мерил Праведных, то было уже указано, что это — Северо-Восточная Русь. Основным доводом в пользу этого предположения является то, что в составе Мерила Праведного находилась статья «Симеона Тверского (т. е. епископа Тверского) наказание».

3. Списки в Кормчих в соединении с Мерилом Праведным

В издании Русской Правды Академии наук СССР списки в Кормчих в соединении с Мерилом Праведным, разделены на два вида: Розенкамповский и Ферапонтовский. М. Н. Тихомиров, как было указано, предпочитает называть первый вид Чудовским — по Кормчей ИМ, собрания Чудовского монастыря, № 167, написанной в 1499 году.

Основной особенностью списков Русской Правды в Кормчих в соединении с Мерилом Праведным яв-

¹ С. И. Смирнов, Материалы для истории древне-русской покойной дисциплин!! (Чтения в общ- ист. и древн. рпсс. кн. 3, 1916 г.), стр. 189—194.

ляется изменение заголовков, причем некоторые заголовки Троицкого I списка утрачивают свой описательный характер. Так, изменены заголовки:

О уроцех *ем.* О вирах. О княжих отроцех и о епискон-лсх. Вины *ем.* О княжи мужи, О ремественницех *ем.* О ре-мественнице и о ремественнице, О товара *ем.* Оже кто скота взищеть, О потоплении купца *ем.* Аже который купеци истопиться. О закупе *ем.* Аже закуп бежити, О ударении *ем.* А се аже холоп ударить, О разнамени борти *ем.* Аже кто борть разнамнаеть, *даб.* заголовок О послусах, О свержении виры *ем.* Аже спержетъ пиру, *доб.* заголовок О ударении мечем, О мужи кроваве *ем.* А придеть кровав мужь, О всядении на чюжь конь еж. Аже кто всядетъ на чужи конь, О познаний челяди *ем.* Аже познаеть кто челядь, О уроцех скоту *ем.* А ее уроци скоту, О взыскании. О заднице *ем.* Аже умереть смерд, О заднице боярьстей *ем.* О заднице боярьстей и дружъ-ней, О уроцех кому *ем.* А се закладаюче город, Аже ворчеться жена седети *ем.* О жене, аже ворчеться седети, О судебных уроцех *ем.* А се уроци судебнии.

В некоторых случаях списки, находящиеся в Кормчих в соединении с Мерилом Праведным, содержат разночтения, отражающие более древний текст, чем Троицкий I список.

Основное различие между так называемым Розенкамповский и Ферапонтовским видом заключается в том, что Розенкамповский вид имеет ряд довольно существенных пропусков по сравнению со списками Мерил Праведных и других списков Кормчих в соединении с Мерилами, т. е. с так называемым Ферапонтовским видом. В частности, пропущено:

заголовок статьи О убийстве, (3), а н 40 гривен ему заплатит и с дружины (4(5)1 убил или [4(6)], а за смердии холоп 5 гривен [11(16)1, третьему 130(36)1, опять [32(38)1, Аже будуть, холоплетатье, суд княжь 140(40)), самому [42(48)1, взяти [46(53)], что будеть чужего взял 155(64)], аже без людии, а в поклепе, го нету продаже. О зубе. Аже выбьют зуб, а кровь видать у него во рте, а людье вылезуть, то 12 гривен продаже [(58—59), (07—68)1, заголовок О заднице [97(108)], заголовок Уроци роггни [98(109)].

Что касается отдельных разночтений между Розенкамповским и Ферапонтовским видами, то они не имеют

серьезного характера (описки, ошибки, пропуски, попытки осмыслить, часто неудачные, древний текст).

Мы указали, что вопрос о взаимоотношении между этими видами был поставлен в литературе. В. П. Любимов в своей статье «Списки Правды Русской» без приведения каких-либо доказательств стал считать, что Ферапонтовский список является Розенкамповским списком, но с прибавлением пропущенных в этом списке мест, большая часть которых была заимствована из Новгородско-Софийского вида. М. Н. Тихомиров присоединился к мнению Любимова с тем лишь ограничением, что дополнения, которые были сделаны в тексте списков Ферапонтовского вида, но его мнению, не могут быть возведены к какому-нибудь одному известному нам изводу, в частности Новгородско-Софийскому, как это полагает Любимов¹.

Можно полагать, что взгляд В. П. Любимова и М. Н. Тихомирова о якобы последующем восполнении текста списка Ферапонтовского вида в значительной степени мог сложиться вследствие того, что они считают Ферапонтовский список первоначальным протографом всего вида, а в этом списке дополнения сделаны почерком рукописи на полях. В других же рукописях эти дополнения вошли в текст. В. П. Любимов пишет: «Ферапонтовский список представляет редкий случай, когда до нас доходит или протограф или копия, очень близкий к протографу»¹.

Для того чтобы доказать, что большая полнота текста по сравнению с Розенкамповским видом произошла не потому, что Ферапонтовский вид произошел от одного общего с ним протографа, в котором текст не был сокращен, а потому, что текст был затем восполнен, надо было привести серьезное доказательство. В частности, надо было подвергнуть тщательному анализу списки этих двух видов. А между тем ни В. П. Любимов, ни М. Н. Тихомиров этого не сделали. М. Н. Тихомиров, выписав текст нескольких статей Чу-

довского, Ферапонтовского, Троицкого, Новгородско-Софийского видов, заявляет, что текст Ферапонтовского извода носит все черты литературной правки, при которой составители извода ставили себе цель только восполнить отдельные пропуски своего оригинала, пользуясь другими, более исправными рукописями¹. Бездоказательным является утверждение В. П. Любимова, что Ферапонтовский извод, если не является протографом всего вида, то во всяком случае копией с него. Мы полагаем, что взаимоотношения между двумя видами — Розенкамповским и Ферапонтовским — естественнее всего представлять следующим образом. Надо признать, что оба они происходят от одного общего протографа (что является более вероятным) или же Розенкамповский вид произошел от одного из списков Ферапонтовского.

Если принять мнение В. П. Любимова и М. Н. Тихомирова о последующей правке текста одного из списков Розенкамповского вида, в результате чего возник Ферапонтовский вид, то это значит предполагать у переписчиков-составителей Кормчих книг XV—XVII вв. такое знание текста Русской Правды, которое является редким даже и у современных специалистов по истории русского права. Переписчик Кормчей, в состав которой входила Русская Правда Розенкамповского вида, должен был установить, что текст этого вида является более отдаленным от первоначального протографа II редакции и провести весьма большую работу по сличению его с текстами других Кормчих. Лишь при исключительном знании истории текста Русской Правды можно так восполнить текст Розенкамповского вида, чтобы новый, исправленный текст был ближе к первоначальному протографу II редакции. Можно удивляться подобному знанию Русской Правды со стороны переписчика, основное внимание которого должно было быть направлено на церковные каноны, а не на юридический памятник, который в середине XVI в., по признанию самого В. П. Любимова, уже потерял свое значение.

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 125.

² Правда Русская, т. 1, Списки Правды Русской, стр. 5".

М. Н. Тихомир и, Исследование, стр. 121>, 155

Обратимся к характеристике этих двух видов списков Русской Правды в Кормчих в соединении с Мериллом Праведным.

Как было уже указано, список Ферапонтовского вида ближе к первоначальному протографу II редакции, тем более к протографу списков Русской Правды, находящихся в Кормчих в соединении с Мериллом Праведным. Списки же Розенкамповского вида являются более удаленными от этого протографа, хотя рукописи, где эти списки воспроизведены, являются более древними. Несомненно, что список, находившийся в той рукописи Мерила, который был присоединен к Кормчей, сильно отличался от Троицкого I списка. С одной стороны, были изменены заголовки статей, а с другой стороны, в этом списке отсутствовал ряд дефектных мест Троицкого I списка.

М. Н. Тихомиров поставил вопрос, когда подвергся изменению текст Русской Правды в Кормчих в соединении с Мериллом Праведным. Был ли этот текст исправлен уже при соединении Мерила Праведного с Кормчей или позже, когда в текст Мерила Праведного II редакции были внесены дополнительные статьи церковно-учительного характера? По мнению М. Н. Тихомирова, ответ напрашивается сам собой. Он указывает, что в числе дополнительных статей, внесенных в текст Мерила Праведного, находилась статья о кровавом муже, находящая себе аналогию только в Сокращенной Правде. Между тем текст Чудовского извода был правлен по какому-то памятнику, близкому к Сокращенной Правде. Следовательно, правка Чудовского извода (а Чудовский извод, по М. Н. Тихомирову, является, ближайшим к протографу списков Русской Правды, находящихся в соединении с Мериллом Праведным) была сделана при внесении в текст Мерила Праведного дополнительных статей, а не ранее.

Поскольку решение данного вопроса связывается М. Н. Тихомировым с установленным якобы им фактом влияния на текст Чудовского (Розенкамповского) вида протографа Сокращенной Правды, необходимо про-верить этот факт.

Троицкий извод

То же будить послухов 7(18) не
платить первп (19) кд"в есть взяль
(35) за кобылу 7 кунь (45) а
пришед господь (55) то вести и на
торгъ (55) то по верви искати татя
(70) борть подьтнетъ (75) аже кто
подотнетъ вервь в пере в* ев (80)
аже зажгут» гумно (89)
пакощами/конь порыжеть (84)

свобода им смертью (98) а что
срЪзип. товаром (99) а второе
холопство (ПО) аче оупоустнтъ и
гоня (114)

Чудовский извод

Аже кто всядеть на
чюжь конь не
прошив, то гривна
(33)

а боудоуть люд не
впд'бли и связана
(40)

аже за кобылу 60
коунъ, за волъ
гривна (45)

дать ему вязебную
(114)

аже кто крянеть
чужь холопъ не
в*дая (118)

Чудовский (Розенкамповский) извод

То же не боудеть послух семь
11е плати ти виры кд- есу взял
за кобылу 60 кунь а приодеть гость
тогда вести и на торг то по нрЪнп
искати и себЪ татя борть
пос!,чеъ аже ли кто потнетъ
нервь перев'ьсну аже кто
зажъжеть гумно пакости деля
(д1.я) кот, порыжеть
свобода нмъ сь матерью а что
нзр'Ъзить товаром а другое
холопство аще ли оустрЪлнтъ и
гоня

О бород*. А в мал-Ъ тяжЪ по
нужи сложите на закупа. А кто
порветъ бороду и в ней значение,
а вылФзоуть люди", то 12 гривен
продаж*, а за зуб гривна.

Ферапонтовский вид

Аже (Ц III аще) кто
всядст па чюж конь
не прощай, то 3 грив
им

оуб1ют и, а боудет
люлДе видели и евн
зама

Аще ли крадетьскот...
(ст.42)... за кобылу 00
кун, за вол гривна. Дати
емоу вязебную

Аже кто кренет (4
списка—купит) чюжь
холопъ не въдая...

Сокращенная Правда

Аще кто съдет на
чужь конь не про
тан, то за то 3

гриппы а
буди люди вн-
д'йлн связана, а
убпють аще

крадсть скот, за
лошади 00кунь,
за вол гривна дати
ему нижнего а
кто купит, не
ведая, чужь хо-
лопъ

Царского III список

То же не будет послух 7 не
платити виры пгб еси взяль за
кобылу 60 купь а пршдеть гость
тогда нести и на торгъ то по
верни искати в себе татя борть
посбчет аще ли кто потнст вервь
перевбсную

Аще кто зажжетъ гумно
пакости д%а конь порежет или
свобода им с материю а что
изрѣзит товаром а другое
холопство аще ли оустрѣлить и
гоня

Обородѣ. А ктопорветбороду. а
вънмет знамение, а выльзуть
людие, то 12 гривен продажи;
аже без людш, а в поклеп*, то
нѣту продаж*.

О зуб+. Аже зубъ выб!ют, а
кровь видят оу него въ ртѣ, а
лше выльзуть, ю 12 грп-пень
продажи, а за зуб гривна

Как нами было установлено, Сокращенная Правда является переработкой одного из списков Ферапонтовского вида, который ближе к Царскому III списку. М. Н. Тихомиров, чтобы доказать факт влияния на списки Русской Правды в Кормчих в соединении с Мерилом Праведным так называемой Сокращенной Правды, всячески старается избежать сопоставления текста с Царского III списком. Он предпочитает сопоставлять текст Чудовского II списка непосредственно с Сокращенной Правдой, что дает ему возможность настаи-

Сокращенная Правда

А не будет послух 7
не платити вѣры
гдѣ еси взяль
за лошади 60 кунь
а припдеть гость
тогда нести его на торгъ
то по верни искати татя въ себѣ
борть посечет
ащс кто погнет
вервь переписную

аще кто зажжет гумно
пакости дѣялюбо коньзарѣжет
свобода имт» с матерю
а что изрѣзит товаром
а другое холопство
аще .in за ним гоня застрелит

О бороде. Л кто порвет бороду.
а возмзт знамение и станут
впдокл,то 12 гривен продажи;
аже безъ людей, в поклеп!; н!;-ту
продажи.

О зубе. А .чуб ныбьють, кровь
у него видят во рте, а людие
вылезут, то 12 гривен продажи, а
за зуб гривна.

вать на непосредственной связи их между собой. Сопоставление Сокращенной Правды с Царского III списка сразу делает бездоказательными взгляды М. Н. Тихомирова о том, что якобы протограф Сокращенной является одним из источников списков Русской Правды в Кормчих в соединении с Мерилом Праведным.

Нетрудно видеть, что все приведенные в данных местах чтения Сокращенной Правды легко выводятся из Ферапонтовского извода и в особенности из Царского III списка или же легко могут быть объяснимы, как переработка этого текста. Словом, утверждение М. Н. Тихомирова о том, что якобы текст Чудовского (Розенкамповского) вида подвергся правке и дополнениям по протографу Сокращенной Правды, является простым недоразумением. Протограф Сокращенной, как мы имели возможность убедиться, является одним из списков Ферапонтовского извода, близкий к Царскому III списку. А Ферапонтовский вид — это тот вид, который первоначально был воспроизведен в Кормчих в соединении с Мерилом Праведным, а затем на его основе в результате сокращения текста и внесения ряда вариантов появился Розенкамповский или, по классификации М. Н. Тихомирова, Чудовский вид.

Поскольку отпадает предположение о том, что якобы текст Русской Правды подвергся правке и переработке на основе протографа Сокращенной Правды, естественно предполагать, что оригинал того Мерила Праведного, которое было соединено с Кормчей, уже имел гс чтения, которые характерны для Ферапонтовского или Розенкамповского вида. Следовательно, составители и переписчики Русской Правды не внесли каких-либо изменений в текст. Возникает вопрос о времени и месте происхождения непосредственного протографа списка Русской Правды в Кормчих в соединении с Мерилом Праведным.

Этот протограф, как было указано, имеет отличия от Троицкого I списка, в частности, в нем были изменены заголовки и во многих случаях исправлен текст. Можно считать, что переработка носила серьезный характер. Совершенно очевидно, что Русская Правда имела значение действующего источника права, если она вызвала

столь большое внимание к себе со стороны составителей и переписчиков. При этой переработке смысл отдельных статей Русской Правды хорошо понимался, если делались попытки обобщить их содержание путем замены заголовков, носивших описательный характер.

Нам кажется наиболее подходящим отнести эту переработку к концу XIII, — началу XIV в., когда Русская Правда представляла собой источник действующего права, по крайней мере, в Северо-Восточной Руси.

В свое время нами было указано, что Кормчие с соединением Мерила Праведного кончались выдержкой: «Сии ряд и суд уставили первии князи». Происхождение этой выдержки А. С. Павлов считал возможным связать с именем великого князя Ивана Даниловича¹. Он основывался на том, что в Сборнике ПБ, Соловецкого собрания, № 1085 в составе статей которого нашла себе место эта переработка, следует приписка: «Дайбог и на многа лета великому князю Ивану Даниловичу всея Руси».

Мы оспорили попытку² Павлова приписать составление этой переработки князю Ивану Даниловичу, но вынуждены были отметить, что эта приписка дает некоторые указания на то, что она существовала при Иване Даниловиче, т. е. существовала концовка Кормчих в соединении с Мерилом Праведным, которая часто представляла собой треугольник из букв и очень хорошо запоминалась. Следовательно, вполне возможно, что Кормчие данного типа уже существовали при Иване Даниловиче. Что касается места возникновения данной группы II редакции, то оно определяется местом происхождения Мерила Праведного. Нами были приведены серьезные доводы в пользу предположения о северо-восточном происхождении этого юридического сборника. Кормчие в соединении с Мерилом Праведным носят также явные следы северо-восточного и даже московского происхождения.

¹ А. С. Павлов, Книги законные, СПб, 1885, стр. 36—37. * С. В. Юшков, Исследования по истории русского права, вып. 1, стр. 54.

4. Другие виды Троицкого извода

Синодальный список, списки Мерила Праведного и списки Кормчих с соединением Мерила Праведных дают возможность установить развитие текста Русской Правды И редакции.

Но, как известно. Русская Правда, войдя в состав Кормчих, переписывалась затем автоматически, как простой литературный памятник. Уже в конце XV в., а может быть и ранее, она уже не представляла собой источник действующего русского права. В Пскове создавалась Псковская Судная грамота, в Новгороде — Новгородская. В Литве, в состав которой вошли украинские и белорусские княжества, развивалась своя система права, правда, на основе норм Русской Правды, но уже с середины XV в. (ср. Судебник Казимира IV) более развитая.

Дольше всех держалась в значении источника действующего права Русская Правда в Северо-Восточной Руси (ср. Двинскую Уставную грамоту), но при составлении Судебника 1497 г. влияние Русской Правды было весьма незначительно. Только две статьи Судебника 1497 г. имели своим источником Русскую Правду. Естественно, что списки Русской Правды XVI—XVII вв. не могут представлять серьезного значения в истории текста Русской Правды. Новые чтения в этих списках являются или описками, или ошибками, или попытками осмысления древнейшего текста со стороны переписчиков Кормчих. Можно только удивляться В. П. Любимову или М. Н. Тихомирову, когда они пытаются всерьез подвергнуть изучению отдельные виды списков и даже различают особые ветви между этими видами, когда они говорят о литературной правке текста Русской Правды, на основании изучения текста других видов, о редакторской работе над отдельными видами, ветвями.

Конечно, никому из переписчиков Кормчей не приходило в голову выписывать Новгородско-Софийскую Кормчую и сопоставлять текст Русской Правды в этой Кормчей с текстом Розенкамповской Кормчей для того, чтобы создать особый вид или особую ветвь

■амятника, потерявшего всякое значение действующего источника права. При историко-юридическом подходе к изучению Русской Правды, нетрудно установить, что составители Кормчих XV — XVII вв., воспроизводя текст Русской Правды, использовали оригинал, взятый из Мерила Праведного или из Кормчей в соединении с Мерилом Праведным, причем часто пропуская отдельные части статей или даже некоторые статьи. Эти пропуски и прочие дефектные места и принимались во внимание сперва В. П. Любимовым при академическом издании Русской Правды, а затем М. Н. Тихомировым в его «Исследовании».

Некоторые виды Русской Правды, установленные В. П. Любимовым (Мовгородско-Софийский и Рогожско-Лаптевский) находятся в Кормчих, которые близки по своему составу к Синодальной Кормчей 1280 г., № 132.

Характерно, что хотя Устав Ярослава и Устав Всеволода в большинстве списков этого вида, как особые памятники права, уже графически не выделялись (оглавление «Устав Владимира Всеволодича» стало заменяться «А се оставил Володимир князь»), тем не менее Устав князя Ярослава помечался 90-й главой, а Устав Владимира — 91-й главой.

Уже близость Новгородско-Софийской и Рогожско-Лаптевской Кормчих к Кормчей 1280 г. должна предопределять связь Новгородско-Софийского и Рогожско-Лаптевского вида Русской Правды к Синодальному изводу. И действительно, по некоторым своим чтениям списки этих видов до известной степени близки между собой. Но эта близость вовсе не такова, чтобы считать Синодальный 1 список протографом Новгородско-Софийского и Рогожско-Лаптевского вида. Порядок расположения статей в этих видах соответствует Троицкому списку. Нет пропуска и статьи о поклепной вине. Все это побуждает сделать вывод, что протографом этих видов был общий протограф и Синодального и Троицкого 1 списка.

Списки Новгородско-Софийского вида характеризуются большим количеством дефектных чтений. Имеются пропуски отдельных слов и даже нескольких фраз.

Так, пропущены в статье 78 слова о муке огнищанина, а в статье о перевесах не были упомянуты гусь и лебедь.

Наиболее удаленным от протографа 11 редакции является Мясниковский вид, который гораздо ближе к Троицкому 1 списку, нежели к Синодальному 1. В этом списке пропущены следующие фразы: 1) «и за смердий холоп 5 гривен», 2) «а в 40 гривен емоу заплатите из дружины», 3) «или нога, или око или не оутнетъ», 4) статья о дубе знаменном и межном, 5) статья о судебных уроках, 6) статья о ротных уроках, 7) фраза «на том же стояти; паки мс без ряду оумреть, то всем детям».

Наиболее удаленные от протографа 11 редакции и наиболее дефектные чтения Мясниковского вида были перечислены М. Н. Тихомировым. Но его предположение о том, что составление Мясниковского вида может быть отнесено к деятельности самого митрополита Киприана, ни на чем не основано¹.

5. Протограф 11 редакции и его происхождение

Анализ списков, относящихся к разным видам 11 редакции, позволяет нам установить следующую схему развития текста 11 редакции.

Наиболее близким к первоначальному протографу данной редакции является Троицкий 1 список. Оригиналом для Синодального 1 списка послужил список Русской Правды, находящийся в одном из списков Мерила Праведного или Сборника 30 глав. Этот список имел ряд отличий от Троицкого 1 списка.

Список, близкий к оригиналу Синодального 1 и к Троицкому 1, был переработан составителем того экземпляра Мерила Праведного, который был использован при составлении Кормчей в соединении с Мерилом Праведным. Возникли два вида — Ферапонтовский вид и затем из Ферапонтовского Розенкамповский или, по классификации М. Н. Тихомирова, Чудовский.

Из Мерила Праведного, где текст Русской Правды приближался к тексту, послужившему оригиналом для

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 137—138.

Синодального списка, был выписан текст Кормчих Новгородско-Софийского и Рогожско-Лаптенского вида. Из Кормчей Новгородско-Софийского вида был заимствован протограф Мясниковского вида. Текст протографа II редакции восстановить довольно легко, положив в основу Троицкий I список и корректируя его путем сопоставления с Синодальным и другими видами, а главным образом с III—V редакцией.

Что же касается вопроса о времени и месте происхождения II редакции Русской Правды, то этот вопрос может быть решен на основе следующих соображений. Нами было установлено, что история тех юридических сборников, в которых находилась Русская Правда II редакции, является довольно сложной. Прежде чем она была воспроизведена в Мериле Праведном (в последней четверти XIII в.) и Синодальной Кормчей 1280 г., она входила в состав так называемого Сборника из русских статей. Этот Сборник вошел в состав Сборника 30 глав, причем Русская Правда обозначалась там 28 и 29 главами.

Естественно, что для того, чтобы Русской Правде сделаться одной из основных статей Мерила Праведного и затем войти в состав Кормчей, надо было довольно продолжительное время.

Далее установлено, что древнейшие списки II редакции — Синодальный I и списки из Мерил Праведных уже существовали в последней четверти XIII в. и притом в разных частях Руси — в Новгороде и в Северо-Восточной Руси.

Наконец, отмечено, что имелись списки, которые произошли от одного протографа, общего и для Синодального I и для древнейшего списка Мерил Праведных — Троицкого I, например, списки в Кормчих в соединении с Мерилом Праведным или списки Новгородско-Софийского вида.

Наличие списков II редакции, принадлежащих к разным видам в различных частях Руси (в В. Новгороде и в Северо-Восточной Руси), в последней четверти XIII в. дает основание настаивать на возникновении II редакции в начале XIII в.

Что же касается места происхождения протографа II редакции, то здесь возможны одни предположения. Нами был приведен ряд соображений о том, что оригиналом Синодального списка 1280 г. послужил список, взятый из Мерила Праведного. Наряду с Русской Правдой был заимствован и церковный Устав князя Владимира. Как мы знаем, в одном списке Мерила Праведного имелись тексты и Русской Правды и Устава князя Владимира так называемой обширной (по нашей классификации III) редакции. Если принять наше предположение об оригинале Русской Правды в Синодальной Кормчей 1280 г., то тогда, поскольку нами установлено северо-восточное происхождение сборника Мерила Праведного, надо признать, что протограф II редакции возник в Северо-Восточной Руси.

О северо-восточном происхождении Русской Правды II редакции говорит и тот факт, что большинство рукописей, содержащих Русскую Правду этой редакции, также северо-восточного, в частности московского происхождения.

ПРОТОГРАФ II—V РЕДАКЦИЙ

§ I. *Историографический обзор*

Упрос о протографе II—V редакций, т. е. о протографе так называемой Пространной Правды, был поставлен еще Болтиным. Болтин считал, что Пространная Правда состоит из двух когда-то самостоятельных частей, причем вторую ее часть признавал Уставом Владимира Мономаха¹.

Взгляд Болтина о том, что Пространная Правда состоит из двух самостоятельных частей, был оспорен Карамзиным². Его доводы были мало основательны: он указывает, что в Уставе Владимира Мономаха есть ссылки на Ярослава (ст. 22. трактующая о холопе, ударившем свободного мужа).

О Пространной Правде сделал несколько замечаний Эверс, которую он назвал Правдой тринадцатого столетия³. Вопрос о том, является ли эта Правда официальным Собранием законов или частным сборником, является для него открытым.

Тобин* признает, что Пространная Правда состоит из двух частей — первую часть можно назвать Прав-

¹ И. Болт и и, Правда Русская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха, СПб, 1792, стр. 75.

² Н. М. Карамзин, История государства российского, т. II, СПб, 1892, Приложения, стр. 26—40.

³ И. Ф. Эверс, Древнейшее русское право и историческом его раскрытии, пер. И. Платонова, СПб, 1835, стр. 229 и 358 и далее.

* T o b i e n , Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Oeschichte des russischen Rechts, стр. 29.

дой Ярослава, а вторую — Правдой Владимира Мономаха. Вторую Правду он признает дополнением первой.

Калачов, подобно Тобину, вынужден был отметить, что в некоторых Кормчих Правда составляет не одну главу, а две, т. е. является не в виде одного памятника, а двух, причем вторая глава начинается Уставом князя Владимира Всеволодовича о процентах. Он же отметил, что начало этой второй главы украшается киноварью, а иногда переносится на следующую страницу, с оставлением пробела на странице предшествующей. В конце концов он приходит к предположению о том, что вторая половина Русской Правды (с Устава Владимира) могла быть присоединена к первой не во время составления ее первоначального текста, а гораздо позже и что обе они сами по себе составляли сперва нечто друг от друга отдельное >.

Ланге, касаясь происхождения Пространной Правды, писал, что «Изяслав начал преобразование Ярославовой Правды, довершил же это преобразование Владимир Мономах, так что два устава, совместно взятые, как дополнявшие друг друга, составляли новое, исправленное и значительно дополненное издание первого нашего законодательного памятника, которое относилось к Правде Ярослава так же точно, как в настоящее время новое издание свода законов к прежнему»*.

Как Тобин, так и Ланге считают Устав Ярослава и Устав Владимира Мономаха официальными сборниками права.

Последующие исследователи — Дювернуа, Соловьев, Мрочек-Дроздовский — вообще мало касались Пространной Правды. Среди замечаний Мрочек-Дроздовского о Пространной Правде надо, впрочем, отметить его мнение о происхождении ее в промежуток времени от конца XI до половины XII вв.³.

¹ Н. Калачов, Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды, вып. I, СПб, 1846, стр. 70.

² Н. Ланге, Исследования об уголовном праве Русской Правды, стр. 4—10.

³ П. Мрочек-Дроздовский, Исследования о Русской Правде, вып. II, стр. XXXVI.

Рожков считает Пространную Правду частным юридическим сборником. Среди ее источников он перечисляет обычное право, судебную практику, княжеские уставы и византийское право. Происхождение Пространной Правды он относит к первой половине XII в.¹

Сергеевич уделил Пространной Правде довольно большое внимание. Он, следуя большинству историков права его времени, признает эту Правду частным сборником права. Он считает возможным приписать составление ее одному лицу. Одним из основных источников Пространной Правды он признает Краткую Правду, причем ее составление он относит к самому началу XII в.²

Ключевский, считая Пространную Правду памятником, возникшим в церковной среде нуждами и целями юрисдикции, которой руководился ее составитель, относит ее происхождение ко второй половине XII или началу XIII в.³

Немецкий историк права Гетц посвятил изучению Пространной Правды два тома (3 и 4) своей работы. Он всячески и притом без всяких доказательств, путем простых ссылок на тексты, старался доказать, что одним из основных источников Пространной Правды является германо-скандинавское право⁴. Это влияние, по его мнению, особенно проявляется в удвоении виры за убийство княжеских людей, в оплате увечий в размере нолвиры, в постановлениях о своде и закупничестве.

Вопрос о времени происхождения Пространной Правды Гетц не решил. В качестве предположения он указывает на XI в. Местом же происхождения ее он считает Киев.

М. Н. Тихомиров посвятил исследованию текста Пространной Правды большую часть своей уже цитированной нами книги (гл. 10—20, 22—24). Источ-

¹ И. А. Рожков, Очерки юридического быта по Русской Правде, Сборник статей, ч. II, М., 1906 г.

² В. И. Сергеевич, Лекции и исследования, стр. 60.

³ В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. I, стр. 272 и 279.

⁴ Oostz., Das russische Recht, В. И, S. 79—83.

никами Пространной Правды М. Н. Тихомиров считает Краткую Правду, Устав Владимира Мономаха, протограф Сокращенной Правды, отдельные постановления и записи.

Местом происхождения Пространной Правды М. Н. Тихомиров считает Новгород, временем — конец XII п. или начало XIII в. В конце концов он уточняет время происхождения Пространной Правды: именно он считает таковым 1210—1215 годы — время княжения в Новгороде знаменитого Мстислава Мстиславича, князя новгородцев¹.

М. Н. Тихомиров в конце концов не признает Пространную Правду официальным сборником права. «Пространная правда была скорее проектом закона, чем законодательным памятником». Называя ее далее «юридической компиляцией», он считает, что она составлена не без участия церковных кругов.

§ 2. Вопрос о составе статей протографа II—V редакций

В результате анализа списков II — V редакций нетрудно прийти к заключению, что ни один из дошедших до нас списков не может быть признан протографом этих редакций. Вместе с тем нельзя настаивать и на особой непосредственной близости какого-либо списка к этому протографу. Так, древнейший список — Синодальный I — имеет порядок расположения статей, который не совпадал с порядком расположения статей в протографе. А кроме того, в Синодальном I списке пропущена статья о поклепной вире, конец ст. 107 (118) и начало ст. 108 (119). Не может быть признан списком, претендующим на особую близость к протографу, и Троицкий (список, в котором пропущено начало статьи 107(118) и конец статьи 108(119)). Имеются в этом списке и чтения, которые не могли быть воспроизведены в протографе II — V редакций. III редакция тем более не может быть признана близкой к протографу, так

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 229.

как в ее составе находится материал, который не имеет отношения к тексту Русской Правды: статьи о приплоде скота и урожае хлеба, Устав Ярослава о мостех и некоторые позднейшие русские статьи. А главное в III редакции, как и в Синодальном списке, Устав Ярослава и Устав Владимира Всеволодовича объединены в единое литературное целое. IV редакция, состоящая из двух списков: Троицкого IV и Пушкинского, также достаточно удалена от протографа II — V редакций, благодаря наличию особого предисловия к Русской Правде и дополнительным статьям.

V редакция, которая представляет соединение двух памятников: Русской Правды и Закона Судного людей, тем более не может быть признана ближайшей к протографу II—V редакций.

Но если поставить вопрос, какая же редакция является н а и б о л е е близкой к протографу, то придется указать вместе с большинством исследователей на II редакцию, а среди списков этой редакции — на Троицкий I список.

Если в этом вопросе почти нет разногласий, то зато имеются две группы исследователей, которые по-разному подходят к вопросу об источниках или, вернее, о составе II — V редакций — так называемой Пространной Правды.

Как видно из историографического обзора, уже давно идет борьба между двумя группами исследователей. Так, Болтин, Тобин, Ланге, Калачов настаивали на том, что Пространная Правда состоит из двух частей — Правды, составленной до Владимира Мономаха (некоторые называли ее Изиславовой Правдой), и Правды, принадлежащей Владимиру Мономаху. Распространение теории о неофициальном происхождении Русской Правды среди буржуазных исследователей второй половины XIX в., способствовало тому, что вопрос о двух самостоятельных частях Пространной Правды был снят. Считалось признаком дурного академического тона, когда этот вопрос вообще ставился.

М. Н. Тихомиров, который в своем крупном исследовании должен был весьма подробно разобраться

во всех теориях происхождения Правды и в том числе и Пространной Правды, ограничился голословными опровержениями взглядов Болтина, Тобина и Ланге. Так, касаясь мнения Тобина, М. Н. Тихомиров пишет: «В особенности было ошибочным представление о делении Пространной редакции на две части одновременного происхождения». А касаясь решения вопроса о происхождении и составе Пространной Правды со стороны Ланге, он называет его упрощенным: «Непостижимо.— пишет он,— каким образом Ланге мог игнорировать критические замечания своих предшественников и вернуться целиком на позиции историков XVIII века» К

Одновременно с этим М. Н. Тихомиров, который чрезвычайно высоко оценивает работу Н. В. Калачова о Русской Правде, замалчивает, что и этот исследователь держался взгляда о том, что Пространная Правда состояла из двух самостоятельных частей.

Отказываясь видеть, что протограф II — V редакций Русской Правды (Пространной Правды) состоит из двух самостоятельных и притом возникших в разное время частей, исследователи объясняют наличие ссылки на законодательство Владимира Мономаха во второй части Пространной Правды или тем, что Владимиру Мономаху принадлежит только одна статья об ограничении резов (ст. 46 (53) Тр.), или тем, как это мы наблюдаем в исследовании Тихомирова, что к так называемому Уставу Владимира Мономаха принадлежат статьи, начинающиеся словами о совещании в Берестове (ст. 46 (53) Тр.) и кончающиеся нормой о разрешении в малых тяжбах ссылаться на заупов (ст. 57(66) Тр.), за исключением статей о потоплении купца, о долге и о холопе, ударившем свободного -.

Нетрудно понять, насколько важно для истории Русской Правды решение вопроса о составе протографа II—V редакций (Пространной Правды). Если будет доказано, что этот протограф состоял ранее из двух самостоятельных частей, то при решении вопроса о про-

¹ М. Н. Тихо м ч р о », Исследование, стр. 17, «Там же, стр. 208.

и схождении его надо выяснить сперва происхождение первой, а затем второй части.

Наиболее развернутое решение вопроса о происхождении Пространной Правды как памятника, являвшегося с момента своего возникновения единым литературным целым, было дано М. Н. Тихомировым.

М. Н. Тихомиров в девяти главах своего исследования дал анализ всем изводам Пространной Правды: в четырех главах касается ее источников, а затем в специальной главе рассматривает вопрос о времени, месте и причинах возникновения данной Правды. Как было уже указано, он считает взгляд Болтина, Тоби́на, Калачова и Лангса о Пространной Правде как памятнике, первоначально состоявшем из двух ранее самостоятельных частей, настолько необоснованным, что даже не считает нужным рассмотреть их доводы.

Обратимся к критическому обзору взглядов М. Н. Тихомирова, поскольку взгляды других авторов, писавших о Пространной Правде, слишком суммарны. Как было указано, М. Н. Тихомиров источником Пространной Правды считал Краткую Правду, Сокращенную Правду, Устав Владимира Мономаха, который, по его мнению, охватывал несколько статей второй части этой Правды, и дополнения составителей. Нами было и свое время установлено, что положение М. Н. Тихомирова о влиянии протографа Сокращенной Правды на Пространную является весьма слабо аргументированным. Наоборот, имеющиеся различия между Сокращенной и Пространной Правдами легко объясняются позднейшим сокращением и переработкой статей Пространной. Но может быть аргументация М. Н. Тихомирова о времени, месте и причинах возникновения Пространной Правды (т. е. протографа II — V редакций) настолько убедительна, что вопрос должен быть сочтен раз навсегда решенным? Ближайшее рассмотрение главы «Время, место и причины возникновения Пространной Правды» убеждает нас в том, что она является одной из самых неудачных частей его книги. Кроме слабости аргументации, мы наблюдаем в ней, несмотря на ее сравнительную краткость, наличие ряда противоречивых мест.

Вначале М. Н. Тихомиров пишет, что составители Пространной Правды пользовались своими источниками не механически, а провели большую работу по их согласованию. «Уже это обстоятельство позволяет отвергнуть частное происхождение Пространной Правды, едва ли какое-либо частное лицо взялось бы за большой и по существу неблагодарный труд составления юридического кодекса древней Руси»¹.

А через тринадцать страниц М. Н. Тихомиров пишет: «Пространная Правда, конечно, не имела назначения быть законодательным памятником, обязательным для всех. Составители ее хотели дать новый юридический сборник, которым можно было бы руководиться при судебных разбирательствах. Пространная Правда была скорее проектом закона, чем самим законодательным памятником»².

Следовательно, это был отнюдь не юридический кодекс древней Руси, как ранее указывалось, а только проект закона. А затем читатель перестает что-либо понимать при дальнейшем чтении данной главы.

Ранее говорилось о том, что надо отвергнуть частное происхождение Пространной Правды, а теперь указывается, что неофициальный характер Правды, который так подчеркивается во многих исторических трудах, является следствием ее новгородского происхождения³.

Вначале М. Н. Тихомиров решительно критикует взгляд⁴ В. О. Ключевского о церковном происхождении Пространной Правды и настаивает на отсутствии и черт, характерных для памятников церковного происхождения⁵. А затем совершенно неожиданно го-

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 215—216 (подчеркнуто нами. — С. Ю.).

² Там же, стр. 229 (подчеркнуто нами. — С. Ю.)⁸ Там же, стр. 210. * Там же, стр. 218. "Там же, стр. 215-218.

ворит, что этот памятник составлен не без участия церковных кругов. «Этим, по мой взгляд,— пишет далее М. Н. Тихомиров, — объясняется присутствие в Пространной Правде некоторых моральных указаний, отсутствующих в ее источниках. Гетц остроумно указывает, что эти наставления как бы рассчитаны на судей, которые должны объяснить причины того или иного приговора. Эта странная смесь совершенно конкретных формул с моральными сентенциями может быть объяснена участием в составлении Правды церковных кругов Новгорода во главе с архиепископом. Этим кругам принадлежит вставка о чернеческих холопах, упоминаемых наравне с княжескими и боярскими... Влияние византийского права на Правду, указываемое многими авторами, также удовлетворительно объясняется значением церкви. В это время на Новгородской архиепископии был знаменитый Лнтоний, в миру Добрыня Ядрейкович, лично побывавший в Царьграде»¹.

Вначале М. Н. Тихомиров признал, что в Пространной Правде отсутствуют черты, характерные для памятников церковного происхождения, и настаивал что этот памятник был предназначен не только для регламентации юридической практики древней Руси, но, в первую очередь, для обеспечения интересов князя. «Интересы древнего общества, знавшего, главным образом, платежи за обиду, нашедшие свое отражение в Древнейшей Правде, отступают в Пространной Правде на второй план перед интересами князя и княжеской администрации. Усиленное внимание к высоким «вирам» и «продажам» крайне интересно для Пространной Правды»².

Но когда М. Н. Тихомиров стал утверждать, что Пространная Правда была составлена при участии «церковных кругов Новгорода во главе с архиепископом»³, то оказывается, что Пространная Правда с необыкновенной яркостью рисует «пред нами жизнь

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 229—230 (подчеркнуто нами. — С. Ю.)¹ Там же, стр. 219.³ Там же, стр. 229.

богатого дома, связанного с торговлей (стр. 99). Имущество заключается в доме, челяди и товаре. Но товар — не просто имущество, заранее уже мыслится, что им можно «пригостить» и «срезать». Следовательно, перед нами дом богатого человека, вернее всего купца или боярина, связанного с торговлей»¹.

Читатель после этого не в состоянии разобраться, чьи же интересы стремились защитить составители: князя и его ближайшего окружения, или церковных кругов, или купцов, или бояр, связанных с торговлей? А ведь интересы каждой из этих групп были различны: различие должна быть и регламентация этих интересов в законодательном памятнике.

Не можем мы принять и положения М. Н. Тихомирова о времени и месте происхождения Пространной Правды. По его мнению, время появления Пространной Правды с наибольшей достоверностью может быть датировано с точностью до полутора столетий (1125 г.— кончина Владимира Мономаха, Устав которого был использован составителем, и 1280 г. — год появления Синодальной Новгородской Кормчей). После этого М. Н. Тихомиров обращается к подробному рассмотрению Смоленского договора 1229 г. и приходит к выводу о близости норм этого договора к нормам Пространной Правды. Смысл этого утверждения заключается в том, чтобы доказать хронологическую близость составления Пространной Правды к составлению Смоленского договора 1229 г., т. е. факт составления ее в Новгороде в конце XII или в начале XIII вв.

Аргументы, которые при этом приводит М. Н. Тихомиров², являются совершенно неубедительными: 1) «Начало XIII в. было временем установления Новгородской вольности». Князья еще пользовались в Новгороде большой властью, но значение их постепенно падало. К этой эпохе относится ряд летописных свидетельств о существовании в Новгороде каких-то уставов «старых» или «передних князей». Под 1228 г. летопись пишет уже прямо «о грамотах Ярославлих».

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 230. > Там же, стр. 225—226.

2) Содержание этих грамот в известиях 1228—1229 гг. совершенно неясно. Известие 1228 г. рассказывает, что новгородцы послали к Ярославу со словами: «пое-ди к нам, забожнице отложи, судье по волости песли-ти»; «на всей воли нашей и на всех грамотах Ярослав-лих ты наш князь». Ни откуда не видно, что вопрос о «забожничьем» и судьях в волостях оговаривался в грамотах Ярославлих. Это могло быть нововведением, которое требовало отмены. Если слово «забожничье» остается неясным, хотя речь, повидимому, идет о какой-то новой пошлине, то посылка судей по волостям была явно связана с нарушением судебных прав новгородцев. Следовательно, упоминание о грамотах Ярославлих было в этом случае вполне уместно.

3) Представление о грамотах Ярослава, как о политических актах, установивших своего рода конституцию Новгорода, представляется явно натянутым. Говоря о грамотах Ярославлих, летописец имел в виду что-то определенное. М. Н. Тихомиров указывает, что имеются два памятника, связанные с именем Ярослава: церковный устав Ярослава и Пространная Правда. Поскольку церковный Устав Ярослава явно не имеет отношения к событиям, упомянутым в летописи под 1228—1229 гг., то можно полагать, что летописец имеет в виду именно Пространную Правду.

4) Появление Правды, повидимому, связано с крупнейшими политическими событиями в Новгороде в 1209 г., а именно: с восстанием против Мирошкиничей.

М. Н. Тихомиров считает, что временем составления юридической компиляции, т. е. Пространной Правды, можно считать 1210—1215 гг.—время княжения в Новгороде знаменитого Мстислава Мстиславовича, любимого князя новгородцев.

Для того чтобы принять каждое из этих основных положений и всю совокупность предпосылок возникновения Пространной Правды, необходимы серьезные доказательства. А между тем этих доказательств М. Н. Тихомиров не приводит.

Отсюда все эти предположения М. Н. Тихомирова о предпосылках возникновения Пространной Правды очень трудно принять.

Связь между нормами Смоленского договора 1229 г. и Пространной Правдой может быть признана естественной даже и тогда, когда происхождение Пространной Правды мы отнесем и к началу XII в. Естественно, что в Смоленском договоре должна найти отражение система русского уголовного права, которая стала оформляться еще в первой половине XI в. Близость системы уголовных наказаний Смоленского договора к системе наказаний Пространной Правды вовсе не является свидетельством происхождения этой Правды приблизительно в одно и то же время. Нормы Пространной Правды — это нормы, в которых выразилось правовое развитие Руси за очень длительный промежуток времени (с IX в., а возможно и с VIII в. по XV в.), и, конечно, влияние норм этой Правды будет весьма продолжительным. Известно, что многие нормы Русской Правды были положены в основу литовского права.

Нельзя согласиться с утверждением М. Н. Тихомирова и о том, что под грамотами Ярослава, о которых говорится в Новгородских летописях в начале XIII в., якобы следует понимать Русскую Правду и что составление Пространной Правды имело своей задачей подкрепить особые права новгородцев в отношении княжеской власти.

До сих пор историки, мало занимающиеся историей права или, точнее, историей уголовного права, не хотят понять, что уголовные и процессуальные нормы Русской Правды вовсе не могут быть признаны в какой-то, даже малейшей, степени привилегией-льготой для какой-то земли или области. Нормы уголовного и процессуального права Русской Правды — это нормы феодального права. Их острие направлено против широкой народной массы. Мыслимо ли, что широкие народные массы Новгородской республики — купечество, ремесленники, своеземцы, крестьяне — могли хотя в какой-либо мере быть удовлетворены составлением «юридической компиляции», где жизнь княжеских мужей защищалась двойным денежным взысканием, и считать это одним из свидетельств своей власти. Крайне характерно, что дальнейшее развитие уголовного права в

Новгородской земле пошло по пути установления единого наказания за преступления, совершаемые против личности, о чем ярко свидетельствует Псковская Судная грамота. Исключительно наивно звучит для историка-юриста утверждение, что Пространная Правда, в которой интересы феодальной знати особенно защищались, была составлена в целях борьбы с теми отношениями, которые сложились при Мирошкиичах, т. е. в интересах широкой массы угнетенных Мирошкиичами и их агентурой.

Совершенно нельзя согласиться с утверждением М. Н. Тихомирова о том, что временем возникновения компиляции, т. е. возникновения Пространной Правды можно считать 1210—1215 гг., — время княжения в Новгороде знаменитого Мстислава Мстиславича. Какие данные подтверждают этот факт, М. Н. Тихомиров не указывает и указать не может. Их, конечно, нет.

Поскольку Пространной Правде, этой, по мнению М. Н. Тихомирова, юридической компиляции, составленной при Мстиславе Мстиславиче, усвоено имя Ярослава, то М. Н. Тихомиров, хочет он этого или не хочет, должен признать Пространную Правду, как он сделал и в отношении Краткой Правды, — подлогом. Выходит так, что история Русской Правды — история двух подлогов, совершенных в В. Новгороде!

Для того чтобы решиться на утверждение, что Пространная Правда — это юридическая компиляция, подложно приписанная Ярославу Владимировичу, возникла в 1215 гг., М. Н. Тихомирову как-то надо было ответить на вопрос: а что же было в остальной части Руси? Неужели в Киеве или во Владимире и в Смоленске не было произведено никаких попыток создать кодекс развивающегося русского феодального права? На эти вполне естественные вопросы М. Н. Тихомиров не отвечает.

Наконец, считая, что в Смоленском договоре 1229 г. проводится та же система наказаний, что и в Новгородской «юридической компиляции», М. Н. Тихомирову надо было показать, как же эта чисто Новгородская

компиляция сделалась действующим источником права в Смоленске?

Мы полагаем, что не могут быть приняты эти неаргументированные и притом часто явно противоречивые гипотезы М. Н. Тихомирова о происхождении Пространной Правды, т. е. в нашем понимании протографа II—V редакций Русской Правды.

Неудовлетворительное решение вопроса о протографе II—V редакций, данное М. Н. Тихомировым, при подходе к этому протографу («Пространной Правде»), как единому литературному целому, и отсутствие по этому вопросу других специальных исследований (со стороны других историков имеются только краткие высказывания, касающиеся времени и места составления, которые нами были приведены в историографическом обзоре) побуждает нас обсудить вопрос о протографе II—V редакций, как памятнике, в котором были механически объединены две совершенно самостоятельные и притом возникшие в разное время части, т. е. те взгляды, которые защищались Болтиним, Тобиным, Ланге и Калачовым.

Коснемся прежде всего тех возражений, которые были выдвинуты против этого взгляда отдельными исследователями.

1) Карамзин выдвигает то возражение, что в «мнимом Уставе Владимировом» имеется ссылка на Ярослава (в статье о холопе, ударившем свободного мужа).

Следовательно, в Уставе, принадлежащем Владимиру Мономаху, не все принадлежит этому князю.

Но этот довод носит формальный характер. В Уставе Владимира Мономаха, хотя и говорится о постановлении Ярослава, но одновременно упоминается и об его отмене сыновьями Ярослава. «А се аже холоп ударить свободна мужа, а убежить в хором, а господин его не выдаст, то платити за на господину 12 гривен, а затем аче и где налезть ударенной ть своего истця, кто его ударил, то Ярослав был уставил убити и, н о с ы н о в е е г о н о о т ц и у с т а в и м а н а к у н ы, л ю б о б и т и и р а з в я з а в ш и, л ю б о н и в з я т и г р и в н а к у н з а с о р о м>>».

Как как эта новелла не пошла в первую часть Пространной Правды (так называемый Устав Ярослава Владимировича), то Владимир решил включить ее в свой Устав, поскольку он вообще очень много занимался в этом Уставе правовым положением холопов, игравших в это время (XII в.) очень крупную роль в феодальном хозяйстве и постепенно превращавшихся в крепостное крестьянство. В Уставе Владимира Мономаха мы наблюдаем вообще воспроизведение прежних норм с указанием о последующей их отмене или изменении или даже подтверждение старых норм. Элементы кодификации, вообще, не чужды Уставу князя Владимира Мономаха (см. ст. о муке смерда и огнищанина, о краже птиц и т. д.).

2) Перейдем теперь к оценке доводов В. И. Сергеевича. Полемизируя с Калачовым, который, как было указано, в качестве довода о существовании двух самостоятельных и одновременно составленных частей Пространной Правды, указывал на украшение киноварью или перенос на новую страницу начала новой главы. Сергеевич говорит, что это ничего не доказывает, тем более, что в конце второй «главы в некоторых списках сказано: «До еде слово и Правде Русской», следовательно, и эти переписчики считали обе главы Правды одним памятником¹.

Для того чтобы этот довод Сергеевича мог иметь серьезное значение, ему надо доказать, что украшение киноварью или перенос на новую страницу начала новой главы является или чисто случайным явлением при переписке Пространной Правды или этого не наблюдалось в древнейших списках. Сергеевич этого не установил и установить не мог, поскольку в его распоряжении не было нужных данных. Тот же факт, что переписчики заканчивали Русскую Правду словами «До еде слово и Правде Русской» вовсе не означает, что он тем самым считал обе главы Правды одним памятником. Да ведь и Калачов и другие сторонники взгляда на «Пространную Правду», как на юридический сборник, механически объединяющий его две

самостоятельные части, не отрицали того, что и первая часть и вторая часть это — «Русская Правда».

3) «Думать, что первоначально возникла не одна Пространная Правда, а два разных памятника и под разными заглавиями, не допускает и самое содержание «Правды», — говорит далее Сергеевич. «Во второй ее половине, следующей за Уставом Владимира, мы встречаем целый ряд статей, которые входили уже в древнейшую Правду XI в. Трудно объяснить, почему потом их понадобилось внести в Устав Владимира, а не в Русскую Правду, которая существовала ранее этого устава»¹.

Но это недоумение Сергеевича легко объяснимо при предположении, что «Устав Владимира Мономаха» являлся сборником, дополняющим «Устав князя Ярослава». Поэтому, а «Устав Владимира Мономаха» внесли все статьи, содержащиеся в Краткой (Древнейшей) Правде, которые почему-либо были пропущены в «Уставе Ярослава Владимировича». Ведь смысл появления и «Устава Ярослава» и «Устава Владимира Мономаха» заключался в том, чтобы развить нормы слагавшегося русского феодального права со времени Правды Ярослава.

Словом, аргументация Сергеевича является, как мы видим, совершенно неубедительной.

Наоборот, изучение рукописной традиции позволяет нам доказать правильность мнения о том, что протограф II—V редакций Русской Правды состоял из двух частей — «Устава Ярослава» («Суд Ярославль Володимировича») и «Устава Владимира Всеволодовича».

Мы можем привести ряд следующих доказательств в пользу правильности этого взгляда.

1. Прежде всего необходимо учесть, что древнейший список II редакции находился, как мы это установили, в сборнике Мерило Праведное, откуда он был взят составителями Кормчих. В сборник Мерило Праведное Русская Правда вошла в составе Сборника 30 глав, причем Устав Ярослава составлял гл. 28-ю, а Устав Владимира — гл. 29-ю. Эта особая нумера-

¹ В. И. Сергеевич, Лекции и исследования, стр. 00.

¹ В. И. Сергеевич, Лекции и исследования, стр. 0(3).

ция иногда усваивалась двум частям Пространной Правды даже и тогда, когда она входила уже в состав Кормчей, т. е. когда переписчики должны давно забыть, что Устав Ярослава и Устав Владимира составляли каждый особое литературное целое в Мериле Праведном.

Например в Кормчих Новгород ско-Софийского вида Устав Ярослава написан под главой 90, а Устав Владимира («А се уставил Володимер Князь») под главой 91 (так было в Соловецком II, Архивском I, Егоровском I, Царского I и др.).

Во многих рукописях Устав Владимира Мономаха из прочих частей Русской Правды выделялся путем написания заглавия вязью и притом такой же вязью, как и заголовки Устава Ярослава («Суд Ярославль Володимерича»). Что русские книжники и составители Кормчих сознавали, что Устав Ярослава и Устав Владимира Мономаха ранее представляли два разных юридических памятника, которые только впоследствии механически объединились, очень хорошо обнаруживается при изучении состава так называемой Годуновской Кормчей XVI в., где Русская Правда была разделена на два памятника, причем текст первого был списан в другом месте, нежели текст второго.

Очень характерно, что в Годуновской Кормчей (Годуновский II список) Устав Владимира Всеволодовича написан ранее, нежели «Устав Ярославль Володимерича». Первый памятник под главой 126 помещен на лл. 468—472, а второй под главой 151 на лл. 504—507.

Наряду с так называемой Годуновской Кормчей подобное разделение двух частей Русской Правды мы наблюдаем и в Киево-Печерском II списке, где Устав Владимира был написан также ранее, нежели другой список Русской Правды. Так, Устав Владимира был помещен на лл. 650 об. — 655 об., а Устав Ярослава на лл. 692—700.

Имелись Кормчие, в которые помещался текст только одного Устава. Такой Кормчей является Кормчая ИМ, собрания Барсова № 155.

Далее, до нас дошли следы сборников, в которых Устав Владимира составлял первую статью. Устава

Ярослава в этих сборниках не было. Следы подобного сборника сохранились в Кормчей 1493 г. ПБ. Соловецкого собрания. Здесь, с одной стороны, был воспроизведен Устав великого князя Ярослава, имевший свою нумерацию (29 глав), а с другой стороны, сборник, названный в свое время нами Сборником 105 глав, первой статьей которого был Устав князя Владимира, а последней «Устав великого князя Ярослава о мостех».

Имеются рукописи, в которых Устав Ярослава отделялся от Устава Владимира Всеволодовича пустыми страницами. Так, в Троицком I списке Устав Владимира Всеволодовича начинался не на 337 листе, как можно было ожидать, а через лист — на л. 338.

Одним из свидетельств раздельного существования Устава Ярослава и Устава Владимира являются списки III редакции (так называемый Карамзинский список). Как известно, перед началом статей, входивших в состав Устава Владимира Всеволодовича, там имеется приписка об исчислении прибылей от скота и посева. Как было указано, некоторые исследователи усвоили этой приписке название «статьи о резах», хотя ни о каких резах ни в заглавиях этих статей, ни в их тексте ничего не говорится. Несомненно, эта приписка не имеет никакого отношения к тексту Русской Правды и, в частности, к той статье Устава Ярослава, к которой она примыкает. Мы считаем, что наличие этой приписки можно объяснить только тем, что некий досужий математик того времени воспользовался неисписанными листами в рукописи, содержащей только так называемый Устав Ярослава, т. е. первую часть Пространной Правды, и написал на них свои математические упреждения. Этим еще раз подтверждается факт существования рукописей, содержащих только один Устав Ярослава.

2. Вторым моментом, указывающим на существование Устава Ярослава и Устава Владимира как отдельных литературных целых, — разное содержание этих двух памятников. В то время как Устав князя Ярослава содержит главным образом нормы уголовного или уголовно-процессуального характера, в Уставе Владимира

Мономаха очень много материала, относящегося к той области права, которую условно можно назвать гражданским правом (статья об ограничении взимания резов, статья о «банкротстве», статья о закупах, статьи о наследстве, опеке, статьи о холопах и т. д.).

Из общего количества 51 статьи Устава Ярослава только пять статей касались гражданского права. В Уставе же Владимира из общего числа 68 статей 32 статьи не относятся к уголовному или уголовно-процессуальному праву. Словом, нормы Устава Владимира Мономаха знаменуют тот отрезок времени в истории Киевского государства, когда необходимо было дать ответ на те общественно-экономические процессы, которые там происходили в связи с дальнейшим углублением феодальных отношений.

3. Далее о том, что мы имеем два разных памятника — Устав Ярослава и Устав Владимира — свидетельствует разный стиль этих частей Пространной Правды. В то время как для Устава Ярослава характерна короткая, отрывистая норма, в Уставе Владимира наблюдается подробная формулировка правовых норм. Очень часто выявляются при формулировке правовых норм дидактические элементы, которые характерны для «Поучения Владимира Мономаха» (например, «Но како начнеть от лета платити тако же платити, зане же пагуба от бога есть»; «аже господин бьеть закупа про дело, то без вины есть; биеть ли не смыся, пьян, а без вины, то, яко же в свободней платежь, тако же и в закупе»; «А кто пакощами конь порежет»; «а истый товар воротить им, а прикуп ему себе, зане кормил и почаловался» и т. д.).

4. Сопоставление постановлений Устава Ярослава с Уставом Владимира Мономаха показывает, что во втором уставе отменялись постановления первого. Если бы Устав Ярослава и Устав Владимира Мономаха входили в состав единого систематически составленного кодекса, мы не могли наблюдать нахождения в этом кодексе двух разных постановлений. В частности, в Уставе Ярослава за убийство холопа устанавливается взыскание в 5 гривен, а в Уставе Владимира Мономаха взыскивался урок в пользу владельца и 12 гривен про-

дажи (в пользу князя). По Уставу Ярослава холопов князь продажей не казнит; их господин должен платить двойное вознаграждение пострадавшему «за обиду». По Уставу Владимира за кражу холопом коня его господин платит две гривны пострадавшему, что противоречит общей норме Устава Ярослава.

5. Имеет большое значение также тот факт, что вторая часть древнейших списков называлась Уставом Владимира Мономаха. Когда в Правде приводятся постановления того или иного князя (Ярослава, Изяслава), то они не называются Уставом. Устав — это не отдельная статья и не отдельный комплекс статей, а законченный юридический памятник (например, уставами назывались церковные Уставы Владимира Ярослава, Всеволода).

Все эти соображения доказывают нам, что протограф II—V редакций состоял из двух самостоятельных частей — Устава Ярослава и Устава Владимира Всеволодовича, которые с течением времени, когда было уже совсем забыто их самостоятельное существование, были объединены, подобно тому, как с текстом Русской Правды был объединен Устав князя Ярослава о мостех, затем даже значительная часть Закона Судного людем.

Устав Ярослава и Устав Владимира знаменуют очень важные моменты в развитии русского права и, в частности, в развитии текста Русской Правды.

ПРОТОГРАФ I РЕДАКЦИИ (КРАТКИЙ ПРАВДЫ)

4

I

Г(Ъ § 1. *Историографический обзор*

Как известно I редакция (Краткая) Правды дошла¹ до нас в гораздо меньшем количестве списков, нежели Пространная. Число списков, которое было известно при подготовке издания Русской Правды Академией наук УССР, было двенадцать; при подготовке издания Академией наук СССР это число увеличилось до семнадцати. Эти списки настолько мало отличались друг от друга, что никому до сих пор не приходило в голову делить их на какие-либо редакции или виды.

Но вопрос о тексте протографа данной редакции все же был предметом суждения в специальной литературе. Наиболее подробно коснулся вопроса о взаимоотношении списков I редакции (Краткой Правды) и, следовательно, вопроса о близости того или иного списка к протографу данной редакции Н. А. Максимейко. Он пришел к выводу, что первоначальный текст протографа Краткой Правды был отражен лучше всего в Академическом, а не в Археографическом списке. По его мнению, Академический список наиболее близко и точно воспроизводит аутентический текст Русской Правды¹.

Среди работ, посвященных изучению текста Краткой Правды, надо указать на статью Г. Л. Гейерманса «Татищевские списки Русской Правды»². В этой статье

¹ Н. А. Максимейко, Опыт критического исследования Русской Правды, вып. I, Харьков, 1914, стр. 207.

² Проблемы источниковедения, Сб. третий, М.—Л., 1940, стр. 171.

дается исчерпывающий анализ тем спискам Краткой Правды, которые были использованы для своей работы Татищевым.

М. Н. Тихомиров высказал ряд соображений по вопросу о протографе I редакции (Краткой Правды) в своем исследовании. На основании сообщения Татищева о списке, находившемся в Ростовской летописи, он приходит к выводу, что дополнительные статьи этого списка являются позднейшими дополнениями к первоначальному тексту.

Касааясь взаимоотношений между Археографическим и Академическим списками, М. Н. Тихомиров приходит к выводу о независимом происхождении их от общего протографа. По его мнению, отличия Археографического списка от Академического заключаются в том, что Археографический список более вольно передавал текст своего оригинала языком, более понятным для читателя XV в., нежели Академический список².

Касается вопроса о протографе I редакции (Краткой Правды) и М. Д. Приселков в своей статье «Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской Правды»³. В частности, он указывает, на каких основаниях и принципах надо приступить к восстановлению текста протографа этой редакции.

Одним из важных моментов в деле изучения списков Краткой Правды и их взаимоотношений со списками Пространной является статья акад. С. П. Обнорского «Русская Правда в краткой редакции»³. В этом очерке был дан исчерпывающий филологический анализ спискам Краткой Правды, который дает возможность решить окончательно основные вопросы их истории.

§ 2. *Взаимоотношение списков*

В дошедших до нас списках I редакции (Краткой Правды) должна быть выделена значительная часть

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 41—43.

² М. Д. Приселков, Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской Правды», Исторические записки Академии наук СССР, т. 16, М., 1945.

³ С. П. Обнорский, Очерки по истории литературного языка старшего периода, АН СССР, 1946 г.

так называемых Татищевских списков, т. е. тех списков, над которыми работал Татищев, подготавливая свое издание Русской Правды. Для того чтобы уяснить взаимоотношение всех других списков данной редакции, необходимо обратить внимание в первую очередь, именно на эти списки, как списки, скопированные в первой половине XVIII в.

Этим Татищевским спискам посвящена, как было указано, особая статья Г. Л. Гейерманса «Татищевские списки Русской Правды», представляющая собой образец глубокого археографического исследования. Едва ли кто в дальнейшем в состоянии будет поколебать его конечные выводы. По поводу этих списков Г. Л. Гейерманс выделяет следующие «Татищевские списки»: Татищевский I (АН, 16. 14. 9), Татищевский II (ИИ, № 434 —бывш. АН СССР, 32.6. 16), Воронцовский (ИИ, собрания Воронцовых, № 118), Мясниковский (ПБ, F II 9), Погодинский (ПБ, собрания Погодина, № 1838), Карамзинский (ПБ, F II, 118) и три неразысканных: АН № 1779 (инв.), Псковской Археографической комиссии № 25 и так называемый Эрмитажный № 79 (по новой нумерации № 44). Кроме этих девяти списков надо еще указать на список Ростовской летописи, варианты которого были отмечены Татищевым при издании текста Русской Правды.

Г. Л. Гейерманс установил, что Воронцовский, Мясниковский, Погодинский и Карамзинский списки являются копиями Татищевского I списка, а Татищевский II список содержит тот же текст Русской Правды с оговоренными Татищевым добавлениями, заимствованными из Ростовской летописи.

Г. Л. Гейерманс установил интересный факт, именно, что перевод текста Русской Правды и примечания к нему в списке Татищевском II сделаны совершенно независимо от перевода и примечаний Татищевского I списка. Этот факт позволяет установить существование двух редакций труда Татищева: к первой редакции следует отнести список Татищевский I и указанные копии его, а ко второй — список Татищевский II.

Г. Л. Гейерманс установил и другой интересный факт. Оказывается, снятые с Татищевского списка копии являются далеко неподтвержденными; их сличение с Татищевским I списком дает возможность установить известную последовательность в работе Татищева над первой редакцией. Копии, представленные Воронцовским, Мясниковским и Погодинским списками, были сняты после первого исправления I списка, сделанного рукою Татищева. А копия, представленная Карамзинским списком, — после второго его исправления. Отсюда Карамзинский список представляет собою копию окончательного текста первой редакции Татищевских списков.

Г. Л. Гейерманс в результате анализа Татищевских списков приходит к выводу, что Татищев, после того как поработал над комментированием текста Русской Правды, в результате чего появилась первая редакция, вернулся к этой работе, дополнив текст Ростовской летописью, написав новый перевод и снабдив новыми примечаниями и с новым «предъизвещением».

В дальнейшем Г. Л. Гейерманс убедительно доказывает, что текст Русской Правды «в Собрании Законов древних русских» взят Татищевым из списка 1738 г., который в свою очередь скопирован с Академического I летописи или, что то же, со списка «Сенатской Архивы». Список 1738 г. был помещен в рукописи Новгородской I летописи, которая находилась в Прусской Государственной библиотеке в Берлине в собрании Меермана, где она значилась под № 1987.

Тексты как I, так и II Татищевского списка были изданы в т. II Правды Русской*.

Но Татищев, кроме указанных списков в своем издании Русской Правды, привел варианты из списка, находившегося в Ростовской летописи. Эти варианты следующие.

1. В статье 17 (по Татищеву, в ст. 16): «Отъ холопъ ударит свободна мужа, а бежить в хоромы, а господин

¹ Правда Русская, ч. I: Л. Академии наук СССР, 1947 г., т. II, стр. 821—831.

начнетъ не давати, то холопа по я т и, да платитъ господин его 12 гривен», слово по я т и заменено словами не яти.

2. В статье 30 (31) Акад. (По Татищеву, в ст. 25): «Оже крадетъ любо конь, любо волъ, оли клтль, да аче будетъ единъ краль, то гривну и 30 резан за обиду; оли будетъ их 18, то по той же гривнеипо 30резаньплатити мужеву», в Ростовском списке увеличено наказание — «положено с каждого по 3 гривны и 30 резанъ».

3. В Ростовском списке имелась дополнительная статья (к ст. 37(38)—по Татищеву, ст. 32): «Оже убиень тать, а подымуть ноги во дворе, ино убить; оли подымуть ноги за ворота, толи платити в нем».

Татищев в отношении так называемого Покона вирного (ст. 41(42) — по Татищеву, ст. 34) написал: «Сиа статья так темна, что числа денег поденных не мог с седмичными сроднить. Мню, нечто проронено или списывателями повреждено ив двух ма н у с к р и п т а х в е с ь м а р а з н о (курсив наш)». В литературе никем не был поставлен вопрос о том, что эти варианты Ростовского списка отражают первоначальный текст I редакции. Напротив того, указывается на связь первых двух вариантов Ростовской летописи с Пространной Правдой, т. е. о позднейшем их возникновении. Указывается, что дополнение к ст. 37(38) Акад. говорит о настолько редком случае, что едва ли оно могло быть предметом законодательной нормы. Вероятно, это добавление к тексту сделано переписчиком в целях более точного и наглядного выяснения понятия о том, что значит «убит во дворе на месте кражи».

Вне всякого сомнения, все эти особенности Ростовского списка говорят о позднейшем появлении текста Краткой Правды, которое было сделано переписчиком этого списка.

Обратимся к анализу взаимоотношений другиз: списков I редакции. Здесь мы имеем дело с двумя спи-

сками середины XV в. Академическим I и Археографическим I и тремя списками XVIII в. (АН 31. 7. 31, ПБ, F IV, № 233 собрания Толстого, № 351, БЛ, Румянцевского собрания, № 248, ИМ, 1402(34). Все эти списки находятся в Новгородской I летописи.

Обратимся первоначально к взаимоотношению двух древнейших списков — Академическому I и Археографическому I. И здесь нетрудно установить наибольшую близость к первоначальному тексту Академического списка, т. е. правильности мнения Н. А. Максимейко, М. Н. Тихомирова и др. Разночтения Археографического списка в отношении Академического могут быть, как общее правило, сведены к опискам, ошибкам, пропускам, к попыткам осмысления древнего текста или к поновлению языка *.

Доб. Асе есть Правда Русская (1,1), *мьстьвьм.* мьстить(1,1), *любо ем.* или (1,1), *любо ем.* или (1,1), *чада ем.* чаду (1,1), *доб.* ли (1,1), *любо ем.* любо (1,1), *купць ем.* купчина (1,1), *или ем.* любо (1,1), *никогого ем.* никотораго (1,2), *а ем.* аще (1,2), *онь ем.* ли (1,2), *доб.* ино (1,2), *личью ем.* л4тцю (2,2), *доб.* томоу (2,3), *вынез ем.* вынем (2,4), *рукоять ем.* рукоятью (2,4), *гривн-ь ем.* гривн-ь (2,4), *гривны ем.* гривенъ (2,5), *а ем.* или (2,6), *чадь ем.* чада (2,6), *прьсть ем.* персть (2,7), *кои ем.* который (2,7), *гртВнт ем.* гривн-ь (2,8), *вынем ем.* вынезь (2,9), *тъи нет* (2,9), *любо ем.* любо (3,10), *аще ем.* или (3,10), *любо ем.* или (3,10), *аще нет* (3,11), *или ем.* ли (3,11), *познаеть ем.* познають (3,11), *изимати ем.* изымати (3,11), *пойдетъ ем.* поддетъ (3,12), *оружье ем.* оруж1е (3,13), *или ем.* любо (3,13), *а нет* (3,13), *где ем.* где (3,14), *друзи ем.* друзе (4,15), *начьнетъ ем.* почнетъ (4,15), *мужа ем.* человека (4,10), *будя ем.* будетъ (4,15), *будеть нет* (4,15), *поняти ем.* пояти (4,16), *доб.* и (4,16), *видоци ем.* видоц* (4,16), *убийжить ел.* бт>жить (4,17), *осподинь ем.* госпгдинь (4,17), *за него господиньвл.* господиньзань (4,17), *тим ем.* тым (4,16), *копие ем.* копье (4,18), *ли ем.* любо (4,18), *заплатит* ем.* заплатити (5,18), *Микифор ем.* Микыфор (5), *огнишанинь вм.* огнишанина (5,19), *убийцы ем.* убШцы (5,19), *княже вм.* княжи (5,19), *Аще ем.* А (5,20), *же вм.* иже (5,20), *ищотъ вм.* изыщутъ (5,20), *вйрний вм.* вири (5,20), *А иже вм.* А же (5,21), *клит ем.* клетъ (5,21), *коровьи вм.* коровь (5,21), *татб* вм.* татбы (5,21), *за вм.* в (5,21), *той ем.* то (5,21), *во ел.* в (5,16), *у стада старый ем.* старый у стада (5,23), *гр^вн* ем.* гривнй (5,24), *княжи ем.* княже (5,24), *смердьи ем.* смерде и (5,25), *той нет* (6,27), *смерд!и ем.* смердйи (6,27), *Аще ем.* А оже (7,28), *или ем.* любо (6,28), *платит ел.* пла-

Н. А. Максимейко, Опыт, стр. 217.

¹ См. Руська правда, К, 1935 г, стр. 1—10.

тити (1,28), *доб.* ли (7,29), *же нет* (7,29), или *ем.* *любо* (7,29), или *ем.* *любо* (7,30), *тридесять ем.* 30 (7,30), *три нет* (7,30), *пла-тить ем.* *платити* (7,30), *княжи ем.* *княж** (7,31), *борг* ем.* *борти* (7,31), *издерутьвл.* *изудруть* (7,31), *огнищанине ем.* *гнищанинЪ* (7,32), *тиуниц* ем.* *тивуниц/б* (7,32), *мечниц* ем.* *мечници* (7,32), *Аще кто ем.* *А иже* (7,33), *межоу ем.* *межоу* (7,33), *сопретесь ем.* *перетес* (7,33), *Аще ли ем.* *А* (8,34), *голуби ем.* *голуб-Ъ* (8,35), *утки ем.* *утки* (8,35), *оже нет* (8,36), *доб.* ли (8,37), или *ем.* *любо* (8,37), *кл4тб ем.* *клѣть* (8,37), *доб.* и *есть* (8,37), *паки ем.* ли (8,37), *сице ем.* а (8,38), *оже нет* (8,37), *доб.* его (8,37), *связана ем.* *связан* (8,37), *доб.* а (8,37), *А кто ем.* *Оже* (8,38), *крадеть ем.* *крадутъ* (8,38), *девять ем.* 9 (8,38), *любо ем.* или (8,38), *свинью ем.* *свинью* (8,39), *овцю ем.* *овьцу* (9,39), *поклон ем.* *поклон* (9,41), *недилю ем.* *неделю* (9,41), *полоть ем.* *полот* (9,41), *в трите же нет* (9,41), *доб.* а (9,41), *сыры нет* (9,41), *из ясти ем.* *ясти* (9,41), *сыпати ем.* *сути* (9,41), *конь ем.* *ротъ* (9,41), *переди ем.* *перед* (9,41), *рыбами ем.* *рыбами* (9,41), и *ясти ем.* *из ясти* (10,41), *сберуть ем.* *збреуть* (10,41), *сей ем.* *се* (10,42), *мостъникомъ ем.* *мостников* (10,42), *доб.* ли (10,42).

Акад. С. П. Обнорский в результате тщательного лингвистического анализа Академического и Археографического списков приходит к выводу, что в Академическом списке наблюдается более слабый налет южнославянского влияния, меньший слой позднего вкрапления диалектизмов, отдельные архаизмы в чертах морфологического строя, более первоначальный характер отдельных экземпляров лексики, сохранение в большей чистоте первоначального синтаксического строя. Все это свидетельствует о большей архаичности, о большей близости к протографу Академического списка по сравнению со списком Археографическим¹.

Имеются, однако, в Археографическом списке такие чтения, которые говорят об отражении древнего текста, например, *мужа ем.* *человека*, *покон ем.* *поклон*, *огнищанине ем.* *гнищанине*. Однако таких чтений в Археографическом списке, как в этом не трудно убедиться, весьма мало.

Наличие подобного рода различий в Археографическом списке говорит о том, что и Академический и Археографический списки произошли независимо друг от друга от одного общего им протографа.

¹ С. П. Обнорский, Очерки, стр. 29—30.

Акад. С. П. Обнорский высказал следующие соображения об этом протографе, исходя из тщательного лингвистического анализа Академического и Археографического списков Краткой Правды.

Он полагает, что время составления протографа приблизительно относится к периоду от второй половины XII по XIII в., причем составление протографа так же, как и составление обоих списков, принадлежало Новгородской территории. С. П. Обнорский отмечает, что протограф Академического и Археографического списков был теснейшим образом связан с первичным оригиналом памятника, однако по данным языка трудно сказать, была ли эта связь связью списка с непосредственным своим оригиналом или их отделял промежуток — список или списки.

Что касается списков Русской Правды, находящихся в рукописях XVIII в., то эти списки (Толстовский, Уваровский и Воронцовский) являлись копиями Академического списка, поскольку ни одно наиболее серьезное различие Археографического списка ими не воспроизводится.

Изучая текст даже и того списка, который является наиболее близким к протографу Краткой Правды, т. е. Академического, нетрудно отметить, что и этот список при вписании его в текст летописи подвергся, несомненно, некоторым изменениям. Что подобного рода изменения текста памятников, взятых из юридических сборников и вписываемых в летописи, являются обычными, показывает текст церковного Устава князя Владимира и церковного же устава князя Ярослава, вписанный в летопись Переяславля Суздальского.

Исследователи указали на конкретные примеры сокращения текста, в результате чего возникают трудности для понимания некоторых статей².

¹ С. П. Обнорский, Очерки, стр. 30.

² М. Д. Приселков, Задачи и пути изучения «Русской Правды», стр. 244—247.

Среди этих статей надо указать на ст. 6 — «Оже ли сунеть роукоу, и отпадеть роука, любо оусохнеть, то 40 гривен; аще боудеть нога цела или начнеть храмати, тогда чада смиряти». Таким же испорченным вследствие возможного пропуска отдельных слов или даже предложений является ст. 14 о своде. Вполне возможно, что и ст. 1 дошла до нас в переработанном виде.

§ 3. *Вопрос о взаимоотношении I редакции (Краткой Правды) и протографа II—V редакций (Пространной Правды)*

Вопрос о взаимоотношении I редакции (Краткой Правды) и протографа II—V редакций (Пространной Правды) был предметом обсуждения в литературе.

Как общее правило, исследователи считают, что Краткая Правда возникла раньше Пространной. Значит, взгляды на это различаются. Академик Л. И. Соболевский в статье «Две редакции Русской Правды», в которой старался доказать, что Пространная Правда является источником Краткой, в то время как академик В. Г. Дрлш, академик С. Ю. Шубинский, наоборот, считают, что Краткая Правда является источником Пространной. В то же время академик В. Г. Дрлш, академик С. Ю. Шубинский, наоборот, считают, что Пространная Правда является источником Краткой, имея в тексте отличия от Краткой. Пространная Правда, до нас дошедшая в виде...

Кроме соображений лингвистического порядка, академик Соболевский указывает также и на то, что некоторые места Краткой не имеют смысла. Так, он считает

¹ Г. А. Розенкампф, *Обозрение Кормчей книги в историческом виде*, СПб., 1839, стр. 121.

² Д. Дубенский, *Об Ярославской Правде XI в.* (Чтения общ. ист. и древн. Росс., 1846, № 2, стр. 3—5, 18—21).

⁸ А. И. Соболевский, *Две редакции Русской Правды*, в честь Гр. П. С. Уваровой, М., 1916, стр. 17—22.

таким местом фразу: «тогда чада смирять» (см. ст. 6 Ак).

Академик Карский полагает, что между Краткой Правдой и Пространной. По его мнению, текст мог основываться на Пространной. В ней Шиховоделашных еще Шиховоделашных: жр.: мггштгсх и -результатом извлечения из кодифицированного после Владимира Мономаха свода уставам этого князя в жившихся уже в Киевской области.

Однако взгляды акад. Соболевского и акад. Кар-

науке.

Лингвистические данные, на которые они опираются, не могут иметь решающего значения. Древнейшие списки Краткой Правды — Академический и Археологический — находятся в памятниках XV в. Естественно, что на тексте этих списков могли отразиться элементы позднейшего языка. Изучая варианты Пространной Правды и в особенности ее 4-ю главу, можно установить, что даже юридические термины

Доводы лингвистики и при доказательстве позднейшего происхождения Краткой Правды могли бы иметь значение только в том случае, если бы имелись прототипы...

Не имеют значения и указания названных ученых о том, что якобы некоторые места Краткой Правды не имеют смысла. Соболевский и Карский — лингвисты, и, конечно, они не в состоянии были с надлежащей глубиной разобраться в истории русского права XI—XII вв. Им, конечно, многие нормы права этого времени могли показаться не имеющими смысла. Но даже и то действительно трудное для понимания место «тогда чада смирять» в результате удачного толкования этого места П. И. Люблинским и

¹ Г. ф. Карский, *Русская Правда по древнейшему списку*, стр. 9.

А. Е. Пресняковым сделалось более или менее ясным. Историкам права совершенно понятны все нормы и все институты Краткой Правды¹. Но якад. Срболовский и акад. Карашй, ^&CfйЩЯ*~Щ~дРоднейшем пгд^СуожденийЗР²1, к.д. . Р²а²Л²пг. ппппп"4 р"Л »ппр0- со Вj J^j>|3f|^[^] доводы—утрачивают, убедихедность.

М. Н. Тихомиров справедливо отметил, что Соболевский оставил без всякого рассмотрения вопрос о том, каким образом позднейший редактор, сокращавший какой-то неизвестный извод Пространной Правды, не сделал ни одного анахронизма, хотя такими анахронизмами нередко изобилуют позднейшие списки Пространной Правды. Не указал Соболевский также и на то, чем объясняется большая полнота и исправность ряда статей Краткой редакции Правды по сравнению с Пространной. Соболевский оставил без рассмотрения вопрос, какие причины вызвали появление Краткой редакции, малопонятной и неясной, когда уже существовали списки Пространной Правды².

Но еще ранее М. Н. Тихомирова с развернутой критикой взгляда о происхождении Краткой Правды через сокращение Пространной выступил В. М. Чернов, который обобщил все аргументы, указанные в литературе по этому вопросу³.

В основном эти аргументы о наибольшей древности Краткой Правды сводятся к следующему: ^упоминание о мести и о других архаических институтах, об отмене которых говорится в Пространной Правде, 2) более казуистический характер формулировки статей, 3) употребление архаических терминов, 4) хронологическая система расположения постановлений, 5) однородный характер (уголовный и процессуальный) постановлений Краткой Правды, что является характерной чертой наиболее древних законодательных сбор-

¹ Правда Русская, т. II, М.—Л., 1947, стр. 73 (примечание). ³ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 30. ² В. Чернов, До питания про редакц I «РусьКоиУ Правды», стр. 18.

ников. В Пространной Правде имеется большое число статей, относящихся к нормам, которые впоследствии будут отнесены к гражданскому праву (например, нормы наследственного права).

Уже после того, как в историко-юридической науке были обобщены все аргументы о большей древности Краткой Правды по сравнению с Пространной, появилась упомянутая выше статья акад. С. П. Обнорского, который в результате глубокого лингвистического анализа пришел к противоположным, нежели акад. Соболевский, выводам.

С. П. Обнорский утверждает, что «ближайшее сравнение текста одной и другой редакции «Правды» обнаруживает большую цельность языковых (в частности, в синтаксисе) черт, большую архаичность лексического состава в тексте Краткой редакции Правды по сравнению с Пространной редакцией памятника; это позволяет думать, что по своему сложению Краткая редакция Правды древнее первоначальной Пространной Правды»¹.

§ 4. Вопрос о Краткой Правде как едином литературном целом и ее составе

Исследователи давно уже должны были обратить внимание на то, что в тексте Краткой Правды выделяется определенная ее часть, которая приписывается сыновьям Ярослава. Отсюда Краткая Правда стала делиться на Правду Ярослава и Правду Ярославичей.

На делении I редакции (Краткой Правды) на две части в особенности настаивал Ланге. По его мнению, первая часть Краткой Правды — это первоначальный Устав Ярослава, а вторая часть — дополнительный Устав Ярослава².

¹ С. П. Обнорский, Очерки, стр. 30.

² Н. Ланге, Исследование об уголовном праве Русской Правды, стр. 25.

Но большинство исследователей не согласилось с доводами Ланге. В особенности казалось весьма спорным его утверждение о том, что все нормы Краткой Правды возникли при Ярославе. Но взгляды Ланге не были забыты. Сергеевич в предисловии к своему изданию Русской Правды стал утверждать, что Краткая редакция Правды является простым соединением двух различных памятников — Правды Ярослава и Правды Ярославичей¹. Правду Ярослава он назвал первой редакцией Русской Правды, а Правду Ярославичей — второй. Одним из главнейших доказательств Сергеевича в пользу этой мысли является ссылка на летописца, который выделил начало второй части Краткой Правды словом «зри».

Ко взглядам Сергеевича присоединился немецкий исследователь Русской Правды Гетц².

Однако взгляды Сергеевича также не были приняты. Было установлено, что вторая часть Краткой Правды состояла не только из постановлений Ярославичей, но и из постановлений Ярослава, которые не вошли в состав первой части.

Что же касается отнесения Сергеевичем так называемой Правды Ярославичей ко второй редакции Русской Правды, то и это его предложение не было принято. Как было уже отмечено, с наибольшей силой обосновал неприемлемость этого предложения М. А. Дьяконов, указавший, что «первая и вторая части Краткой Правды говорят вовсе не об одном и том же; они различаются содержанием, а не изложением, что это скорее два памятника, соединенные, однако, между собой потому, что один служит дополнением другого, а вовсе не разные редакции одного памятника»³.

Словом, Краткая Правда должна быть признана после того, как она была воспроизведена в Новгород-

¹ В. И. Сергеевич, Русская Правда в четырех редакциях (разных изданий, напр. 2-е, СПб, 1911, см. Предисловие).

• L. K. O o e t z, Das Russische Recht, Band I.

* М. А. Дьяконов, Очерки общественного и государственного строя древней Руси, стр. 36.

ской 1 летописи, единым литературным целым, хотя составленным из ряда отдельных источников, возникших в разное время.

М. Н. Тихомиров различает три части в составе Краткой Правды: 1) Древнейшею Правду; 2) Правду Ярославичей с добавлениями; 3) «Покоп вирный» и сУстав Мостником». В целях наиболее глубокого изучения составных частей Краткой Правды следует выделить пять частей: 1) Древнейшую Правду(ст. 1—18); 2) Правду Ярославичей (ст. 19—27 (28)); 3) Дополнения к Правде Ярославичей (ст. 28(29)—39(40); 4) Покоп вирный (ст. 40(41)—41(42)); 5) Устав Мостником (ст. 42(43)).

М. Н. Тихомиров¹, настаивая на одновременном происхождении Древнейшей Правды, Правды Ярославичей и Покопа вирного, отмечает наличие терминологических различий. Он приводит для каждой из этих Правд два ряда терминов, только им присущих. Эти терминологические данные, приведенные М. Н. Тихомировым, представляют большой интерес.

Попытку разделить Краткую Правду на составные части предпринял и В. П. Любимов. Заметив, что в тексте Академического 1 списка встречаются большие буквы, написанные не кинноварью, а чернилами, он сделал предположение, что эти буквы служат для деления текста на некоторые статьи или для выделения того, что можно назвать статьями.

В результате этих наблюдений В. П. Любимов приходит к заключению, что такого рода разделение текста наводит на мысль, не отражает ли это деление самый процесс создания памятника, обозначая отдельные фрагменты, из которых он складывался².

Но значение всех этих наблюдений В. П. Любимова, которые, если бы они полностью подтвердились, помог-

¹ М. Н. Тихомиров, Исследования, стр. 46—47.

² В. П. Любимов, Палеографические наблюдения над Академическим списком Русской Правды («Историк-марксист.» № 5, 1938 г., стр. 156 и 161).

ли бы уяснить процесс сложения Краткой Правды и ее составные части, решительно оспорено М. Н. Тихомировым, указавшим, что большие чернильные буквы (А, С, И, О и т. д.) встречаются не только в тексте этого списка Русской Правды, но и на протяжении всего Академического списка Новгородской I летописи, равно как и в громадном числе других рукописей XV—XVI вв. «Они зависели от графической манеры писцов, а не от внутреннего содержания текстов», правильно, на наш взгляд, заключает М. Н. Тихомиров¹.

Наша точка зрения в этом вопросе полностью совпадает с М. Н. Тихомировым.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

*Восстановленные тексты протографа I редакции
(Краткой Правды) и протографа II—V редакций
(Пространной Правды)*

[Ж А. Протограф I редакции

[шри восстановлению протографа данной редакции могут быть использованы только тексты двух списков— Академического I и Археографического I. Что же касается позднейших списков, то они являются, как указано, копиями Академического I и, следовательно, привлечение их к работе над восстановлением протографа данной редакции значения иметь не может. В основу восстанавливаемого протографа положен наиболее, по общему мнению, близкий к нему Академический I список. Но в его тексте заменены церковно-славянские слова (например, аще на аже и т. д.), а также слова, в которых следы новгородского наречия несомненны (например, гривн вместо гривен или гривны). В некоторых случаях нам казалось, что текст обоих древнейших списков дошел в неисправном виде и что его надо заменить текстом протографа II—V редакций, например, «то вирное платити, в нем же в и р и голова начнет лежати» — ст. 20(21) Ак.

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 47—48.

ПРАВДА РУССКАЯ¹

Оубиеть моужь моужа, то мьститъ брату брата, любо сынови отца, любо отцю сына, любо брат о— чадо у², любо сестриноу сынови; аже не боудеть кто мьстя, то 40 гривен за голову; аже боудеть роу-синь, любо гридь³, любо коупець⁴, любо ябетникъ, любо мечникъ, аже изгой боудеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положить за нь. Или боудеть кровавь или синь надражень, то не искати емоу видока человека томоу; аже не боудеть на немъ знамеша никого⁵ же, то ли пршдетъ видокъ; аже ли не можетъ, тоу томоу конецъ; оже ли себе не можетъ мьстити, то взяти емоу за обиду 3 гривны, а л'ѣтцю мьзда. Аже ли кто кого оударить батогомъ, любо жердью, любо пястью, любо чашею, любо рогомъ, любо тылеснию, то 12 г р и в е н ь ; аже сего не постигнуть, то платити емоу, то тоу конецъ. Аже оутнетъ мечемъ, а не вы-незь⁸ его, любо роукоятю, то 12 г р и в е н ь за обиду. Оже ли оутнетъ роукоу, и отпадетъ роука, любо оу-сохнеть, то 40 гривенъ. Аже боудеть нога ц-вла, а⁷ начьнетъ х р о м а т и, тогда чада смирать. Аже ли персть оутнетъ к ы и⁸ любо —3 гривны за обиду. А въ оуев 12 гривенъ, а въ бородѣ 12 гривенъ. Аже ли вынезь мечь, а не тнетъ, то гривноу положить. Аже ли ринеть моужь моужа, любо отъ себе, любо къ собѣ— 3 гривны, а видока два выведеть; аже* боудеть ва-рягъ, любо колбягъ, то на роту. Аже челядинъ скрывает* ся, любо оу варяга, любо оу кольбяга, а его за три дни не выведоуть, а познають и в третш день, то изымати емоу свои челядинъ, а 3 гривны за обиду. Аже кто поддетъ на чюжемъ конь\ не прошавъ его, то поло-

¹ Так в Археографическом {в дальн. «Арх. I») и в протографе Пространной (в дальнейшем — прот.). Разрядкой печатается текст, отличный от Академического и Троицкого I списков.

² Так в прот.

³ Так в прот.

* Так в Арх. I и прот.

⁶ Так в Арх. I.

⁶ Так в прот.

* Так в Арх. I.

⁸ Так в прот.

» Так в прот.

жити 3 г р и в н ы . Аже поиметь кто чюжь конь, любо орууж¹е, любо портъ, а познаеть въ своемъ ми-роу, то взяти емоу свое, а 3 г р и в н ы за обиду. Аже познаеть кто, не емлетъ его, то не рци емоу: «мое»-, но рци емоу тако: «пойди на сводъ, гдѣ- еси взять*»; или не поидеть, то пороучника за пять днш. Аже гугв възщеть на дреуз-в проче, а онъ ся запирати нач-нетъ, то ити ему на сводъ предъ 12 человека; да аже боудеть обидя не вдаль,— достойно емоу свои скот, а за обиду 3 г р и в н ы . Аже кто челядинъ пояти хощеть, познавъ свои, то къ ономоу вести, оу кого то боудеть коупиль, а той ся ведеть ко другомоу, даже доидеть до третьего, то рци треть-емоу: «вдаи ты мн-ѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцв». Аже¹ холопъ оударить свободна моужа, а бѣжить въ хоромъ, а господинъ начнетъ не дати его, то холопа пояти, да платити господинъ за нь 12 г р и в е н ь, а за гвмъ,² гдѣ" его нал'взеть³ оударенный той моужь, да бьють его. Аже изломить копие, любо щит, любо портъ, а начнетъ ХОГБТИ его держати оу себѣ\ то прлати скота оу него; а иже есть изломилъ, а ж е ли начнетъ примт>тати, то скотомъ емоу заплатити, колько даль боудеть на немъ.

Правда оуставлена Роуськой земли, егда ся съво-коупиль Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Косняч-ко, Перен-вгъ, Никифоръ Кыянин, Чюдинъ Микоула. Аже оубьють огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривенъ оубищи, а людемъ не надобт»; а в подѣзд-номъ княжѣ—80 гривенъ. Аже оубьють огнищанина в разбои, любо оубицоу не ищоуть, то вирное платити в чьей⁴ же в е р в и⁵ голова начнетъ ле-жати. Аже оубьють огнищанина оу клѣти,любо оу коня, любо оу говяда, лю бо оу коровѣ татьбы, то оубити в пса место; а той же поконъи тиоуницю. А в княжѣ- тиоун-в 80 гривенъ. А конюх старый оу стада

¹ Так а прот.

² Так в прот.

³ Так в прот.

⁴ Так в прот.

⁵ Так в прот.

• Так в Арх. \

80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсв, его же оубили Дорогобоудыци. А въ сельскомъ старостъ к н я ж "Б и въ ратайнѣмъ 12 г р и в е н ъ , а в рядовнищѣ княжъ 5 гривенъ. А въ смерде ивъхолопѣ 5 гривен. А ж е раба кормилица, любо кормиличицъ 12 г р и в е н ъ . А за княжъ конь, иже той съ пятномъ 3 г р и в н ы , а за смердѣй 2 г р и в н ы ; за кобылоу 60 р-взанъ, а за воль гривноу, а за коровоу 40 рѣзанъ, а за третьякъ 15 коунъ, а за лоньчиноу п о л ъ г р и в - н ы , а за теля 5 р-взанъ, за яря ногата, за баранъ ногата. Аже оуведеть чюжь холопъ любо рабоу, платити емоу за обиду 12 г р и в е н ъ . Аже крадеть любо кон], любо волы, л ю б о к л ѣ т ѣ , да а ж е боудеть единъ краль, то гривноу и тридесять рѣзанъ платити емоу; или ихъ боудеть 18, то по три г р и в н ы и по 30 рѣзанъ платити моужеви. А въ княжъ- борти 3 гривны, любо пожгоуть, любо и з д е р о у т ѣ . Аже смердъ оумоучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны; а в огнищанине, и в тиюниц-Б, и в мечншгв 12 г р и в е н ъ . Аже межоу переореть любо пе-ретесь, то за обиду 12 г р и в е н ъ . Аже лодью оу-крадеть, то за лодью платити 30 Рязанъ, а продажи 60 рѣзанъ. А въ голоубѣ и въ коуряти 9 коунъ; а в оуткѣ, и в гоусв, и въ жеравѣ, и въ лебеди 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ. Аже оукрадоуть чюжь песь, любо ястребъ, любо соколь, то за обиду 3 гривны. Аже оубьють татя на своемъ двор-в, любо оу клѣти, любо оу хл-вва, то той оубить; аже ли до свѣта держать, то вести его на княжъ дворъ; а оже ли оубьють, а люди боудоуть вид-вли с в я з а н а , то платити въ немъ. Аже сѣно крадоуть, то 9 коунъ; а в дровехъ 9 коунъ. Аже оукрадоуть овцоу любо козоу, любо свинью, а ихъ б о у д е т ѣ 10 одиноу овцоу оукрали, да положить по 60 рѣзанъ продажи; а кто изималъ, тому 10 р-взанъ. А от гривны мечникоу коуна, а в десятиноу 15 коунъ, а князю 3 г р и в н ы ; а от 12 гривны емъцю 70 коунъ, а в десятиноу 2 гривны, а князю 10 гривенъ. Асе поконъвирный: вирникоу взя-ти 7 вѣдѣрь солодоу на неделю, тѣ же овень, любо полоть, любо дв-в ногаты; а въ среду рѣзаноу, в три же сыры; в пятницу тако же; а хлѣба по колькоу

могоуть ясти и пшена; а куръ по двое на день; конь-4 поставити и соути имъ на ротъ, колько могууть зобати; а вирникоу 60 гривенъ и 10 рѣзанъ 12 в-вверици; а переди гривна или ся пригодить в говѣнне рыбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ; то веѣхъ коунъ 15 коунъ на нед-влю, а борошна колько могууть изъести; до недели же вироу сбероуть вирници. То ти оуроку Ярославль. А се оуроку мостниковъ; аже помостивше мость, взяти от дѣла ногата, а отъ городници ногата; аже боудеть ветхаго моста потвердити нѣколикко доскъ, или 3, или 4, или 5, то тое же.

Б. Протограф II—V редакций (Пространной Правды)

В свое время нами было указано, что М. Н. Тихомиров довольно удачно восстановил протограф данных редакций. Он правильно положил в основу восстановления этого протографа Троицкий I список. Основным нашим разногласием с М. Н. Тихомировым является, как было указано, то, что мы настаиваем на происхождении Пространной Правды через механическое соединение двух частей: «Суда Ярославль Владимирича» и «Устава Владимира Всеволодовича». Естественно, что в тексте протографа нами было отражено это положение. Восстановленный нами протограф состоит из двух частей, как это было в «Сборнике 30 глав», отразившем текст недошедшего до нас сборника русских статей (см. список Мерила Праведного).

Другим существенным нашим отступлением от текста протографа, восстановленного М. Н. Тихомировым, является то, что мы следуем тексту III, IV и V редакций, в котором статья о «судебных уроцех» дается после статьи «О заднице» (ст. 97(108) Троиц.), т. е. перед статьей «Уроци ротнии». Обе эти статьи близки между собой и по содержанию и по стилю.

СУД ЯРОСЛАВЛЬ ВОЛОДИМЪРИЧЬ ПРАВДА РУСЬСКАЯ

Аже убиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо б р а т о ч а д у , ли братню сынови; аже ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривень, аже будеть княжь моужь или т и у н ь ¹ к н я ж ь ; аже ли будеть русинь, любо гридь, любо купець, любо т и у н ь боярескъ, любо мечникъ, любо изгой, любо словЪ-нинь, то 40 гривень положити за нь. По Ярослав* же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодь и мужи их Коснячко, Перенъть, Никифоръ, и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати, а ино все яко же Ярославъ судиль, такс же и сынове его оставиша.

о УБИЙСТВА

Аже кто убиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то в и р н у ю ² платити в чьей же верви голова лежить, то 80 гривень; паки ли людинь, то 40 гривень.

Которая ли вервь начнетъ платити дикую виру, колико л^тъ заплатитъ ту виру, занеже безъ головника имь платити; будеть ли головникъ ихъ въ верви, то з а н е к ним прикладываетъ, того же дѣля имь помагати головникоу; любо си дикую вироу; но спла-тити им вообчи 40 гривень, а головничьство, а т о самому головнику; а въ 40 гривень ему заплатити из дружины свою часть; но оже будеть оубиль или въ свад-в или в пиру явлено, то тако ему платити по верви нын-б, иже ся п р и к л а д ы в а е т ь вироу.

¹ Под словами: «тиуна княжа», как это было сказано в Троицком I, надо понимать человека, принадлежавшего княжескому тиуну. Но тогда непонятно, почему за него надо платить 80 гривен, а за мечника 40 гривен. Правильно в списках III и V редакций, т. е. т и у н ь к н я ж ь .

² В большинстве списков II ред. в и р н у ю (вирную), а не в и р е в н у ю , как это полагает М. Н. Тихомиров. В I редакции говорится вирное (ст. 20 (119) Акад.).

ОЖЕ СТАНЕТЬ БЕЗ ВИНЫ НА РАЗБОИ

Будеть ли сталь на разбои безъ всякоя свады, то за разбойника л ю д и е не платяты, но выдадять и всего съ женою и съ дѣтми на потокъ и на разграбление. Аже кто не вложиться в дикую виру¹, тому людье не помогаютъ, но самъ платить.

А СЕ ПОКОНИ ВИРНИИ

А се покони вирнии были при Ярославе: вирнику взяти 7 в^дер солоду на недѣлю, оже овень, любо полоть, любо 2 ногаты, а в середу куна, оже сыръ, а в пятницу тако же; а куръ по двою ему на день; а хлебов 7 на недвлю, а пшена 7 оуборковъ, а гороху 7 оуборковъ, а соли 7 голважень: то то вирнику со отрокомъ, а кони 4, конем на ротъ сути овесь, вирнику 8 гривен а 10 кунъ перекладная, а метелнику U въ-кш и² а съсадная гривна.

о ВИРАХЪ

Аже будеть вира во 80 гривень, то вирнику 16 гривень и 10 кунъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна; а за голову 3 гривны.

о княжи ОТРОЦЪ

Аже въ княжи отроци или в конюсб или в повар*, то 40 гривень, а за тиунъ за огнищный и за конюший, то 80 гривень; а в сельскомъ тиун* княж* или в ратаин-вмь, то 12 гривень, а за рядовича 5 гривень, тако же и за боярескъ.

¹ Решительное большинства списков: в и ру, что отвечает смыслу статьи.

- В turn и в большинстве списков

О РЕМЕСТВЕНИЦЪ И О РЕМЕСТВЕНИЦЪ

А за ремественника и за ремественицу, то 12 гривенъ. А за с м е р д ь и х о л о п ¹ 5 гривенъ, а за рабу 6 гривенъ. А за кормилця 12 гривенъ, такоже и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си раба.

О ПОКЛЕПНЪИ ВИРЪ

Аже будеть на кого поклепная вира, тоже будеть послуховъ ⁷, то ти выведуть виру; паки ли варягъ или кто ииъ, то д в а. А по костехъ и по мертвечи не платити виры ², аже имене нев-вдають, ни знаютъ его.

АЖЕ СВЕРЖЕТЬ ВИРОУ

Аже ³ свержетъ виру, то гривна кунъ сметная отроку, а кто и клепаль, а тому дати другую гривну; а от виры п о м о ч ь н а г о ⁹ кунъ. Искавше ли послуха и не налЪзуть, а истьця начнетъ головою клепати, то ти имъ правду железо; тако же и во всЪхъ тяжахъ, и в татьбе и в поклепЪ; оже не будетъ лица, то тогда дати ему железо из неволи до полугривны золота; аже ли мьнЪ, то на воду, оли то до дву гривенъ; аже мьи-в, то роут ему ити по своѣ" куны.

ОЖЕ КТО УДАРИТЬ МЕЧЕМЪ

Аже кто ударитъ мечемъ, не вынезь его, или рукоятю, то 12 гривенъ продажи за обиду.

Аже ли вынезь мечъ, а не утнетъ, то гривна кунъ.

Аже кто кого ударитъ батогомъ, любо чашею, любо рогомъ, любо тьигБСнию, то 12 гривенъ; не терпя ли противу тому ударитъ мечемъ, то вины ему в томъ н/втуть.

¹ Имеется большое число списков, где говорится с м е р д ь и холоп. Можно полагать, что в протографе II—V редакций стояло с м е р д ь и, т. е. так же, как и в протографе I редакции.

■ В большинстве списков II редакции виры, равно как в III и Троицкой IV редакции.

Аже — в большинстве списков II редакции.

Аже ли оутнетъ руку и отпадетъ рука, или усх-нетъ, или нога или око, или нос утнетъ, то полу-вирье 20 гривенъ, а тому за вЪкъ 10 гривенъ.

Аже персть утнетъ кии любо, 3 гривны продаже, а самому гривна кунъ.

АЖЕ ПРИДЕТЬ КРОВАВЪ МУЖЪ

Аже иридетъ кровавъ мужъ на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажи) 3 гривны; аще ли не будетъ на нем знаменья, то привести ему видокъ, слово противу слова, а кто будетъ почаль, тому п л а т и т и 60 кунъ; а ж е и кровавъ придетъ или будетъ самъ почаль, а выльчзуть послуси, то то ему за платежь, оже и били.

Аже ударитъ мечемъ, а не утнетъ на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану, же лЪчебное; потнетъ ли на смерть, а вира.

Аже попъхнетъ мужъ мужа, любо к собЪ, ли от соб.е, любо по лицу ударитъ, ли жердью ударитъ, а видока два выведуть, то 3 гривны продажи; аже будетъ варягъ или колбьягъ, то полная видока вывести и идета на роту.

О ЧЕЛЯДИ

А челядинъ скрывается, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаетъ и третий день, то свои челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи.

АЖЕ КТО ВСЯДЕТЬ НА ЧЮЖЪ КОНЬ

Аже кто всядетъ на чюжъ конь не п р а ш а в ѣ, то 3 гривны. Аже кто конь погубитъ или оружье, или нортъ, а заповЪсть на торгу, и посл-Ъ познаетъ в своемъ городе, свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 3 гривны.

Аже кто познаетъ свое, что будетъ погубиль, или украдено у него что, или конь, или портъ или ско-

тина, то не рци «се мое¹), но поиди на сводъ, кдѢ есть взяль, сведитеса, кто будетъ виновать, на того татба снитеть, тогда он свое возьметъ, а что будетъ с нимъ погыбло, то же ему начнетъ платити.

А ж е будетъ коневьи тать, а выдати князю на потокъ; паки ли будетъ клѣтныи тать, то 3 гривны платити ему.

О СВОДЪ

Аже будетъ во единомъ город-ѣс, то ити истыцю до конца того свода; будетъ ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго свода, а что будетъ лице, то тому платити третьему кунами за лице, а с лицомъ ити до конца своду; а истыцю ждати прока; а кдѢ снитеть на конечняго, то тому все платити и продажу.

О ТАТЬБЪ

Паки ли будетъ что татебно купиль въ торгу, или конь, или портъ или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника; аже начнетъ не знати у кого купиль, то ити по немъ ГѢМЪ видокомъ на роту, а истыцю свое лице взяти; а что с нимъ погыбло, а того ему же-л-вти, а оному желѣти своихъ кунъ, зане не знаетъ у кого купивъ; познаеть ли на долзь- у кого то купиль, то СВОт куны возьметъ, и сему платити, что у него будетъ погыбло, а князю продажу.

АЖЕ ПОЗНАЕТЪ КТО ЧЕЛЯДЪ

Аже кто п о з н а е т ъ челядинъ свои укра-день, а поиметь и, то оному, вести и по кунамъ до третьяго свода; пояти же ч е л я д и н ъ в челя-д и и а м *ѣс с т о, а оному дати лице, ать идеть до конечняго свода, а то есть не скот, не лзѣ рчи: «н е в -ѣ д -ѣе у кого есмь купиль», но по языку ити до конца; а кдѢ будетъ конечнии тать, то опять воротить челядина, а свои поиметь, и проторъ тому же платити, а князю продаже 12 гризень в челядинъ-украдше¹.

¹ В большом числе списков говорится «в челядинъ украдше», т.е. «и ли» пропущено; тогда нет особого смысла восстанавливать текст так, как это делает М. Н. Тихомиров: «в челядинъ или украдше или уведше».

О СВОДЪ ЖЕ

А и з ъ своего города в чюжю землю свода нѣтуть, но тако же вывести ему послухи, любо мытника, перед кимъ же купивше, то истыцю лице взяти, а прока ему жел-вти, что с нимъ погыбло, а оному своихъ кун желѣти.

О ТАТЬБЪ

Аже убиять кого у клѣти или у которо-ѣс татбы, то убиять во пса мѣ-сто; аже ли и додержать свѣта, то вести и на княжъ дворъ, оже ли убиять и, а уже будетъ людие связана вѣцѣгли, то платити в томъ 12 гривен.

Аже¹ крадетъ кто скоть въ хлѣвѣ или клѣтѣ, то же будетъ одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ; будетъ ли их много, то всѣмъ по 3 гривны и 30 кунъ платити.

О ТАТЬБЪ ЖЕ

Аже крадетъ скоть на поли, или овцѣ-ѣе, или козы, ли свиньи, 60 кунъ; будетъ ли ихъ много, то всѣмъ по 60 кунъ.

Аже крадетъ гумно или жито въ ямѣ¹, то колико ихъ будетъ крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ; а у него же погыбло, то оже будетъ лице, лице поиметь, а за лѣто возьметъ по полугривнѣ.

Паки ли лица не будетъ, а будетъ былъ княжъ конь, то платити за нь 3 гривны, а за инѣх по 2 гривны.

А СЕ УРОЦИ СКОТУ

Аже за кобылу 60 кунъ, а за волъ гривна, а за корову 40 кунъ, а за третьяку 30 кунъ, а за лоныцину полгривны, за теля 5 кунъ, а за свинью 5 кунъ, а за порося ногата, за овцю 5 кунъ, за баранъ ногата; а за жеребець, аже не всвдано на нь, т о гривна кунѣ, за жеребя 6 ногать, а за коровие молоко 6 ногать; то ти уроци смердомъ, оже платять князю продажу.

АЖЕ БУДУТЬ ХОПОПИ ТАТЬЕ, СУДЬ КНЯЯ Ъ

Аже будутъ холопи татие любо княжи, любо боярѣстии, любо чернечь, их же князь продажею не казнить; зане суть несвободни, то двоиче платитъ ко истьцю за обиду.

АЖЕ КТО КУНЪ ВЗИЩЕТЬ

Аже кто взищеть кунъ на друзѢ, а онъ ся начнетъ заперати, то оже на нь выведеть послуси, то ти пойдуть на роту, а он возметъ своѣ куны, зане же не даль ему за много л-бт, то платити ему за обиду 3 гривны.

Аже кто купецъ купцю дасть в к у п л ю куны или в гостьбу, то- купцю пред послухи кунъ не имати, послуси ему не надобѢ, но ити ему самому ротв, аже ся почнетъ заперати.

О ПОКЛАЖАИ

Аже кто поклажаи кладеть у кого любо, то ту послуха н-бсть; но оже начнетъ большимъ клепати, тому ити рогв, у кого то лежал товаръ: а толко еси у мене положилъ, занеже ему в бологодълъ и хоронилъ товар его.

О РЪЗЪ

Аже кто куны даетъ ит р-взъ или наставъ въ медь или жито во присопъ, то послухи ему ставити, како ся будетъ рядиль, тако же ему имати.

О М-ЪСЯЧНЪМЪ Р-ЪЗТ,

А месячный р-взъ, оже за мало, то имати ему: заидуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны въ треть, а месячный р-взъ погренути; послуховъ ли не будетъ, а будетъ кунъ 3 гривны, то ити ему про своѣ* куны рогв; будетъ ли боле кунъ, то речи ему тако: промиловалсяеси, оже еси не ставиль послуховъ.

УСТАВЪ ВОЛОДИМЪРЪ ВСЕВОЛОДИЧА

А се уставиль Володимиръ Всеволодичъ по СвятополцѢ съзавъ дружину свою на БерестовѢмъ: Ратибора киевского тысячьского, Прокопью Б-влогородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа, и уставили до третьяго р-вза, оже емлетъ в треть куны; аже кто возметъ два р-вза, то то ему взяти исто; паки ли возметъ три ръзы, то иста ему не взяти. Аже кто емлетъ по 10 кунъ от л-бта на гривну, то того не отъмътати.

АЖЕ КОТОРЫЙ КУПЕЦЪ ИСТОПИТЬСЯ

Аже который купецъ шедъ кдѢ любо с чужими кунами, истопиться, любо рать возметъ, ли огонь, то не насилити ему, ни продати его; но како пачнетъ от л-вта платити, тако же платитъ, зане же пагуба от бога есть, а не виновать есть; аже ли пропи-еться или пробиеться а в безумьичюжь, товаръ испортить, то како любо гбмъ, чье то куны; ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадять ли, а своя имъ моля.

О ДОЛЪЗЪ

Аже кто многимъ долженъ будетъ, а пришед гость пзъ инога города или чюжеземець, а не вѢдая запустить за нь товаръ, а опять начнетъ не дати гости кунъ, а первии должебити начнутъ ему запинати, не дадуче ему кунъ, то вести и на торгъ, продати же и отдати же первое гостины куны, а домашнимъ, что с я останеть кунъ, тьм же ся ПОД-БЛЯТЬ; паки ли будутъ княжи куны, то княжи куны первое взяти, а ирокъ в д-ълъ; аже кто много ръза ималь, то тому не п м а т и*.

¹ Так в подавляющем большинстве списков II—V редакций.
^a Так в подавляющем большинстве списков II и других редакций,

АЖЕ ЗАКУПЪ БЪЖИТЬ

Аже закупъ бѣжитъ отъ господы, то обель, идеть ли искать кунъ, а явлено ходитъ, или ко князю, или къ судиямъ бѣжитъ обиды дѣля своего господина, то про то не робять его, но дати ему правд}.

О ЗАКУПЪ

Аже у господина ролеинны закупъ, а погубить воискии конь, то не платити ему, но еже даль ему господинъ плугъи борону, от него же купу емлетъ, то то погубивше, ему платити; аже ли господинъ его отслеть на свое орудье, а погибнеть без него, то того ему не платити.

О ЗАКУПЪ

Аже из хлѣва выведуть, то закупу того не платити; но еже погубить на поли и в дворъ не вженеть и не затворить, кдѣ- ему господинъ велить или орудья своя дѣля, а того погубить, то то ему платити.

Аже господинъ переобидить закупа, а увидеть купу его или отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ; паки ли прииметь на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, что будетъ приняль, а за обиду платити ему 3 гривны продажи; продасть ли господинъ закупъ обель, то наймиту свобода во ВСѢХЪ кунахъ, а господину п л а т и т и за о б и д у 12 гривенъ продаже: аже господинъ бѣть закупъ про дѣлю, то без вины есть; биеть ли не смысля пьянь, а без вины, то яко же въ свободнтшъ платежъ, тако же и в закупъ\

О ХОЛОПЪ

Аже холопъ обелныи выведеть конь чии любо, то платити за нь 2 гривны.

О ЗАКУПЪ

Аже закупъ выведеть что, то господинъ в немъ; но еже кдѣ и налтззуть, то преди заплатитъ господинъ его конь или что будетъ ино взять, а ему холопъ обелныи; и паки ли господинъ, не хотвти начнетъ платити за нь, а продасть и, отдасть же преди или за конь, или за волъ, или за товаръ, что будетъ чюжего взять, а прокъ ему самому взяти собѣ\

А СЕ АЖЕ ХОЛОПЪ УДАРИТЬ

Аже холопъ ударить свободна мужа, а убѣжитъ и хоромъ, а господинъ его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривенъ. А загѣмъ аже и гдѣ нал!;-зеть удареныи тѣ своего истья, кто же его удариль, то Ярославъ былъ уставиль убити и, но сынове его по отци уставиша на куны; любо бити и розвязаше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ.

О ПОСЛУШСТВЪ

На послушство на холопа не складають; но еже не будетъ свободнаго, то по нужи сложити на боярьска тиуна, а на инѣх не складывати. А в малтз тяжѣ по нужи с л о ж и т и на закупа.

О БОРОДЪ

А кто порветъ бороду, а в ы и м е т ѣ знамение, а вылѣзуть людие, то 12 гривенъ продаже; аже безъ людии, а в поклепе, то нѣту продаже.

О ЗУБЪ

Аже выбѣють зубъ, а кровь видять у него во ртѣ, а людѣ вылѣзуть, то 12 гривенъ продаже, а за зубъ гривна.

О БОБРЪ

Аже украдетъ кто бобръ, то 12 гривенъ; аже будетъ росечена земля или знамение, им же ловлено или сеть, то по верви искати къ¹ собѣтатя, любо платити продажу.

АЖЕ КГО БОРТЬ РАЗНАМЕНАЕТЪ

Аже разнаменаеть борть, то 12 гривенъ. Аже межю перетнетъ бортьную, или ролеиную разореть, или дворную тыномъ перегородить межю, то 12 гривенъ продажи. Аже дубъ подотнетъ знаменьныи или межъныи, то 12 гривенъ продаже.

А СЕ НАКЛАДИ

А се наклады 12 гривенъ: отроку 2 гривны и 20 кунъ, а самому ехати со отрокомъ на дву коню, сути же на ротъ овесь, а мясо дати овень, любо полоть, а ин¹бмь кормомъ, что има черево возметь, писцю Ю кунъ, перекладнаго 5 кунъ, аза мѣхъ две ногате.

А СЕ О БОРТИ

Аже борть подътнетъ, то 3 гривны продажв, а за дерево пол гривны. Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи, а за медъ аже будетъ пчелы не лажены, то 10 кунъ; будетъ ли олѣкъ, то 5 кунъ. Не будетъ ли татя, то по следу женуть. Аже не будетъ следа, ли к селу или к товару, а не отсочать от себе сл-вда, ни Бдутъ на следъ, или отбьются, то Гбмь платити татбу и продажу; а следъ гнати с чюжими людми, а с послухи. Аже погубять следъ на гостиныцъ¹ на велиц-в, а села не будетъ, или на пусе, кдъ- же не будетъ ни села ни людии, то не платити ни продажи ни татбы.

О СМЕРДЪ

Аже смердъ мучить смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ. Аже

1 «Жъ» в большинстве списков.

огнищанина мучить, то У гривенъ продаже, а за муку гривна. Аже лодью украдетъ, то 60 кунъ продаже, а лодию лицемъ воротити; а за морьскую лодью 3 гривны, а за набоиную лодью 2 гривны, а за челн 8 кунъ, а за стругъ гривна.

О ПЕРЕВ-ЬСЬХЪ

Аже кто подотнетъ вервь в перевесе, то 3 гривны продажи, а господину за вервь гривна кунъ. Аже кто украдетъ въ чьемъ перевесе ястрябъ или соколь, то продаже 3 гривны, а господину гривна. А за голубъ 9 кунъ, а за куря 9 кунъ, а за утовъ 30 кунъ, а за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравль 30 кунъ. А в СБН-Б и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину колико будетъ возъ украдено, то имати ему за возъ по 2 нагать\

О ГУМНЪ

Аже за жъ ж е т ь гумно, то на потокъ, на грабежъ домъ его, переди пагубу исплатившю, а в проце князю поточити и; тако же, аже кто двор зажъжетъ. А кто пакощами конь порѣжетъ или скотину.то продаже !2 гривенъ, а за пагубу господину урокъ платити. Ты тяжб все судять послухи свободными. Будеть ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хочеть истецъ, или иметь и, а река тако; «по сего речи емлю тя, но язъ емлю тя,а не холопъ», и емети и на железо; аже обинити и, то емлетъ на немъ свое; не обинить ли его, а платити ему гривна за муку, зане по холопьи речи ялъ и. А железного платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а полгривны д-втьскому. То ти жел*зныи урокъ, кто си в чемъ емлетъ. Аже иметь на железо по свободных людии речи, любо ли запа на нь будетъ, любо прохожение нощное, или кимъ любо образомъ, аже не ожъжется, то про муки не платити ему, но одино железное, кто и будетъ ялъ.

О ЖЕНЬ

Аже кто убиеть жену, то ГЪМ же судомъ судити, яко же и мужа; аже будеть виновать, то пол виры 20 гривен. А в холопе и в робѣ виры нѣтуть; но оже будеть без вины убиень, то за холопъ урокъ платити или за рабу, а князю 12 гривен продаже.

АЖЕ УМРЕТЬ СМЕРДЪ

Аже смердъ умереть, то задницю князю. Аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на нѣ; аже будуть за мужемъ, то не даяти части им.

О ЗАДНИЦЪ БОЯРЬСТЪИ И О ДРУЖЬНЫИ

Аже в боярехъ любо въ дружинѣ, то за князя задница не идетъ, но оже не будеть сыновъ, а дщери возмутъ. Аже кто умирая разд-влитъ домъ свои д-втемъ, на том ме стояти; паки ли безъ ряду умереть, то всѣмъ дѣтемъ, а на самого часть дати души. Аже жена ся-деть по мужи, то на ню часть дати; а что на ню мужъ възложить, тому же есть госпожа; а задница ей мужня не надобъ*. Будуть ли дѣти, то что первое жены, то то возмутъ дети матери своя; любо си на жену будеть възложилъ, обаче матери своей возмутъ. Аже будеть сестра в дому, то той задницѣ не имати; но отдадять ю за мужъ братия, како си могутъ.

А СЕ ЗАКЛАДАЮЧЕ ГОРОДЪ

А се уроци городнику: закладаюче городню, куну нзяти, а кончавше ногата; а за кормъ, и за вологу, и за мяса, и за рыбы 7 кунъ на недвлю; 7 хл-воовъ, 7 уборковъ пшена, 7 луконъ овса на 4 кони, имати же ему, донел-б городъ срубятъ; а солоду одну дадять 10 луконъ.

А СЕ УРОЦИ МОСТЪНИКУ

А се мостнику уроци: помостивше мость, взяти от дѣла от 10 локоть по ногагв; аже починить

моста ветхаго, то колико г о р о д е нь починить, то взяти ему по кунѣ от городив: а мостнику самому¹ ѣхати со отрокомъ на дву коню, 4 лукна овса на недѣлю; а - ЕСТЬ, что можеть.

О ЗАДНИЦЪ

Аже будуть робьи дѣти у мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ с м а т е р ь ю . Аже будуть в дому дѣти мали, а не джи ся будуть сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужъ, то кто им ближний² будеть, тому же дати на руцѣ и с добыткомъ и с домомъ, донел-в же возмогутъ; а товаръ дати пе-редъ людми. А что ср-ѣзить товаромъ ГЪМЪ ЛИ при-гостить, то то ему собѣ, а истый товаръ воротить имъ а прикупъ ему собѣ*, зане кормиль и печаловаль ся; яже от челяди плод или от скота, то то все поимати лицемъ; что ли будеть ростеряль, то то все ему платити дѣтемъ ГЪМ. Аче же и отчим прииметь дѣти съ задницею, то тако же есть рядъ. А дворъ без дѣла отень в с я к о меншему сынови.

О ЖЕНЬ АЖЕ ВОРЧЕТЬСЯ СЪДЪТИ

Аже жена ворчеться СЪДЪТИ по мужи, а ростеряеть добытокъ и поидеть за мужъ, то платити ей все дѣтем. Не ХОГЪТИ ли начнуть дѣти ей ни на дворѣ, а она начнетъ всяко ХОГЪТИ и СЪГЪТИ, то творити ей всяко волю, а дѣтем не дати воли; но что ей даль мужъ, с тѣм же ей СЪДЪТИ, ИЛИ, свою часть взявши, СЪГЪТИ же. А материя часть не надоб-ѣ д-втемъ, но кому мати дасть, тому же взяти; дасть ли ВСЪМЪ, а вси роздѣ-лять; безъ языка ли умереть, то у кого будеть на двор-ѣ была и кто ю кормиль, то тому взяти. Аже будуть

¹ М. Н. Тихомиров без достаточных оснований дополняет: самому д р у г у .

² Так в большинстве списков И редакции (см. Руська Правда, стр. 93, прим. 43).

двою мужю дѣти, а одинок матери, то онѣм своего отца задница, а он-бмъ своего. Будеть ли потеряль своего иночима, что, а он-бхъ отца, а умереть, то възво-ротить брату, на не же и людье вылтэзуть, что будеть отец его истеряль иночимля; а что ему своего отца, то держить. А матери которы й будеть ей сын д о б р ь, первого ли муж а, другаго ли, тому же дасть свое; аже вси сынове ей будуть лиси, а дчери можеть дати, кто ю кормить.

О задницѣ

Аже братья ростяжаются перед княземъ о задни-щю, который д-втьекии идтатъ ихъ делить, то тому взяти гривна кунъ.

СЕ УРОЦИ СУДЕБНИИ

А се уроци судебнии: от виры 9 кунъ, а м я т е л ь н и к у 9 в-бкошь, а от бортно-в земли 30 кунъ, а от ин-бх о ВСЕХ тяжь, кому помогутъ, то 4 куны, а мятельнику 6 в-вкошь.

А СЕ УРОЦИ РОТНИИ

А се уроци ротнии: от головы 30 кунъ, а от борть-Нотс земли 30 кунъ, бес трии кунъ, тако же и от ро-леиноъ- земли; а от свободы 9 кунъ.

о холопствѣ

Холопство обелное трое. Оже кто купить хотя идо и о л у г р и в н ы , а послухи поставитъ, а ногату дасть передь сайтам холопомъ, а не без него.

¹ Дополнение, которое делает М. Н. Тихомиров—а п о с л у х ы п о с т а в и т ь , не оправдывается: подавляющее большинство списков не содержит его.

А второе холопство,— поиметь робу без ряду; поиметь ли, с рядомъ, то како ся будеть рядиль, на том же стоять. Асе третье холопство—тиунство без ряду или привяжетъ ключь к соб-в без ряду; с рядомъ ли то како ся будеть рядиль, на том же стоять. А в дачи не холопъ, ни по хл-вб-в роботять, ни по придатыгб; но оже не доходятъ года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виновать есть. Аже холопъ бт>жить, а запов-всть¹ и господинъ, аже слышавъ кто или зная и въ\дая, оже есть холопъ, а дасть ему хлѣба или укажетъ ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ. Аже кто переиметь чюжь холопъ и дасть в-бсть господину его, то имати ему переемъ гривна; не ублюдетъ ли, то платити ему 4 гривны, а пятая переемная ему; а будеть раба, то 5 гривенъ, а шестая на переемъ отходить. Аже кто своего холопа самъ досочитъся в чьем любо городе, а будеть посадникъ не вѣдал его, то повѣ\давше ему, пояти же ему отрок у него, и шедше увязати и, и дати ему вязебную 10 кунъ, а переима нѣтуть. Аже упустить и гоня, а соб-в ему пагуба, а не платитъ в то никто же, тем же и переима н-втуть. Аже кто, не в-вдая чюжь холопъ, усрячетъ или повѣхти дт>еть, любо держитъ и у себе, а идетьотнего, то ити ему рогв, яко нев-вдал есмь, оже есть холопъ, а платежа в томъ н-втуть. Аже гдѣ- холопъ куны вылжетъ, а онъ будеть не в-вдая вдаль, то господину выкупати али лишитися его, в-вдая ли будеть даль, а кунъ ему лишитися. Аже кто² пустить холопъ в торгъ а одолаеть, то выкупати его господину и не лишитися его. Аже кто кренеть чюжь холопъ не въ\дая, по первому господину холопъ понята, а оному куны имати рогв ходивше, яко не вт^дан есмь купилъ; в-вдая³ ли будеть к у п и л то кунъ ему л и ш е н у б ы т и . А ж е х о л о п ь б ъ -

¹ Дополнение за повесть и не имеет серьезных оснований.

² Кто—в подавляющем большинстве списков.

³ Пропуск текста II редакции дополнен из списков других редакций.

г а я д о б у д е т ь т о в а р а , т о г о с п о д и н у д о
л г ъ , г о с п о д и н у ж е и т о в а р ь а н е л и - ш и т и с я е г о .
А ж е к т о б - в ж а , а п о и м е т ь с у с ь д н е ч т о и л и т о в а р ь ,
т о г о с п о д и н у п л а т и т и з а н ь у р о к ъ , ч т о б у д е т ь в з я т ь .
А ж е х о л о п ь к р а д е т ь к о г о л ю б о , т о г о с п о д и н у
в ы к у п а т и и , л ю б о в ы д а т и и , с к и м ь б у д е т ь к р а т ь , а ж е н ь
и д ь т е м н е н а д о б ь т ь ; н о о ж е б у д у т ь с н и м ь к р а л и и
х о р о н и л и , т о в с е х в ы д а т и ; п а к и л и а в ы к у - п а е т ь
г о с п о д и н ь ; а ж е б у д у т ь с в о б о д н и и с н и м к р а л и и л и
х о р о н и л и , т о к н я з ю в ь п р о д а ж е .

*ЧАСТЬ
ВТОРАЯ*

4' !

8»

роисхождение Русской Правды

КРАТКАЯ ПРАВДА

Я | § 1. *Историографический обзор*

, [редакция Русской Правды (Краткая Правда) сделалась уже давно предметом изучения. Еще в 1738 г. Татищев подготовил к печати ее текст,¹ который был, однако, издан только в 1786 г.¹

Из особого предъизвещения к изданию текста можно установить взгляды Татищева на происхождение Краткой Правды.

Татищев разделил ее на две части: составление первой части, разделенной на 17 статей, им было приписано Ярославу (это так' называемая Древнейшая Правда), а второй части (35 статей)—его. сыновьям. Татищев высказал ряд интересных замечаний о происхождении Краткой Правды, которые впоследствии привлекали к себе внимание исследователей². Так, необходимо указать на его замечание о так называемом «Законе русском*», о котором упоминается в русско-византийских договорах. Он писал: "«Следовательно, сей закон тогда уже был...В нем цену или счисление достоинства.скотом имянуют,, что^ужеЛСГДО время СГлѣГбво"во употреблении не было;Ин^имяновали скурою и кожею. Следовательно, онТзадолго' до "Рюрика сочинен».

¹ Законы древние русские, для пользы всех лгобомудрых, собранные и несколько истолкованные тайным советником Васильем Тат;шссъ!м Г738 г. (Продолжение Древней Российской Вифли* фики, Чисть 1. СПб., 1786.)

² Там же, предъизв.щение, стр. I, 4 и ел.

По Татищеву, вторая часть, составленная сыновьями Ярослава на съезде в 1035 г., являлась дополнением к первой. Это дополнение он объяснял тем, что «деньги в достоинстве перед прежним умались».

Взгляды Татищева на происхождение Краткой Правды были подвергнуты оценке со стороны Карамзина¹. Он *оглядился* с утверждением Татищева о существовании законов Ярослава. «Еще в Олеговое время», — писал он, «Ярослав, может быть, отменил некоторые, исправил другие и первый издал законы на языке Славянском». Карамзин коснулся вопроса о том, являлась ли Краткая Правда памятником, имеющим общерусское значение. По его мнению, законы Ярослава «были государственными или общими, хотя древние списки их сохранились единственно в Новгороде и заключают в себе некоторые особенные или местные учреждения».

Другие положения Татищева о происхождении Краткой Правды встретили возражения со стороны Карамзина. Он, в частности, отмечает, что известий о съезде в 1035 г. нигде нет и, следовательно, Татищев несправедливо приписал вторую часть Краткой Правды детям Ярослава. Коснулся Карамзин и источников Краткой Правды. Являясь ярким норманистом, он обратил внимание на отмеченное еще в 1756 г. Струбе де Пьермонтом сходство статьи Краткой Правды о запрещении езды на чужом коне с ютландским законом. Хотя он и вынужден был признать, что ютландский закон не мог быть непосредственным источником Русской Правды, так как он новее закона Ярослава, но «сие сходство доказывает, что основанием того и другого был один древнейший закон Скандинавский или Немецкий».

Эверс, касаясь происхождения Краткой Правды, считает ее памятником, оставленным из двух частей —

¹ К. М. Карамзин и История государства Российского, т. II, СПб., 1892, стр. 30—44.

Правды Ярослава и Правды Ярославичей. Следуя Софийскому временнику, Эверс время происхождения («обнародования») Правды Ярослава относит к 1020 г. Правду Ярославичей он называет «другим собранием законов», составленным между 1054 и 1068 гг., в котором было распространено Ярославичами уложение их отца. Правда Ярослава, хотя она была дана непосредственно Новгороду, но получила силу закона и в остальных частях Киевского государства¹.

Взгляды следующего крупного исследователя Русской Правды — Тобиана в отношении Краткой Правды в основном примыкают к взглядам Татищева и Эверса. Он также делит Краткую Правду на два различных, разделенных особыми заглавиями свода законов, относя происхождение Древнейшей Правды к дохристианскому и даже к докняжескому периоду. Он считает, что Древнейшая Правда была издана не для одного Новгорода, а для всей Руси². «Только русина и славянина, или варяга или изгоя, но и колбягов, которые, по мнению Тобиана, жили на юге Руси».

Древнейшая Правда затем была дополнена сыновьями Ярослава в особой законодательной комиссии, где кроме трех князей сидели представители других князей, имена которых не были упомянуты, и представители других частей Киевского государства².

Н. В. Калачов³ издавая текст Русской Правды, затронул некоторые вопросы и ее происхождения. Он высказал положение, относившееся как к Краткой, так и к Пространной, которое, благодаря авторитету Калачова, как крупнейшего источниковеда и знатока текстов Русской Правды, было принято впоследствии многими исследователями и нанесло крупнейший вред дальнейшему изучению памятника. Он отрицая официальное происхождение Русской Правды, стал счи-

¹ И. Ф. Эверс, Древнейшее русское право в историческом его раскрытии, пер. И. Платонова, СПб., стр. 229, 358, 359, 369.

² T o b i e n, Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechts, стр. 119 — 121, 129.

тать ее сборником, составленным частными лицами и при том в разное время....." *

Естественно, что это положение Калачова не должно было остаться без возражений со стороны исследователей. Эти возражения с наибольшей силой и убедительностью выразил Ланге. автор специального исследования об уголовном праве русской Правды¹. Он указывает, что если бы Русская Правда была действительно частным сборником права, то тогда непонятно, почему ни наши летописцы, ни составители Кормчих не сохранили ни одного из подлинных документов, а записывали только частные Правды. Кроме того, он указывает, что у всех народов частные сборники появляются позже официальных. Словом, по Ланге, Правда в различных ее списках представляет копии с подлинных уставов уголовного и гражданского права князей Ярослава, Изяслава с братьями и Мономаха.

Ланге развивает мысли Татищева, Эверса, Тобина о составе Краткой Правды. Подобно этим исследователям он делит ее на две части. Первую часть он считает первоначальным уставом Ярослава, а вторую — дополнениями к нему, сделанными еще при его жизни. Во второй части Краткой Правды — дополнительном уставе Ярослава — Ланге различает три частных устава, к которым были присоединены еще три статьи².

Касаясь взаимоотношения между двумя частями Краткой Правды, Ланге писал: «Дополнительный устав, в отношении к первоначальному уставу, составлял законодательство новое, не исключавшее действия прежних постановлений, так что оба устава, взятые вместе, были в собственном смысле Правдой Ярослава»³. Затронул вопрос о Краткой Правде и Шоведн⁴. Он принадлежит к числу тех исследователей, которые

¹ Н. Ланге, Исследование об уголовном праве Русской Правды (Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, кн. I, III, V, VI, СПб., 1200—1861 гг.)

² Там же, стр. 25.

³ Там же, стр. 10.

* Н. Дювернуа, Источники права и суд в древней России, М., 1869.

считает Русскую Правду частным сборником права. Тем не менее в Штаттравде различают Правду Ярослава и Правду Ярославичей. Но в отличие от Татищева, Ланге и других он считает Краткую Правду единым литературным целым.

Дювернуа впервые в литературе, посвященной Русской Правде, отмечает некоторые отличия в общественных отношениях, которые выявляются в Правде Ярослава и Ярославичей. Эти отличия он видит в том, что в то время как Правда Ярослава имеет дело только с мужами — как свободными людьми, Правда Ярославичей наряду со свободными людьми вообще знает и княжих людей. Знает и отличает она княжих коней, княжую борть, княжих рабов. Хотя Дювернуа и считает Краткую Правду частным юридическим сборником, но тем не менее он признает, что источниками ее являются подлинные княжеские Уставы.

Таким преимущественно уставом, по Дювернуа, является Правда Ярославичей^{*}.

Краткая Правда была предметом внимания и Мрочек-Дроздовского, который как бы подвел итоги изучению этого памятника со времен Татищева. Так, он поддерживает взгляды тех исследователей, которые выделяют первые 17 статей Краткой Правды как особую Правду — Правду Ярослава. Во второй части Краткой Правды он различает первые 18—27 статей как принадлежащие самим Ярославичам, а остальные статьи он считает дополнениями к Правде Ярославичей. Краткая Правда как свод, по мнению Мрочек-Дроздовского, появилась не позднее конца XI в.¹

Близки к установившимся в то время в науке взглядам были взгляды Рожкова, который считал первые 17 статей Краткой Правды, а затем весь текст Правды общим названием: «Реххий чехверхи 3СГв. (1054—1073 гг.). Рожков»

¹ Н. Дювернуа, Источники права и суд в Древней России, стр. 71.

* П. Мрочек-Дроздовский, Исследования о Русской Правде, вып. II, М., 1885, прилож., стр. XXXVI.

рассматривает Краткую Правду с момента ее составления как единое литературное целое¹. Благодаря тому, что буржуазные исследователи конца XIX в. и начала XX в. не установили единого представления об общественно-экономическом строе Киевской Руси, то их взгляды на происхождение, источники и значение Русской Правды I редакции весьма сильно различались. С другой стороны, мы наблюдаем с их стороны погоню за особой оригинальностью взглядов, причем часто в жертву этой оригинальности

отдавались проверенные твердые факты, а иногда и здравый смысл. Среди этих взглядов надо прежде всего указать на взгляды Сергеевича, Ключевского,

Гетца, Максмейко и Стратонова.

Сергеевич, как было уже указано, решил вернуться к взгляду тех исследователей, которые считали, что — *двух различных памятников — Правды Ярослава и Правды Ярославичей*. Отсюда он стал считать эти две Правды разными редакциями (I—II). Главным доводом Сергеевича являлось указание на то, что летописец, переписывая текст Правды Ярославичей, нашел нужным отличить эту Правду не только красной буквой, но гонимой строкой и особой припиской в тексте²,

Русской Правде две лекции в «Курсе русской истории» (XIII—XIV). Он прежде всего остановился на вопросе, является ли Русская Правда официальным памятником права или частным юридическим сборником, и пришел к выводу, что Правды содержатся не, поданные слова законодателя; "Правда Ярослава" повествовал, рассказывавшему о том, что был составлен. Ключевский впервые в литературе, посвященной Русской Правде, поставил вопрос о среде, в которой возник данный памятник. Он обратил внимание на то; что в

¹ К. А. Рожков, Очерки юридического быта по Русской Правде, стр. 27 и 28.
² В. И. Сергеевич, Лекции и исследования, изд. 4-е, СПб., 1910, стр. 56—59.

ней не предусматривается очень важная черта древнерусского процесса — поле или судебный поединок. Он указывает, что поскольку русская церковь решительно выступала против этого вида судебных доказательств, то этот факт указывает на происхождение Русской Правды в церковной среде. По его мнению, является весьма показательным также и тот факт, что Русская Правда обычно помещалась в Сборниках, церковное происхождение которых вне сомнения, а именно в Кормчих и в Мерилах Праведных. Наконец, между статьями Русской Правды и статьями, помещаемыми в Кормчих и Мерилах Праведных, наблюдалась тесная связь. Текст Русской Правды, по мнению Ключевского, сложился в сфере не княжеского, а церковного суда, в среде церковной юрисдикции, нуждами и целями которой и руководился составитель Правды в своей работе. Соответственно с этим Русская Правда имела обязательственное действие только в одной части русского общества, в которой применялась церковная юрисдикция по нецерковным делам.

Что касается времени происхождения Краткой Правды, то, по Ключевскому, подвергнутому рассмотрению денежный счет ее статей, она возникла не позднее начала XII в. Ее источниками были «Закон русский», т. е. право городской Руси, сложившееся из разнообразных элементов в IX—X вв., княжеское законодательство и некоторые статьи церковно-византийского происхождения¹.

После Ключевского вопрос о Русской Правде и, в частности, Краткой Правде сделал предметом своего исследования Гетц. Он принял за основу взгляды Сергеевича о том, что Правда состоит из двух самостоятельных частей. Первая часть, или I редакция, это "древнейшая Правда; по мнению Гетца, она воспроизводит правовое состояние и степень судебной организации, господствовавшей в России до Владимира. Одной из основных черт этой Правды

¹ В. Ключевский, Курс русской истории, ч. 1, стр. 268 и ел.
L. K-Oetz, Das russische Recht, Bd. 1—IV, 1910—1914.
8 L. K-Oetz, Указ. соч., Bd. I, s. 276.

Гетц считает то, что князь здесь поставлен на второй план. По Гетцу, Древнейшая Правда содержит право восточных славян, существовавшее до Владимира. Он считает ее частным, неофициальным сборником права, возникшим, вероятно, в Киеве. Что касается II редакции Русской Правды (т. е. второй части Краткой Правды), то временем происхождения ее он считает княжение Ярослава. По его мнению, заголовок второй части о съезде Ярославичей есть позднейшее припоминание. И вторая редакция является частным, неофициальным сборником права, возникшим, по Гетцу, также в Киеве. Гетц видит серьезные различия между нормами I и II редакции. Основными источниками II редакции является не обычное право восточного славянства, как в I редакции, а законодательная и судебная деятельность князей — Владимира и Ярослава.

Цель составления второй части Краткой Правды — II редакции, по Гетцу, — это составление руководства для практического применения судьями.

Работа Гетца о Русской Правде была написана на весьма узкой историко-юридической базе. Гетц не произвел исследования текста отдельных редакций. Читатель часто убеждается, что Гетц исходит не из текста Русской Правды, а из своих заранее сложившихся представлений о нем и затем подгоняет этот текст к этим построениям.

Утверждения же Гетца о германских источниках Русской Правды являются голословными. Общие выводы Гетца о происхождении Русской Правды встретили серьезную критику со стороны русских исследователей, в частности Максимейко, который специально останавливается на Краткой Правде¹. Д. Взгляды Максимейко весьма оригинальны и никем после него не защищались.

Подобно всем предыдущим исследователям Максимейко различает в Краткой Правде две части: пер-
jtyro_3a.CTb_0H считает памятником новгородского jijaBa, вторую же 75тшсит~ к-числу~пашпш^

¹ Н. А. Максимейко, Опыт критического исследования Русской Правды, вып. I, Харьков, 1914.

ших .в .Киевской Руси. Особенностью построения Максимейко является то, что первая часть Краткой Правды является памятником новгородского права, а вторая — памятником киевского, но тем не менее в целом она представляет собой сборник, обе части которого составлены одновременно одним и тем же лицом. Максимейко в доказательство этого положения ссылается на одинаковость системы изложения и на однородность стиля всей Краткой Правды. Составитель Краткой Правды является новгородцем, поскольку Новгородская Правда положена в основу сборника и стоит на первом месте, тогда как Киевская Правда следует за ней в качестве дополнительной части¹.

Другим весьма оригинальным положением Максимейко является указание на прямое влияние римского (а не византийского) «Юстиниановского» законодательства («свободного от примесей и сокращений») на Краткую Правду². В доказательство этого Максимейко в специальной и притом обширной главе (4-й) сопоставляет тексты из *Corpus juris civilis* и Краткой Правды.

Обратимся к обзору взглядов о Краткой Правде советских исследователей.

Здесь большое принципиальное значение имеет/ взгляд Б. Д. Грекова³.

Он прежде всего указывает, что В. О. Ключевский и М. Н. Покровский без всяких к тому оснований считали, что в городах, писаны для горожан и деревней якобы М инте|гееуются.; Помнению Б. Д. Грекова, содержание Правды опровергает это положение. Так же неосновательным он считает мнение Ключевского о том, будто Русская Правда вышла из церковных кругов, -

По мнению Б. Д. Грекова, Правда Ярослава представляет древнейший текст записанного русского права. Некоторые исследователи считают, что в основе Правды Ярослава лежит еще более древняя Правда:

¹ Н. А. Максимейко, Опыт критического исследования Русской Правды, стр. 71—72. ² Там же, стр. 114. ³ См. «История СССР», Госиздат, т. I, 1948, стр. 63.

намок на нее видят в ссылке, имеющейся в договоре Руси с Византией в 911 г., на Закон русский.

Другие исследователи полагают, что под Законом русским надо понимать не писанное, а народное право славян. В обоих случаях корни Русской Правды следует искать в эпоху, предшествующую XI в.

Касаясь Правды Ярославичей, Б. Д. Греков полагает, что совещание, на котором присутствовали сыновья Ярослава и их дружинники и на котором была издана эта Правда, происходило «по Ярославе», т. е. между 1054 г. и 1073 г., когда совместная деятельность трех князей прекратилась.

Правда Ярославичей дает материал для изучения различных сторон общественной жизни XI в., а отчасти и более раннего времени. На основании ее можно составить ясное представление о крупной вотчине XI в.

Поскольку работа Стратонова была уже предметом нашего исследования, то обратимся к обзору взглядов И. И. Яковкина, который вслед за Стратоновым [Яковкин, 1922, с. 1016], отвергнутый в исторической литературе.

Так как взгляд о Правде Ярослава как уставной грамоте, близкой к уставным грамотам Московского княжества в конце XIV и в XV—XVI вв., не находил сторонников, то им были сделаны попытки иначе объяснить характер этой Правды и условия ее появления.

«Видеть следы этой грамоты в Русской Правде исследователям мешает главным образом то соображение, что последняя не похожа на льготную грамоту, но весь вопрос в том, каких льгот от князя могли ожидать для себя новгородцы в обстановке, сложившейся в это время в Новгороде при князе Ярославе, т. е. в 1015 г.»¹

Летопись повествует, что, избив на Парамоновой дворе варягов-наильников, новгородцы жестоко затем поплавились: Ярослав избил виновников избиения. Тревожные вести из Киева о смерти отца и убийстве братьев заставили, однако, его мириться; ему при-

¹ И. И. Яковкин, Договор как нормативный факт в древнем праве. Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову, П., 1922.

шло завтра же собрать в поле вече и уговорить новгородцев принять решение о походе против Святополка.

«Очевидно, что на этом вече между князем и новгородцами состоялось соглашение, и вполне естественно, кажется, предположить, что таковое имело целью устранить в будущем кровавые эксцессы с обеих сторон, подобные только что происшедшим. Для этого необходимо было, во-первых, признать за новгородцами право привычным для них образом реагировать на неправомерные действия со стороны членов княжой организации, а во-вторых, охранить интересы этой организации в случаях тех или иных посягательств на жизнь, личность, честь ее членов, а также на ее имущество».

«С кем же мог заключить Ярослав подобного рода соглашение?»—спрашивает И. И. Яковкин. Он, ссылаясь на мнение А. Е. Преснякова, утверждает, что избиение варягов было делом не земской общины, а княжих мужей, которые вели местную политику и боролись против преобладания пришлых людей. Ясно, что при таких условиях буйная реакция Ярослава на убийство варягов являлась не чем иным, как только проявлением власти главы княжого дома над провинившимися дружинниками.

«Осевшая в Новгороде княжая организация решила, повидимому, отделиться от дома князя и добилась от Ярослава признания ее самостоятельной общиной, стоявшею вне сферы домашней власти князя. Единый до того княжон дом дробился теперь на две части, выделил новую общественную ячейку — Новгородскую общину, но тотчас же счел необходимым обеспечить свою безопасность и свои выгоды и выговорил право мести в ограниченных размерах, а самое главное — денежные штрафы за преступления, совершенные против его членов членами общины. Таким образом, формулируя кратко, мы могли бы сказать, что содержанием договора между Ярославом и новгородцами было отмежевание последних от состава княжого двора и за-щита членов такового».

¹ И. И. Яковкин, Договор как нормативный факт в древнем праве, стр. 22.

Переходим к обзору взглядов М. Н. Тихомирова о происхождении, источниках и значении Краткой правды, который в своем исследовании уже мог обобщить обширную литературу и использовать издания текста Русской Правды двух Академий. Особенностью исследования М. Н. Тихомирова является то, что он связывает с общественно-экономическим, политическим и правовым развитием Киевской Руси. Он рассматривает Русскую Правду не как источник права, а как обыкновенный памятник письменности. Поэтому его исследование является не историко-юридическим исследованием, а археографическим. Больше того, в своем исследовании он не касается многих сторон политического и правового развития Киевской Руси, которые затрагивали до него многие досоветские исследователи. М. Н. Тихомиров посвящает Краткой Правде шесть глав своего исследования (4—9). Вначале он говорит о Краткой Правде в составе Новгородской 1-й летописи; затем останавливается на вопросе о составных частях Краткой Правды, причем делит ее на Древнейшую Правду, Правду Ярославичей, Покоя вирный.

Древнейшая Правда, официальное происхождение которой признается М. Н. Тихомировым, возникла в Новгороде в 1035—1036 г.¹ Источником ее является новгородское обычное право и некоторые статьи Закона Судного людем. Правда Ярославичей была составлена после событий 1068 г. на совещании князей и их ближайших слуг в Вышгороде в 1072 г. Она, не будучи уставом в нашем смысле слова, а являясь специальным установлением, должна была установить порядок, нарушенный этими событиями².

М. Н. Тихомиров, кроме собственно Правды Ярославичей, различает дополнительные статьи к Правде Ярославичей. По его мнению, эти дополнения могли возникнуть в Новгороде не ранее последней четверти XI в.

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 56.

■ Там же, стр. 65.

Покою вирный, по М. Н. Тихомирову, является самой поздней частью Краткой Правды. По своему характеру он примыкает к дополнительным статьям, приписанным к Правде Ярославичей. Он возник в церковных кругах и первоначально представлял собой устав для какой-то определенной церковной вотчины.

Что же касается Урока мостником, то М. Н. Тихомиров не указывает времени его происхождения. Однако он настаивает на новгородском происхождении этого урока и считает его первой «записью» о стоимости городень моста. Кто сделал эту запись,—М. Н. Тихомиров умалчивает. Так как он постоянно связывает происхождение Урока мостником с Поконом вирным, то можно полагать, что эта «запись» возникла первоначально в церковной среде.

М. Н. Тихомиров, установив происхождение отдельных частей Краткой Правды, переходит затем к происхождению всего этого памятника. Он решительно настаивает на новгородском его происхождении. Он приводит ряд данных, по которым время составления Краткой Правды можно отнести ко времени князя Всеволода. «Краткая Правда должна была явиться сборником гражданских законов Новгорода, подобно тому, как другие грамоты Всеволода определяли права церкви (св. Софии) и купечества»¹.

Вопроса о происхождении Правды Ярослава коснулся попутно в своей работе «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» в разделе «Ярославовы грамоты» и в формуляре новгородских договоров с великими князьями XIII—XV вв. и Л. В. Черепнин.

Л¹ ^Це^ешщн д1Сходит из представления, что П р^вдаЯросл ава.состоит из 17 (по Академическому изданию — 18) статей Краткой Правды. Далее, он присоединяется к мысли ряда исследователей о том, что в грамоте, выданной Ярославом новгородцам в 1016 г., даны эти 17 статей. Иными словами, Л. В. Черепнин считает, что j<ojjia-в.некшлр!x,,схшыках₁ Новгородской I летописц_. (Академическом и Комиссион-

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр.

ном) было сказано: «И дав им Правду и устав списав, тако рекши им: по сей грамоте ходите, якоже списах ,вд\$» тако >ке держите», тр ^£ШВД£1^и Устав были идентичными первой части каткой "Правды/ ~...~.."" " " "" -..... ~\~_~_~_""

Как известно, это утверждение не является новым, Его защищали и И. А. Стратонов^и И. И. Яковкин. Но Л. В. Черепнин по-новому освещает Обстановку и условия выдачи в 1016 г. грамоты и устава, т. е. так называемой Правды Ярослава.

Если до сего времени исследователи объясняли дарование Правды стремлением князя Ярослава отблагодарить новгородцев за помощь, которую они оказали ему в борьбе с его противниками, то Л. В. Черепнин высказывает совершенно новые предположения о мотивах дарования этой грамоты — Древнейшей Правды. Он отмечает, что при Ярославе, который был вынужден готовиться к войне со своим отцом князем Владимиром и нанять отряд варяжских войск, насилия варягов вызвали восстание новгородцев, в результате которого они были избиты. Ярослав отомстил восставшим («собрав-вои славны тясашу и обольстив их, иссече, иже бяху варяги иссекле, а друзии бежаша из града» — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 75). Но когда новгородцы тем не менее оказали ему помощь в дальнейшей борьбе Ярослава со Свято-полком и Ярослав в конце концов его победил, то он решил наградить их деньгами («нача все свое делити старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородь-чем по 10 всем.)). Но, как думает Л. В. Черепнин, новгородцы ждали от Ярослава не только денежной награды, но и определенного политического акта, гарантирующего их права во взаимоотношениях с пришлым элементом. Этим актом и является Правда Ярослава. ((Возникшая-под влиянием серьезных волнений в Новгороде в 1016 г., Правда Ярослава ставит своей задачей тщательную и заботливую защиту местного населения от вооруженных варяжских дружин. Юридическая нормировка взаимоотношений между двумя мирами, местным и пришлым, придает Правде Ярослава характер договора, по которому в результате ограничения

самоуправства вооруженной. корпорации варяжской дружины должны были получить гарантию местных интересов»¹.

Обзор, п&сбъя^ценный литератур_e о^Крдткор Пряпл^,

чительное]разнообразие взглядов по ШШШ^ШШМЖЩ^ n^Щ^Шm^m^Ш^ШШП^ ^е Уточником признается то скандинавское, то римское, то византийское, то еврейское, то русское право. Говоря о русском праве, имеют в виду то княжеское законодательство, то обычное право, то «обобщение» норм русского права.

Разные взгляды существуют в отношении пространства действия норм Краткой Правды. Одни считают Краткую Правду областным, новгородским правом, другие, наоборот, — общерусским. Одни считают Краткую Правду официальным памятником права, другие — частным сборником, третьи — частным сборником, составленным из официальных источников — княжеских законов и судебных решений.

Разнообразны мнения и о составе Русской Правды. Одни в Краткой Правде различают две совершенно самостоятельные части — Правду Ярослава и Правду Ярославичей, которые только механически были соединены летописцем. Некоторые, как Сергеевич и Гетц, считают эти две части даже отдельными редакциями (I и II). Другие признают Краткую Правду единым литературным целым, но состоящим из разных частей (двух, трех, четырех, пяти).

Разнообразны мнения^ о мрете и времени прожжождени7ГKa1C-вее*^p5ткой Правды, так и отдельных ее источников. Так, одни считают, что Краткая Правда возникла в Новгороде, другие—уВ Киеве. Одни считают—ч что Краткая Правда возникла^во времена Ярослава.C^ \ другие — между. 1054—1072 гг. третьи—в последней чет-/ф верти XI в.,#яетвертые — впервой четверти XII в.?*-и пятые — в княжение в Новгороде Всеволода Мстисла- _^ вича.

¹ Л. В. Черепнин. Русские феодальны¹ архивы XV-XVBB., ;тр. 245.

§ 2. Основные моменты в развитии русского права IX—X вв.

В досоветской исторической литературе, как известно, господствовали норманистические теории происхождения русского государства и права.

Буржуазные историки целиком, без всяких критических замечаний приняли схему происхождения русского государства, которая дана киевскими летописцами в Повести временных лет, а затем была горячо поддержана немецкими историками, приглашенными в XVIII в. для работы в Академии Наук. Целые поколения историков доказывали полное соответствие историческим фактам рассказа летописи об образовании русского государства. Так называемое «призвание варягов» было признано начальным моментом русской истории. Всякие попытки подвергнуть критике норманистические представления о происхождении русского государства решительно отвергались как ненаучные. Но норманизм не только predetermined взгляды русских историков на происхождение Руси, как одного из варяжских племен, и на происхождение русского государства—как на результат призвания трех варяжских (русских) князей, но и вообще всю концепцию русской истории с древнейшего времени. Норманисты прежде всего всячески покровительствовали тем исследователям, которые доказывали пришлое происхождение племен восточного славянства. Недаром норманист Ключевский создал теорию, по которой прародина славян находилась на Карпатах, а другой норманист — Шахматов создал теорию о привисленской прародине славян. Норманисты, считая восточных славян пришлым народом, не имевшим прочных связей с культурными центрами восточной Европы, находившимися в низовьях Волги, в Северном Кавказе, в Приазовье, в Крыму и на северном черноморском побережье, естественно, создавали теории о весьма низком уровне общественно-экономического развития славянства. Так, норманист Соловьев довел до своего логического конца теорию родового быта. По этой теории возникновение русской государственности отодвигалось на вторую половину

XII в., а окончательное утверждение государственных начал — на вторую половину XVI в.

Сменившая теорию родового быта так называемая задружная теория, разработанная Леонтовичем, не могла содействовать развитию представлений о более высоком общественно-экономическом уровне восточного славянства VII—XII в.

Утверждение взглядов о примитивном характере общественно-экономического строя у восточного славянства содействовало распространению мнения о том, что восточное славянство не было земледельческим пародом вплоть до окончательного распада Киевской Руси. В. О. Ключевский писал, например, что только после колонизации в ростово-суздальский край восточное славянства, которое ранее занималось охотой, рыбоводством, пчеловодством и другими лесными промыслами, вынуждено было в невыгодных условиях (на суглинке вместо чернозема) заниматься земледелием.

Историки, которые осмеливались утверждать, что восточное славянство было земледельческим народом, насчитывались единицами, да и те говорили, как, например, М. Н. Покровский, о низком уровне земледельческой техники («мотыжное земледелие»).

Одним из крупнейших достижений советской исторической науки последних лет было решительное преодоление норманизма и всех частных выводов, которые вытекали из норманизма.

В результате работ Н. Я. Матра и его продолжателей— акад. Н. С. Державина, А. Д. Удальцова — доказано, что восточное славянство было коренным народом Восточной Европы, что оно органически было связано с комплексом народов, обитавших в Скифии и затем в Сарматии. Славная плеяда советских археологов — В. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, А. В. Арциховский и др.— много сделала для того, чтобы уяснить уровень общественно-экономического развития восточного славянства до образования Киевского государства.

Нами в тесном содружестве с акад. Б. Д. Грековым были выяснены предпосылки и условия возникновения Киевского государства. Нами было доказано, что задолго до его образования восточное славянство перешло

уже к классовому обществу. Соседская община, которая была господствующей общественно-экономической единицей у восточного славянства, уже давно стала подвергаться разложению. Восточное славянство давно, еще со времен скифов-земледельцев и скифов-пахарей, было земледельческим народом с более или менее развитой пашенной техникой. В результате разложения первобытно-общинного строя возникли первые классы — рабов и рабовладельцев. Но наряду с этим стали развиваться классы феодалов и феодально-зависимого сельского населения. Возникают предпосылки для образования дофеодального, варварского государства, основные черты которого нами были выяснены в ряде работ². Изучение условий в обстановке перехода от первобытно-общинного строя к феодальному государству дает нам возможность установить ряд весьма интересных закономерностей. Переход к феодальному обществу и к государству, начальной стадией которого является варварское государство, связан с разложением племенных отношений и с возникновением особой народности. Эта народность эпохи возникновения феодализма различается от народности, возникающей в эпоху возникновения централизованного государства. Несомненно, в этой народности эпохи возникновения феодального общества менее прочна экономическая общность (неоднородность общественно-экономического развития), общность языка (наличие племенных наречий) и общность психического склада.

Но самое главное, эта народность образуется в данную эпоху в результате выделения отдельными племенами особых социальных групп, включающих в свой состав все те элементы, которые выделяются в процессе разложения первобытно-общинного строя. Эти группы включают родо-племенную знать, купцов и ремесленников, которым нечего делать в недрах общин, земледельцев, потерявших по каким-либо причинам орудия производства и землю, а также беглых рабов. Эти социальные группы оседают в городах, которые распо-

¹ С. В. Юшков, К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве (Вопросы истории, 1946, № 27); История государства и права СССР, ч. I, М., 1947, и др.

лагаются по основным торговым путям (на Руси эти основные торговые пути шли по крупным рекам — Днепру, Десне, Ловати, Волхову, Полотуит. д.). Эти социальные группы носят межплеменной характер. Язык этих групп начинает различаться от племенных наречий. Он делается несравненно более сложным по своему строению, с более обширным словарным материалом. В городах, населенных элементами, принадлежащими к этим социальным группам, возникает своя культура — духовная и материальная, несравненно более высокая, нежели культура того или иного племени. Эти социальные группы являются в первую очередь очагами развивающегося классового общества. Родо-племенная знать состоит из рабовладельцев и одновременно из феодалов. В городах находится большое число рабов. Там создаются первые центры начинающей развиваться «варварской» государственности. Социальные группы, оседающие в городах, эксплуатируют массы первобытных общинников, взимая с них дань методами, мало отличающимися от простого грабежа. Недаром выражение «примучивать дань» является общепринятым в среде восточного славянства. Примучивая дань, эти социальные группы, осевшие в городах, перепродают ее соседним государствам. Внешняя торговля развивается. Являясь участниками в эксплуатации окружающих свободных общинников, говоря на особом языке, являясь носителями более высокой, городской и притом межплеменной культуры, представители этих социальных групп начинают получать особое название, отличное от названия какого-либо племени. У восточного славянства эти социальные группы уже издавна носят название русь¹.

Поскольку процесс разложения первобытно-общинного строя идет повсюду, повсюду же зарождаются и оседают группы руси. Как известно, русь возникает не только в основных центрах — восточного славян-

¹ Взгляд на Русь, как на первоначально социальную группу, признается теперь рядом историков (Л. С. Тивериадский, К вопросу о происхождении Руси. Исторические записки, т. 13-проф. В. В. Мавродин, Образование древне-русского государства, Л., 1945, стр. 387—388).

ства, но и на окраинах: в Карпатах (Карпатская Русь), в Прикарпатье; (Червонная Русь) а даже на побережье Азовского моря (Тмутараканская Русь).

Когда вызревают предпосылки образования государств на Территории восточного славянства, то организуют эти государства очаги классового общества — наиболее крупные центры руси. Возникают первые русские варварские государства. Арабские писатели сообщают нам о трех таких государствах — Славин, Куябе, Арсании (Артаии). Большинство исследователей под Славней понимает центр поселений Ильменских славян — В. Новгород, под Куябой — Киев, а под Арсанией или Артанией — Тмутаракань.

Возникновение первых русских государств вызывает возникновение и русского права. Подобно тому, как не было и не могло быть государств, которым было бы усвоено название какого-либо племени (Полянского государства, Северянского государства), так и возникающее в этих государствах право не могло быть называемо, например, Полянским правом, древлянским и пр. Право возникло в основных центрах Руси. Оно должно было защищать интересы представителей господствующих классов и, следовательно, должно было называться русским правом.

Нами во многих работах были приведены доказательства славянского происхождения руси и одновременно с этим подвергнуты решительной критике доводы норманистов^х. Нет особого смысла в специальной работе еще раз пересматривать вопрос о происхождении руси. Попыткам Н.Тихомирова² обосновать и укрепить взгляды, отождествлявшие русь с полянами, противоречит прямым свидетельствам арабских писателей о том, что Черное море было русским морем и что по нему могли плавать только русские купцы. От земли полян, центром которой был Киев, Черное море отстояло в тысяче километров. Известно также, с какими трудностями жителям Киева приходилось проплывать днепровские пороги, а затем проходить при-

¹ К вопросу о происхождении Русского государства («Учетные записки» Моск. Юрид. Ин-та, 1940, т. II).³ «Советская этнография», 1947, № 3.

черноморские степи даже в X в. как об этом свидетельствует Константин Багрянородный. Едва ли в этих условиях поляне «русь» могли так прочно обосноваться на Черном море, что оно стало называться их именем у арабских писателей.

Процесс образования особой народности в период складывания феодального общества путем выделения из отдельных племен особой социальной группы, как и следовало ожидать, вовсе не является особенностью общественно-экономического развития восточного славянства. Теперь можно с уверенностью утверждать, что через этот путь прошли если не все народы, то во всяком случае многие. Такой социальной группой первоначально были франки, бургунды, варяги, тюрки¹.

После того как эти социальные группы организовывали государство, название, которое они носили (в данном случае — русь), стало приобретать политическое значение, а затем оно стало присваиваться всему населению (племенные названия стали забываться), т. е. оно стало приобретать этнический характер. Нами был поставлен вопрос о более раннем возникновении государственности у восточного славянства, чем это обыкновенно признается в исторической литературе. Мы считаем, что начало этой государственности надо отнести ко временам антов⁴. В настоящее время, однако, большинство советских историков разделяет мнение акад. Б. Д. Грекова о начале государственности у восточного славянства со времени образования политического союза на Карпатах.

Одним из серьезных достижений советской исторической науки является установление истинного значения образования Киевского государства в истории общественно-экономического и политического строя восточного славянства. Поскольку было установлено, что развитие государственности у восточного славянства началось уже давно и что до Киевского государства

¹ См. Л. С. Тигериадский, К вопросу о происхождении Руси, «Исторические записки», т. XIII.

² С. Б. Юшков, История государства и права СССР, ч. 1, М., 1947, I-III. Г!)—60.

существовал ряд русских государств (Новгородское, Волынское, Полоцкое и др.), то возникновение Киевского государства является не началом возникновения русской государственности, а завершением определенного этапа в ее развитии. В результате образования Киевского государства существовавшие до сего времени русские государства были объединены. Основной причиной образования Киевского государства является дальнейшее экономическое развитие государств и племен восточного славянства, усиление процесса разложения первобытно-общинного строя, рост значения феодального уклада в системе производственных отношений, развитие внутренних и внешних связей, что выразилось в создании мировой торговой артерии — великого пути «из варяг в греки». Этот путь и сделался стержнем Киевского государства. Но если мы имеем ряд весьма крупных достижений в решении проблемы происхождения Руси и Киевского государства, то этого мы не можем сказать в отношении вопроса о развитии русского права. Советские историки уделяли сравнительно слабое внимание этому вопросу. До сих пор не сделано надлежащих выводов из фактов, свидетельствующих о высоком уровне общественно-экономического развития. Еще полностью не преодолены взгляды прежних историков о существовании кровной досудебной мести вплоть до второго съезда Ярославичей. Совершенно не разработаны такие категории, как феодальная собственность. Брачно-семейные отношения восточного славянства представляются историкам примитивными, так как сообщения начальной летописи о том, что славянские племена, кроме полян, жили «зверинским образом», как общее правило, не подвергались критике.

Мы считаем, что основной текущей задачей советских историков и историков права является преодоление взглядов о весьма низком уровне правового развития восточного славянства в IX—XI веках.

Для этого у нас имеются твердые данные. Дело в том, что и ранее в исторической и историко-юридической науках была известна система правовых норм IX—XI вв.

—так называемый Закон русский,—которая противопоставлялась системе византийского права по русско-византийским договорам. Но поскольку название «русский» отождествлялось с названием варяжский — скандинавский, норманский, — то под Законом русским понималось скандинавское право. Соответственно с этим большинство историков и историков права считало, что русско-византийские договоры содержат нормы византийского и скандинавского права. Но, даже понимая под Законом русским систему скандинавского права, ряд историков, как например Сергеевич, настаивали на преимущественном значении византийского права перед русским (нормано-скандинавским) в русско-византийских договорах. «Значение договоров с греками, как источников нашего права, сводится, следовательно, к тому, что они дают нам право, проникнутое греческими понятиями», — писал Сергеевич¹.

Нами ныне доказано, что русью являлись те социальные группы, которые возникли в результате разложения первобытно-общинного строя восточного славянства и осели в городах, то ясно, что Закон русский — это нормы права, возникшие в основных центрах руси, очагах классового общества, — это система русского права.

Анализируя русско-византийские договоры, нетрудно прийти к выводу, что ни о каком господстве норм византийского права не может быть и речи. В русско-византийских договорах или дается так называемое договорное право, на основе компромисса между русским и византийским правом (типичным примером является норма об убийстве), или проводятся принципы русского права—Закона русского, как это мы наблюдаем в норме об ударах мечом или в норме о краже имущества. Русско-византийские договоры свидетельствуют и о достаточно высоком развитии наследственного права на Руси. Так, наследство руссов, находившихся на службе у византийского императора, могло передаваться не только только нисходящим родственникам, но, и боковым («малым ближикам»).

В. И. Сергеевич, Лекции и исследования, стр. 653,

Историки и историки права до сих пор недостаточно вникли в существо брачно-семейных отношений, которые описываются начальной летописью. Нам известно, какой целью руководился летописец, когда он не жалел красок при описании «зверинских» обычаев ряда славянских племен — древлян, северян, дреговичей, радимичей. Ему надо было противопоставить эти обычаи полянам, на земле которых возникла «мать городов русских» — Киев, а, с другой стороны, показать, какое значение имело принятие христианства в деле искоренения этих обычаев. Но достаточно внимательно вчитаться в описания этих «зверинских» обычаев, чтобы понять, что дело идет не о беспорядочных половых связях, а об определенных обрядах при заключении брака. Так, брак заключается «у воды», т. е. в обрядах заключения брака имеет значение вода. Конечно, эти обряды противопоставались «венчанию» по обрядам христианской религии. Но делать отсюда вывод о том, что брак не существовал у древлян, северян и пр., — это значит приписывать восточному славянству необычайно низкий уровень развития.

Для того, чтобы выявить уровень правового развития восточного славянства, необходимо остановиться на уголовном праве.

Киевское государство в IX—X вв. представляло собой варварское, дофеодалное государство. Нами в ряде прежних работ были установлены черты этого государства, в частности, государственное устройство, высшие и местные органы власти. Но вопрос об основных чертах варварского права, феодального государства остается до сих пор открытым. Однако наличие большого количества так называемых «варварских правд», а также изучение правовых норм кавказских и центрально-азиатских народов в период варварской государственности позволяют нам установить если не всю систему Права этого периода, то во всяком случае основные институты уголовного и процессуального права.

Анализируя так называемые «варварские правды», мы должны прийти к выводу, что основной чертой уголовного права в период варварского государства является замена кровной мести выкупом, взимавшимся госу-

дарственной властью, и затем вознаграждением, шедшим пострадавшему. Поскольку в варварском государстве все более и более растет значение феодального уклада, начинают развиваться элементы феодального права, выразившиеся в том, что жизнь, честь и имущество феодалов защищается усиленными карами по сравнению со свободными людьми и, в особенности, с полусвободными людьми или рабами.

Уголовное право Салической или Рипуарской Правды является яркой иллюстрацией этого положения. Нет никакого сомнения в том, что и в Киевском дофеодалном государстве кровная месть была заменена выкупом—вирой, шедшей князю или княжеской администрации, и вознаграждением, шедшим пострадавшим, — головщиной.

В уголовном праве Киевского государства IX—X вв. развивается система уголовных штрафов за другие виды уголовных преступлений, шедших князю, и вознаграждений, шедших пострадавшим (впоследствии в русском праве эти уголовные штрафы назывались продажами, а вознаграждение, шедшее пострадавшим — уроком).

Процессуальное право в период варварского государства характеризовалось господством состязательного процесса и весьма крупным значением ордалий — «судов божиев».

Что система русского права (Закона русского) характеризовалась именно этими чертами, доказывает тем, что по русско-византийским договорам за удар мечом взыскивалось пять литров серебра («по Закону русскому»), т. е. взыскивалось денежное взыскание, которое потом в XI в. называлось продажей.

Что в X в. кровная месть была заменена денежным взысканием — вирой, достаточно ясно рассказывает начальная летопись. Мы имеем в виду ее сообщение о замене вир смертной казнью и о последующем возвращении к вирам при князе Владимире Святославиче.

Как известно, летопись под 996 г. передала следующее сообщение: «Живяше же Володимир в страхе Божий, и умножишася зело разбоеве, и реша епископи Володнмеру: «Се умножишася разбойницы; почто не

казниши их?» Он же рече им: боюся греха. Они же рѣша ему: «ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милованое; достоить же казнити разбойника, но со испытаном». Володимер же отверг виры, нача казнити разбойников и рѣша епископи и старци: «рать многа; оже вира, то на оружии и на конях буди». И рѣша Володимер: «Тако буди», и живяше Володимер по устроению отчю и дедню».

Этот рассказ первоначальной летописи не являлся, как общее правило, предметом подробного рассмотрения со стороны историков и историков русского права. Многие историки права, которые настаивали на том, что замена кровной мести вирой произошла при Ярославе в результате издания им так называемой Правды Ярослава, считали этот рассказ недостоверным. Но поскольку мы теперь знаем, что уровень правового развития на Руси IX—X вв. был достаточно высок, никаких сомнений в достоверности его быть не может. Какой смысл было летописцу выдумывать факт существования при Владимире вир, замены этих вир смертной казнью, благодаря участвовавшим разбоям, и последующее возвращение к вирам, очевидно, благодаря резкому уменьшению княжеских доходов,

Чего достигал летописец, выдумывая эти факты? Хотел ли он показать, что Владимир слушал советов епископов? Но можно было избрать другой, более показательный случай этого послушания, чем вмешательство епископов в дело наказания разбойников. Ведь из этого рассказа вытекает, что инициатива введения жестоких наказаний принадлежала епископам. Хотел ли летописец, рассказывая об этом, показать государственную мудрость высшего духовенства? Но можно было привести несомненно более удачные примеры, Дело в том, что совет оказался неудачным по финансовым соображениям; его пришлось отменить. Может быть, летописец хотел показать государственную мудрость князя Владимира? Но из этого рассказа видно, что Владимир не проявил устойчивости взглядов и поспешно менял решения под воздействием духовенства.

Словом, рассказ летописи не вызывает, по нашему мнению, сомнений в своей достоверности. Вира как уголовный штраф, идущий князю, существовала при Владимире, в частности, в конце X века.

§ 3. Возникновение Древнейшей Правды

1. Общественно-экономическая и политическая обстановка в первой половине XI в.

Итак, нами установлено, что уровень правового развития Руси был, как и следовало ожидать, достаточно высок в Киевском дофеодальном государстве. В других наших работах мы старались показать, что в княжение Владимира и Ярослава произошли те серьезные изменения в общественно-экономическом и политическом строе, которые характерны для превращения дофеодального государства в феодальное. В XI в. процесс отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства стал более интенсивным, распространившись уже не только на земли полян, северян, но и на земли других славянских племен. Все более и более росла и ширилась внутренняя торговля, увеличивалось число городов. Процесс разложения первобытной общины, начавшийся у восточного славянства уже давно, продолжал все более и более усиливаться. Усиливался рост крупного феодального землевладения. Свободные общинники и вообще свободные производители постепенно превращались в феодально-зависимое и крепостное население. Феодальный способ производства, существовавший в дофеодальный период Киевского государства, превратился в господствующий. Оформился феодальный строй, при котором, как указывал товарищ Сталин, «... основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства,— крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить»¹.

¹ История ВКП(о), Краткий курс, Госполитиздат, 1938, стр. 120.

Нами в специальных работах;¹ было установлено, что в XI в. наблюдался интенсивный рост княжеских земельных владений, княжеского домена. Захватывая большие земельные пространства, князья создавали там центры своего феодального владения, так называемые села и города-замки. Основными способами образования княжеского домена были экспроприация общинных земель и захват никем не занятых пустошей. Но наряду с этими способами необходимо указать на постепенное втягивание в систему домена, феодала владения крупных владений, возникших внутри разлагавшихся сельских общин, путем превращения землевладельцев в княжеских вассалов, а общинников — в феодально-зависимое сельское население.

С момента принятия христианства начало развиваться церковное землевладение. Подобно князьям, церковные учреждения — митрополичьи и епископские кафедры и монастыри — экспроприировали земли и занимали пустоши. Наряду с этим церковное землевладение развивалось и благодаря пожертвованиям князей и бояр, а также благодаря покупке и мене.

С XI в. стало усиленно развиваться и боярское землевладение. Боярство имеет два источника своего происхождения: с одной стороны, боярами становятся княжеские дружинники, осевшие на земле; с другой стороны, в бояр превращаются местные землевладельцы, возникшие внутри разлагавшихся сельских общин и вошедшие в состав княжеского вассалитета'. Превращаясь в вассалов, обе группы не только получали от князей села, но и сами экспроприировали земли общинников и захватывали пустоши. Словом, возникает феодальная поземельная собственность. По мере роста крупного, феодального землевладения, с XI в. все более и более развиваются формы феодальной эксплуатации. Источники происхождения этой эксплуатации многочисленны и разнообразны. Феодально-зависи-

мое население растет все более и более. Один из обычных способов установления феодальной зависимости — это превращение холопов (рабов) в крепостных. Рабы сажались на землю и должны были обрабатывать господским инвентарем отведенный им участок. Холопам, посаженным на землю, предоставлялась некоторая самостоятельность, и они могли оставлять себе определенную долю продукта. Другим способом превращения сельского населения в феодально-зависимое население было закабаление. Одним из способов превращения свободного человека в феодально-зависимого является патронат — система феодальной защиты. В условиях разложения общины массы свободных общинников теряли свою экономическую самостоятельность, принуждены были выходить из общины и искать приложения своим рабочим рукам. Вместе с тем они стремились найти защиту у наиболее влиятельных феодалов, начиная с князя, митрополита и епископов. Феодалы охотно оказывали им защиту, включая патронируемых в состав своих людей и изымая их из общей юрисдикции. Это делалось далеко не бескорыстно: отдавшиеся под покровительство обязывались работать на феодала. По мере усиления процесса феодализации эти люди в первую очередь делались феодально зависимыми крестьянами. Среди подобных элементов надо указать на изгоев, т. е. выходцев из общины или из какой-либо группы населения, задушных людей — холопов, отпущенных по завещанию, прощенных — неоплатных должников, превращенных в холопов кредиторами и затем прощенных ими или по завещанию или при жизни господина.

К установлению феодальной зависимости вел и наем, поскольку в ту эпоху нанимались обычно люди, лишенные средств производства, а наниматели старались обратить их в феодально-зависимых людей. Но основная масса свободных общинников стала превращаться в феодально-зависимое население путем превращения дани в феодальную ренту. Кроме того, феодалы, несомненно, закрепощали крестьян без всяких юридических оснований, актами грубой силы.

¹ См. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М., 1939; История государства и права СССР, ч. 1, изд. 2, М., 1947; Общественно-политический строй и право Киевского государства, М., 1949, и др.

С ростом феодального землевладения, с увеличением числа феодально-зависимых людей постепенно начинали организовываться феодальные сеньории с феодальными центрами — селами и с многочисленной феодальной администрацией: тиунами, сельскими старостами, рядовичами.

Как было уже указано, в XI в. наблюдалось дальнейшее усиление процесса отделения ремесла и торговли от земледелия. Число ремесленных изделий быстро увеличивалось. Росла и ремесленная техника. Развитие ремесла вело к оживлению внешней и внутренней торговли. Все это создавало предпосылки для возникновения феодальных городов. Стали возникать города-замки, центры феодального властвования над окружающей их сельской округой. Число их в XI в. растет все более и более, а затем эти города-замки превращаются в центры ремесленного производства и торговли. Феодалы были заинтересованы в росте городов и содействовали их возникновению путем предоставления льгот поселенцам-горожанам, в частности, путем временного освобождения их от платежа дани (так называемые свободы, или слободы).

С возникновением и развитием феодального способа производства наблюдается возникновение и оформление класса феодалов и феодально-зависимого крестьянства.

Общий ход развития и оформления класса феодалов характеризовался следующими основными моментами: а) консолидацией всех крупных землевладельцев в один класс; б) постепенным втягиванием их в отношения вассалитета; в) постепенным оформлением этого класса в правовом отношении, закреплением за ним особых привилегий. По мере того, как класс феодалов оформлялся, им было усвоено особое название бояр.

Как было указано, одной из основных групп боярства являлись крупные землевладельцы, выросшие из княжеских дружинников. Процесс разложения княжеской дружины начался уже давно. В XI в. он усилился. Уже при князе Владимире не вся дружина жила при его дворе. С расширением боярского землевладения, по мере того, как боярские села располагались по

всей территории княжений, связь дружинников с князем и с княжеским двором все более и более ослабевала и скоро свелась только к съездам на княжеские совещания. Боярство, вышедшее из дружины, стало постепенно ассимилироваться с боярством, возникшим вне дружинной организации.

С разложением дружины дружинные отношения стали перерастать в вассальные. Бояре, выходцы из родоплеменной знати и разбогатевших общинников, за свою вассальную службу получали иммунитет — освобождение от дани и от подсудности княжеским судьям. Боярин, выходец из дружины, получал от князя землю за свою службу.

Известно, что бояре имели свою дружину. Процесс отрыва боярских дружинников от боярского двора, конечно, также должен был иметь место. Боярский дружинник оседал на земле и из дружинников превращался в подвассала, обязанного нести у боярина военную службу и входить в его ополчение.

Наряду с возникновением вассалитета образовались группы дворцовых слуг (в западно-европейском средневековье эта группа называлась министериялами). По мере того, как дружинники оседали на земле, дворцовую службу стали нести княжеские холопы, тиуны. Верхушка этих дворцовых слуг получила название огнищан. Оформляющийся класс феодалов, естественно, стремился выделиться из массы населения всякого рода привилегиями. Соответственно с этим стал оформляться и класс феодально-зависимого сельского населения из тех разнообразных элементов, которые нами были перечислены.

Постепенно в обществе Киевской Руси стали выделяться и горожане. Поскольку в дофеодальный период городское население — руссы занимали господствующее положение, ибо они под руководством князей собирали дань с покоренного населения, то в пер-пые века городское население отличалось от сельского. Оно не платило дани, к нему не относились те ограничения в правоспособности, которые стали устанавливаться в отношении зависимых групп сельского населения.

В связи с изменениями в общественно-экономическом развитии происходят весьма крупные изменения к политическом строе, в результате которых дофеодальное государство превратилось в феодальное.

В досоветской историографии, как общее правило, Киевское государство XI—XII вв. не рассматривалось как разновидность феодального государства. Естественно, что не был поставлен вопрос о классовой, феодальной его сущности и вопрос о его политической форме. Существовали большие разногласия при оценке значения того или иного политического органа. Но и в советской историографии многие вопросы, относящиеся к общественно-политическому строю Киевской Руси XI—XII вв., или не поставлены или не получили исчерпывающего разрешения.

В современной исторической литературе утвердился взгляд, что основным моментом, определяющим образование феодального государства, является феодальная раздробленность. Пока нет феодальной раздробленности, нет феодализма, нет, следовательно, и феодального государства.

С таким решением вопроса об образовании феодального государства и права согласиться нельзя. Раздробленность государственной территории вовсе не является признаком феодализма и феодального государства. Имеются формы феодального государства, когда государственная централизация достигает большого развития (например, при абсолютной монархии). Феодальное государство — это государство, в котором феодальный способ производства является господствующим, класс феодалов является господствующим классом, структура и органы государственной власти и их функции носят типично феодальный характер.

Феодальная раздробленность вовсе не является основным показателем или признаком перехода от дофеодального государства к феодализму, а является следствием развившихся и укрепившихся феодальных отношений. Феодальная раздробленность предопределяется тем, что феодалы сумели приобрести права государственной власти и тем самым ограничить центральную власть. А это они могли сделать тогда, когда класс

феодалов пришел к господству, т. е. когда уже возникло феодальное государство. Переход от дофеодального государства к феодальному происходит не путем постепенного развития феодальной раздробленности, а путем захвата аппарата дофеодальной государственности пришедшими к господству феодальными группами и приспособления этого аппарата для защиты их классовых интересов. Изучение обстановки и условий образования феодального государства показывает, что это образование сопрягается с классовой борьбой и относительной централизацией государств, становящихся феодальными.

Необходимо выделять особые периоды становления феодального государства. Таким периодом в Киевской Руси были княжения Владимира Святославича и Ярослава Мудрого.

Как было указано, феодальные элементы в Киевском государстве были уже достаточно сильны при княгине Ольге.

Феодальные группы сделали защитником своих интересов княгиню Ольгу, деятельность которой, как известно, высоко оценивалась летописцем, тесно связанным с этими группами. Княгиня Ольга провела ряд мероприятий, которые должны были ускорить развитие феодальных отношений (например, учреждение погостов). Она приняла христианство, которое является феодальной религией, и, конечно, способствовала его распространению на Руси. Летописец противопоставлял внешней политике Святослава, определявшейся захватом чужих земель, политику княгини Ольги, заключавшуюся в укреплении княжеской, феодальной власти на своей земле.

Естественно, эти выросшие феодальные группы и приняли все меры к тому, чтобы к концу X в. захватить государственный аппарат в свои руки и таким образом превратить Киевское дофеодальное государство в феодальное.

Непосредственно после смерти Святослава мы не наблюдаем, однако, каких-либо серьезных изменений в политической организации Киевской Руси.

Можно даже отметить серьезные признаки распада державы Рюриковичей. Старший сын Святослава — Ярополк сидел в Киеве, другой сын — Олег — в древлянской земле, а князь Владимир — в Новгороде.

Наряду с внутренней слабостью величайшая опасность стала угрожать основному центру Русского государства — Киеву и тем землям, которые достигли определенной ступени общественно-экономического и культурного развития. Дело в том, что пока Святослав совершал воинские подвиги в Болгарии и на войне с Византией, в Черноморские степи проникло много тюркских кочевых народов: печенегов, тюрков, берендеев, черных клобуков (кара-калпаков). Византийская империя, которая с возрастающим беспокойством смотрела на возникновение в близком соседстве огромного Русского государства, стала использовать тюркские народы в своих целях, а именно заключать союзы с тюрками и затем натравливать их на своего могущественного соседа.

Нападения тюркских народов создали исключительную угрозу для экономического и культурного развития Киевского государства. Достаточно указать, что создавалась серьезная опасность для существования такой основной артерии, как великий путь, шедший из «варяг в греки». А засорение этого пути превращало Киевское государство в настоящее захолустье и должно было повлечь за собой его упадок и полный распад.

Перед Русским государством была поставлена дилемма: или подвергнуться частичному завоеванию и последующему упадку и распаду, или перестроить свой политический и военный аппарат. И в русском обществе нашлись силы, которые это сделали. Эти силы были связаны с выросшими в это время феодальными группами. И здесь, несомненно, большую роль играл князь Владимир Святославович, бывший представителем этих групп. Недаром его имя так прочно сохранилось в народной памяти. Недаром ему и его сподвижникам посвящен основной цикл русских былин.

Только при учете этого внешнеполитического фактора, ускоряющего процесс становления феодального государства, можно понять тот переворот, который был совершен князьями Владимиром и Ярославом.

Изучая летописные данные, приходится сделать вывод, что князь Владимир не сразу сделался организатором русского феодального государства. Несомненно, его деятельность в первой половине его княжения мало чем отличалась от деятельности других дофеодальных князей. Организуя свой поход на брата Ярополка, он шел во главе нанятого им варяжского отряда, т. е. им был вызван новый приток военных авантюристов, конечно, мало заинтересованных в организации феодального государства. Для них война и грабеж населения во время войны были главным делом. Но и тогда, когда ему удалось утвердиться в Киеве, он не сразу установил тесные связи с теми феодальными группами, которые направляли деятельность княгини Ольги. Доказательством этого является его первоначальная политика укрепления прежней языческой религии.

Но, очевидно, выросшие и окрепшие к концу X в. феодальные группы настолько были влиятельны, что Владимир вынужден был сделаться представителем и защитником их интересов. Проведенные им мероприятия, связанные с организацией Русского феодального государства, были затем развиты и углублены князем Ярославом, который, являясь сыном Владимира и византийской царевны Анны, связанной с византийским духовенством, скорее, чем другие его сыновья, мог быть защитником интересов феодальных групп.

Обратимся прежде всего к анализу тех изменений, которые произошли в Киевском государстве при князьях Владимире и Ярославе в организации и развитии феодального хозяйства и общества. Одним из крупнейших моментов в истории этого периода явилось то, что вся территория Киевского государства сделалась владением единого рода. Владимир, исследователи¹ признают, что Владимиру удалось почти везде (кроме вятичей) заменить «местных светлых князей» либо своими мужами, либо своими детьми¹. Во всяком случае во всех более или менее крупных центрах сидели его двенадцать сыновей. Но как-то до сих пор этот факт недостаточно осознается

¹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, 1944, стр. 271.

в исторической литературе. А между тем ликвидация местных князей и местных династий означала не только введение единого административного и правового режима на всей территории Русского государства, но и экспроприацию всей этой территории, всей земли в пользу князя Владимира. Отныне земля является собственностью этого рода княжеским домоном. Каждый сидевший в том или ином центре князь имел право раздавать не только организованные им села, но и волости и погосты своим слугам и в особенности церковным учреждениям. По Уставу Владимира цедшь-лшлучмла десятую часть городов, которые она затем иногда выменивала на волости. Несомненно, каждый посаженный ТШщиЖиром в том или ином центре сын рассматривал полученный им удел как вотчину и принимал меры к хозяйственному освоению ее; организовывал села вокруг своей столицы, строил города-замки для организации властвования над сельскими округами, находившимися вдали от столицы. Раздел территории Киевского государства между двенадцатью сыновьями князя Владимира, опиравшимися на свои дружины и на своих слуг, должен был ускорить процесс превращения дани в феодальную ренту.

Другим весьма важным моментом является то, что процесс разложения дружины, начавшийся еще в IX—X вв., усилившийся при Владимире, закончился при Ярославе. Высший и средний слои дружинников оседали на земле и превращались в княжеских вассалов. По мере быстрого роста развития феодальных отношений и окончательного оформления класса феодалов и феодально зависимого сельского населения в княжение Владимира и Ярослава происходит образование феодального государства в начальной его форме — ранне-феодальной монархии.

Коснемся прежде всего тех изменений, которые произошли в государственном устройстве Киевской Руси (территориальной ее структуре).

Территориальная структура Киевской Руси в дофеодальный период представляет собой комплекс племенных княжений и княжений-наместничеств. Отношения между киевским князем и местными князьями

очень хорошо подходили к формуле Маркса: или это был вассалитет без ленных отношений, или это были лены, составившиеся из даней¹. По мере развития феодальных отношений эта территориальная структура должна была усложниться. Вассалитет должен сопровождаться ленными отношениями, а лены теперь должны состоять из земель, пожалованных под условием военной службы.

В княжение Владимира, в результате ликвидации племенных княжений (сохранилось только одно племенное княжение — вятичей) и княжений, во главе которых стояли «светлые князья», являвшиеся наместниками, мы наблюдаем некоторую относительную централизацию Киевского государства. Очевидно, был такой сравнительно краткий период, когда Владимир управлял своим весьма обширным государством через посредство своих мужей — посадников и тысяцких, а также через волостелей.

Но после того как стали подрастать его сыновья, князь Владимир стал раздавать им отдельные земли. Летопись указывает, что Новгород был дан сперва Вячеславу, а потом Ярославу, Псков — Судиславу, Полоцк — Изяславу, Смоленск — Станиславу, Туров — Святополку, Владимир-Волынский — Всеволоду, Тмутаракань — Мстиславу, Ростов — Ярославу, а затем Борису. Муром — Глебу.

После смерти Владимира в результате ожесточенной междоусобной борьбы киевским князем сделался Ярослав. Но продолжали существовать Полоцкое княжество и Тмутараканское. После смерти князя Мстислава Ярослав распространил свою власть над Тмутараканским княжеством. Был заточен уцелевший после междоусобной борьбы князь Судислав. Следовательно, Ярослав принимал также некоторые меры к централизации Киевского государства. После того как стали подрастать его дети, он, подобно Владимиру, стал раздавать им отдельные земли Киевского государства, а затем, умирая, решил установить взаимные отношения своих сыновей в так называемом «ряде Ярослава». На основании этого ряда старейшинство в русской земле

¹ См. История СССР. т. I, изд. 2, стр. 85.

передавалось князю Изяславу; другие сыновья Ярослава, получившие отдельные области, обязаны были Изяславу послушанием. Эта территориальная структура Киевского государства при князьях Владимире и Ярославе резко отличается от территориальной структуры IX—X вв. Она соответствовала территориальной структуре возникавших феодальных монархий, представляя собой совокупность сеньорий, связанных отношениями развитого сюзеренитета — вассалитета.

Система органов власти и управления при Владимире и Ярославе изменяется значительным образом. Прежде всего, эти органы стали носить ярко выраженный феодальный характер, а с другой стороны, функции этих органов стали усложняться. Князь и в это время является военным вождем, организатором и командиром военных сил. Но его военно-организационная деятельность усложняется из-за усложнения состава военных сил Киевского государства. Дружина, бывшая основным ядром войска первых Рюриковичей, оседает на земле; ее место начинают занимать феодальные ополчения, вооруженные отряды, приводимые вассалами. Князь, как обладатель домена, в свою очередь набирает ополчение из подвластного ему городского и сельского населения. Иногда князьям приходилось нанимать иноземные войска (варягов — Владимиром и Ярославом, поляков — Святополком).

Поскольку усиливается давление на Киевскую Русь со стороны соседних государств и степных кочевников, усложняются мероприятия по защите внешних границ. Князьям, начиная с князя Владимира, приходится строить укрепления (города и валы) на наиболее угрожаемых местах. Но наряду с этим укреплялись и основные центры Руси — Киев, Новгород и др. А затем расширение и углубление феодальной эксплуатации делали необходимым организацию опорных пунктов для феодальной власти, вследствие чего строятся пригороды внутри отдельных земель.

В весьма большой степени усложнилась деятельность князя в делах внутреннего управления. Отношения между киевским князем и его сыновьями (а при Ярославе ~ и с братьями) иногда были напряженными.

В интересах собственной безопасности приходилось контролировать их деятельность.

Но в особенности стала сложной деятельность князя в собственном домене, где ему приходилось назначать посадников, волостелей, тиунов и прочих многочисленных представителей администрации. Превращение дани в феодальную ренту и установление в городах торговых пошлин создают сложную феодально-административную систему, находившуюся под контролем князя.

По мере того, как стала развиваться с начала XI в. внешняя и внутренняя торговля, князьям приходилось организовывать строительство дорог и мостов. Много внимания приходилось уделять князьям охране торговых путей, в особенности основного торгового пути, шедшего в Византию.

При князьях Владимире и Ярославе развивается судебная функция княжеской власти, которая выражалась в организации судебных органов и в отправлении суда. Юрисдикция князей стала расширяться. Сейчас князья непосредственно судят население главного города, а княжеские судьи — все остальное население. Организация сложной сети финансовой и судебной администрации, установление принципов феодального судебного права — все это возможно было провести в жизнь только путем законодательства. При Владимире и Ярославе стала развиваться законодательная функция князей. Князья не только устанавливали «уставы и уроки», но и изменяют путем издания законов основные принципы уголовного права и процесса IX—X вв. Как указано, по рассказу летописи, Владимир дважды изменял основные принципы карательной политики. И при Ярославе появился первый юридический сборник — Русская Правда. Путем издания законов князья устанавливали размеры судебных пошлин, а также и вознаграждение административных лиц.

Князья Владимир и Ярослав после принятия христианства всячески способствуют устройству церкви, создают мощную экономическую базу для духовенства, установив так называемую десятину. Наконец, Владимиру и Ярославу надо было много внимания уделять

налаживанию отношений с окружающими странами, надо было сноситься с иноземными властями.

Все это позволяет сделать вывод, что княжеская власть при Владимире и Ярославе стала качественно отличаться от власти первых князей — Рюриковичей, что она в основном стала соответствовать по своему объему и функциям власти ранне-феодалных монархов.

В IX—X вв. деятельность князей направлялась советом, состоявшим из наиболее видных дружинников — представителей родо-племенной знати и представителей княжеской администрации — тысяцких, соцких.

При Владимире и Ярославе, по мере разложения дружины и превращения дружинников в вассалов и по мере оформления класса феодалов — бояр, состав совета изменился. Княжескими советниками являются наиболее влиятельные бояре и представители церковной иерархии. Поскольку установление новых, вассальных принципов службы совершалось под старой оболочкой дружинных отношений, то памятники продолжают говорить о совете князей с дружиной, но это уже не дружина, а возникающая феодальная курия.

Весьма большим изменениям подверглась система органов управления при Владимире и Ярославе.

В Киевской Руси в дофеодальный период существовала так называемая десятичная система управления, которая была своего рода военно-административной системой управления. Тысяцкие были начальниками гарнизонов, расставленных в основных центрах Киевской Руси, а сотники были их помощниками. По мере развития процесса феодализма эта система должна была перерасти в систему феодальной администрации. Естественно, что, превращаясь в феодальный аппарат, должностные лица этой системы (тысяцкие, сотские, десятские) должны были изменять свои функции. Так, тысяцкие постепенно превращаются в своего рода командующих войсками того или иного княжества, в силу чего они стали с течением времени именоваться воеводами.

С другой стороны, при Владимире и Ярославе создается новая система управления — дворцово-вотчинная, которая затем стала покрывать десятичную. Сущность этой системы заключалась в том, что отделы управления княжеского двора являлись отделами управления и всего государства и что во главе этих отделов стояли особые должностные лица, назначавшиеся князем (как мы уже упоминали, в западно-европейской исторической литературе их именуют министерналами).

На местах же возникает система управления, которая в развитом своем виде стала в XIV—XVI вв. именоваться системой кормления.

При первых князьях — Рюриковичах все основные вопросы управления, которые превышали компетенцию тысяцких и соцких или же носили общий для всего государства характер, решались князем вместе с дружиной. Непосредственными исполнителями были дружинники — члены старой дружины, княжие мужи, а по менее важным делам — тиуны, мечники, детские, отроки.

После того как основной контингент дружинников (в особенности их верхний слой) стал отрываться от княжеского двора, оседать на землю и дружинные отношения стали перерастать в отношения вассалитета — основными административными княжескими агентами сделались низшие дворцовые слуги, большей частью набиравшиеся из княжеских холопов, — тиуны, мечники и т. д.

Обычно эти дворцовые слуги специализируются по отделам княжеского хозяйства. Так, появляется тиун огнищный, тиун конюший и т. д. К XI в. княжеские тиуны стали играть крупную роль не только в управлении княжеским хозяйством, но и в общей административно-финансовой и судебной организации. В XII в. из этих княжеских тиунов, которые стали смыкаться с боярством, возникают дворцовые чины: дворецкие, стольники и т. д.

При князьях Владимире и Ярославе окончательно оформляется и система местного управления. В городах должностными лицами являются посадники, а в волостях — волостели. Посадники, в отличие от ты-

сяцких, которые, очевидно, стали сосредоточивать в своих руках военно-административные функции, были полномочные представители княжеской власти. Будучи представителем князя в городе, посадник выполнял функции самого князя: он и судил, и собирал дань и разные пошлины, и ведал полицейскими делами, одновременно руководя военными силами города. Волостели являлись также полномочными представителями княжеской власти в волостях и выполняли, подобно посадникам, все административные и судебные функции. Содержание посадников и волостей складывалось от отчисления княжеских доходов и корма.

Посадники и волостели стали иметь помощников в лице тиунов и рядовичей, которые, вероятно, назначались из числа принадлежащих им рабов. Были у них помощники и по специальным отраслям управления — вирники, мостники и пр. Все эти административные лица содержались за счет кормов от населения и различного рода поборов. XIV При Владимире и Ярославе произошли, несомненно, крупные изменения и в источниках княжеских до-2содв. По мере развития феодальных отношений дань стала превращаться в феодальную ренту. Устанавливались дополнительно к дани и другие сборы. Так, памятники говорят о полюдьме и о даре. Под полюдьмой понимался первоначально объезд князьями подвластной им территории для выполнения ими правительственных функций, судебных и финансово-административных. При этом объезде они взымали с населения разного рода поборы, которые носили добровольный характер и назывались даром. В конце концов возник новый вид побора, называвшийся «полюдьмой даровьным».

Устанавливались в это время и судебные пошлины: виры^[^] дродажи. Но одним из крупнейших источников княжеских доходов являлись доходы с тех владений князей, где были организованы села. Зависимое крестьянство этих сел должно было снабжать княжеский двор различного рода продуктами.

При Владимире и Ярославе изменилась весьма сильно и военная организация. При первых князьях Рюриковичах, в частности при Святославе, войско

состояло из двух основных частей — из дружины и народного ополчения.

Поскольку при Владимире и Ярославе окончательно определился процесс разложения дружины и превращение дружинников в вассалов, войско стало состоять из так называемых феодальных ополчений, т. е. из ополчений великокняжеских вассалов (из ополчений сыновей и братьев великих князей и бояр) и из народных ополчений, которые, как о том рассказывает летопись, продолжали созываться. Наиболее крупные бояре стали иметь свою дружину, т. е. могли организовывать свои ополчения и являться с ними на войну.

Вес это показывает, что при Владимире и Ярославе политическая структура Киевского государства подверглась весьма серьезным изменениям. Киевское государство из дофеодального государства превратилось в феодальное не только по классовой своей сущности, но и по политической форме, которая в своем законченном виде известна под названием ранне-феодальной монархии.

Одним из крупнейших этапов в процессе перехода от дофеодального общества к феодальному является, несомненно, принятие христианства. Христианство являлось господствующей религией в Византии, в которой закончился переход к феодализму. Византийская церковь представляла собой развитый феодальный организм. Принятие христианства при Владимире имело своим последствием не только укрепление организуемого феодального государства, но и вместе с тем внедрение феодальной идеологии. Принятие христианства из Византии всячески способствовало развитию культурных связей Киевской Руси с этим крупнейшим мировым культурным центром и развитию феодальной культуры.

Князья Владимир и Ярослав весьма много содействовали распространению христианства на Руси, содействовали организации русской церкви, заботились о ее благосостоянии, принимали меры к установлению особых привилегий, для чего ими были изданы два Устава (Устав князя Владимира и Устав князя Ярослава).

Образование русского феодального государства сопровождалось острой классовой борьбой. С одной стороны, выступали отдельные племена, где развитие феодальных отношений было относительно слабым; выступали и элементы, связанные с дофеодальной государственностью, например князь Мстислав Владимирович Тмутараканский, и, наконец, выступали закабаленные общинники, как это было в 1024 г.

Словом, при князьях Владимире и Ярославе произошли весьма серьезные изменения и в области экономических отношений, и в области общественно-политического строя, и в области идеологии и культуры. Киевская Русь при этих явлениях стала качественно различаться от Киевской Руси первых князей Рюриковичей, включая и Святослава. Киевское дофеодальное государство при этих князьях превратилось в феодальное, хотя процесс этот в некоторых своих чертах и не был полностью закончен. Только в результате превращения Киевского государства в феодальное возможна была так называемая феодальная раздробленность.

Таким образом, началом Русского феодального государства является не «ряд Ярославов» и последовавший после смерти Ярослава раздел Русского государства между его детьми, а тот переворот в экономических и социально-политических отношениях, который произошел в первую половину XI в.

В специальной работе¹ нами было установлено, что установление феодального государства вообще совершается в результате переворота. Такой переворот был констатирован Энгельсом и при образовании Каролингской империи (аграрный переворот)². Эти перевороты сопровождались острой классовой борьбой. Образование феодальных государств является одним из важнейших моментов средневековой истории. Кроме серьезных внутренних преобразований, обнаруживается, как общее правило, яркая экспансия феодализирую-

¹ С. В. Ю ш к о в , К проблеме образования феодального государства (на правах рукописи), изд. Московского юридического ин-та, М., 1948.

² См. М а р к с и Э н г е л ь с , Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 390 и сл.

щегося государства на окружающие страны. В результате этой экспансии, которая, как общее правило, происходит успешно, завоевываются соседние страны, или не вышедшие из стадии первобытно-общинного строя или дофеодальной государственности, или уже пережившие феодальный распад. ■

Как известно, Владимир по рекам Стугне и Трубежу построил для защиты от печенегов линию крепостей. Вот этой-то заботы о внешних границах и не проявляли прежние князья.

Вследствие мероприятий Владимира и Ярослава территория Киевского государства перестает быть неясной и расплывчатой, как это было во времена прежних князей. Создается' сильный и крепкий политический центр—Киеву-явившийся одним из крупнейших центров в Восточной Европе, из которого шли нити управления над отдельными частями. По своей сплоченности и внутренней организованности Киевское государство было подобно другим государствам, превращавшимся в феодальные империи и монархии, например, феодальной империи Карла Великого.

Киевское государство, превращаясь в своего рода феодальную империю, объединившую не только племена восточного славянства, но и ряд финских и литовских племен, и сделав вассальными некоторые из тюркских племен (тюрки, кара-калпаки, берендеи), ведет внешнюю политику методами и формами, которые возможны только для сильного, сплоченного, относительно централизованного государства.

Таковы изменения в общественно-экономическом и политическом строе, которые наблюдались в Киевском государстве в первой половине XI в. Эти изменения знаменовали переход Киевской Руси к феодальному государству, к начальной политической форме феодального государства — к ранне-феодальной монархии.

Естественно, что дальнейшее развитие феодальных отношений в первой половине XI в. должно было так или иначе отразиться и на системе права. Стали развиваться элементы феодального права, права-привилегии. Это феодальное право противопоставляется нормам права, сложившимся в дофеодальном, варварском го-

сударстве. Основным, больше того — единственным источником этого права было обычное право. Теперь же, когда в Киевской Руси решительно перестраивается политический аппарат, приобретают значение законодательство и судебная практика. Князья вносят изменения в существовавшие до сего времени нормы права путем издания своих «уставов», своих законов. Образуется новое, но уже феодальное обычное право. Возникает новый источник русского права, — княжеское законодательство и судебная практика князей. Яркий пример княжеского законодательства представляет замена виры смертной казнью при князе Владимире. По мере того, как возникает феодальное право, находящееся в противоречии с существовавшим обычным правом варварского дофеодального государства, возникает совершенно настоятельная необходимость его обнародовать, чтобы сделать известными его основные положения массам. Следовательно, возникает потребность в издании особого сборника, в котором были бы изложены эти новые положения. В рассматриваемый период не было необходимости в составлении обширного сборника, в котором нашли бы место все действующие нормы всех отраслей права — и государственного, и административного, и семейного, и наследственного, и т. д. На первом этапе издаются новые нормы, относящиеся к уголовному праву и частично к процессу. Именно здесь, в этой отрасли права, возникают в первую очередь нормы, принципиально отличные от норм обычного права, действовавшего в IX—X вв. Уже давно в литературе обращено внимание на то, что первые законы в первую очередь касаются уголовного права. Нами указано, что уровень правового развития Руси был достаточно высок, во всяком случае намного выше, нежели это представляло большинство историков и историков права. Еще во времена Олега существовала особая система права — Закон русскIII! Но трудно думать, что по всему пространству Руси сидели княжеские судьи и выносили приговоры по всем возбужденным делам. Можно полагать, что княжеские судьи сидели только в наиболее крупных центрах и решали только наиболее Серьез-

ные дела, например по обвинению в убийстве или в разбое. Изучая размер вознаграждения за убийство (т. е. вергельда) у разных народов, нетрудно установить, что он колебался в зависимости от местности и времени. Так, не был одинаков вергельд у отдельных германских народов. Наблюдались большие колебания размера вознаграждения за убийство (удовлетворение за кровь) в Грузии — в законах Георгия V, в законах Беки и Агбуги и ■ в особенности в законах Вахтанга. Колебался размер куна и в Казахстане. В особенности разнообразен был размер взысканий за другие преступления. Вполне естественно, что киевские князья после установления княжеской юрисдикции по всем делам и повсеместного учреждения (в городах и волостях) судебных мест в первую очередь должны были установить единую систему наказания, т. е. единый размер виры за убийство и других денежных взысканий за другие виды преступлений по всему пространству Киевской Руси. С другой стороны, до расширения объема княжеской юрисдикции можно сомневаться, что денежные взыскания за иные виды преступлений поступали князю. Вероятно, они шли пострадавшему. Необходимо было ввести штрафы за эти преступления, шедшие теперь уже князю дополнительно или, вернее, параллельно с вознаграждением пострадавшему.

Далее, пришедший к господству класс феодалов, желая защитить от посягательств свое имущество, стремится установить новые составы преступлений, которые не были ранее известны. Многие посягательства на имущество не считались преступными и не облагались наказаниями.

Наконец, князья, расширяя объем своей юрисдикции и организуя многочисленный судебный аппарат, были заинтересованы в ликвидации всякого рода самоуправных действий

Словом, после тех изменений в политическом аппарате, которые были произведены Владимиром и Ярославом, естественно было ожидать издания особого княжеского постановления, в котором были разреше-

ны те вопросы, которые были поставлены общим ходом развития уголовного права и которые были необходимы для судебных органов. И это постановление было издано. Ему усвоено в историко-юридической науке название Древнейшей Правды.

2. Обзор взглядов о происхождении Древнейшей Правды

Вопрос о происхождении Древнейшей Правды, как мы знаем, оживленно обсуждался в исторической литературе. Для того, чтобы обосновать свои взгляды на этот вопрос, нам надлежит подвергнуть критическому обзору имеющиеся мнения. Их можно разделить на пять основных групп:

1) По взглядам Тобина и Гетца, Древнейшая Правда, являясь памятником, содержащим право народных общин, возникла в докняжеское время (VIII—XI вв.).

2) По взгляду Г. И. Шмелева, Древнейшая Правда возникла в княжение Владимира Святославича.

3) По взглядам В. И. Татищева, Н. МЛ Карамзина, И. Д. Беляева, П. И. Беляева, И. А. Стратонова, И. И. Яковкина, Б. Л. Черепнина и др., Древнейшая Правда — это грамота, данная Ярославом Новгороду в благодарность за ту помощь, которая была ему оказана Новгородом во время борьбы со Святополком за Киевский стол.

4) По взглядам М. Н. Тихомирова и других историков, Древнейшая Правда возникла в тридцатых годах XI в., причем одна часть историков местом возникновения ее считает Киев, а другая часть—Новгород.

5) Имеются исследователи, которые отодвигают происхождение Правды Ярослава к еще более позднему времени, например Максимейко, который настаивал, что вся Краткая Правда (т. е. первая и вторая часть) составлена одним лицом во второй половине XI века.

Обратимся прежде всего к оценке взглядов Гетца на происхождение Древнейшей Правды, развившего взгляды Тобина.

Среди главнейших доводов в пользу раннего происхождения Древнейшей Правды Гетц выдвигает:

1) умолчание о князе, 2) упоминание о некрещенных варягах и колбягах («крещения не имея»), 3) упоминание о Законе русском в русско-византийских договорах и близость его норм к нормам Древнейшей Правды, 4) элементарность общественного устройства — Древнейшая Правда знает только две группы населения: свободных (мужей) и рабов.

Взгляды Гетца на происхождение Древнейшей Правды подверглись со стороны всех русских историков и историков права *, которые явились авторами рецензии на его труд, посвященный Русской Правде, решительной критике.

В частности, они единодушно не согласились с основным положением Гетца о том, что Древнейшая Правда является совершенно самостоятельным произведением, возникшим в IX, а возможно и в VIII веке.

Среди основных критических положений русских историков на взгляды Гетца о происхождении Древнейшей Правды надо указать на следующие:

1. Гетц совершенно не ставит существенного, можно сказать, основного вопроса в общей проблеме о происхождении Древнейшей Правды, а именно, — вопроса о том, когда и при каких условиях она возникла. В его работе имеются только самые общие указания о происхождении этой редакции раньше договоров Руси с греками. Но кому надо было формулировать и обнаружить нормы древнерусского права IX в., почему и как они дошли в составе Краткой Правды и в летописи, — все это остается загадкой для читателя. А без решения этого вопроса многие соображения Гет-

* М. Ф. Владимирский - Буданов, *Das Russische Recht—Русская правда*, Киев, 1911; А. Е. Пресняков, Рецензия на книгу Гетца «*Das Russische Recht*», вып. I, II. (Журнал Мин. Нар. Пров., 1912, ноябрь); Л. В. Флоровский, Новый взгляд на происхождение Русской Правды, Одесса, 1912; М. А. Дьяконов, Рецензия на I том книги Гетца «*Das Russische Recht*» (Изв. отд. русского языка словесности АН, т. XVI (1911), кн. I); А. Н. Филиппов, Русская Правда в исследованиях немецкого ученого (Юрид. вестник, 1914, кн. VII).

ца о происхождении Древнейшей Правды останутся совершенно неясными.

2. Против тезиса Гетца о том, что в Древнейшей Правде нет следов уголовно-карательной деятельности князей, Владимирский-Буданов¹ привел в своей рецензии перечень многочисленных данных о том, что с именем Ярослава связывается установление многих норм Древнейшей Правды и существование определенной карательной системы. Достаточно указать на статью Пространной Правды: «По Ярославе же паки — совокупишася сынове его и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати, а иное все, акоже Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша».

Как пример законодательства Ярослава, нашедшего свое отражение в Правде Ярослава, Владимирский-Буданов приводит статью Пространной Правды, по которой «Ярослав был уставил убити, но по нем сынове его уставиша на куны». Где же это установил Ярослав, спрашивает Владимирский-Буданов и отвечает: «в ст. 16 Древней Правды (где слово «бити» равно «убити»)»².

3. Владимирский-Буданов решительно опровергает взгляд Гетца о том, что статьи Древнейшей Правды имеют дело не с уголовными штрафами, идущими князю, а с вознаграждением потерпевшему. Им приведены исчерпывающие соображения о том, что 40, 12 и 3 гривны Древнейшей Правды — это вира и продажа³.

4. Русские исследователи, в частности Владимирский-Буданов, подчеркивает, что Древнейшая Правда непосредственно примыкает к Правде Ярославичей по содержанию; она дает лишь такие постановления, которых недоставало в 1-й Правде⁴. Эта органическая связь Древнейшей Правды с так называемой Правдой Ярославичей и Пространной Правдой вообще делает невозможным предположение о двухвековом разрыве между этими памятниками.

¹ М. Ф. Владимирский-Буданов, *Das Russische Recht — Русская Правда*, Киев, 1911, стр. 19. Там же. • Там же, стр. 20. Там же, стр. 19.

Можно выдвинуть ряд и других возражений Гетцу. Так, упоминание о князе обусловлено не тем, что князя в момент написания Древнейшей Правды вообще не было, а тем, что характер статей этого памятника — небольшое число норм уголовного и процессуального права — вовсе не требовал упоминания о князе или княжеской власти.

Далее, мы ранее указывали, что уровень правового развития Киевской Руси был достаточно высок, что там сложилась своя система права — так называемый Закон русский, который нашел отражение в русско-византийских договорах. Но этот Закон русский не представлял собой нечто застывшее, недоступное для дальнейшего развития. Сопоставляя те нормы русско-византийских договоров, в которых получил свое отражение Закон русский, с Древнейшей Правдой, мы можем говорить только о близости некоторых общих правовых принципов этих памятников (смертная казнь за убийство, денежное взыскание в 5 литров за удар мечом), а не о близости и тем более о тождестве норм. Древнейшая Правда, как мы старались показать, содержала много принципиально нового — унификацию наказаний, установление штрафов в пользу князя, начало борьбы с самоуправством, что является следствием расширения княжеской юрисдикции.

Наконец, Гетц неправильно говорит об элементарности, простоте социальной структуры, которая якобы является доказательством архаичности Древнейшей Правды. В ст. 1 упоминаются разные слои тогдашнего общества: русин — горожанин, как переводят это слово некоторые списки Русской Правды; славянин — селянин — по этим же спискам; гридин — младший член княжеского двора, вероятно, набираемый из княжеских холопов; мечник и ябетник — должностные лица князя, купец и, наконец, изгой — потерявший землю и средства производства человек. Древнейшая Правда, которая является памятником княжеского законодательства, упоминала только о таких группах населения, положение которых в области защиты их жизни не было урегулировано.

Те же группы общества, правовое положение которых было достаточно четко определено, не упоминались в этом памятнике княжеского законодательства, так как не было нужды в этом. Наконец, тот факт, что в одной статье Древнейшей Правды упоминается о некрещенных варягах и колбягах, отнюдь не является доказательством дохристианского происхождения Древнейшей Правды, а, наоборот, может явиться доводом в пользу христианизации всей массы русского населения. Только среди варягов и колбягов могли встречаться нехристиане, — о них как раз и говорит статья.

Все эти возражения показали настолько слабую аргументацию немецкого историка, что ему не была оказана поддержка даже со стороны буржуазных историков-норманистов, например, Преснякова и др.

Переходим к взгляду Шмелева¹, который относит происхождение Древнейшей Правды ко временам князя Владимира.

Но этот взгляд совершенно не получил самостоятельной аргументации. Шмелев развивает взгляд Ключевского о возникновении Русской Правды в церковной среде и считает, что потребность в издании особого «церковного сборника права по нецерковным делам» могла возникнуть сразу же по крещении Руси, следовательно, могла тогда же возникнуть и Древнейшая Правда.

Взгляды Шмелева являются простыми предположениями. В наших источниках ни прямо, ни косвенно не говорится о Владимире как составителе Древнейшей Правды или, по крайней мере, о Древнейшей Правде как памятнике, возникшем при Владимире.

Обратимся к разбору мнения, идущего еще со времени Татищева, о происхождении Древнейшей Правды в 1016 г., когда Ярослав дал по некоторым спискам Новгородской I летописи «Устав» и «Правду».

Это мнение является более аргументированным. Как мы знаем, к нему исследователи систематически возвращались (Н. Ланге, П. И. Беляев, А. И. Стратонов,

¹ Г. И. Ш м е л е в, Суд в эпоху Русской Правды, Книга для чтения по русской истории, составленная под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского, т. I, 1904, стр. 384—385.

акад. Б. Д. Греков). Это мнение основано на непосредственном рассказе новгородской летописи.

Казалось бы, что прямое указание летописи о составлении Правды Ярославом, имя которого по летописной традиции связывается с происхождением древнейшего сборника права, в подходящих для дарования особой грамоты условиях (совместная борьба с врагами) должно быть принято как бесспорный факт в исторической науке. Но этого не случилось по следующим основаниям: 1) Летописец, приведя текст грамоты или «Устава» Ярослава, на самом деле воспроизвел текст такого памятника, в составлении которого принимали участие и дети Ярослава, причем окончательное оформление этого памятника не могло быть отнесено ко времени более раннему, нежели последняя четверть XI в. Следовательно, в его распоряжении не было подлинного документа; 2) Древнейший список Новгородской I летописи—Синодальный не содержит текста Русской Правды.

Вот эти-то факты и заставили исследователей отказаться безоговорочно признать факт дарования Ярославом грамоты, т. е. Древнейшей Правды, достоверным. А затем были приведены соображения, которые сделали вообще невозможным взгляд о даровании Ярославом в 1016 г. грамоты с таким содержанием, как Древнейшая Правда.

Из текста списков, содержащих сообщение о даровании Ярославом новгородцам грамоты, нетрудно установить, что дело идет о какой-то льготной грамоте, резко выделявшей положение новгородской земли из ряда других земель, о такой грамоте, которая принадлежала к числу «грамот Ярославлих» и на которые впоследствии ссылались новгородцы.

Но при ближайшем рассмотрении Древнейшей Правды видно, что она не может быть причислена к подобной грамоте: она ничего льготного не имела. Как раз статья первая устанавливает одинаковое наказание за убийство представителей всех слоев тогдашнего общества. Одинаковое наказание было установлено и за другие преступления. Некоторые исследователи видят «льготу», привилегии в том, что как за убийство русина,

так и за убийство славянина было установлено одинаковое наказание (в русине они видят киевлянина, а в славянине — новгородца). Но тексты Русской Правды III редакции, которые получили свое оформление именно в Новгороде, понимают в русине, как было указано, горожанина, а в славянине — селянина, т. е. исходят из прежнего понимания руси и славян (VIII—IX вв.). Тождественность слова славянину слову новгородец надо еще доказать. Прекрасно понимая, что Древнейшая Правда не содержит ничего льготного для Новгорода и новгородцев, исследователи, защищающие взгляд на Древнейшую Правду как на особую грамоту, данную Ярославом новгородцам в воздаяние за их услуги, оказанные им за их помощь в борьбе с его врагами, стараются представить Древнейшую Правду как разновидность Уставной грамоты, которую стали получать некоторые местности в XIV—XVI вв. в Московском государстве. Ч. Такой Уставной грамотой считает Древнейшую Правду и Стратонов, причем он получил поддержку со стороны М. Н. Тихомирова.

Под Уставными грамотами наместничьего управления мы понимаем специфические документы Московского государства, относящиеся к концу XV или к первой половине XVI вв. В этих грамотах делается попытка ограничить произвол кормленщиков и уточнить кормы и пошлины, взимаемые ими с населения. Эти грамоты могли появиться при определенном уровне общественно-экономического развития и при определенной расстановке классовых сил,¹ в частности, при начавшемся выдвигании на политическую арену местного дворянства.

Этих предпосылок и условий в начале XI в. не было. Речь могла идти об укреплении княжеской власти над отдельными землями. Естественно, что в период Киевской Руси вообще никаких «Уставных грамот» наместничьего управления и быть не могло.

С другой стороны, если основываться на тексте Древнейшей Правды, т. е. на первых 17—18 статьях Краткой

¹ П. И. Беляев, Источники древне-русских законодательных памятников (Журн. Мин. юстиции, 1899, № 10, стр. 80—88, 98—113).

Правды, то она не имеет ничего общего с Уставными грамотами наместничьего управления. Она является сборником уголовного и уголовно-процессуального права.

Взгляд И. А. Стратонова, несмотря на поддержку ряда крупных историков, не утвердился в советской исторической науке. Но нашлись исследователи, которые решились несколько иначе представить обстановку дарования Ярославом Правды. Такими исследователями являются И. П. Яковкин и Л. В. Черепнин, изложение взглядов которых нами было дано в историографическом обзоре.

И. И. Яковкин считает, что Правда Ярослава была дана в целях отмежевания новгородцев от состава княжеского двора и предоставлении защиты членам такового¹.

Взгляд И. И. Яковкина о происхождении Правды Ярослава мы принять ни в коем случае не можем по следующим основаниям:

1. Его теория происхождения Русской Правды совершенно не связана с историей правового развития Киевского государства. Он не показывает, каковы были правовые нормы до 1016 г. и каковы были правовые нормы в других центрах Киевской Руси, в частности в столице русского государства.

2. Мы совершенно не можем согласиться со взглядом И. И. Яковкина об общественно-политическом строе новгородской земли. Оказывается, новгородский князь в начале XI в. обладал неограниченной по сути дела властью «домовладыки». Он мог по своему произволу истреблять людей, на которых он был раздражен. Оказывается, не было никакого противопоставления между князем и новгородской общиной, а такое разграничение произошло только в 1016 г. и, по видимому, по настоянию новгородцев.

Не было в В. Новгороде установившейся системы права до 1016 года.

Все эти утверждения И. И. Яковкина находятся в решительном противоречии с принятыми в современ-

¹ И. И. Яковкин, Договор как нормативный факт о древнем праве, стр. 23.

ной советской исторической науке взглядами о несравненно более высоком уровне развития Киевского государства.

Обратимся к разбору мнения Л. В. Черепнина о происхождении Древнейшей Правды (Правды Ярослава)¹. Он, как было сказано, полагает, что она была издана в целях обеспечения новгородцев от нападения варяжских вооруженных дружин.

Здесь прежде всего необходимо отметить, что с этими его взглядами невозможно согласиться по методологическим соображениям. Как было указано, по предположению Л. В. Черепнина, Древнейшая Правда возникла не в результате роста классовых противоречий в новгородском обществе, а как результат борьбы В. Новгорода с пришлым элементом. На эту методологическую неправильность справедливо указал автор рецензии на его труд, в котором были высказаны эти взгляды, — проф. К. В. Базилевич². Поскольку основные принципы Правды Ярослава сохраняются и развиваются в других частях Краткой Правды и затем в Пространной Правде, выходит, что все эти основные принципы русского права возникли в результате борьбы В. Новгорода с пришлым населением.

С другой стороны, нельзя согласиться с взглядами Л. В. Черепнина на происхождение Правды Ярослава и потому, что он не связывает ее появление с предшествующим правовым развитием Киевского государства и вообще восточного славянства. Более того, поскольку она, по мнению Л. В. Черепнина, является договором, то можно считать, что каждая ее норма есть результат компромисса, определенных уступок той и другой стороны. Следовательно, в других частях Киевской Руси таких норм не было.

Кроме соображений методологического порядка, — а они имеют основное значение, — к взглядам Л. В. Черепнина о происхождении Древнейшей Правды или Правды Ярослава трудно присоединиться благодаря гипотетичности ряда его положений.

¹ См. Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы XIV—XV веков, АН СССР, 1018, стр. 240 и ел. ² Совгтская книга, 1949, № 7, стр. 69—71.

1. Так, он утверждает, что Правда и Устав, которые Ярослав списал в 1016 г. для новгородцев, изложены в 17 статьях (а по академическому изданию в 18), причем иных доказательств, кроме ссылки на мнения Стратонова и Яковкина, носящих такой же гипотетический характер, он не приводит. Наоборот, есть все основания полагать, что Ярославу принадлежал Покон вирный и Устав мостником.

Вполне возможно, что было много и других статей в Древнейшей Правде, которые при составлении Краткой Правды были заменены позднейшим материалом, в частности, нормами Правды Ярославичей.

Поскольку решение вопроса о составе Правды Ярослава носит гипотетический характер, то невозможно уяснить условия и обстановку ее дарования с полной определенностью.

2. Л. В. Черепнин без достаточных оснований толкует рассказ летописи об избиении варягов в 1015 году.

В исторической науке никем до сих пор не оспаривалось мнение А. Е. Преснякова* о том, что избиение варягов было не делом земской общины, а княжих мужей, которые вели местную политику и боролись против преобладания пришлых людей. Это избиение виновных в уничтожении варягов Ярослав мог произвести при помощи той части дружины, которая, не будучи связана с В. Новгородом, стояла в стороне, или даже при помощи группы варягов, которая могла уцелеть.

Что А. Е. Пресняков правильно, на наш взгляд, представляет, кто были виновники избиения варягов в 1015 г., показывают дальнейшие события. Прежде всего, по летописи сам Ярослав называл иссеченных людей «любимой и честной дружиной». А затем, когда Ярослав, будучи вытеснен из Киева соединенными силами Святополка и Болеслава, прибежал в Новгород, то счел свое дело окончательно проигранным и решил бежать «за море». Но, как рассказывает летопись, «посадник Кенятин, сын Добрыни с новгородци рассекоша

* А. Е. Пресняков, Княжеское и право, СПб., стр. 167—177.

лодье Ярославе, рекуще: хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополком». Если бы избитые за расправу с варягами были действительно члены новгородского общества, то такой, можно сказать, беспримерной поддержки с их стороны Ярослав не мог найти. Ко взгляду А. Е. Преснякова о том, что избившие варягов в 1015 г. люди принадлежали к княжеской дружине, присоединился и И. И. Яковкин.

Л. В. Черепнин, зная о толковании событий 1015 г. А. Е. Пресняковым, прежде чем делать выводы об условиях и обстановке, при которой возникла Правда Ярослава, должен был привести данные, опорочивающие это толкование. Однако он этого не сделал.

3. Утверждение Л. В. Черепнина о том, что весь смысл появления Правды Ярослава заключался в стремлении новгородского мира оградить себя от притеснений варяжской дружины, основано на крайнем преувеличении ее роли в жизни Киевского государства и В. Новгорода, в частности. А кроме того, в тексте самой Правды Ярослава должно было отразиться это стремление. Между тем о варягах, хотя и говорится в Правде Ярослава (ст.ст. 10, 11), но варяги не фигурируют как субъекты наиболее серьезных преступлений (убийства и нанесения увечий).

Словом, взгляд Л. В. Черепнина о происхождении Правды Ярослава не кажется нам убедительным и едва ли может найти поддержку.

Перейдем к оценке взгляда М. Н. Тихомирова о происхождении Древнейшей Правды¹. Как известно, он принимает мнение И. А. Стратонова об официальном и притом новгородском происхождении Древнейшей Правды. Но поскольку, по его признанию, известие об Ярославовой грамоте 1016 г. не находит себе опоры, то Древнейшую Правду он относит к Другой дате, имевшейся в Новгородской летописи, именно, к известию 1036 г. М. Н. Тихомиров указывает, что к этому году Лаврентьевская летопись относит поездку Ярослава в Новгород. Он отмечает, что Древнейшая Правда была дана под давлением обстоятельств (заточение Судислава и боязнь

Ярослава встретить претендента на новгородский престол).

Но и это мнение не может быть нами принято. Дело в том, что никаких прямых известий о даровании Ярославом Новгороду особой Правды, особого юридического сборника новгородские летописи не имеют. Речь может идти о рассказе Софийской 1 летописи под 1035 г. «Великий князь Ярослав иде в Новьгород и посади сына своего Володимера в Новогороде, а епискупа постави Жириягу; и людем написа грамоту, рек: «по сей грамоте дадите дань». Следовательно, если и считать достоверным рассказ Софийской летописи о даровании В. Новгороду Ярославом особой грамоты в 1035 г., то эта грамота могла иметь только финансовый характер.

М. Н. Тихомиров приводит ряд новых выводов в пользу признания новгородского происхождения Древнейшей Правды. М. Н. Тихомиров утверждает, что слова Древней Правды: в и д о к , в значении свидетель, поручитель, и з в о д , мьзда, скот в значении деньги, мир — якобы новгородского происхождения или очень типичны для Новгорода. Но ведь Древнейшая Правда, по мнению М. Н. Тихомирова, составлена в 1036 г., т. е. в первой половине XI в. Для того чтобы настаивать на новгородском происхождении или о преимущественном бытовании этих слов, надо очень хорошо знать язык отдельных частей Киевского государства первой половины XI в. Для этого надо вообще иметь обильный словарный материал. А между тем не нужно быть филологом, чтобы знать, что этот материал ограничен. Во всяком случае, судить на основании этого материала о месте возникновения того или иного слова буквально нет данных.

Для того чтобы так решительно говорить, как это делает М. Н. Тихомиров, о Древнейшей Правде как сборнике новгородского права, относящегося к первой половине XI в., надо иметь представление о киевском, черниговском, смоленском и прочем обычном праве или вообще знать различия между обычным правом этих основных частей Киевского государства. Всем известно, насколько малочисленны источники сведений о право-

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 48 и сл.

вом быте Киевской Руси, — уяснить различия в обычном праве отдельных ее частей никому, и в том числе М. Н. Тихомирову, невозможно.

Наконец, М. Н. Тихомирову, равно как и другим исследователям, настаивающим на новгородском происхождении Древнейшей Правды и вообще Краткой Правды, надо разяснить, каково же было состояние права в основном центре Руси того времени — в Киеве. Существовали ли там аналогичные нормы права или то, что даровалось В. Новгороду, было новостью в правовом развитии Русского государства? Если и в Киевской земле существовала аналогичная правовая система, то почему только в Новгороде могли возникнуть юридические памятники такого типа, как Древнейшая Правда? Если же в Киеве аналогичной системы права не было, то чем это можно объяснить?

Не может быть принят и взгляд Н. А. Максимейко о происхождении Древнейшей Правды. Как указано, Н. А. Максимейко считает, что Краткая Правда составлена во второй половине XI в. в Новгороде одним лицом и что она состоит из двух частей: из части, возникшей в Новгороде, и из части, возникшей в Киеве. По Н. А. Максимейко, Новгородская Правда положена в основу сборника и стоит на первом месте, тогда как Киевская Правда следует за нею в качестве дополнительной части. Н. А. Максимейко писал, что 1-я Правда — не самобытный кодекс, а лишь начальная и вступительная глава произведения, задуманного в более широком масштабе *. Но достаточно элементарного анализа, чтобы понять глубокую разницу между Древнейшей Правдой и остальными частями Краткой Правды в характере норм уголовного права и в денежном счете. Далее, мысль Максимейко о том, что обе Правды (Новгородская и Киевская) могли одновременно быть написаны одним и тем же лицом, требует тщательной и подробной аргументации, что им не было сделано. Естественно, что взгляды Н. А. Максимейко о происхождении Древнейшей Правды не нашли никакой поддержки среди исследователей.

*Н. Л. Максимейко, Опыт критического исследования Русской Правды, стр. 102—113.

Н. А. Максимейко, понимая, что простая ссылка на известие летописи о даровании Уставой Грамоты Ярославом недостаточна, чтобы признать новгородское происхождение Древнейшей Правды, решил привести новые доводы. Но, рассмотрев эти дополнительные доводы, придется признать их неудовлетворительными.

1. Н. А. Максимейко считает таким доводом упоминание в Древнейшей Правде варягов и колбягов, которые были в Новгороде незаурядным явлением, и, следовательно, с ними приходилось считаться при определении юридических отношений. Но ведь и Киев был одним из крупнейших центров «великого пути из варяг в греки», — варяги и колбяги и в Киеве были также незаурядным явлением. Несомненно, с особенностью правового быта варягов приходилось считаться и в Киеве.

2. Н. А. Максимейко считает, что идея равноправия граждан, которая в особенности проявлялась в установлении одинакового вознаграждения за убийство, увечье, раны и удары разных категорий, составляла особенность Новгорода. Чтобы усилить свою аргументацию, он ссылается на договор с немцами 1195 г., где этот принцип якобы в особенности проявлялся. Но одинаковое вознаграждение за убийство и другие преступления против личности в н а ч а л е было не только в Новгороде, но и повсюду. Оно впервые было изменено при Ярославичах, которые стали энергично проводить принципы феодального права-привилегии и устанавливать разное наказание за преступления, в зависимости от положения пострадавшего.

Следовательно, до съезда Ярославичей и в Киеве, и в Новгороде, и в Смоленске, и во всех частях Киевской Руси существовало е д и н о е н а к а з а н и е за убийство и за всякие преступления против личности и имущества.

Нетрудно понять, что довод Максимейко тесно связан с представлением о Новгороде, как «народоправстве».

3. Древнейшая Правда не упоминает о князе как о судье, что соответствует новгородской практике, где князь не только не был единственным судьей, но даже и не играл в нем преобладающей и первенствующей ро-

ли. Но когда новгородский князь не играл особой роли в суде? Это было после превращения Новгорода в республику. До этого все новгородские князья играли такую же роль в суде, как и в других городах Киевской Руси. Развитие особенностей в политическом и судебном аппарате В. Новгорода наблюдалось позднее.

С другой стороны, неупоминание о князе как о судье находит себе объяснение и в том, что Древнейшая Правда вообще не говорит о судебной организации. Она содержит нормы, относящиеся к уголовному праву и процессу. Естественно, что Древнейшая Правда и не могла говорить о князе как о землевладельце, что также отмечает Н. А. Максимейко.

4. Если княжеская власть в Древнейшей Правде находится в тени, а частное лицо, наоборот, стоит на первом плане и проявляет свою индивидуальность весьма ярко, то это — согласно с новгородской историей, которая характеризуется слабостью государственной власти и соответствующим развитием личного начала. Н.А. Максимейко далее развивает свою мысль и считает, что в Древнейшей Правде, в противоположность Правде Ярославичей, денежные взыскания шли пострадавшим. Но для того, чтобы сравнивать характерные черты правового быта Киева и Новгорода, надо знать их и притом знать на основании каких-то других источников. Этих источников у нас нет. Данная черта — руководящая роль и самостоятельность частного лица в процессе — может быть легко объяснена не наличием каких-то особенностей новгородского правового быта, а определенным уровнем общественно-экономического, политического и правового развития Киевской Руси.

5. Н. А. Максимейко считает, что «12 человек» ст. 15 Древнейшей Правды — это не судьи, а свидетели. А о таких 12 свидетелях говорит и договор новгородцев с немцами конца XII в.

Чтобы этот факт имел какое-нибудь доказательственное значение, необходимо привести данные о том, что в Киеве в первой половине XI в. эти 12 человек не были свидетелями по делам о неуплате долга. Но ведь этих данных ни у Н. А. Максимейко, да и у всех исследова-

телей, которые держатся его взгляда, нет. Естественно, что взгляд Н. А. Максимейко на происхождение Русской Правды не нашел никаких сторонников.

3. Состав, источники, место и время происхождения Древнейшей Правды

Критический обзор наиболее известных взглядов на происхождение Древнейшей Правды дает нам возможность более глубоко обосновать решение вопроса о составе, источниках, месте и времени происхождения Древнейшей Правды.

Как мы уже ранее говорили, Древнейшая Правда состоит из восемнадцати статей. Из этих статей четыре относятся в основном к нормам процессуального права (ст. ст; 2, 14, 15, 16), а остальные к уголовному праву, хотя в некоторых статьях имеются фрагменты, касающиеся и процесса (ст. ст. 6 и 10).

В Древнейшей Правде вводится сорокагривенная вира за убийство, причем эта вира взыскивалась за убийство лиц, принадлежащих к разным категориям (русина, гридина, купчины, ябетника, мечника, изгоя, славянина). Очевидно, что ранее виры за убийство этих категорий взыскивались в другом каком-то размере. Можно, например, полагать, что в уменьшенном размере защищалась жизнь гридина и мечника, которые, вероятно, набирались иногда из княжеских холопов, и в особенности жизнь изгоя. В целом ряде статей предусматривались преступления против телесной неприкосновенности — побои, увечья, поранения и прочие, причем взималось вознаграждение или в размере 12 гривен или в размере 3 гривид. Далее идут статьи "оСГйму-щественных, прес^уг^л^ениях, 7 причем 1Г^за^тй~виды преступлений также взыскивалось Ют^ГТ2 йлй^Згривну, (укрывательство бежавшего чёлядйна, езда на чужом коне без разрешения хозяина, кража). После этого шли три статьи ограничивавшие самоу п^ав^ство' и указывавшие на необходимость д7ш^п^страдавТегй^ТУб1)а^йти к своду. Древнейшая Правда заканчивалась статьями о нанесении холопом удард^ЩнЪ% мужу и о последствиях повреждения копья^щита^л^л^Г^дежды,"

В литературе шел упорный спор, куда шло вознаграждение в размере 12 и 3 гривен: является ли это вознаграждение позднейшей продажей, т. е. штрафом, шедшим князю, или уроком, шедшим пострадавшему? Многие исследователи обращали внимание на слова: «за обиду» и считали, что это взыскание шло пострадавшему, которому была нанесена обида. Но смысл этих двух слов «за обиду» иной. Дело в том, что в эпоху Русской Правды преступление (этого слова в то время вообще не существовало) носило наименование обиды, причем под обидой понималось причинение кому-либо материального, физического или морального вреда.

Поэтому выражение «за обиду» было если не тождественно, то весьма близко по своему значению выражению «за это преступление». Вводя в текст статьи выражение «за обиду», составители хотели подчеркнуть, что предусматриваемое деяние является преступным и отныне будет подлежать наказанию.

Если бы при установлении взыскания в размере 12 и 3 гривен дело шло о возмещении ущерба пострадавшему, то этот ущерб не мог бы вообще укладываться в две цифры. Он мог быть больше или меньше указанных сумм. Например, похищенное чужое имущество — конь, оружие или одежда (ст. 13) могло оцениваться гораздо выше, нежели 3 гривны, а тем не менее эта сумма была указана в Древнейшей Правде. Следовательно, при установлении взысканий за те или иные преступления в Древнейшей Правде предусматривался не линейный ущерб пострадавшего, а уже «уголовный» интерес феодального государства. Поэтому в Древнейшей Правде статьи, за нарушение которых предусматривалось наказание в размере 12 и 3 гривен, относятся к преступлениям, совершаемым в отношении имущества.

Наконец, в пользу мысли о том, что 12 и 3 гривны являются штрафом, идущим князю, а не вознаграждением пострадавшему, говорит и то, что в протографе II—V редакций (в так называемой Пространной Правде) 12 и 3 гривны за те же преступления называются продажей (см. ст. ст. 4 и 17 (23), 7 и 21 (28) и пр.).

Итак, в Древнейшей Правде устанавливается единая система наказаний, которая должна применяться ко всем преступлениям, совершаемым в отношении имущества.

до всему пространству Киевской Руси. По ст. 1 Древнейшей Правды княжеское общество, которые смыкались с холопами — гридей и мечников, а также изгоев, которые превращались в рабочую силу княжеских сел (см. грамоту Ростислава Смоленского)¹ была защищена одинаковым образом со свободными людьми. Были впервые введены штрафы в пользу князя, наряду с вознаграждением потерпевшим, которое было установлено на основании норм обычного права. Установлен ряд новых составов преступлений, ранее неизвестных в Киевской Руси.

Следовательно, в Древнейшей Правде мы наблюдаем установление таких новых правовых принципов, которых ранее не было известно в Киевской Руси. Они могли быть установлены только после перестройки политического и судебного аппарата, и это свидетельствует о переходе к феодальному государству. Однако взгляд на законодательство, как источник Древнейшей Правды, который впервые был высказан Татищевым и поддержан Карамзиным, Эверсом, Тобиным, Ланге, Стратоновым, вызвал возражения со стороны Сергеевича, Гетца, Максимейко и ряда других исследователей. Они считали Русскую Правду вообще частным сборником права и, следовательно, источником Древнейшей Правды, по их мнению, могло явиться (Сергеевич, Гетц, Тихомиров) или обычное право руссов, или иноземное право — скандинавское (Карамзин, Погодин и Карский), или чисто римское («свободное от тех примесей и сокращений, которые были внесены в него Византийской официальной кодификацией»²).

Коснемся тех взглядов, которые считают основным источником Древнейшей Правды обычное право. Как мы знаем, в Древнейшей Правде имеется всего 18 статей (разбивка ее на статьи была произведена позднейшими исследователями). Без разбивки на статьи ее можно напечатать на одной странице книги. Древнейшая Правда касается наиболее частых в быту преступле-

¹ М. Ф. Владимирский - Буданов, Хрестоматия по истории русского права, вып. I, изд. 4, стр. 241.

² Н. А. Максимейко, Опыт критического исследования Русской Правды, стр. 114.

ний: убийства, побоев, увечий, ударов мечом, краж, истребления чужого имущества, самовольного (без разрешения собственника) пользования чужим имуществом. Упоминает она и о некоторых процессуальных правилах при обвинениях в похищении вещей. Мы не ошибемся, если скажем, что размер наказаний за эти наиболее часто встречающиеся виды преступлений и указанные процессуальные правила, если бы они регулировались действительно обычным правом, были бы буквально всем известны. Кому было нужно, чтобы эти совершенно элементарные нормы обычного права были бы записаны и составили бы частный сборник права? Нужны ли они были какому-либо администратору, который в XI—XII вв. выполнял судебные функции? Нам думается, что нет, поскольку он эти элементарные нормы прекрасно бы знал и даже знал бы решения отдельных весьма сложных казусов, если бы эти нормы были нормами действительно обычного права. Нужно ли было ознакомление с этими нормами обычного права широким массам населения? И здесь, несомненно, широкие массы должны бы знать, что убийство вообще наказуемо; наказуемы и побои, равно и кражи. Система наказаний была весьма простой: или 12 гривен и 3 гривны. Более серьезные наказывались двенадцатью гривнами, а менее серьезные тремя. Следовательно, нетрудно было бы запомнить наказания, устанавливаемые за отдельные виды преступлений.

Можно было бы еще понять смысл составления частного сборника русского права, если бы он знакомил судебных работников с судебной практикой великих князей или бы он касался весьма сложных, запутанных вопросов права.

Словом, нельзя понять цель и смысл составления сборника, в котором бы пересказывалось содержание нескольких норм обычного права, известных буквально всем.

Только в предположении, что нормы, которые излагались в Древнейшей Правде, являются новыми, до сих пор широкой массе населения и судебно-административному ап-

парату неизвестными, можно понять смысл издания особого Устава и его обнародования.

Считая, что источник Древнейшей Правды является не обычное право, а законодательный акт, мы отрицаем, что многие нормы ее сложились задолго до законодательной регламентации, так называемый Закон русский Ярослава, несомненно, приходилось делать отбор этих норм и закреплять одну из них в соответствии с интересами класса феодалов,

Возникает вопрос, только ли восемнадцать (по Академическому изданию) первых статей Краткой Правды составляли Правду Ярослава.

Поскольку Краткая Правда вовсе не является механическим объединением Правды Ярослава и Правды Ярославичей, то есть все данные утверждать, что при составлении Краткой Правды могли быть использованы ряд и других статей Правды Ярослава, кроме первых восемнадцати.

Так, в Краткой Правде после так называемой Правды Ярославичей имеется статья 28 (29), являющаяся сокращением статьи 2-й Правды Ярослава. Можно полагать, что ст. ст. 40, 41 и 42 (т. е. те статьи, которые связаны с так называемым Поконом вирным и Уроком мостником) также принадлежали к Правде Ярослава. Характерно, что после статьи 41 (42) Акад. сказано: «То ти Урок Ярославль». Если бы Правда Ярослава, а она является, несомненно, сборником его законов, только состояла бы из 17—20 статей, то едва ли в одной из статей Пространной Правды было бы сказано: «а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша» (ст. 2 Тр).

Вполне возможно, что некоторые статьи, помещенные в Краткой Правде после Правды Ярославичей, принадлежали Ярославу или же были даны уже в переработанном виде. Вполне возможно, что ряд статей Правды Ярослава при составлении Краткой Правды был опущен, поскольку они противоречили законодательству Ярославичей.

Итак, мы считаем, что возникновение Древнейшей Правды является одним из серьезных моментов в право-

вом развитии Киевского государства. Исходя из этого положения, мы и должны решить вопрос о месте и времени ее происхождения.

Как мы знаем, взгляд о новгородском происхождении, который с такой настойчивостью защищался целым рядом исследователей, начиная от В. Н. Татищева и кончая М. Н. Тихомировым и Л. В. Черепниным, не подтверждается убедительными аргументами.

Нельзя принять ни взгляд о том, что Правда Ярослава дана в награду новгородцам за их помощь в борьбе со Святославом, ни взгляд о том, что Правда Ярослава дана новгородцам в целях защиты выделившегося из княжеского двора новгородского общества, ни взгляд о том, что Правда Ярослава дана в целях защиты новгородцев от притеснения пришлой варяжской военной дружины. Правда Ярослава является дальнейшим развитием права русского государства. Ее появление не может связываться со взаимоотношениями Ярослава с Новгородом. Правда Ярослава — это этап в истории права всего Киевского государства, обусловленный всем ходом общественно-экономического и политического развития. Естественно, этот серьезный момент в развитии русского права скорее всего мог получить свое выражение не в Новгороде, который не играл в начале XI в. какой-нибудь крупной политической роли и был только плацдармом для выхода князей на большую политическую арену, а в столице Киевского государства — Киеве. Можно бы принять новгородское происхождение Правды Ярослава, если бы летопись говорила только о присылке ее Ярославом из Киева. Но летопись об этом не говорит, а данные поздних списков Новгородской I летописи о происхождении Правды не выдерживают серьезной критики. Решение вопроса о Киеве, как месте возникновения Правды Ярослава, дают нам возможность установить и время ее происхождения.

Не принимая подробностей происхождения Древнейшей Правды, на которых настаивает М. Н. Тихомиров (поездка Ярослава в Новгород в 1036 г., связь с заточением Судислава и пр.), мы также считаем, что

Ярослав издал Устав об установлении новых норм уголовного права в 30-х годах XI в.

Известно, что князь Ярослав в начале своего княжения втянулся в ожесточенную борьбу со своими братьями, а затем стал воевать с князем Мстиславом. Едва ли он мог заняться законодательством в такое тревожное время. Более вероятно предположение, что он издал свой судебник, когда сидел прочно на Киевском столе, когда он уже сильно развернул свою организационную деятельность, т. е. в 30-х годах XI в.

§ 4. Правда Ярославичей

Правда Ярославичей, которая послужила одним из источников Краткой Правды, имеет особый заголовок, из которого видно, что она была составлена на съезде грех сыновей Ярослава — Изяслава, Святослава и Всеволода, причем на этом съезде принимали участие и их мужи.

Этот заголовок казался исследователям (Татищев, Карамзин, Ланге, Сергеевич) вполне достаточным источником для установления происхождения Правды Ярославичей. Как общее правило, местом происхождения Правды Ярослава принимался Киев, а временем — промежуток между смертью Ярослава и смертью князя Изяслава.

Однако в литературе были предложены мнения, которые иначе представляют происхождение Правды Ярославичей. Среди этих исследователей, которые в погоне за оригинальностью своих построений жертвуют иногда здравым смыслом, необходимо указать на Гетца, Максимейко и Стратонова.

Обратимся к разбору взгляда Гетца о происхождении Правды Ярославичей.

Если Древнейшая Правда, по Гетцу, является памятником древнейшего народного права, сложившегося у восточного славянства до появления варяжских князей, то так называемая 11 редакция Русской Правды является старейшим до нас дошедшим отражением государственно-уставного судопроизводства на Руси,

которое переносит нас к самому началу деятельности князей в сфере правовой жизни. Эту II редакцию он относит ко временам Ярослава. Но поскольку эта II редакция начинается с прямого указания о том, что она составлена на съезде сыновей Ярослава, Гетц устраняет этот заголовок, считая его позднейшей вставкой. Позднейшей вставкой считает он и статью, в которой говорится о вине в 80 гривен «за конюха у стада старого, яко оставил Изяслав в своем конюхе, его же убили Дорогобудьци».

Устранив, как позднейшую вставку заголовок, по которому II редакция приписывалась сыновьям Ярослава, Гетц считает ее сборником выписок, сделанных одним или несколькими вирниками из того уставного материала, с которым они имели дело.

Как было указано, работа Гетца имеет главнейший недостаток для исследователя древнейших памятников: он не производит анализа отдельных списков и редакций и произвольно обращается с текстом, в частности, он опускает текст, если он почему-либо мешает его заранее принятым положениям. Его устранение из Правды Ярославичей заголовка носит совершенно произвольный характер, оно не мотивировано достаточно убедительно. А отсюда взгляд, что Правда Ярославичей, оказывается, является Правдой Ярослава, не может быть серьезным образом обсужден и, конечно, не мог быть принят.

Н. А. Максимейко, ссылаясь на заголовок Правды Ярославичей «Правда, уставлена Русьской земли, егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микыфор Кыянии, Чюдин Микула», считает, что эта Правда есть действительно Правда Киевской Руси.

Он отождествляет русскую землю с Киевской землей. С другой стороны, он учитывает наличие ряда признаков, типично киевских (особое внимание к князю и его штату, сословное неравенство)².

¹ Н. А. Максимейко <>, Опыт, стр. 35.

² Там же, стр. 30—37.

Одним из характернейших особенностей взгляда о происхождении Краткой Правды Н. А. Максимейко является его утверждение, что обе Правды: и Правда Ярослава и Правда Ярославичей написаны одним и тем же лицом — новгородцем (оставшимся неизвестным) по происхождению. Дршя лшшѣанда Краткой Правды, т. е. и написания Правды Зрасщц1^ей определяется заглавием, припиШвающим составление ее сыновьям Ярослава, т. е. во второй половине XI века.

Как Правда Ярослава, так и Правда Ярославичей, по мнению Максимейко, составлена под влиянием римского права, в частности, под влиянием памятников Юстиниановой кодификации.

Нетрудно видеть, насколько парадоксально, насколько даже фантастически решает Максимейко вопрос о происхождении Правды Ярославичей. Он приписывает воображаемому автору Краткой Правды идеи, которые просто невероятны для книжника XI в., в частности, приписывает ему мысль о противопоставлении греческого, византийского права, которое стало распространяться на Руси под влиянием византийского духовенства, русскому. С другой стороны, это противопоставление делается при помощи чистого, без всяких примесей, римского прапа.

Все эти парадоксальные, чисто фантастические положения разделялись только самим автором.

И. А. Стратонов считает, что Правда Ярославичей возникла в Киевской Руси. Эта Правда была составлена детьми Ярослава по его предложению. Она должна была дополнить нормы Правды Ярослава¹.

И. А. Стратонов, ссылаясь на некоторые сообщения Татищева, считает возможным съезд Ярославичей, на котором была составлена Правда Ярослава, отнести к 1035 г. Будто бы Ярослав, который находился в Новгороде, предложил своим детям, находившимся в Киеве, составить закон, который затем и получил название

¹ И. А. Стратонов, К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды, стр. 385—394.

Правды Ярославичей. Установлено, что старшему сыну Ярослава — Изяславу было в это время всего 11 лет, а Всеволоду 5—6 лет. Ясное дело, что съезд малолетних княжат не в состоянии был заняться законодательством. Тогда Стратонов, чтобы сделать предположение о подобном съезде малолетних Ярославичей вообще возможным, указывал, что их участие носило характер представительства; их роль была пассивной. Но в заголовке упоминаются не только Ярославичи, но и княжеские слуги: Коснячко, Перенег, Микыфор Киянин, Чюдин Микла, расцвет деятельности которых падает по летописи на 70-е годы. И здесь заслуживает всяческого внимания замечание М. Н. Тихомирова о том, что если малолетние князья и могли как-нибудь участвовать, хотя бы для представительства, в съезде, установившем Правду, то совершенно невероятно думать, что Микыфор, Коснячко и Чюдин, известные в 70-х годах XI в., играли такую же роль за 30—40 лет до этого времени. Летопись говорит о них как о людях, живших и действовавших в эпоху гораздо более позднюю, чем та, к которой их относит Стратонов.

Словом, соображения И. А. Стратонова о происхождении Правды Ярославичей во времена Ярослава нельзя признать сколько-нибудь убедительными. Тем более голословными являются утверждения об этом других исследователей.

Критический обзор мнений о происхождении Правды Ярославичей позволяет нам лучше уяснить этот вопрос.

Как нами было установлено, так называемая Древнейшая Правда или Правда Ярослава была весьма крупным моментом в правовом развитии русского государства. Благодаря этой Правде княжеские судьи получали краткий судебник, в котором давались указания о взысканиях за те или иные виды преступлений.

Нами было отмечено, что в этой Правде были установлены новые правовые принципы, которые до сего времени не были известны на Русь. Правда Ярослава прежде всего унифицировала систему наказания. Этой Унификации, конечно, не было ранее. Если за убийство, возможно, взималось более или менее одинаково,

то за другие виды преступления, конечно, применялись различные взыскания. Правда Ярослава устанавливала штрафы в *НѣиШу, 3ѣШЯЩ,* ~ тогда как прѣшние суды, вероятно, взыскивали только вознаграждение в пользу пострадавших и некоторые судебные пошлины.

Впервые в Правде кладет начало и княжеской защите некоторых хрупких вещей, которые связаны или своими служебными положениями с князем — мечники, ябетники, гриди или с княжеским хозяйством — изгой. Наличие ст. 1 Древнейшей Правды, устанавливающей одинаковое наказание за убийство, обусловлено не осуществлением принципа равноправия, а защитой тех элементов общества, которые были опорой княжеской власти.

Но процесс развития феодальных отношений углублялся и расширялся. После того, в результате деятельности князей Владимира и Ярослава, которые в интересах пришедшего к господству класса феодалов много содействовали укреплению этого класса, перестроили политический и судебный аппарат и создали первую форму феодального государства — ранее феодальную монархию; быстро стало расти княжеское землевладение, которое являлось источником для боярского и церковного землевладения. Князья раздавали земли боярам и церковным учреждениям из своего земельного фонда, из своего домена. Княжеское хозяйство получает к этому времени законченные формы. Возникает группа дворцовых слуг, которые ранее назывались тиунами огнищными, а теперь огнищанами. По мере усиления значения княжеского хозяйства усиливается влияние этих дворцовых слуг. Летописец, рассказывая о деятельности князя Всеволода, подчеркивает особое значение «уных», т. е. младших элементов при княжеском дворе. Летописец отмечает, что эти элементы стали грабить людей, продавать их, т. е. стали усиливать эксплуатацию сельского населения и городских низов.

Летописи начинают пестреть известиями о боярских селах и о церковных владениях. Митрополичья кафедра теперь владеет не только селами, но и городами.

В этих условиях отношения между выросшим и оформившимся классом феодалов, с одной стороны, и сельским населением и городскими низами, с другой стороны, обостряются.

Отдельные представители княжеской администрации подвергаются избиению. Краткая Правда отмечает, что дорогобужцы убили старого конюха князя Изяслава. Это убийство вызвано было, как можно полагать, всякого рода вымогательствами старого конюха. Дорогобужцы, вероятно, должны были нести повинности, связанные с княжеским конским хозяйством, и подчиняться этому представителю княжеского двора. Но в конце концов эти единичные эксцессы стали перерастать в массовые восстания против феодальной власти.

Первое восстание произошло в 1068 г., причем поводом к этому восстанию было поражение, понесенное Ярославичами от половцев. В результате этого восстания Изяслав вынужден был покинуть Киев и уступить свою власть князю Полоцкому Всеславу. Только с помощью войск, присланных из Польши, где королем был его племянник, ему удалось вернуть свою власть.

Однако недовольство городских низов и сельского населения не прекратилось. Летопись говорит о появлении в Киеве и в Новгороде «волхвов», т. е. представителей прежнего языческого культа, которые предсказывали о предстоящих серьезных потрясениях. Затем в 1072 г. вспыхнуло восстание среди ростовских смердов, которое с большим трудом было подавлено Яном Вышатичем, мужем князя Святослава.

Словом, в Киевском государстве во второй половине XI в. процесс феодализации углублялся и расширялся.

Те зармы^ кш:оды^(Мж., и вошли в состав Древнейшей Правды, были недрста; -точнбг не только для охраны жизни и имущества всего класса феодалов, но и для жгёзнь.; "княжеских дворцовых слуг. Дело в том, что подавляющее большинство княжеских слуг, после отрыва княжеских дружинников от княжеского двора, оседания их на землѣ4гпре^ вращения в вассалов, принадлежали к числу холопов.

Нам известно, как защищалась жизнь холопов до появления Краткой Правды. Можно полагать, что за убийство чужого холопа взыскивалось вознаграждение в зависимости от качеств и цены холопа. Никакого штрафа, идущего князю за это убийство, не полагалось.

Естественно, что княжеские тиуны-холопы, выполняя свои функции, могли почти безнаказанно истребляться. Так мог быть убит и огнищанин, охранявший от кражи или грабежа княжеское имущество. Поэтому пока не были бы изданы законы, охранявшие строгими карами жизнь княжеской администрации, состоявшей главным образом из холопов, имущество в княжеских селах, основной очаг феодального землевладения — княжеский домен — не мог развиваться. Отсюда, князья и их княжеские слуги, были-весьмз-заинтересованыГв издании новых-законов-&-дополнение жс. законам Древнейшей Правды, которые должны явиться дальнейшим развитием принципов . феодального права — права-привилегии. Это-и-было сделано на особом съезде Ярославичами, 1ак. появилась так называемая Правда Ярославичей.

Итак, Правда Ярославичей является памятником, в котором получили свое дальнейшее развитие принципы феодального права — права-привилегии. На основании этих прин^ип^в жшш?-вхехшх представителе ТШяжеской^дворшвр! администрации — огнищан, княжЖ тиунов.—стала, охраняться в два раза выше, нежели жизнь свободных людейГМГМмужей по^терминолоГий* Древнейшей Правды. В Правде Ярославичей жизнь старого конюха охранялась двойной вирой, как и огнищанина.

Ряд княжеских слуг — холопов, уйцйсхва^оторых, кахШло~7Ка^МГ^ЖЕлр за^собой ранее только^денежное взыскание, размер которого определялг.я!ценной убитого^ стал 2Р^ аняться "Шрафом, "идушим князю, и притом доЦрльно высоким ШтрЗфолГ "именно в 12 гривен. К числу этих холопов былГТ5тЖс"еньГсёльскій и ратайные тиуны княжи, кормильцы и кормилицы. Жизнь княжеских холопов, а также холопов, занимавших низшие административные должности, стала охраняться также штрафом, идущим князю в размере

5 гривен, независимо от их качеств и возраста. Стала охраняться и жизнь смерда (штрафе 5 гривен). Впервые были установлены уроки за кражу скота в единообразном размере, которые взимались дополнительно к штрафу по ст. 13 в размере 3 гривен.

Все эти нормы Правды Ярославичей являются нормами новыми, источником которых является постановление трех Ярославичей вместе с наиболее крупными дредетавителями местной — княжеской администрации. Считая источником Правды Ярославичей княжеское законодательство, необходимо, однако, указать, что некоторые нормы этого памятника стали устанавливаться до съезда Ярославичей в их судебной практике. Такой нормой является уа;^овле щле двойной.. виры за убийство .стгшого конюха. Текст этой статьи содержит прямое упоминание, что этот весьма высокий штраф был установлен Изяславом в отношении дорогобужцев, которые убили его старого конюха. Возможно, что ряд и других норм первоначально применялись в судебной практике, а затем вошли в состав Правды Ярославичей. Взгляд о том, что Правда Ярославичей имеет своим источником княжеское законодательство и частично судебную практику, можно считать весьма распространенным (Гатищев, Эверс, Тобин, Ланге, Соловьев, Мрочек-Дроздовский, Стратонов, Тихомиров). Однако имеются исследователи, которые источником Правды Ярославичей, равно как и Древнейшей Правды, считают обычное право. Среди этих исследователей надо упомянуть Дювернуа, Гетца, Максимейко. Максимейко, кроме того, говорит о влиянии на Правду Ярославичей римского права.

Имеются исследователи, которые признают указное происхождение некоторых статей Правды Ярославичей (Сергеевич). Против взгляда о том, что источником Правды Ярославичей надо признать обычное право, можно выдвинуть те же самые соображения, которые нами были приведены при обсуждении вопроса об источниках Древнейшей Правды.

В самом деле, если Правда Ярославичей содержит нормы обычного права, т. е. нормы всем известные и судьям и населению, то кому придет в голову состав-

лять сборник этих норм? Какая цель этого составления? Только в предположении, что нормы Правды Ярославичей являются совершенно новыми, можно понять их включение в состав Краткой Правды, которая, несомненно, была руководством для княжеских и церковных судей, а затем сделалась руководством для боярского суда.

С другой стороны, если Правда Ярославичей являлась сборником норм обычного права, то как объяснить то, что она имела особый заголовок: «Правда уставлена Руськой земли, егда ся съвокоупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин Микула». Кому нужно было часть статей Краткой Правды давать с подобным заголовком? Если составитель хотел придать особый авторитет идущим затем нормам Краткой Правды, то он мог это сделать с большим успехом, сославшись на законодательство самого Ярослава; А самое главное, нормы, устанавливающие двойную виру за убийство, отражают принцип феодального права, права-привилегии, которые могли установиться только в результате дальнейшего развития феодальных отношений. Чтобы парализовать значение данного заголовка Правды Ярославичей, сторонники взгляда о Краткой Правде, как памятника, единственным источником которого является обычное право, говорят, что этот заголовок относится только к нескольким статьям Краткой Правды (к статьям, предусматривающим убийство огнищан). Но, анализируя статьи, следующие за этим заголовком вплоть до ст. 28, нетрудно видеть, что они все связаны между собой, они все имеют своей задачей защиту представителей княжеской дворцовой администрации и княжеского имущества от посягательств городских низов и закрепощаемого сельского населения.

Некоторые исследователи, как например, П. В. Голубовский¹ и М. А. Дьяконов² полагают, что заголовок

¹ П. В. Г о л у б о в с к и й, Обзор трудов по древнейшему периоду русской истории «Университетские известия», Киев, 1907, № 8, стр. 59 и сл.

² М. А. Д љ а к о н о в , Очерки, стр. 42—43.

Правды Ярославичей приписан в XIV—XV вв. переписчиком Краткой Правды, причем при составлении его он использовал сообщение Пространной Правды о съезде Ярославичей, который «отложиша убияние за голову», где участвовали почти те же лица (кроме Чюдина Микулы). Но это предположение надо доказать. Почему же сообщение Пространной Правды, где говорится, кстати сказать, о вторичном съезде («паки»), признается достоверным, а сообщение о съезде в Краткой Правде—подлогом? Очевидно, П.В. Голубовскому и М.А. Дьяконову необходимо было бы во что бы то ни стало доказать, что основным источником Правды Ярославичей является обычное право, а не княжеское законодательство, и тем самым защитить заранее декларированный взгляд о Русской Правде, как частном сборнике права.

Также бездоказательны взгляды некоторых исследователей о влиянии на нормы Правды Ярославичей иноземного права: скандинавского, германского и римского, что будет доказано в специальном разделе.

У нас нет особых трудностей при решении вопроса о времени и месте возникновения Правды Ярославичей. Мы полагаем, что время возникновения Правды Ярославичей определяется указанием заголовка к этой Правде.

В этом заголовке говорится о съезде трех Ярославичей — Изяслава, Всеволода и Святослава и наиболее влиятельных их слуг. Когда умер каждый из этих Ярославичей, известно. Следовательно, нетрудно установить приблизительно и время их съезда.

Но мы привели ряд соображений о том, что Правда Ярославичей могла появиться ... тогда—надо было угрозой более жестоких наказаний предотвратить нападения на представителей дворцовой администрации и княжеского имущественного со стороны городских низов и закрепощаемого сельского населения.

В 1073 т. умер Изяслав. Следовательно, съезд не мог состояться позже этого года. Уже П. В. Голубовский¹,

П. В. Г о л у б о в с к и й , Обзор трудов, стр. 59 и ел.

а затем М. А. Дьяконов¹ устанавливают связь между этим съездом и съездом Ярославичей в Вышгороде по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба. М. Н. Тихомиров поддержал мнение П. В. Голубовского и М. А. Дьяконова и считает, что в Вышгороде состоялось после церковного торжества в 1072 г. совещание Ярославичей, записи о котором мы находим в Правде Ярославичей. Нам думается, что это предположение о съезде в Вышгороде имеет за собой серьезные основания. Возможно, что съезд мог состояться и в Киеве, но и в Вышгороде могла быть намечена программа съезда и установлена необходимость издания новых законов.

Словом, признание достоверной записи о съезде Ярославичей влечет за собой признание местом составления Правды Ярославичей Киев. Так и думает подавляющее большинство исследователей.

§ 5. *Дополнительные статьи к Правде Ярославичей*

В составе Краткой Правды после Правды Ярославичей идут статьи разного содержания, из коих численно преобладают статьи о краже имущества и скота (ст. ст. 28 (29), 30 (31), 34 (35), 35 (36), 36 (37), 37 (38), 38 (39), 39 (40)).

Вопрос о происхождении этих дополнительных статей к Правде Ярославичей был впервые поставлен в специальной литературе М. Н. Тихомировым². По его мнению, эти дополнительные статьи первоначально были не связаны с Правдой Ярославичей. В основании их лежали какие-то особые записи, в некоторых своих частях близкие Древнейшей Правде. Н. М. Тихомиров, основываясь на сходстве дополнительных статей с Древнейшей Правдой, считает возможным настаивать на их новгородском происхождении. Главным доводом его является наличие статьи о краже лады, сена и дров. Он полагает, что упоминание о ладе ведет нас

¹ М. А. Дьяконов, Очерки, стр. 42—43.

² М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 67—70.

К новгородским пределам с развитыми водными путями, а особая забота о сене и дровах, возможно, характернее для русского севера, чем для юга. Далее, по мнению М. Н. Тихомирова, для характеристики новгородской окраски этих статей показательны наличие статьи о муке огнищанина и смерда. М. Н. Тихомиров полагает, что эти дополнительные статьи возникли не ранее последней четверти XI в., во всяком случае позже написания самой Правды Ярославичей.

Коснемся прежде всего обстановки и предпосылок происхождения этих статей.

После издания Правды Ярослава процесс феодализации в Киевской Руси стал более расширяться и углубляться. Удельный вес боярского землевладения стал расти, стало расти и политическое влияние боярства.

Существовавшее после издания Правды Ярославичей законодательство не могло удовлетворить боярство. Оно касалось только княжеских дворцовых слуг и охраняло только княжеское имущество. Жизнь и имущество бояр охранялось на основании общих норм. Естественно, что основной задачей уголовного законодательства после издания Правды Ярославичей являлось распространение ее норм на боярство. Надо было чтобы и имущество бояр было охранено более высокими санкциями против воров и грабителей. Яро-славичи или их непосредственные преемники стали издавать отдельные постановления об усиленной охране имущества, или выносить судебные решения, которые затем обобщались в законодательных нормах. Так, появились статьи об установлении штрафа в высшем размере (12 гривен) за увод чужого холопа или рабы (28 (29) Акад.), за кражу скота — коня, вола и имущества из клети (30 (31) Акад.), ладьи (34 (35) Акад.), домашних птиц (35 (36) Акад.), пса, ястреба и сокола (36 (37) Акад.), сена и дров (38 (39) Акад.), овцы, козы или свиньи (39 (40) Акад.). Все эти нормы защищали от посягательств имущество не только князей, но и всего населения, в первую очередь, имущество боярства. Очень характерно, что в законодательстве затрагивается вопрос о соучастии. Очевидно, в условиях обострения классовых противоречий, кража

имущества стала производиться скопом («шайкой»), В ст. 30 (31) Акад. и 39 (40) Акад. устанавливается, что каждый из соучастников должен платить одинаковый и притом повышенный штраф. Если кража коня, вола или имущества из клети совершалась одним лицом («един будет крал»), то взыскивалось гривна и тридцать резан, а если в этой краже виновны несколько лиц, то каждый из участников платил уже по три гривны и по 30 резан. Такое же повышенное взыскание должны были платить и участники в краже овцы, козы или свиньи. Принимались также меры против истребления межевых знаков. Среди дополнительных статей имелась статья, которая давала право пострадавшим расправляться с ночными ворами (ст. 37 (38) Акад.). Некоторые статьи по своему смыслу непосредственно примыкают к Правде Ярославичей, как бы являясь логическим продолжением этой части Краткой Правды. А именно, ст. (31 (32) Акад.) об усиленной охране княжой борти (истребление каралось штрафом в размере 3 гривен) и о защите представителей княжеской дворцовой администрации — огнищан, тиунов, мечников, а также смердов — основной рабочей силы княжеских доменов — от «муки без князя слова», причем устанавливается разное наказание для преступников, в зависимости от положения пострадавшего (12 гривен за огнищан, тиунов, мечников и 3 гривны за смердов).

Мы считаем, что М. Н. Тихомиров прав, когда говорит, что эти статьи не составляли какого-либо отдельного памятника. Слишком эти статьи были разншерстны и не совсем была выдержана система наказаний. Они были, вероятно, приобщены к тексту во время составления и окончательного отредактирования Краткой Правды.

Присоединяемся мы к М. Н. Тихомирову в решении вопроса о времени происхождения дополнительных статей. Конечно, они, будучи дополнительными статьями к Правде Ярославичей, должны появиться позднее этого памятника. Тем решительнее мы должны подчеркнуть наше несогласие с ним в отношении места возникновения этих статей.

Мы только что установили, что характер дополнительных статей такой, что они не могут быть сочтены нормами обычного права. Эти статьи содержат совершенно новые постановления в развитие норм Древнейшей Правды и Правды Ярославичей. Они в основном продолжают развивать ту же линию, что и эти памятники: защиту княжеских людей и княжеского имущества. Подобного рода статьи могут появиться только как законодательные нормы. А если это так, то они могли возникнуть только в столице Киевского государства, причем они могли явиться или постановлениями великих князей, своего рода их новеллами, или их судебными решениями.

Доводы, которые приводит М. Н. Тихомиров в защиту новгородского происхождения их мало убедительны.

Он указывает прежде всего сходство дополнительных статей с Древнейшей Правдой, которая, по его мнению, возникла в Новгороде. Далее, имеется статья, устанавливающая наказание за похищение дров и сена; особая забота о сене и дровах является более характерной для севера, чем для юга.

Среди дополнительных статей имеется статья, предусматривающая похищение ладьи, что ведет нас к новгородским пределам с развитыми водными путями. Наконец, статьи знают огнищанина и смерда.

Но только ли жителей Новгорода могли интересоваться дрова и сено? В Киеве бывают значительные морозы и без отопления зимой киевляне не могли обойтись. Несомненно, климат в Киеве не мог так быстро измениться, чтобы жители Киевской земли в эпоху Краткой Русской Правды не нуждались в дровах для отопления. Точно так же и скот в Киевской земле не мог кормиться зимой на подножном корму. М. Н. Тихомирову должно быть известно, что снежный покров в Киеве иногда не уступает новгородскому. Следовательно, сено здесь является также необходимым продуктом, как и в Новгороде. Наконец, Киев стоит отнюдь не в пустыне, а на берегу Днепра, причем недалеко расположено устье Десны. Главное же, Киев находился на великом речном пути, шедшем «из варяг в греки».

Следовательно, интерес к ладьям в Киеве должен быть не меньшим, нежели в Новгороде. Наконец, огнищани и смерды—группы населения, которые, по общему мнению, существовали во всех частях Киевской Руси. Слабость доводов М. Н. Тихомирова не дает нам возможности присоединиться к его мнению о новгородском происхождении дополнительных статей к Правде Ярославичей.

§ 5. *Покон вирный и Урон мостником*

1. *Покон вирный*

Под Поконом вирным принято понимать те статьи Краткой Правды, которые касаются распределения поступлений от продаж и вир между князем, мечниками, емцами, вирниками, церковью (десятина), а также того вознаграждения, натурального или денежного, которое должен получить вирник при взыскании виры.

Хотя заголовок «А се покон вирный» относится к ст. 41 (42) Акад., тем не менее есть основания к этой части Краткой Правды отнести и предыдущую статью — ст. 40 (41) Акад. В литературе вопрос о времени и месте возникновения этой части Краткой Правды не считался особенно трудным и потому подлежащим какой-нибудь дискуссии. Дело в том, что в конце статьи 41 (42) Акад. говорится: «То ти оуок Ярославль». Основываясь на этом, большинство исследователей считают Покон вирный постановлением Ярослава. Есть ли какие основания сомневаться в этом? Нам кажется — нет. Дело в том, что Ярослав, установив единую систему наказания по всему пространству Киевской Руси, должен был точно установить, какие суммы поступали в пользу его помощников по управлению и суду—мечнику, емцу, вирнику— для того, чтобы они могли пользоваться причитавшимися им суммами, а затем за вычетом их посылать остальные суммы князю и церкви. Эти статьи являются совершенно необходимыми для Древнейшей Правды, а затем для всей Краткой Правды.

И. А. Стратонов \ соглашаясь, что Покон вирный был дан действительно Ярославом, решился уточнить время и место издания этого памятника. Он считает его первым опытом в определении финансовых взаимоотношений между новгородским населением и княжескими мужами, изданном в 1036 г. Основанием для этого мнения явилось сообщение новгородской летописи под 1036 г. о том, что Ярослав дал грамоту людям и сказал «по сей грамоте дадите дань».

Мы считаем, что Покон вирный, "равно как и Древнейшая Правда, был издан в 30-х годах Ярославом, но мы не можем согласиться со взглядом Стратонова о новгородском происхождении этого памятника.

Дело в том, что в рассказе летописи о даровании Ярославом грамоты не приводится таких данных, на основании которых мы могли бы отождествить ее с Поконом вирным. Грамота могла иметь и по нашему мнению имела другое содержание/ Новгородцам было мало интересно, как распределялись судебные пошлины между князем и подчиненными. Грамота, изданная в 1036 г., была, несомненно, грамотой, в которой определялись сборы с населения и возможно устанавливались какие-то особенности в управлении Новгородской землей.

А самое главное: распределение поступлений с вир и продаж между князем и его помощниками, а также установление вознаграждения вирникам при собирании ими денег при уплате виры является делом, которое могло интересовать не только Новгород и Новгородскую землю, но и Киев и все Киевское государство.

М. Н. Тихомиров, настаивая на новгородском происхождении, не отвечает на вполне естественный вопрос, почему только один Новгород мог быть заинтересован в существовании тех постановлений, которые содержатся в Покоме вирном, а не Киев, не все Киевское государство?

М. Н. Тихомиров, стараясь всячески доказать новгородское и притом весьма позднее происхождение Краткой Правды, настаивает на позднем происхождении и Покона вирного (Покон вирный является самой позд-

¹ И. А. Стратонов, К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды, стр. 388.

ней частью Краткой Правды) и считает его не постановлением Ярослава, а памятником, первоначально представлявшим собой устав для какой-то определенной церковной вотчины, а позже приспособленным для гражданских нужд. Покон вирный, по мнению М. Н. Тихомирова, рисует нам обычное право, согласно которому вирники собирали пошлины и получали корм. Ссылка на Ярослава должна была придать большой авторитет Покону вирному \ Обратимся к рассмотрению доводов М. Н. Тихомирова⁴ позднее, происхождение Покона вирного Док^аша^п его^{мн} е^{шю}доупомина^ний Тици^ася пригоди в говени ГрЩамй). ~«ТГто время, как остальные части Краткой Правды отличаются полным отсутствием интереса к^нерковной жизни, Покон вирный обнаруживает не только осBeflOMj^HHSTfTBTrjCT-ных днях, но ii^b^TSfr^b^nenbmir[^]Sjiiofi.QKyiii. Между тем 'соблюдение постов Даже'й EtXtr веке-не ffjctro очень строгим, как это Показывает вопрошание Кириково»^а. Если следовать М. Н. Тихомирову, то По кон вирный ~не мог "быть составлен и в'ХТГ в~, если посты тогда плоха^ашьюдлись.

Можно, наоборот, как нам кажется, считать проявленную в этом памятнике заботу о соблюдении постов признаком, того, что Покон вирный был составлен Ярославом. Как раз Ярослав, как свидетельствует летопись, и является ревнителем и устройтелем церкви.

Доводом в пользу позднего происхождения Покона вирного М. Н. Тихомиров считает нахождение в нем двух слов «овен» и «анеп»¹⁷*тм уяряц-герных цдя церктшныу памятников XI—XII вв. Но в чем же дело? Ярослав жил в "первой" половине ХТ в. и, следовательно, мог употребить эти слова. Наоборот, большее употребление церковно-славянских слов и оборотов речи как раз должно свидетельствовать о большей древности памятника.

Доводы М. Н. Тихомирова о том, что памятник возник в новгородской церковной среде, также не убедительны. Он указывает, что в ст. 40 (41) Акад. говорится

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 73.

⁸ Там же, стр. 71.

об отчислении в десятину и что десятинна де взималась в повышенном размере. Но ведь десятинна учреждена князем Владимиром; князь Ярослав ее не отменил и, естественно, должен был установить определенный процент «от вир и продаж». В ст. 40 говорится: «А от гривни мечнику куна, а в девядину 15 кун, а князю 3 гривны; а от 12 гривну емцю 70 кун, а в десятину 2 гривне, а князю 10 гривен». Не трудно установить, что цифры в этой статье перепутаны. Если в гривне 25 кун, как утверждает М. Н. Тихомиров, то из 12 гривен емец берет уже без пяти кун 3 гривны; затем церкви отчисляется в десятину 2 гривны (т. е. 1/7), остается, таким образом, князю только 7 кун; в статье же говорится о следующих князю 10 кунах.

Невозможно также, чтобы от гривны церковь получила в десятину 15 кун. Словом для того, чтобы говорить о взимании десятины в, якобы, преувеличенном размере, надо прежде всего устранить какую-то путаницу в тексте статьи и восстановить действительные цифры. Что же касается взгляда М. Н. Тихомирова о том, что, якобы, Покон вирный — это устав какой-то церковной вотчины, сложившийся на основе обычного права, то при принятии его возникает ряд совершенно неразрешимых вопросов. Так, спрашивается какой смысл включать в текст Краткой Правды Устав о распределении судебных пошлин, содержание которого всем известно и притом Устав безвестной вотчины? Все же должен быть какой-то предел в различного рода предположениях о происхождении памятников древне-русского права. Большинство историков полагает, что Покон вирный это постановление Ярослава, и вот находится ученый, который, основываясь на том, что *в документе половины XV в.* есть выражение: «баран, а любо полоть мяса», считает, что этот памятник возник в Новгороде в определенной церковной вотчине и, очевидно, в XII веке!

Наконец, в статьях, которые нами называются Покон вирным, говорится о мечнике, о емце и вирнике с его помощниками, т. е. об определенных княжеских слугах. Эти слуги собирают виру и продажи в пользу князя. Так причём здесь церковная вотчина?

Словом, предположения И. А. Стратонова и М. Н. Тихомирова о происхождении Покона вирного настолько гипотетичны, что их нельзя принять. Остается одно: присоединиться к большинству исследователей и считать Покон вирный постановлением Ярослава. Вполне возможно, что Покон вирный вместе с Уроком мостником замыкал Правду Ярослава и только затем при составлении Краткой Правды был разъединен от нее и отодвинут на конец.

2. Урок мостником

Урок мостником, в котором устанавливается размер вознаграждения за их работу, был памятником, который дал основание для высказываний разного рода гипотез. А. И. Соболевский, И. А. Стратонов и М. Н. Тихомиров² настаивают на том, что эта часть Краткой Правды возникла в Новгороде.

А. И. Соболевский и И. А. Стратонов толкуют слово «городница» как звено большого моста и считают, что только в Новгороде был большой мост. М. Н. Тихомиров указывает, что эти авторы неправильно понимают слово «городница». Городница может быть звеном и малого моста, так как за работу городниц устанавливалось вознаграждение в размере одной ногаты. Отмечает он и тот факт, что большие мосты были и не только в Новгороде, но и в других городах. Известно, что Владимир Мономахом построил мост через Днепр.

Но, доказав бездоказательность взглядов А. И. Соболевского и И. А. Стратонова, М. Н. Тихомиров тем не менее говорит о новгородском происхождении Урока мостником, сам не выдвигая уже никаких доводов.

Мы полагаем, что Урок мостником возник там, где были изданы основные памятники, вошедшие в состав Краткой Правды, — в Киеве. По своему стилю Урок мостником близок к Покону вирному и вполне возможно, что этот Урок является постановлением князя Ярослава.

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 73 и 74.

v § 7. Происхождение Краткой Правды

В последнюю четверть XI века феодальные отношения стали усиливаться все более и более. Киевская Русь стала распадаться на ряд отдельных земель, во главе которых стали утверждаться представители отдельных ветвей княжеского дома. В этих землях укрепляется многочисленное боярство. Процесс феодализации затронул в это время и наиболее далекие части Киевского государства. Значение феодальной власти растет все более и более. Растет значение и феодального суда.

Местные князья едва ли занимались самостоятельным правотворчеством. Они были воспитаны, как это можно установить, на правовых традициях, на правовой системе, развивавшейся в Киевской Руси со времени Ярослава.

Оседая по отдельным городам, князья, несомненно, брали с собой правовые памятники их деда и отцов: Правду Ярослава, Правду Ярославичей, а возможно и некоторые другие записи, которые возникли в промежутках между составлением этих основных источников русского права.

Мы не можем утверждать, что Правда Ярослава и Правда Ярославичей имели тот состав, который дошел до нас в Краткой Правде. Вполне естественно, что они имели ряд статей, которые содержали противоречивые нормы. Следы неполного совпадения отдельных норм мы наблюдаем и в тексте Краткой Правды. Достаточно привести статьи о краже коня — ст. 13, 27(28), 30(31).

«Аще поиметь кто чюжь конь... то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду». «А за княжь конь, иже той с пятном, 3 гривне, а за смердеи 2 гривне»... «А иже крадеть любо конь..., да аще будет един крал, то гривну и тридесять резан платите ему; или их будет 18, то по три гривне и по 30 резан платити мужеви».

Не трудно видеть, что устанавливаются три цифры взыскания за кражу коня.

Естественно ожидать, что вопрос об объединении отдельных правовых памятников и составлении единого сборника права должен быть поставлен на очередь. И это было сделано: возник памятник, который получил

в историко-юридической науке название Краткой Правды. Как мы теперь знаем, вопрос о времени и месте возникновения этого правового сборника решался по-разному в литературе. Прежде всего борются два мнения о месте возникновения к пяткой Пр^ШГШТГодной стороны — считающее местом возникновения Драткой Правды В. Новгород, ч: другой стороны—0{иев>}Что касается времени „возникновения Краткой Правды“, то здесь высказывались три мнения. Те исследователи (Карамзин^Хобин^^етц), которые считают оглавление второй" части «Правда уставлена Руськой земли»... позднейшей вставкой, считают не только Древнейшую Правду но f) и f^ЕаТКуроТгаВіу. ШШШШШ^и^ШЗJ}2^ Яр, δ^ лаве.*

Большинство исследователей время составления о*; Краткой Правды относят к последней четверти XI века. у. Наконец, М. Н7~Тйхбмйрон_врязрез всем существ-"" ующим взглядам связывает ее происхождение с Новгород СК^j^gejrtJ^fiojpr^

Правда должна была явиться сборником гражданских законов Новгорода, подобно тому, как другие грамоты Всеволода определяли права церкви (св. Софии) и купечества»¹.

Мы считаем, что вопрос о времени и месте происхождения Краткой Правды предопределяется решением вопроса о происхождении ее основных частей, ее основных источников.

Касаясь времени и места происхождения Правды Ярославичей, мы привели исчерпывающие доказательства того, что заголовок «Правда уставлена русской земли») не мог относиться к^днойЧильки iraihti К^аТкой Правды, а ко всему дальнейшему комплексу статей вплоть до ст. 28. Эти статьи имеют один стержень: защитить жизнь княжеских слуг и имущество княжеских доменов.

В этом комплексе мы наблюдаем дальнейшее развитие принципов феодального права, права-привилегии, а именно: размер наказания за убийство устанавли-

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 78.

вается в зависимости от положения убитого и имущество князя защищается более серьезными карами, нежели имущество смерда. Словом, нормы так называемой Правды Ярославичей качественно различны по сравнению с нормами Правды Ярослава.

Все это делает невозможным взгляд о том, что вся Къщская Правда возникла при Ярославе. Попытка И. А. Стратонова выйти как-нибудь из затруднений, вызванных наличием особого заголовка к Правде Ярославичей, прямо приписывающего составление именно Ярославичам, путем предположения, что Ярославичи собиравались на съезд в 1035 году, равно время как Ярослав был в Новгороде, была нами признана несостоятельной. Кроме Ярославичей, на этом съезде были княжеские слуги, деятельность которых по летописи относилась к 70-м годам. Выходит, что этот съезд состоял вообще из малолетних детей. Считать, что малолетние Коснячко, Перенег, Микыфор Кыянин и Чюдин Микула были на съезде тоже в качестве представителей, как это приписывает Стратонов Ярославичам, совершенно невероятно.

Мы не можем согласиться и с М. Н. Тихомировым¹, который, решая вопрос о происхождении Краткой Правды, базируется на следующих положениях, едва ли могущих быть обоснованными на фактах: 1) Краткая Правда возникла в среде монахов Юрьева монастыря, 2) Эта «монашеская правда» каким-то образом связывается с личностью князя Всеволода, сделавшись сборником гражданских законов Новгорода. Очевидно, Всеволод утвердил этот монашеский, но заведомый подлог, как основной источник права.

Есть ли какие-либо действительно данные для принятия подобной ученой фантазии? Нам кажется — нет.

Новгородское происхождение Краткой Правды обосновывается на особом пристрастии новгородцев к Мономаховичам, а это сказилось в том, что в заголовке к Правде Ярославичей Всеволод — отец Мономаха — поставлен на

М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 76—78.

втором месте после Изяслава, а не на третьем, как это следовало. Следовательно, не анализ общественно-экономического, политического и правового развития кладется в основу Краткой Правды, а перестановка названия князей.

Чем же доказывается соавторство князя Всеволода с монахами Юрьева монастыря в деле создания Краткой Правды? Читатель будет удивлен доводами, выдвинутыми М. Н. Тихомировым¹. Оказывается Всеволоду принадлежат ряд уставов и грамот, данных Юрьеву монастырю. Выходит, если Всеволод дал Устав церкви Ивана Предтечи на Опоках, то только он и мог составить Краткую Правду.

Чем же доказывается факт составления Краткой Правды монахами Юрьева монастыря? Особой близостью князя Всеволода к Юрьеву монастырю!

Так возникает версия о происхождении Краткой Правды в Новгороде в княжение Всеволода Мстиславича, изгнанного, как известно, в 1136 году. Развивая эту теорию, М. Н. Тихомиров оставляет в стороне вопрос о правовом развитии всего Киевского государства. Он не дает никакого ответа на вполне естественный вопрос, а что же было в Киеве — в центре Русского государства? Что же там были какие-нибудь сборники права или правовое развитие там полностью приостановилось?

Словом, решение М. Н. Тихомировым вопроса о происхождении Краткой Правды и затем, как мы увидим, Пространной является наиболее неудачной, неоснованной частью его исследования.

Очень близок к М. Н. Тихомирову по своим взглядам на происхождение Краткой Правды Л. В. Черепнин². По его мнению, создание краткой редакции Русской Правды следует связывать с общественным движением в Новгороде в 30-х годах XII века, в результате которого были выработаны основы позднейшего политического уклада. Именно в эти годы, заполнен-

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 77—78.

² См. его рецензию на «Правду Русскую», Учебное пособие, М.-Л., 1940 г., Институт истории Академии наук СССР, Исторический журнал, 1941 г., № 3, стр. 13/5.

ные острыми классовыми столкновениями, деятельными участниками которых явились новгородские смерды, новгородский договор с Ярославом был соединен с законодательством Ярославовых сыновей, посвященным как раз вопросу о смердах. Так появилась Краткая редакция Правды, сохранившаяся в составе Новгородского летописного свода.

Взгляды Л. В. Черепнина о новгородском происхождении Краткой Правды, как и вообще взгляды аналогичного порядка, встречаются те же возражения, которые нами были сделаны М. Н. Тихомирову. Для того, чтобы взгляды о новгородском происхождении Правды могли быть серьезно обсуждены, надо прежде всего указать, а что же было в столице Киевского государства Киеве и других областях этого государства, каков там был уровень правового развития, каковы были сборники права. Если принять взгляд Л. В. Черепнина, то выходит, что только в Новгороде возникли основные памятники русского права, лучшие в основу правового развития не только русского государства XIV—XVI в., но и литовского.

С другой стороны, нельзя согласиться с утверждением Л. В. Черепнина о том, что якобы Правда Ярославичей была посвящена вопросу о смердах. Если следовать общепринятому взгляду о составе статей Правды Ярославичей, то там имеется одна только статья, по которой жизнь смерда расценивалась столько же, сколько жизнь холопа. Наоборот, Правда Ярославичей посвящена не защите смердов, а защите представителей княжеской администрации — огнищан, тиунов и в том числе домениальной, сельской (сельский староста, ратный и т. д.).

Если Л. В. Черепнин все же вопреки общепринятым взглядам убежден в том, что основной стержень Правды Ярославичей — это вопрос о смердах, то надо доказать это" свое утверждение как совершенно новое и оригинальное в литературе.

Во всяком случае считать Краткую Правду законодательством, которое создано якобы в годы, заполненные острыми классовыми столкновениями, причем деятельными участниками их были смерды и, следо-

вательно, в какой-то степени отразившем их протест против социального и политического гнета, нет никаких оснований. Положение смердов не было [улучшено. За их «муку» был установлен штраф в четыре раза меньший, чем за это посягательство в отношении огнищан. Штраф за убийство смердов остался прежним, т. е. он попрежнему равнялся штрафу за убийство холопа. Краткую Правду нельзя ни в коем случае считать памятником компромиссного законодательства. Наоборот, это — памятник, в котором удалось свое отражение. Основные принципы феодального права, права — привилегии " ~ .-.-.

Наша критика двух основных направлений в решении вопроса о времени возникновения Краткой Правды¹ расчищает почву для утверждения третьего мнения, которого придерживается подавляющее большинство исследователей: мнения, по которому Краткая Правда возникла в XI в. после 1076 года². Ж. Д. Приселков³ уточняет время возникновения Краткой Правды. Он ссылается на заголовок к Правде Ярославичей, где, как известно, имена Ярославичей были упомянуты в порядке, не находящемся в соответствии с возрастом. Более младший — Всеволод — поставлен на втором месте, а не на третьем, как это было нужно. М. Д. Приселков считает, что такое перемещение, очевидно могло быть произведено в угоду Всеволоду и выражало известное неуважение к Святославу со стороны некоторых группировок киевского общества, что вероятнее надо отнести ко времени после смерти Святослава (в декабре 1076 г.) *. По М. Д. Приселкову, составление Краткой Правды надо отнести ко времени после 1076 года.

Нам думается соображения М. Д. Приселкова являются основательными для решения вопроса о tempus a quo происхождения Краткой правды. Если его соображения развить дальше, то можно отнести проис-

¹ М. Д. Приселков, Задачи и пути дальнейшего изучения Русской Правды, стр. 249.

хождение Краткой Правды вообще ко времени Всеволода, умершего в 1093 году.

Что же касается места возникновения Краткой Правды, то поскольку были отвергнуты предположения о составлении всей Краткой Правды Ярославом и новгородским князем Всеволодом Мстиславичем, то этот вопрос должен быть решен в пользу Киева — столицы Киевского государства. Именно в Киеве и киевской земле скорее, чем где-либо, создавались предпосылки для создания первого сборника русского феодального права — так называемой Краткой Правды.

Г Л А В А В Т О Р А Я

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УСТАВА ИЛИ «СУДА ЯРОСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА» (ПЕРВОЙ ЧАСТИ ПРОСТРАННОЙ ПРАВДЫ)

§ 1. Вступительные замечания

Вопрос о происхождении этого памятника не был предметом подробных изысканий, поскольку сторонники взгляда о Пространной Правде, как юридическом сборнике, состоящем из двух одновременно происшедших частей, только затем механически объединенных под одним заглавием, не дали специальных монографий о Русской Правде.

Но все же надо указать, что один из сторонников данного взгляда — Тобин — первую часть Пространной Правды приписывал Ярославу, а вторую часть Владимиру Мономаху¹,

Ланге держался несколько иного мнения: именно первую часть он приписывал не Ярославу, а Изяславу², а вторую, так же как и Тобин, — Владимиру Мономаху².

Дальнейшего развития данный вопрос не получил, поскольку в исторической науке стали укореняться взгляды о неофициальном происхождении Русской Правды, которые затем сделались общепризнанными. При господстве этих взглядов самая постановка вопроса о Пространной Правде, как сборнике, состоявшем из двух одновременных частей, считалась, признаком дурного академического тона.

¹ Tobien, Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen, стр. 19 и далее
■ Ланге, Исследование об уголовном праве (Русская Правда, стр. 25).

§ 2. Общая обстановка и предпосылка возникновения Суда Ярослава Владимировича

В конце XI, начале XII вв. феодальные отношения получили дальнейшее свое развитие. Наряду с княжеским землевладением стали играть кривда роль, боярские и ^jjeBKpjfflgiLJffiaT.wabL В рассматриваемый п"ерт^^ра^тм1 чдсдрл:о4Н)ДР,в, которые делаются ^центрами ремесла и торговли.

~^"ТВязТТ~с""Дальне11шим развитием феодальных отношений получает свое окончательное оформление класс феодалов^ Процесс слияния двух групп боярства"—однШиз" осевших на землю дружинников, другой из выросших в недрах разлагавшихся общин землевладельцев — заканчивается. Оформляется особая группа княжеских, дворцовых слуг, названная "нами в ряде других работ министе^иалами^1. Эти министериялы начинают резко "различаться от низших княжеских слуг, набравшихся попрежнему из холопов.

В результате дальнейшего развития феодальных отношений происходит дифференциация класса. феодал.ЛО^У_бО^£^Вы^Х?^ДРУЖИ^ИИКИ, С КрТjрJьМН,,QНН ходили на войну. Эти др^йн'никиГпбдббно княжеским, "■оседаюттй'земле, образуя группу подвассалов.

Одновременно с этим в боярских дворах доявляются многочисленные группы боярских слуг — боярских~гю~ новГБоярскийИ двор является сколком, своего рода микрокосмосом княжеского двора.

Процесс закрепощения усиливается, причем одним из разрядов закрепощаемого населения является группа посаженных на землю холопов. Возникает тенденция приравнять холопов в правовом их положении к зависимому сельскому населению, к смердам.

В связи с дальнейшим развитием феодальных отношений происходят некоторые изменения в политическом аппарате. Число отдельных княжеств растет. Во главе отдельных "княжеств сидят внуки Ярослава. Эти внуки, которые перестали чувствовать родственную близость, начинают вести борьбу между собой.

¹ См., например, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 151—152.

В этих условиях значение политического центра Киевского государства-^Киева стало падать, а власть великого князя все более и более ослабляться' и феодальная "ра^рбТле?ГностX^^в1!ВйётЧ;я.

- Наряду с Этим,]фунШШ_^^сш.ых,. лшя3фй^у.силиваются. Роль совета, состоящего из наиболее крупных Ж влиятельных феодалов,— своего рода феодальной курии на русской почве, усиливается.

Развивается система центрального и местного управления^ причем в центре возникает систем^аГкоторая затем' будет называться системой дворцово-вотчинного управления, а на местах—система, которая впоследствии получит название системы кормления.

Все более о^ожняетс^ судебный аппарат. По мере роста княжеского" и церковного' 'зШле"владе"йия развивается иммунитет. В результате дальнейшего развития феодальных отношений развивается феодальное право. Оформляется право феодальной собственности. Растет система^ догож)роЕк " В следствие усиления классовых противоречий"усиливается число деяний, которые признаются преступными и подлежащими наказанию. Возникает много новых составов преступлений.

Естественно, что по мере оформления класса феодалов — боярства — бояре стали требовать усиленной охраны своей жизни и имущества, а также жизни и имущества своих слуг. Класс феодалов должен был поставить вопрос и об отмене родовой мести, поскольку пред' ставители этого класса могли быть объектами этой мести со стороны родственников убитых или смердов или людей, принадлежавших к низам городского общества. Взимание вирьне сшиадось уже тепедь^^^ос^аточным наказанием. Надо было установить более* тяжкие наказания за преступления, совершавшиеся с наибольшим напряжением злой воли. Возникает необходимость уточнить некоторые процессуальные нормы, которые ведут начало еще со времен VIII—IX вв. "(свод, послушество)". В этих условиях Краткая Правда не может далее

удовлетворять своему назначению.

Ж^Х^м^_Us^м^ ^S^m^]a^ тм^Кj^НОjMbi уголовного и судебного права. В неГГотразились только не-

¹ которые элементы феодального права, права-привилегии княжеских слуг, княжеских холопов, которые "стали в этот период превращаться в рабочую силу" княжеского домена и имущество князя; жизнь и имущество бояр и их слуг защищались, обычными мерами: за убийство бояр взыскивалась вира, как и за убийство свободного человека. В Краткой Правде не были отменены остатки кровной мести. Наконец, Краткая Правда была хронологическим сборником постановлений Ярослава и его ближайших преемников. Об убийстве говорилось в разных местах (ст. ст. 1, 18—26), равным образом и о Татьбе (ст. ст. 12, 27(28), 28(29), 34—37(35—38), 38—39(39—40)).¹ этой Правде не были урегулированы многие правовые нормы, возникшие в результате развития феодальных отношений во второй половине XI в.

Краткая Правда — это германский правовой кодекс и политическое развитие Киевского государства, требовало создания дальнейшее развитие феодального права.

И-Зта было существование: был создан сборник, который получил название... «Суд Ярославль Владимирича».

В этом памятнике мы находим сравнительно мало статей, принадлежащих Ярославу, но ссылка на Ярослава; усвоение этому сборнику названия «Суд Ярославль Владимирича» должно было усилить авторитет этого памятника.

§ 3. Источника Суда Ярослава Владимировича

1. Основным источником Суда Ярослава Владимировича является Краткая Правда. Перечислим статьи (из этой Правды).

Статьи Суда Ярослава Владимировича	Статьи Краткой Правды
1. Аже оубиеть мужь мужа.....	1
2. По Ярославе же паки.....	—
3. О оубийстве. Аже кто оубиеть княжа мужа.	19(20)

Статьи Суда Ярослава Владимировича

Статьи Краткой Правды

	41(42)
	21- 24
. О ремесвеннице и о ремесвеннише . . .	
. А за смердии холоп 5 гривен	25(26)
. А за кормиля 12.....	26(27)
. О поклепней вире.	
. А по костех и по мертвечи	
. Аже свержеть виру.	
—22). Искавше ли послуха, не налезуть	
. Аже кто ударить мечемь	4
. Аже ли вынез мечь.	У
—26). Аже кто кого ударить батогом . . .	
. Аже ли утнеть руку.....	3
. Аже перст утнеть	5
. А придеши кровав мужь	7
. Аже ударить мечемь, а не утнеть . . .	
. Аже попьхнеть мужь мужа	2
. О челяди.....	10
. Аже кто всядеть на чужь конь	11
. Аже кто конь погубить.....	
. Аже кто познаеть свое.....	
. Аще будеть коневый тать.	
. О своде.....	
. О татьбе.....	
. Аже познает кто челядь.....	14
. О своде же	
. О татьбе	30(31)
. Аже крадеть кто скот в хлехе	30(31)
. О татьбе же	
—44). Аже крадеть гумно.....	30(31)
. Паки ли лица не будеть	27(28)
. О се оуроци скоту.....	
. Ажебудуть холопи татье, суд княжь.	
. Оже кто скота взищеть	
. Аже кто купець купцю.....	
. О поклажаи	
. О резе.....	
45(51—52). О месячнем резе.	

2. Сопоставляя статьи Суда Ярослава Владимировича со статьями Краткой Правды, лежащими в основе этих статей, не трудно установить, что они переработаны составителем или во многих случаях целиком. В литературе был поставлен вопрос: являются ли дополнительные статьи частицами одного целого памятника, подобно Краткой Правде, или они взяты из ряда крупных памятников, имевших самостоятельное происхождение, или они добавлены к имеющемуся материалу (т. е. материалу, взятому из Краткой Правды), т. е. написаны составителями Ч

Нам кажется, что до появления данного памятника могли состояться судебные решения, которые развивали и дополняли нормы Краткой Правды.

Так, можно полагать, что еще до появления выносились судебные решения о взыскании двойной виры за убийство «княжих мужей», т. е. приравнивании их в области защиты жизни к огнищанам.

Вероятно также до издания Суда Ярослава Владимировича виновные в убийстве боярского тиуна наказывались судом сорокагривенной вирой.

Но совершенно ясно, что составители Суда Ярослава Владимировича имели ряд постановлений, устанавливавших новые нормы. Таким постановлением является постановление второго съезда Ярославичей, на котором они «отложища убиение за голову, но кунами ся выкупати».

Несомненно, что многие нормы в Суде Ярослава Владимировича могли появиться при самом составлении памятника.

Таким образом, дополнительный материал Суда Ярослава Владимировича мог быть взят из специальных постановлений князей или явиться обобщением судебной практики или быть дополнен при самом его составлении. Но у нас нет данных для утверждения, что составители имели в своих руках какой-то другой обширный материал, равный по объему и по своему значению Краткой Правде.

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 213—214.

3. Мог ли этот дополнительный материал иметь своим источником обычное право, как утверждали некоторые исследователи (Дювернуа, Гетц, Сергеевич и др.)?

Для того, чтобы создались нормы обычного права, необходим определенный промежуток времени. Надо, чтобы эти нормы отстоялись. Этого необходимого промежутка времени не было. Об обычном праве, как источнике Суда Ярослава Владимировича, можно говорить только в отношении нескольких статей, да и то относительно. Эти нормы, прежде чем войти в состав Устава Ярослава, должны были подвергнуться, несомненно, серьезной переработке.

Коснемся теперь вопроса об иноземных источниках Суда Ярослава Владимировича. Как известно, имела группа исследователей, утверждавших, что основным источником Пространной Правды было германо-скандинавское право. Особенно настаивал на этом из ученых XX в. Гетц, а за ним Щепкин² и Карский². Карский, говорил об этом, как об аксиоме, не требующей доказательств.

Мы в специальном разделе покажем полную несостоятельность этих взглядов, равно как и взглядов о византийском влиянии на Русскую Правду (см. стр. 352).

§ 4. Время и место возникновения Суда Ярослава Владимировича

Обратимся прежде всего к вопросу о времени возникновения данного памятника. Тобин приписывал составление этого памятника Ярославу. Но ближайший анализ Суда Ярослава Владимировича показывает, что этот памятник не только включает постановления

¹ Е. Н. Щепкин, Варяжская вира, Одесса, 1915.

² Е. Ф. Карский, Русская Правда по древнейшему списку, Л., 1930 г. стр. 9.

Ярославичей (т. е. постановления первого и второго съезда Ярославичей), но, несомненно, и нормы более позднего происхождения. Поэтому составление этого памятника не может быть приписываемо Ярославу Владимировичу. Как было указано, упоминание об Ярославе должно было усилить авторитетность данного сборника, а, с другой стороны, это упоминание должно показать, что этот памятник развивает нормы, установленные Ярославом, что при составлении этого сборника были положены общие принципы законодательства Ярослава.

Ланге*, как было указано, относит составление Суда Ярослава Владимировича ко времени Изяслава. Несомненно, этот памятник действительно мог быть составлен еще при жизни князя Изяслава, поскольку в одной из его статей говорится об участии князя Изяслава на втором съезде Ярославичей, который отменил «убиение за голову».

Мы, касаясь вопроса о времени составления I редакции Русской Правды (Краткой Правды), пришли к выводу, что время ее составления едва ли могло быть отнесено ко времени князя Изяслава. Мы привели ряд соображений о более позднем происхождении Краткой Правды.

Но Суд Ярослава Владимировича сильно различается от Краткой Правды: в нем нормы Феодального права получили; свое дальнейшее развитие. Краткая Правда была радикально переработана". Глава изменена не только последовательность ее статей, но самое главное, нормы ее, относившиеся только ко княжескому окружению и княжескому хозяйству, стали относиться ко всему классу феодалов. Это сильное, можно сказать, качественное различие между Краткой Правдой и Судом Ярослава Владимировича должно указывать на более позднее происхождение этого памятника. Во всяком случае, необходимо предполагать значительный про-

¹ Н. Ланге, Исследование об уголовном праве Русской Правды, стр. 25.

межутков времени между составлением Краткой Правды и этим памятником. Поэтому нам кажется, что имеются серьезные данные отнести его составление к концу XI или к началу XII в. (до княжения Владимира Мономаха, т. е. до 1113 г.).

Обратимся к вопросу о месте составления Суда Ярослава Владимировича.

Сопоставляя содержание этого памятника с содержанием Краткой Правды, не трудно установить, что в нем проводится последовательная переработка норм этой Правды. Мы уже указали, что Суд Ярослава Владимировича это не собрание норм обычного права, а новое и притом последовательное законодательство. Последовательная и притом продуманная с начала до конца защита интересов всего класса феодалов в данном памятнике не может быть признана делом какого-нибудь «частного» лица, специалиста по собиранию обычного права. В распространении и обнародовании этого сборника было заинтересовано боярство, заинтересованы представители центральной и местной администрации. Составление этого памятника говорит о большой работе над правовым материалом официальных кругов, во главе с князем и его ближайшим окружением. Распространение действия норм, имеющих своей целью охранить личность и имущество ближайшего княжеского окружения, на класс русских феодалов в целом могло быть признано необходимым скорее всего в тех центрах Руси, где феодальные отношения развивались быстрее, т. е. в южной части Руси, конкретно в наиболее развитой ее части, т. е. в Киевской земле. Таким образом, вполне естественно предположение, что только в Киеве мог быть составлен этот сборник развитого феодального права, которому было усвоено название «Суд Ярославль Владимировича».

§ 5. Значение Суда Ярослава Владимировича

Возникновение этого памятника „ЛГ имеет большое значение в истории русского права: оно знаменует дальнейшее развитие русского феодального права, обус-

довленного, углублением и расширением феодальных ^огамшншЙГ Суд "Ярослава Владимировича имеет ряд серьезных отличии по сравнению с I редакцией (Краткой Правдой).

1. В то время как I редакция содержит нормы только уголовного и судебного права, Суд Ярослава Владимировича касается тех правовых институтов, которые впоследствии будут называться институтами гражданского права. Такими статьями будут ст. 37—42 (ffl^ 4§) Тр. пнр м е я к- люден и ялго гонор а займа Г ст. 43 (49) Тр. о фб^мТзакЛНше^шя договора поклажи, ст. 44—45 (50—52) Тр. о щщежахГ ""ШУтя, "впрочем, и эти статьи даются в тесной связи с процессуальными нормами.

2. В Суде Ярослава Владимировича число _ составов дцлесзщления было увеличено, по сравнению с Г редакцией, например, статьи о конёВом и клетном татех (ст. 29(35) Тр.), о краже скота в хлеве или в поле, гумна, жита в яме (ст. 35—37(41—44) Тр.

3. Как было указано, в Суде Ярослава Владимировича, в отличие от Краткой Правды защищается в усиленном размере жизнь не только представителей ближайшего княжеского окружения, т. е. дворцовых его слуг, но и всего класса феодалов в целом. Вместо огнищанина говорится о княжеском муже. А понятие «княжой муж» является, несомненно, более широким нежели огнищанин. Вполне возможно, что этим понятием охватывалось и боярство. Необходимо подчеркнуть, что в этом памятнике, в отличие от Краткой Правды, боярские дворцовые слуги приравнивались к княжеским в смысле защиты их жизни. Так, по ст. I. тиуны боярские приравнивались к тиунам княжеским. В конце ст. 9 (14) Тр. говорилось: «Такоже и за бояреск». Вполне возможно, что это указание относилось не только к рядовичам, но и к отрокам, конюхам и т. д.

Суд Ярослава Владимировича, как мы видим, весьма большое внимание уделял защите жизни всех элементов, входящих в класс феодалов или в состав их окружения.

4. Одним из крупнейших моментов в истории Русской Правды было включение в состав Суда Ярослава Владимировича статьи, содержавшей сообщение о втором съезде Ярославичей, на котором они «отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати». Статья эта вызвала большую дискуссию; окончательный смысл ее и до сих пор не для всех ясен. Но как бы то ни было по прямому смыслу статьи дело идет о замене кровной досудебной мести денежным взысканием. Попытка Сергеевича * доказать, что якобы на Руси до второго съезда Ярославичей существовала смертная казнь за убийство и что якобы эта смертная казнь теперь на втором съезде Ярославичей была заменена денежным штрафом, не нашла себе сторонников.

5. Суд Ярослава Владимировича коснулся весьма важного в то время института, так называемой дикой виры -ст. 3—6 (3—8) Тр.

6. Характерной чертой Суда Ярослава Владимировича является большое внимание к процессуальным нормам. Постановления Краткой Правды о своде здесь получают подробное развитие -ст. ст. 25, 27—28, 30—33 (32, 34—35, 36—39) Тр.

7. Одним из интересных моментов является отрицание в Суде Ярослава Владимировича практики, по которой холопы (княжеские, «чернечские» и боярские) подвергались наказанию за кражу и платили продажу. Эта практика говорит об усилившемся слиянии холопов с феодально-зависимым сельским населением.

По ст. 40 холопы не должны платить продажу, «за не суть не свободни».

8. В Суде Ярослава Владимировича устанавливается разное ^наказание в зависимости* от~стегени"на^ пряженности злой воли. В частности, различается убийство в разбое и убийство на пиру «без всякая свады», различается татьба в клети и татьба в поле.

¹ В. И. Сергеевич, Лекции и исследования, стр. 63, 90, 91.

9. Характерной чертой данного памятника является усиление уголовной репрессии, обусловленной ростом классовых противоречий. В частности, в нем предусматривается теперь за наиболее крупные наказания поток и разграбление. Не трудно видеть, что в Суде Ярослава Владимировича удовлетворительно решаются задачи, поставленные общим ходом правового развития Киевской Руси в конце **XI**, начале **XII** в.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УСТАВА ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

§ I. Предпосылка возникновения Устава Владимира Мономаха

Как нами было установлено), вторая часть Пространной Правды состояла из Устава Владимира... Мономаха. Те исследователи, которые были согласны с этим положением (Болтин, Тобин, Калачов, Ланге), не касались вопроса о предпосылках возникновения этого памятника, об его источниках, о времени и месте его происхождения.

Нам поэтому следует остановиться на этих основных вопросах.

В начале **XII** века процесс феодализации все более и более расширялся и углублялся. Феодальный политический аппарат получал свое дальнейшее оформление. Развиваются элементы феодального права во всех отраслях. Как было указано Устав Ярослава конца **XI**, начала **XII** вв. представляет собою очередной этап развития феодального права, права-привилегии. Но дальнейшее углубление и развитие процесса феодализации ставило перед феодальной властью и задачу дальнейшего развития принципов феодального права. Господствующий класс стремится расширить защиту своей собственности от посягательств разоряемых и закрепощаемых крестьян. В Краткой Правде перечень охраняемых объектов был недостаточно широк. Следовательно, ставился вопрос об увеличении этого перечня. Далее, если принципы феодального права достаточно ярко отражаются в системе преступлений и наказаний, то возникает необходимость отразить этот принцип и в

других разделах права, например, в наследственном праве.

Начало XII в. является временем, когда идет процесс феодализации: холопов в крепостных; следовательно, надо было уточнить источники холопства и несколько расширить дееспособность холопов. Но самое главное — в XII веке окончательно выявляются признаки феодализации земель. Этот упадок, до известной степени обусловленный все усиливающимся феодальным распадом Киевского государства, вызван рядом причин: наиболее раннем центре классового общества, междуусобиями князей, грабивших Киев и Киевскую землю, половецкими, нападениями, и, наконец, началом упадка Византии, как широкого торгового центра, с которым была прочно связан Киев.

Киевские земли стали опустошаться. Торговля стала падать, Киевские феодалы и верхи киевских торговцев стремятся переложить тяжесть экономического упадка на крестьянство и на городские низы. Усиливается эксплуатация со стороны ростовщиков. Все это увеличивает классовые противоречия в Киевской земле. Княживший в Киеве в начале XII в. великий князь Святополк и его окружение мало задумывались над теми трудностями, которые ожидали Киевское государство. Своими вымогательствами и произволом Святополк возмущал киевлян. Его смерть была сигналом для восстания. Городские низы разгромили дворы княжеской администрации. Движение стало принимать угрожающие размеры. Была опасность, что городские низы будут громить и монастыри, которые занимались также ростовщичеством. В эту тяжелую минуту киевская правящая верхушка решила пригласить на киевский стол переяславского князя Владимира Всеволодовича (Мономаха), который ранее прославился своими мероприятиями по сплочению князей для борьбы с половцами. Прославился он и своими победами над ними. Князь Владимир не сразу согласился быть киевским князем. Его избрание нарушало принцип старшинства в наследовании великокняжеского стола. Владимиру Мономаху угрожала княжеская

коалиция. Но в конце концов он решился занять великокняжеский стол. Он быстро подавил восстание, но решил принять меры для смягчения классовых противоречий в Киевской земле. Он должен был ограничить эксплуатацию ростовщиков и облегчить положение разорявшихся людей.

Вот эти мероприятия и были отражены во второй части Пространной Правды — Уставе Владимира Всеволодовича, который, как было сказано выше, первоначально представлял собой отдельный юридический памятник, но затем при переписке был механически присоединен к сборнику, носившему название «Суд Ярославль Владимировича».

§ 1. Источники Устава Владимира Мономаха

Основными источниками данного памятника являются некоторые нормы Краткой Правды, которые по тем или иным причинам не вошли в состав Суда Ярослава Владимировича, и новые постановления, принятые на съезде в с. Берестове.

1. Уставом Владимира Мономаха были заимствованы следующие восемь статей Краткой Правды: ст. 17 Акад. (Или холоп ударить свободному мужу...), ст. 33 (34) Акад. (А еже между переореть...), ст. 32 (33) Акад. (А еже смерд мучить смерда...), ст. 34 (35) Акад. (А еже лодью украдет...), ст. 35 (36) и 36 (37) Акад. (А в голубе и в куряти 9 кун...), ст. 38 (39) Акад. (А в сене и в дровех...). Сопоставляя эти статьи, заимствованные из Краткой Правды, нетрудно установить, что эти статьи подверглись весьма значительной переработке и дополнениям. Приведем примеры.

Краткая Правда
Ст. 17. (Акад.)

Устав Владимира Мономаха
Ст. 56 (65) Гр.

Или холоп ударить свободна мужа, а бежиши в хором, а господин начнет не дати его, то холопа пояти, да платити, а господин за нь 12 гривне; а за тым где его налезути уда- рениши той мужь, да бьютъ его.	одна
А еже холоп ударить свободна мужа, а бежиши в хором, а господин его не выдаст, то ие; а платити за нь господину 12 уда- гривен; а за тым аче и где его. налезути ударениши твоего	а

на мужа, а убежиши в хором, ить а господин его не выдаст, то ие; а платити за нь господину 12 уда- гривен; а за тым аче и где его. налезути ударениши твоего

истыи, кто его ударил, то Ярослав был уставил убити и, но сынове его по отци уставиша на куны, лобо бити и развя-завши, лобо ли взяти гривна кун за сором.

Ст. 33 (34) Акад.

А иже между переорешь лобо перетес, то за обиду 12 гривне,

Ст. 63 (72) Тр.

Аже межю перетнеть борть-ную, или ролеиную разореть, или дворную тыномъ пере-родить межю, то 12 гривен продажи.

2. Значительнейшая часть Устава Владимира Мономаха имеет своим источником новые постановления Владимира Мономаха и его ближайших советников. Возможно, только некоторые статьи имеют своим источником обычное право, которое стало создаваться в русском феодальном обществе XI в. Возможно, что некоторые постановления создались и на основе судебных решений. Но установить те статьи Устава, которые имеют своим источником обычное право или судебные решения, не представляется возможным.

М. Н. Тихомиров^х считает источником тех статей, которые вошли по нашему мнению в состав Устава Владимира Мономаха, так называемый протограф Сокращенной Правды. Но нами было установлено, что Сокращенная Правда является сокращением и переработкой одного из видов II редакции Правды. Следовательно, дело может идти не о том, что протограф Сокращенной Правды является источником для устава Владимира Мономаха, а как раз наоборот: Устав Владимира Мономаха, т. е. вторая часть Пространной Правды, послужил источником Сокращенной.

Имелись исследователи, которые настаивали на том, что многие нормы второй части Пространной Правды имели своим источником иноземное право. Так, Гетц считал, что таким источником было германско-скандинавское, а Сергеевич — византийское право.

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 211—214.

Но нами будет доказано, что некоторое сходство норм Русской Правды с нормами памятников германско-скандинавского или византийского права обусловливается не заимствованием их, а некоторым сходством общественно-экономического развития Киевской Руси, германско-скандинавских государств и Византии^х.

§ 3. Время и место возникновения Устава Владимира Мономаха

Время возникновения этого памятника определяется временем княжения в Киеве Владимира Мономаха, т. е. 1113—1125 гг. Поскольку Устав начинается с сообщения о созыве князем Владимиром Мономахом особого совещания из наиболее крупных административных лиц в с. Берестовом, то вполне возможно, что на этом совещании было принято не только постановление об ограничении взимания процентов по займам, но и весь Устав в целом.

Слова «по Святополце созва дружину свою» дают основания считать, что это совещание созвано вскоре после смерти князя Святополка и после подавления восстания в Киеве 1113 г.

Если мы будем считать, что Устав Владимира Мономаха был полностью составлен на данном совещании, то этим определяется и место его возникновения, т. е. в с. Берестове.

§ 4. Значение Устава Владимира Мономаха

Издание Устава Владимира Мономаха имеет очень большое значение в истории русского права. На этом памятнике, несомненно, лежит печать событий 1113 г. Одной из основных задач устава является сглаживание классовых противоречий, которые в условиях упадка Киевского государства, в особенности, стали проявляться с начала 11 в.

¹ См. Стр. 352 и сл.

Другой задачей законодательства Владимира Мономаха было включение в составленный им сборник тех статей, которые почему-то не вошли: в.ро^ав Суда Ярослава *ВЩ^иттрошча*. Но самое главное, законодательство имело "своей задачей составить сборник, в котором давались бы нормы не *TuJlbKfiljfgоловногоJgiga* процессуального права, как это мы наблюдаем в Суде Ярослава Владимировича, а нормы, которые обычно относятся в области гражданского права. Если в Краткб*4ЦравдеГ!мёлась только одна статья, которая не относилась к уголовному праву и процессу (ст. 42 (43) Акад. «Урок мостыников»), а в Суде Ярослава Владимировича только четыре статьи, то в Уставе Владимира Мономаха к гражданскому праву должно быть отнесено большее число статей. Так, в Уставе дано законодательство о процентах (ст. 46 (53) Тр.), о банкротстве (ст. ст. 48—49 (54—55) Тр.), ПГЗЗкУпничестве (ст. 50—53 (56—62) Тр.), о наследстве (ст. 81—85 (90—95), 88—95 (98—106) Тр.), о холопстве (ст. 9§^1 Ц (JfcdHIL^ Тр.)?"Из Б15 статей Устава Владимира Мономаха Ж статей посвящены нормам гражданского права.

Однако в Уставе Владимира Мономаха содержится много, статей^ посвященных и уголовному и процессуальному праву, б этихСтать^х-^а^вквאותсятеГ.оснбвныё принципы русского уголовного и процессуального права,"которые были установлены;Крать(о^Т1равдой и Судом Ярослава, Владимировича.

Таковы задачи, которые были поставлены общим ходом общественно-экономического развития Киевской Руси перед законодательством Владимира Мономаха.

Даже поверхностный анализ показывает, что эти задачи были законодательством Владимира Мономаха выполнены удовлетворительно.

В „Уставе имеется большое число статей, которые имели своей целью сгладить остроту классовых противоречий. Уже две первые статьи говорят дй. ограничении ростовщичества, поскольку размер процентов по заключаемым займам был уменьшен. Далее были изданы статьи, которые имели своей целью оградить от притязаний кредиторов тех купцов, которые подв"ерга: - тись так называемой «несчастной» несостоятельности.

Затем Владимир Мономах и его советники смягчили положение городских низов и крестьянства. Которые были П^рйнужденьгитт^в-кабалу к ростовщикам и крупным землевладельцам и делались закупам.

Была отвергнута практика jnr_eBraiueHНfl закупов в полных^рабов в тех случаях, когда" они оставляют, двор с целью отыскать деньги для уплаты долга или для принесения жалобы князю или судьям на обиды их кредиторам («господами»). Была уточнена и ответственность закупов за утрату вещей кредиторами. Установлена была ответственность кредиторов за необоснованные побию.

Статьи о холопах, которые начинают играть значительную роль в хозяйстве феодалов, имеют своей задачей не только вообще упорядочить их правовое положение, но и одновременно сблизить их в некоторых "отношениях с крепостным или зависимым крестьянством. Устав Владимира Мономаха, „содержит развернутое законодательство о холопах, которое часто в литературе именуется Уставом о холопах. Там перечисляются источники холопства, которые в рассматриваемый период начинают играть крупную роль. В Уставе отвергается практика превращения в холопы", "которые брали в ссуду хлеб. В Уставе предусматриваются случаи, когда холопы совершают торговые операции по приказу своих господ. Жизнь холопа стала охраняться более тяжелым наказанием. В случае их убийства (ст. 80 (89) Тр.) без всякого повода с их стороны уплачивается не только урок господину, но и продажа в высшем размере (12 гривен). В Устав вводится норма, установленная сыновьями Ярослава, об отмене убийства холопа-обидчика при последующей встрече с ним.

В отмену постановления Суда Ярослава Владимировича о запрещении устанавливать продажу за кражу холопами скота «за не суть несвободни» (ст. 40 (46) Тр.) устанавливается норма, по которой за кражу холопом коня взимается две гривны.

Много нового было установлено и в области уголовного права. Так были даны новые составы преступления, например, статьи о вырывании бороды, о вышибании зубов, о краже бобра, о разнаменовании борти и

посечении дуба знаменного или межьного и проч. Были выделены преступления, в которых проявлялась особая напряженность злой воли, например, статья о поджоге гумна (75 (83) Тр.) и в особенности ст. 76 (84) Тр.). «А кто пакощами коньпорежет или скотину, продаже 12 гривен, а *пагубу* господину урок платити».

Одним из крупных разделов законодательства Владимира аТитономаха является раздел, посвященный наследственному праву. Был проведен принцип феодального права, права-привилегии, а именно, было установлено два порядка наследования: после бояр и боярских дружинников и после смердов.

Одновременно с наследственным-правом .а...Уставе дается достаточно подробное изложение основ опекунского права.

"Много щцоХй-до- сравнению- е- Судом Ярослава Владимировича дано ив. области процессуального права. Так, был^)ешед в^щюсл>.лослуц^^ К5щовДстГ57'(ёб) Тр. и ст.77 (85) Тр.), д^шааде^шальная статьям.гонении следа (ст. 68(77) *ТрТТоб*"испытанный железом (ст. ст. 77—78 (85—87) Тр.) и установлен, размер так называемых «уроков судебных» л «уроков ротных».

**ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ТЕКСТА
РУССКОЙ ПРАВДЫ**

так, в результате исследования текста дошедших до нас редакций Русской Правды, мы окончательно подорвали взгляды феодально-крепостнических и буржуазных историков о происхождении, источниках и значении этого памятника. Мы, вопреки этим историкам, установили связь развития правовых норм с общественно-экономическим развитием Русского государства.

Первоначально нормы Русской Правды возникли в период разложения первобытно-общинного строя у восточного славянства, когда стали возникать группы руси. Эти группы оседали в городах и включали не только верхушку общества, но и общинников, потерявших по тем или иным причинам связь с общиной, а также беглых рабов. Группы руси являлись очагами классового общества.

Поскольку эти группы стали возникать до образования Киевского государства, то и некоторые нормы Русской Правды могли существовать уже в это время.

С момента возникновения Киевского государства создается уже система норм русского права («Русской Правды»), которая противопоставляется в русско-византийских договорах византийскому праву («Закон русский»).

Эта система получает дальнейшее развитие по мере того, как в период формирования русского феодального государства усиливается значение феодального уклада.

^феодалные отношения развивались.^в Киевской Руси неравнГбм^р^тно. Были центры, где этот процесс шел бТстрёё~наГпример, ^Киевская^ Гал^ш<ад. Черниговская земли); но были и^такие центры, где этот процесс только начинался (земля *mjii4eM-i_^M^osm^*, древлян и др.). Естественно, чтоГГормы русского права" в этих землях различались между собой. (Общим ходом правового развития Киевской Руси был поставлен вопрос об унификации норм русского права на всем ее пространстве и о ликвидации остатков института послесудебной *juiesTj*^ поскольку этот институт противоречил основным принципам феодального права. Первая попытка унификации норм русскогб"права была сделана князем Владимиром, который заменил взимание виры за убийство смертной казнью, но затем был вынужден отказаться от этого решения, поскольку виры были одним из главнейших источников княжеских доходов.

Вторая попытка была предпринята Ярославом Владимировичем, составившим в 30-х годах XI в., как это признает большинство советских историков, Древнейшую Правду или Правду Ярослава. Нами было выяснено, что в этой Правде, которая была составлена по нашему предположению в Киеве в 30-х годах XI в., была ^сх^йрвлена^^ш^я^система наказдний ,за предусмотренные~в Правде^"преступления, и были ^введены., новые со ставы преступлений.] Кровная месть, которая в это время носила уже," как указано, послесудебный характер, была ограничена узким кругом родственников. К ней можно было прибегать только в случаях убийства, а главное, она стала вытесняться денежным взысканием — вирой и головщиной.

^Возникновение Правды Ярослава] знаменует кроме того и весьма важный момент в истории русского права, именно,:"появление первого письменного сборника русских законов.; Вполне возможно, что Ярослав издал после появления Древнейшей Правды ряд дополнительных постановлений, например, Покон вирный, Устав мостником и др. Эти постановления развивали основные принципы Древнейшей Правды или ее дополняли.

• Следующим этапом в развитии норм Русской Правды является окончательное оформление принципов феодального права. _____'...'■-

Была издана Правда Ярославичей, в которой обеспечивалась защита от посягательств на княжеское хозяйство и на жизнь представителей княжеской дворцовой администрации, причем жизнь этих представителей защищалась неодинаково, а в зависимости от их положения.

\ Правда Ярославичей была издана на съезде Ярославичей^ по нашим предположениям (состоявшемся в Вышгороде в 1072 г. Можно полагать, что Ярославичи или на других съездах или совершенно самостоятельно издавали постановления в развитие норм Правды Ярославичей. Во всяком случае, до нас дошло сообщение о втором съезде Ярославичей, на котором они «отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати», т. е. приняли весьма важное постановление в области уголовного права.

Правда Ярослава вместе с новеллами Ярослава и Правда Ярославичей с новеллами Ярославичей существовали самостоятельно. Вероятно, наблюдались противоречия между их нормами или во всяком случае существовали различия в формулировках отдельных норм. Естественно, что в конце концов возникла настоятельная необходимость/в объединении этих двух основных пластов норм Русской Правды. Это объединение и было произведено. Была составлена так называемая Краткая Правда.)

Процесс развития феодального права по мере углубления и расширения феодальных отношений стал усиливаться. [Класс феодалов, окончательно оформившись, стал стремиться к тому, чтобы в особом законодательном памятнике обеспечить защиту своей жизни, жизни своего окружения, своего имущества. В Краткой же Правде предусматривалась только защита, главным образом, ближайших княжеских слуг (огнищан, тиунов и проч.) и княжеского хозяйства.

В конце XI, начале XII в. был составлен памятник, в котором интересы оформившегося класса феодалов

были полностью защищены. За убийство «княжих людей», а под княжими людьми можно понимать всех княжеских слуг и в том числе бояр, была установлена двойная вира. Предусматривалась защита жизни и боярских слуг. В этом памятнике основные принципы Краткой Правды получили дальнейшее свое развитие. Этот памятник получил название: «Суд Ярославль Владимира — Правда Русская».

Суд Ярослава Владимировича состоял главным образом из статей уголовного и процессуального права. Имелись только четыре статьи, которые могли быть отнесены к обязательственному праву. Таким образом крупнейшая область феодального права оставалась вне регулирования.

В 1113 г. вскоре после смерти Святополка и восстания городских низов приглашенный феодальной верхушкой на Киевский великокняжеский престол Владимир Мономах в с. Берестове созвал особое совещание, на котором и был составлен Устав князя Владимира Мономаха. В этом Уставе содержались статьи, которые имели своей целью несколько сгладить классовые противоречия (ст. ст. об ограничении процентов, о закупах и др.), давалась регламентация правовому положению закупа и холопов, устанавливались основные принципы наследственного и опекунского права. Одновременно с этим давался большой раздел, посвященный уголовному и процессуальному праву.

Устав Владимира Мономаха дополнял Суд Ярослава Владимировича и оба эти памятника в своей совокупности представляли собой сборник русского права в период развития феодальных отношений (XII в.). В условиях феодального распада дальнейшее развитие норм Русской Правды прекратилось.

Развитие-ляксха. русской Правды идет в дальнейшем уже в составе юридических, летописных и канонических сборников. Текст изменяется составителями, редакторами и переписчиками этих сборников.

Вполне естественно предположение, что оба эти памятника, являясь основным источником действовавшего в то время права, переписывались в одном сборнике.

Очевидно в этом сборнике они получили первоначальную литературную обработку, в частности, были даны оглавления статей. Сборники эти не дошли до нас. { Но одновременно со сборниками, которые содержали Суд Ярослава Владимировича и Устав Владимира Мономаха, на который с течением времени распространилось название «Русская Правда», существовали сборники, состоявшие из княжеских церковных Уставов. Эти сборники были литературно обработаны, в частности, были снабжены особым предисловием. Подобные сборники были распространены среди церковных учреждений. Можно предполагать, что в XII в. Сборник княжеских Уставов был дополнен Русской Правдой, т. е. Судом Ярослава Владимировича и Уставом Владимира Мономаха. Так ' появился сборник, который нами назван Сборником, состоящим из русских статей; Этот сборник в непосредственном своем виде не дошел до нас. Он дошел до нас в составе сборника, названного нами Сборником 30 глав, а затем сборника, включавшего кроме русских статей Закон Судный людем.

При переписке Русской Правды в этих сборниках происходила ее переработка, в результате которой происходило образование редакций и изводов: а) первоначальному тексту были присоединены некоторые дополнительные статьи (III, IV, V редакций), б) переработаны были оглавления статей (например, некоторые изводы II ч. редакции, в) в некоторых редакциях к тексту Русской Правды даны были особые предисловия (IV и V редакции), г) Суд Ярослава Владимировича и Устав Владимира Мономаха были объединены (некоторые изводы II редакции и III редакции), ж

Одним из крупнейших моментов в истории текста Русской Правды было объединение ее текста с Законом Судным людем. Сделана была попытка создать из Русской Правды и Закона Судного людем единое литературное целое (V редакция).

С течением времени в правовом ^азмтш^ских земел^в^XXУггХУ. вв^^ашГ наблюдаться различия, ' в зависимости от особенностей о обществ ённо-экономического развития. Стали создаваться несколько иные правовые нормы в результате дальнейшего обществен-

но-экономического развития. Эти нормы находятся в некотором противоречии с нормами Русской Правды. В особенности, стали велики различия между нормами Русской Правды и нормами обычного права в Московском государстве XV в. Тогда была предпринята попытка переработать Русскую Правду, причем были исключены из ее состава те нормы, которые фактически не могли здесь применяться. Так появилась VI Сокращенная из Пространной редакция, которая возникла в Москве на территории Московского государства в середине XV века.

Г Л А В А В Т О Р А Я

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВДЫ

данное решение вопроса о происхождении Русской правды и основных ее редакций должно предопределить и решение ряда других вопросов, поставленных в литературе, а именно, вопроса об официальном или частном происхождении этого памятника, вопрос о пространстве действия норм Русской Правды и вопрос об источниках Русской Правды.

Вопрос об официальном или частном происхождении был предметом серьезных разногласий среди историков Русской Правды. Одни (Татищев, Карамзин, Бегичев, Ланге, Леонтович, Мрочевский, Дроздовский, а из советских — Тютчев, Хротонов, Б. Д. Греков, а другие (Розенкампф, Тухачевский, Салачов, Дювернуа, Сергеевич, Владимирский-Буданов, Саставин) происхождения отдельных частей Русской Правды нами уже ставился. Необходимо поставить этот вопрос вообще, в отношении происхождения Русской Правды, всех ее основных источников и всех ее редакций.

Мы установили, что в истории текста Русской Правды надо различать два основных момента: с одной стороны, образование протографа Краткой Правды и протографа II—VI редакций и, с другой стороны, возникновение дошедших до нас редакций, в которых текст протографа подвергся изменениям и дополнениям,

иногда весьма значительным. Вне всякого сомнения, что эти редакции возникли в результате деятельности составителей, редакторов, а иногда и просто переписчиков Русской Правды.] Следовательно, частное происхождение всех до нас дошедших редакций, начиная с текста Краткой Правды в Новгородской I летописи, в котором имеются явные следы переработки первоначального протографа Краткой Правды, и кончая VI (Сокращенной) редакцией — вне всякого сомнения. Во всяком случае органы государственной власти, которым принадлежало право законодательства (князь, совет при князе, вече) не принимали никакого участия в этом образовании дошедших до нас редакций.

Иначе должен решаться вопрос об образовании первоначального текста Русской Правды. Нами приведены, на наш взгляд, совершенно исчерпывающие данные о том, что, начиная с Правды Ярослава, даются совершенно новые нормы или же нормы сложившегося обычного права подвергаются законодательной регламентации или же эти нормы распространяются на всю территорию Киевского государства. Появление этих норм было вызвано общественно-экономическим, политическим и правовым развитием Русского государства. В издании этих норм нуждался пришедший к господству класс феодалов, нуждались и представители феодальной власти.]

Следовательно, эти нормы, как отражающие серьезные сдвиги в развитии Русского государства, могли появиться только в результате законодательства. Собирателей обычного права в XI в., конечно, не было и быть не могло, а главное, не могло существовать таких собирателей, которые могли бы угадать и предвидеть основные моменты в развитии феодального права и зафиксировать их в сборниках права. Кроме того, нами было указано, что если бы Краткая Правда или Пространная Правда содержала нормы обычного права, то эти нормы по своей краткости всем были известны и не было бы причин записывать их в особых сборниках. - Нормы Русской Правды — это нормы не старого, давно сложившегося обычного права, а нормы нового феодального права, которые могли появиться только в резуль-

тате ломки старых норм, а эта ломка могла быть проведена только законодательным путем.;

Когда в литературе говорят об официальном происхождении того или иного юридического сборника, то часто предъявляют к нему такие требования, которые обычны при составлении современных кодексов, т. е. допускают явную модернизацию при решении данного вопроса. Считается необходимым, что данный законодательный акт был подписан, официально размножен и распространен. Таких требований к законодательным сборникам XI, начала XII в. предъявлять нельзя. Ни князь Ярослав, ни Ярославичи, ни Владимир Мономах, конечно, не подписывали свои «Правды». Едва ли в нужном количестве были заготовлены списки этих Правд и разосланы на места. Можно предполагать, что представители администрации сами снимали копии с первых экземпляров этих Правд, причем главным образом интересовались не формой изложения материала, а содержанием постановлений. Но все это, конечно, не мешало признавать за Правдами и Уставами XI—XII вв. официального характера.

Против взгляда об официальном происхождении Русской Правды выставляют обычно следующие возражения. Прежде всего указывается, что названия, данные памятнику и приписывающие составление Правды отдельным князьям, являются неосновательными измышлениями старинных писателей. Название Краткой Правды «Правда русская» не содержит вообще указаний на какого-либо князя.

Что же касается указаний в тексте Краткой и Пространной Правды на законодательную деятельность князей, то это относится только к нескольким статьям, а не ко всей Правде.

/ В тексте как Краткой, так и Пространной имеются следы работы частного лица. Например, в Краткой Правде имеется незаконченное повторение ст. 2. В Русской Правде наряду с общими нормами дается судебное решение (например статья, сообщающая о суде Изяслава над дорогобужцами).

[«Изложение норм ведется от третьего лица, а не от лица князя, которому приписывается Правда, j

Все эти возражения, повторяем, исходят из современных требований, предъявляемых к юридическому памятнику, к отдельному закону или правовому сборнику.

Но при ближайшем рассмотрении все эти возражения отпадают. О законодательной деятельности Ярослава говорится не только в летописи, но и в тексте как Краткой, так и Пространной Правд. Название «Суд Ярославль Володимерича» и «Устав Володимерь Всеволодича» является обычным. Конкретный характер норм и приведение казусов является обычным для памятников раннего феодализма. Для составителей того времени очень трудно отличить общую норму от казуса. Наличие повторений может свидетельствовать только о неудачном списывании подлинного текста. Наконец, форма третьего, а не первого лица, в какой передается содержание княжеских Уставов, не имеет значения для решения вопроса об официальном происхождении памятника. Даже такой безусловно официальный памятник, как Судебник 1497 г. написан также от третьего лица.

Коснемся взгляда В. О. Ключевского и М. Н. Тихомирова, которые иначе ставят вопрос об официальном происхождении Русской Правды. Они говорят о церковном влиянии на Русскую Правду.

М. Н. Тихомиров в своем «Исследовании» первоначально заявил себя защитником взгляда об официальном происхождении Русской Правды. Но затем при решении вопроса о происхождении отдельных частей Русской Правды говорит о том, что они возникли в церковной среде (Покон вирный, Урок мостником) или при возникновении той или иной Правды проявлялось влияние духовенства (например, при издании Пространной Правды). Очевидно М. Н. Тихомиров считает, что участие церковных кругов вовсе не противоречит взгляду об официальном происхождении Русской Правды.

Мы полагаем, что М. Н. Тихомиров неправ в этом вопросе. Официальное происхождение того или иного законодательного памятника или Сборника определяется прежде всего тем, что в принятии его должны обязательно участвовать те органы государственной влас-

сти, которые имеют законодательную функцию. Церковь подобной функции не имела, и поэтому, когда М. Н. Тихомиров говорит о церковном происхождении того или иного памятника, то он, в сущности, настаивает на частном его происхождении.

М. Н. Тихомиров вообще очень много говорит об участии церкви в возникновении Русской Правды. Он, несомненно, отдает дань теории В. О. Ключевского о возникновении Русской Правды в церковных кругах. Мы считаем участие церкви в составлении Русской Правды недоказанным М. Н. Тихомировым. Русская Правда — это сборник светского права. Те доводы, которые были в свое время выдвинуты против теории Ключевского, никем до сих пор не поколеблены.

Но в процессе образования отдельных дошедших до нас редакций, начиная со II редакции, роль церкви была значительной. Начиная со сборников, содержащих Сборник княжеских Уставов и Пространную Правду, церковь распространяла Русскую Правду в сборниках, в составлении которых она была заинтересована (Мерило Праведное, Кормчие и т. д.).

В. О. Ключевский эту роль церкви в развитии Русской Правды в XIII—XVI вв. и в распространении ее стал приписывать и при возникновении ее первоначального текста. Это, как мы можем теперь убедиться, совершенно неправильно.

Взгляд о том, что Русская Правда как кодекс права возникла в церковной среде, должен быть отвергнут и после выдвинутой М. Н. Тихомировым более сложной и осторожной аргументации. Речь может идти только о переработках кодекса светской феодальной власти церковными кругами, а это совсем иное.

КРИТИКА ВЗГЛЯДОВ ОБ ИНОЗЕМНОМ ПРАВЕ КАК ИСТОЧНИКЕ РУССКОЙ ПРАВДЫ

представители дворянско-крепостнической и буржуазной историографии, как это нами многократно указывалось, исходили при решении вопроса о происхождении Русской Правды из представления о низком уровне общественно-экономического и правового развития восточного славянства и норманистических теорий происхождения Русского государства. Естественно, что только немногие историки решались утверждать, что Русская Правда с момента своего возникновения является памятником восточно-славянского, русского права. Подавляющее число исследователей Русской Правды говорили о влиянии на Русскую Правду или скандинавского (норманского), или германского, или византийского, или римского, или даже еврейского права.

Нам необходимо специально остановиться на вопросе о влиянии иноземного права на Русскую Правду и показать решительную необоснованность этих теорий.

Взгляд о скандинавском (норманском) влиянии на Русскую Правду является наиболее старым.

Еще в 1756 г. Струбе де Пьермонт в своем «Слове о начале и переменах Российских законов» говорил о большом сходстве между древнерусскими законами и древними законами Дании и Швеции.¹

Этот взгляд был поддержан Карамзиным, а затем рядом позднейших норманистов, в частности, Пресняковым, Карским, Щепкиным и др.

Основными доводами исследователей, защищающих этот взгляд, являлось сопоставление статей Русской Правды со статьями датских и шведских законов. Этот взгляд о влиянии скандинавского права на русское является одним из наиболее ярких проявлений норманизма. Если первые князья, «русские» князья являлись варягами, скандинавами, то естественно, что они будут применять право своей родины. Но как только норманизму был нанесен окончательный удар, в частности, было доказано, что русь никогда не была скандинавским племенем, а издавна обитала в Причерноморье, падают, в сущности, всякие доводы о заимствовании скандинавского права составителями Русской Правды.

Но характерно, что число исследователей, защищающих эти взгляды, даже среди норманистов было незначительно. Такие яркие норманисты, как Соловьев и Ключевский держались других взглядов об источниках Русской Правды и, в частности, Древнейшей Правды. А Соловьев даже полемизировал с исследователями, настаивавшими на скандинавском влиянии на русское право. Основной причиной того, что не все норманисты примыкали к взглядам о скандинавских источниках Русской Правды является то, что скандинавские законы, содержавшие нормы, близкие к нормам Русской Правды, возникли гораздо позднее, нежели Русская Правда. В этом вынужден был признаться и Карамзин («Ютландский закон новее Ярославова»).

Пресняков, как известно, примыкавший к норманистам, вынужден был указать, что сорокагривенная вира появляется в шведских законах, как нововведение¹.

Едва ли не самым серьезным возражением, которое было сделано исследователем, настаивающим на скандинавском праве, как источнике Русской Правды и, в частности, Древнейшей Правды,— является возражение норманиста Соловьева. Он указывал, что варяги не стояли выше славян на ступенях общественной жизни, следовательно, не могли быть среди последних господ-

¹ А. Е. Пресняков, Княжое право, СПб, 1909, стр. 258.

ствующим народом в духовном, нравственном смысле¹.

Однако норманистам не захотелось без боя сдавать своих позиций. В 1915 г. Е. Щепкин сделал попытку подкрепить взгляды Струбе де Пьермонта и Карамзина о скандинавских источниках Русской Правды и издал специальное довольно обширное исследование «Варяжская вира»².

Е. Щепкин для того, чтобы доказать скандинавский, т. е. варяжский характер сорокагривенной виры исходит из фантастического представления о сфере влияния скандинавской культуры («культуры викингов») на разные европейские страны. Ссылаясь на показание начальной летописи о народах, населявших Европу до образования Киевского государства (например, «Ляхове же и Пруси и Чюди приседают к морю Варяскому»), он настаивает на принадлежности к варяжскому миру и этих народов. Он относит к территории, подпавшей под влияние варягов — и территорию галличан (галлов), римлян, основываясь на выдержке из «Повести временных лет»³.

Е. Щепкин стремился доказать, что во всех этих странах с единообразной культурой викингов должна существовать сорокогривенная «варяжская» гривна. Однако он должен был считаться с тем, что в специальных западноевропейских работах указывается на более позднее возникновение виры в 40 марок, чем то время, когда существовала беспредельная территория единообразной культуры викингов. Один из исследователей вопроса о размерах пени за убийство у северогерманских народов — Леманн (Der KSnigs-friede der Nordgermanen), касаясь пени в 40 марок, задает вопрос: «Как возникло это загадочное число? Было ли оно продуктом севера, или заимствованием

¹ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. I, СПб, М., 1851, стр. 231 и 238.

² Е. Щепкин, Варяжская вира, Одесса, 1915.

³ Е. Щепкин, Указ. соч., стр. 152. Этнографически «Повесть временных лет» тут же дробит эту арену выступлений викингов и варягов: «варяги, свей, урмане, Готе, Русь, Агляне, Галичане (на Пиренейском полуострове. Проще понимать вообще галлов), римляне».

Из чужбины?» и отвечает: «Мы не в состоянии дать ответ на этот вопрос»¹. А. Е. Пресняков говорит по этому поводу: «Нельзя не пожалеть, что Леманн не знал Русской Правды. Он нашел бы в ней указание на существование 40-гривенной пени более "раннее, чем все известные указания на пеню в 40 марок. И нашел бы ее в связи именно с охраной жизни, с платой за убийство, при том в такой форме, которая проявляется в шведских законах XIII в., как нововведение»².

Е. Щепкин, давая в своей работе беспорядочное сопоставление наказаний, в частности, пеней за убийство у славян (южных и западных) и притом разного времени (даже XIV в., — Вислицкий или Мазовецкий статут), приводит в конце концов ряд норм из шведских законов о пени за убийство в размере 40 марок.

Но самый ранний закон, где говорится о ней, в частности, закон Вест-Етов относится к концу XIII в.

Другие же шведские законы относятся к еще более позднему времени; так, закон Упланда был утвержден в 1296 г.³.

Сборники датского обычного права, упоминающие о пене в размере 40 марок за убийство, относятся к более раннему времени, нежели шведские законы, но тоже к XIII в.⁴.

Если же мы признаем, следуя Е. Щепкину, что при английском короле Эдуарде Исповеднике (1130—1135 гг.) действительно взималась пеня в размере 40 марок⁵, то и этот факт лишен своего доказательного значения.

Дело в том, что о вине в 40 гривен упоминает уже Древнейшая Правда, т. е. Правда Ярослава, возникшая в 30-х годах XI в.; надо, следовательно, доказать, если настаивать на заимствовании ее из Скандинавии, что пеня в размере 40 марок существовала у варягов ранее этого времени, т. е. в IX или X в., но Е. Щепкин и другие это сделать не могут. Правовое раз-

¹ L e m a n n, Der KSnigsfriede der Nordgermanen, стр. 2-11.

² А. Е. Пресняков, Княжое право, стр. 258 (прп-ючапи").

³ Е. Щепкин, Указ. соч., стр. 119.

⁴ Там же, стр. 120.

⁵ Там же, стр. 128.

витие варягов, так же, как и их культурное развитие сильно отставало от Руси.

Отсюда нетрудно видеть, что и последняя попытка доказать, что основной правовой принцип Русской Правды — денежное наказание за убийство в размере 40 гривен — заимствован якобы из Скандинавии, также неудачна как и прежние.

Ряд исследователей, знакомых достаточно хорошо с общественно-экономическим строем и системой права скандинавских стран, которые отстали в своем развитии от Руси на полтора, на два столетия, хорошо понимали невозможность считать скандинавское право источником Русской Правды. Но все же они, являясь норманистами, не были сторонниками взгляда о самостоятельном, независимом от всяких иноземных влияний, развитии русского права. Часть этих исследователей стала доказывать, что многие правовые принципы Русской Правды обязаны своему существованию германским варварским правам, в частности, Салической или Рипуарской Правде.

Всякому хорошо знающему основные моменты истории права раннего германского средневековья и Киевской Руси IX—XII вв. должно быть понятно, что это положение доказать весьма трудно, если вообще возможно. Дело в том, что когда создавались отдельные пласты норм, вошедших в Русскую Правду (т. е. начиная с XI в.) Салическая и Рипуарская Правды были забыты даже в странах, где они когда-то применялись в качестве действующего источника права. Они давно были заменены капитуляриями германских императоров. Для того чтобы отразить влияние этих германских варварских правд, составителям Русской Правды надо было бы специально разыскивать эти сборники, переводить и изучать. Кто в Киевской Руси мог быть так заинтересованным было все это интересно? Нам думается — никому! Если бы даже наши предки действительно не могли самостоятельно, без посторонней подсказки, издавать законы, то они могли обратиться к капитуляриям.

Интерес к вопросу о германских правдах как источнику Русской Правды решил возродить и усилить Гетц.

В особенности для него было важно доказать зависимость Русской Правды от Франкских Правд в более ранний период, т. е. в VIII—IX вв., в период составления Древнейшей Правды, а не в XI в., когда, как указано, говорить об этом было можно только вопреки здравому смыслу.

Гетц, считая, что Древнейшая Правда является памятником славянского права, тем не менее в своей работе «Das Russische Recht» настаивает на том, что некоторые статьи заимствованы из Салической Правды (*Lex salica XXX tit. de via lacina*). Такими статьями являются 13 и 14 ст. I Серг. или ст. 10 Акад.

Но А. Н. Филиппов в статье «Русская Правда в исследовании немецкого ученого»² доказал неправильность этого утверждения. В то время как Русская Правда говорит о недопустимости личного оскорбления одним мужем другого, выразившегося в «толчках» либо от себя, либо к себе, причем это преступление доказывается посредством приведения двух видоков, хотя делается исключение для варягов или колбягов, которым предоставлялось прибегать к присяге, в указанных статьях Салической Правды предусматривается иной состав преступления — именно, сбивание и толкание с большой дороги благородного мужа или благородную женщину, причем ничего не говорится о доказательствах данного преступления («*Siquis baronem ingenuum de via sua ostaverit aut inprinxerit, mal. via lacina, hoc est DC din., qui faciunt sol. XV. culpabilis judicetur*» и «*Si qui mulierem ingenuam de via sua ostaverit, aut inpinxerit: mal. machina, hoc est MD CCC din. qui faciunt sol. XLV, culpabilis judicetur*»).

Другими постановлениями, якобы заимствованными из германского права, являются нормы Русской Правды, говорящие о своде (ст. ст. 18 и 21 Сергеевича, ст. ст. 14, 15, 16 Акад.).

Но А. Н. Филиппов, который задолго до появления работ Гетца специально занимался вопросом о виндикации движимости по *Leges Barbarorum*, убедительно пока-

¹ А. Н. Филиппов, Русская Правда в исследовании немецкого ученого. Юридический вестник. 1914, кн. VII (II), стр. 196.

зал, что нормы § XXXVII Lex Salica, откуда якобы были заимствованы постановления свода в Русскую Правду резко отличаются от последних, в частности, процедура свода ведется в Русской Правде не судебным, а внесудебным порядком¹.

А. Н. Филиппов указывает, что всякие ссылки на варварские Правды, якобы являвшиеся источником заимствования для норм Русской Правды о своде, теряют доказательственное значение, если вспомнить, что свод был прекрасно известен славянскому праву, славянским сборникам права, в частности Законнику Стефана Душана. Известен он был и польскому праву. Словом, свод—это, вообще, институт славянского права.

Гетц старался доказать, что система наказаний Русской Правды (в частности вира) и различие наказаний в зависимости от социального положения пострадавших заимствована из германского права. Он в особенности настаивает на том, что слово «вира» произошло из германского Wergeld.

Но еще Владимирский-Буданов показал, что в то время как германский вергельд — это вознаграждение, идущее семье убитого, виру и штраф получал князь².

Что же касается утверждения Гетца о том, что установление наказания в разном размере, в зависимости от положения пострадавшего, как мы это видим в Правде Ярославичей и в Пространной Правде, есть чисто германский правовой принцип, то оно решительно опровергается имеющимися в настоящее время у нас данными.

Мы, изучая право кавказских, тюркских и монгольских народов, которые никаких связей с германцами не имели, должны, были отметить существование аналогичного принципа.

¹ А. Н. Фил и и к о в, Начальные стадии процесса о виндикации движимости по Leges Parbarorum, Сборник статей по истории права, посвященных М. Ф. Владимирскому-Буданову, К., 1904, стр. 198—207.

² М. Ф. В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в, Обзор истории русского права, Киев, 1905, стр. 337. См. также С. В. Юшков, Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 488—180.

Так, в особенности показательно в этом отношении грузинское право, например, Уложение царя Вахтанга. По этому Уложению за убийство первейшего князя, а также за убийство архиепископа взыскивалось 15 360 руб., за убийство среднего князя, епископа и родственников первейшего князя — 7680 руб., за убийство третьестепенного князя и архимандрита — 3840 руб. и т. д. За убийство крестьянина — 120 руб., т. е. в 128 раз меньше, нежели за убийство первейшего князя. Дальнейшие посягательства против личности и здоровья (нанесение ран, увечий и т. д.) подлежали также разному наказанию, причем единицей наказания считался выкуп за кровь в указанном размере¹.

По законам казахского хана Тауке за убийство свободного человека взыскивалось 1000 овец, а за убийство султана и хаджи в семь раз больше².

Подобный же принцип, по крайней мере в отношении наказания за бесчестье был положен и в монгольском праве по Уставу 1640 г.³.

Это сопоставление должно окончательно рассеять легенду, что так называемое денежное взыскание — вергельд — и установление размера этого взыскания в зависимости от положения убитого — принципы германского права.

Следует вообще признать этот принцип наиболее ярким принципом феодального права — права-привилегии.

В нашей литературе имеется работа, в которой было произведено сопоставление основных черт права Русской и Салической Правд⁴. В результате тщательного сопоставления были убедительно показаны крупные различия в уголовном праве этих двух памятников.

Слабость доводов о скандинавском или германском праве, как источнике Русской Правды сознавалась те-

¹ С. В. Юшке и, История государства и права, т. I стр. 492.

² Там же, стр. 536.

³ Там же, стр. 546.

* Левашова, Уголовное право Русской Правды сравнительно с Салической, Труды слушателей Одесских высших женских курсов, т. I, вып. 2, Одесса, 1911.

ми исследователями, которые не считали Русскую Правду свободной от иноземных влияний. Н. А. Максимейко сделал попытку показать влияние «чи¹стого» римского права — законодательства Юстиниана, — на Краткую Правду. Максимейко, во избежание недоразумения, сам подчеркивает, что он не имеет в виду позднейшие византийские сборники: Эклогу, Прохирон или даже Василики. Он утверждает, что составитель всей Краткой Правды и, следовательно, и древнейшей мог иметь сведения о Юстиниановом законодательстве, которое в то время еще пользовалось большой известностью и распространением в Греции. «Он мог также прочесть его, потому что для этого не надо было знать латинского языка: существовали греческие переводы»¹.

Для того чтобы доказать зависимость Древнейшей Правды от римского права, Максимейко надо было соответствующим образом истолковать нормы Правды, или вернее, придать им такой смысл, которого на самом деле они не имели. Одновременно Максимейко нуждался во всякого рода тезисах и положениях, которые едва ли могли найти сторонников среди историков права. Словом, работа Максимейко, вообще неудачная в целом, в особенности глубоко ошибочна по своим положениям в отношении установления зависимости Краткой Правды от памятников кодификации Юстиниана.

Нет особого смысла подробно разбирать всю его аргументацию. Коснемся лишь главных, основных его утверждений.

С бн прежде всего стремится доказать, что самое учение о праве в Краткой Правде и, следовательно, и в Древнейшей Правде якобы заимствовано из римского права.¹

Для того чтобы доказать этот тезис, он берет за аксиому крайне преувеличенное и необоснованное утверждение Сергеевича о том, что «значение права в смысле обязательной общей нормы признается, прежде

всего, за обычаем», и что «еще в XVI в. великие князья московские находят нужным оправдывать свои распоряжения ссылкой на старину», что у них еще «нет сознания о том, что воля их, как субъекта верховной власти, творить право»².

Максимейко считает, что признание значения действующего права за княжескими постановлениями, которое было отражено в Краткой Правде ее составителем, «сложилось под влиянием знакомства с римской юриспруденцией, которая по этому поводу дает следующие определения: законом считается то, что император постановил рескриптом, или решил по рассмотрении какого-нибудь дела, или же предписал эдиктом»³.

Конечно, всем известно, что роль обычного права в период раннего феодализма весьма велика. Известно, например, что почти вся область государственного и административного права регулировалась нормами обычного права не только в XV, но и в XVII вв. Но делать из этого выводы о том, что русские князья вообще не могли издавать законы или не могли рассчитывать на их обязательность для административных и судебных должностных лиц, — это явно извращать факты. Издавать законы князья могли и в конце X в. (напр. князь Владимир заменил виры смертной казнью, а затем снова возвратился к вирам, он же издал ряд норм, регулировавших отношения между церковью и государством, которые затем были обобщены в церковном Уставе князя Владимира) и тем более в последующие века. Достаточно указать, что развитие законодательства шло путем издания грамот-привилегий (*privilegia*), т. е. частных законов. В XIV в. среди этих частных законов особое значение приобретают уставные грамоты наместничьего управления, нормы которых были затем обобщены и развиты в Судебнике 1497 г. Естественно,, что не надо было какому-нибудь новгородскому книжнику XI в. читать в подлиннике или в греческих пе-

¹ Н. А. Макс имей ко, Опыт критического исследования Русской Правды, стр. 116.

² В. И. Сергеевич, Лекции и исследования, стр. 24. Н. А. Макс имей ко, Опыт критического исследования Русской Правды, стр. 120.

реводах римское право, чтобы признать возможность для князей издавать законы в крайне узкой, ограниченной области, именно в области установления новых видов наказаний за некоторые наиболее распространенные преступления, что, как известно, и было сделано в Древнейшей Правде. Если следовать Максимейко, то выходит так, что признание закона источником права является вообще идеей, заимствованной из римского права. А между тем, законы издавались и в странах, в которых римское право не было известно (например, на Востоке). Может вызвать улыбку сопоставление весьма сложной системы римского права, которая была дана в Институциях («*omne autem jus, quo utimur vel ad personas pertinet vel ad res vel ad actiones*») с системой расположения статей в Древнейшей Правде. Оказывается, когда в Древнейшей Правде говорится: «убьеть муж мужа, мстить брату брата...»—это норма, относящаяся *ad personas*; если говорится: «Аще кто поедеть на чужем коне...», то это норма, относящаяся *ad res*; статьи, касающиеся свода, — это нормы, относящиеся *ad actiones*.

По мнению Максимейко, система Институций полностью выдержана в Древнейшей Правде. Так, ст. 1 относится *ad personas*, ст. 2—*ad actiones*, ст. 3—10 *ad personas*, но конец ст. 10—*ad actiones*; ст. II—13 *ad res*, ст. 14—16 *ad actiones*; ст. 17 *ad personas*, а ст. 18 *ad res*.

Улыбку могут вызвать попытки Максимейко доказать, что различие, которое делается в Русской Правде между отдельными видами преступлений, в зависимости от тяжести преступления, это—принцип «чистого» римского права. Как будто надо прочитывать Институции и Дигесты для того, чтобы понять, что уличный разбой является более серьезным преступлением, нежели Драка, или грабеж был более серьезным преступлением, нежели кража!

Максимейко для доказательства влияния римского права на Русскую Правду в отношении установления более тяжких и менее тяжких преступлений приводит даже слова Демосфена, которые были процитированы в Дигестах!

Особенно поражают своей необоснованностью, переходящей в легкомыслие," попытки решения Максимейко некоторых частных вопросов. Он, например, настаивает на том, что якобы составитель Древнейшей Правды находился под влиянием римского права при определении понятия кражи и ее отдельных видов, т. е. при классификации этого преступления. Чтобы оценить значение этого утверждения Максимейко, надо учесть, что в Древнейшей Правде ни в одной из ее статей вообще не говорится о краже (в позднейшем праве, как известно, она называется татьбой). А между тем это его не смущает. Ст. 12: «Аще поиметь кто чужь конь, любо оружие, любо порт»... имеет в виду *furtum ipsius rei*; ст. 11 «Аще кто поедеть на чужем коне, не прошав его»,— предусматривает *furtum usus*; ст. 10, говорящая об укрывательстве беглых рабов, оказывается есть *furtum possessionis*.

Но самое главное, всячески стремясь доказать, что Древнейшая Правда имеет прямым своим источником римское право, Максимейко избегает сопоставлять характер и размер наказания за те или иные преступления по древнерусскому или по римскому праву.

А между тем не надо делать глубоких изысканий в области классического (юстиниановского) римского уголовного права для того, чтобы понять, насколько существуют различия в наказаниях за преступления по этому праву и нормам Краткой Русской Правды.

Как известно, специально наказаниям убийц в Риме был посвящен особый закон Суллы от 83 г. (*Lex Cornelia de sicariis et veneficis*). В период империи, т. е. при Юстиниане, убийцы наказывались смертной казнью, тогда как по Русской Правде убийцы платили виру, т. е. уголовный штраф.

Особенностью римского уголовного права являлось то, что похищение скота облагалось более строгими наказаниями, чем обычное воровство, в силу чего виновные в этом преступлении карались смертной казнью, отдачей в гладиаторы и отдачей в рудники; тогда как по ст. 30 Акад. за кражу коня или вола устанавливался штраф в размере одной гривны и тридцати резан.

За уничтожение или перемещение пограничных знаков по римскому праву лица низших сословий при-суждались к государственным работам, а лица высших сословий к высылке на остров с конфискацией трети имущества (D. 47 21) \ тогда как по ст. 33(34) Акад. за переорание (уничтожение) межи взимался штраф в размере 12 гривен.

По римскому праву эпохи Юстиниана исчезают прежние твердые размеры штрафа, налагавшего в случае *injuria* (в состав этого преступления входили посягательства на личность, как телесные повреждения, так и оскорбления), установленные в размере 300 и 25 ассов.

Вводится правило, по которому в случае тяжкой обиды размер штрафа определялся в каждом отдельном случае, сообразно с конкретными особенностями дела, причем на величину штрафа влияет тяжесть произведенного посягательства, общественное положение обиженного и пр.².

По Краткой же Правде размер штрафа за отдельные посягательства строго определен — именно, 12 и 3 гривны (ст. ст. 3—Ю Акад.).

Можно бы продолжить сопоставление норм римского уголовного права эпохи Юстиниановской кодификации и норм Краткой Правды, но думается нам, что и приведенных данных достаточно, чтобы убедиться в совершенной необоснованности утверждений Максимейко о римском праве, как основном источнике Краткой Правды. Нормы Древнейшей Правды настолько не соответствуют постановлениям основных памятников кодификации Юстиниана, что должна быть отброшена ~любая попытка утверждать об их полном сходстве.

(Вопрос о влиянии византийского права на Русскую Правду давно (еще со времен Калачова) стал ставиться и решаться в положительном смысле.) Защитником этого взгляда, кроме Калачова, были крупные буржуазные историки.

¹ И. С. Перетерский, Всеобщая история государства и права, 1944 г., ч.1, Древний мир, вып. II, Древний Рим, стр. 181. -И. С. Перетерский, Указ, соч., стр. 163.

¹ Ключевский, касаясь этого вопроса, говорит, что составитель Русской Правды, ничего не заимствуя дословно из памятников церковного и византийского права, однако руководствовался этими памятниками¹.

Сергеевич считает, что практика церковных судов оставила свой след в Пространных списках Русской Правды². Владимирский-Буданов говорит более решительно о влиянии византийского права на Русскую Правду. В Русской Правде есть весьма близкие заимствования из светских памятников Кормчей³. Не сомневается в наличии следов влияния на Русскую Правду византийских сборников права с Эклогой и Прохионом во главе и М. Д. Дьяконов⁴.

Вопрос о византийском влиянии был предметом специальных статей, и как нам кажется, в настоящее время может быть признан окончательно решенным. Авторы⁵ специальных исследований привели исчерпывающие данные о том, что говорить о влиянии византийского права на Русскую Правду нет никаких оснований.

Мы не будем приводить полного сопоставления норм Русской Правды с основными памятниками византийского права — Эклогой, Прохионом, Эпанагогой и др. Мы укажем на полное несоответствие основных принципов русского права эпохи Русской Правды и византийского права.

Прежде всего необходимо указать на полное отсутствие внешнего сходства между этими памятниками. Так, в Русской Правде отсутствует введение к памятнику; отсутствует и обычная в византийских кодексах мотивировка издания тех или иных норм. Переходя к со-

¹ В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. I, М., 1904, стр. 254.

² В. И. Сергеевич, Лекции и исследования, стр. 44.

³ М. Ф. Владимирский-Буданов, Обзор истории русского права, изд. 5-е, К., 1907, стр. 73.

⁴ М. Д. Дьяконов, Очерки общественного и государственного строя древней Руси, изд. 4-е, Л., 1912, стр. 53.

⁵ Черноусов, К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское, Византийское обозрение, т. II, 1916 г., Д. Голенищев-Кутузов, Русская Правда и Византия, 1913,

доставлению отдельных правовых принципов Русской Правды и главнейших византийских кодексов, коснемся прежде всего норм об убийстве, число которых в Русской Правде значительно.; Постановлениями об убийстве, как известно, начинается Русская Правда. В то время, как основным наказанием за убийство по Русской Правде является денежное взыскание (вира и головщина или особое вознаграждение за убийство слуг) и только в случае убийства в разбое—поток и разграбление. В византийском праве различается убийство преднамеренное, убийство в драке, убийство без всякого умысла со стороны виновного и карается в первом случае смертью, во втором случае или отсечением руки или телесным наказанием или изгнанием, в третьем, просто изгнанием¹.

Византийское право не знает установления наказания за убийство сообразно с социальным положением убитого, как это наблюдается в Русской Правде. Обратимся к сопоставлению норм о краже по Русской Правде и византийскому праву.

Памятники византийского права (Эклога, Прохирон и Эпанагога), повторяя почти дословно друг друга, при установлении вопроса о наказании за это преступление считаются с тем, где совершена кража, кем (богатым или бедным), что похищено, рецидивист ли ее совершил или человек, попавшийся в первый раз. Сообразно с этим варьируется и мера взыскания: штраф в двойном размере стоимости украденного, телесное наказание, изгнание или отсечение руки. Русская Правда знает только одно наказание: денежное взыскание³. Византийское законодательство не знает различного наказания за кражу или истребление чужого имущества в зависимости от социального положения собственника этого имущества³.

Резко различаются основные принципы и гражданского права. Так, заем по Русской Правде является договором реальным; для признания его действитель-

¹Е. Чернусов, К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское, стр. 315.

² Там же, стр. 317.

³ Там же, стр. 318.

ным не требовалось его заключения в письменной форме. По Эклоге же, договор займа должен облекаться в письменную форму и подкрепляться тремя свидетелями¹, Поклажа по Русской Правде еще не оформилась в качестве договора; о ней говорится, скорее, как о дружеской услуге. В византийском праве иначе, чем в Русской Правде, решался вопрос о торговой несостоятельности.

Исследователи отмечают сильные различия в основных принципах наследственного права. По нормам Русской Правды право завещательного распоряжения ограничивается кругом ближайших членов семьи. Там не имеется ни одной статьи, из которой было бы видно о завещании имущества нечленам своей семьи (кроме части, следуемой церкви)².

По Русской Правде не устанавливалось тех сложных условий, при наличии которых по византийскому праву завещания признавались действительными.

Но в особенности крупные различия наблюдались в организации суда и процесса. Русская Правда не знает той сложной судебной организации, о которой говорят византийские кодексы. Так называемые ордалии Русской Правды (жребий, испытание водой, раскаленным железом), институт послушества, отличающийся от института свидетелей и т. д., также не были известны византийскому праву. Нет в византийских кодексах следов так называемого свода, гонения по следу, так характерных для русского процесса XI—XII вв.

Наконец, внимание составителей Русской Правды направлено на регулирование правового положения таких групп общества, как закупы или смерды, которые были неизвестны в Византии.

Кое-какие аналогии в русском и византийском праве, которые могут быть выявлены в результате сопоставления Русской Правды и византийских кодексов, должны быть объяснены не заимствованием составителями Русской Правды норм византийского права, а некоторыми сходствами в общественно-экономическом строе.

¹ Н. Н. Кулин, Рецензия на работу Д. Голенничева-Кутузова, «Журнал Министерства Юстиции», 1914, № 32, стр. 344.

² Там же, стр. 348.

Л Киевская Русь и Византия представляли собой феодальные государства.

Как было указано, в исторической литературе высказывается еще одно мнение о иноземных источниках Древнейшей Правды. М. Н. Тихомиров, считая Древнейшую Правду записью обычного Новгородского права, говорит о дополнении ее некоторыми статьями Закона Судного людем — болгарской переработкой византийских и еврейских законов*. Таких статей он мог насчитать две: об езде на чужом коне без разрешения его собственника (ст. 12) и об изломании копья, щита и повреждении одежды (ст. 18). Статья, запрещающая езду на чужом коне в Законе Судном людем, близка к ст. 12 Древнейшей Правды в своей диспозитивной части, но отличается своей санкцией.

Ст. 12 Древнейшей Правды

Аще кто подеть на чужом коне, не прощавъ его, то положи 3 гривнъ.

Закон судный

Аще кто бес псвѣтъ на чужом коне ездитъ, да ся тепеть и по три крати, и да тепеть и продаешься, яко и тать.

Нетрудно установить весьма крупное различие в этих статьях. По Закону Судному людем виновный подвергается нанесению трех ударов, а по Древнейшей Правде — денежному взысканию в размере 3 гривен. Мы знаем, что в Древнейшей Правде 3, равно как и 12 гривен является нормальным взысканием за преступление. Поэтому полагать, что в Древнейшей Правде взыскание в размере 3 гривен за езду на чужом коне является механической заменой трех ударов Закона Судного нельзя. Совпадение — 3 гривны и 3 удара — случайно.

Что же касается вопроса о заимствовании в Древнейшую Правду из Закона Судного диспозитивной части ст. 12, то его надо решить в отрицательном смысле. Дело в том, что надо еще доказать, что в момент составления Древнейшей Правды получил распространение на Руси Закон Судный людем. М. Н. Тихомиров привел

¹ М. Н. Тихомиров, Исследование, стр. 58.

доказательства только тому, что Закон Судный людем был известен русским книжникам XIV в. Л в отношении его существования в первой половине XI в. он ограничился замечанием, что нет и чего не в е р о я т н о г о в том, что в Новгороде был уже известен список Закона Судного людем, внесенный в первоначальный Номоканон, существование которого во время Ярослава Мудрого было доказано А. С. Павловым.

Но Номоканон действительно мог существовать на Руси при Ярославе Владимировиче, но ведь Закон Судный людем вовсе не является составной частью Номоканона. Л самое главное, неужели на Руси правовая мысль была настолько элементарна, что без чужой подсказки русские не в состоянии были установить такого обычного состава преступления — как езда на чужом коне без разрешения его собственника. Ведь езда на чужом коне является серьезным имущественным преступлением: не говоря уже о том, что подобная безнаказанная езда не только могла облегчать кражу чужого коня, но и серьезнейшим образом отражаться на качестве коня.

Таким образом, доводы М. Н. Тихомирова являются абсолютно неубедительными.

Что же касается статьи о порче копья или щита, то надо еще доказать, что и эта статья была заимствована составителем Древнейшей Правды из Закона Судного людем, а не наоборот.

Дело в том, что статья «О копьях» в Пушкинском сборнике замыкает статьи Русской Правды (ст. 108 по изд. АН УССР), а в сборнике Археограф, комиссии, она присоединена к Закону Судному людем вместе с русскими статьями — «А се о детяти», «О а же ли дадутся в службу» и «О стоге тяжёбом». Следовательно, статья о порче копья не входила в основной состав Закона Судного людем. А самое главное, в этой статье даются чисто русские термины и выражения: «н а ч н е т ь хо-тети его д е р ж а т и», «п р и а т и с к о т а у н е г о».

Ни в одной статье Закона Судного людем не встречается подобных терминов и выражений. Словом, нет никаких решительно данных говорить о влиянии Закона Судного на Древнейшую Правду. Единствен-

ным источником этого памятника является русское право.

Наконец, нашелся один исследователь (Барац), который стал доказывать, что источником права как русско-византийских договоров, так и Русской Правды является еврейское право.

Но даже представители буржуазной науки с их формалистическим подходом к изучению памятников права признали полную несостоятельность его положений. Для того чтобы притти к такому неожиданному утверждению Барацу приходилось подгонять составляемые им тексты, причем не стесняться переставлять в них не только отдельные слова, но и целые предложения. Неудивительно, что Барац никого не убедил из историков русского права, и на его работ)¹ можно указать как на один из примеров «псевдоучености».

Итак, опровергнув разного рода теории иноземного влияния на Русскую Правду, мы приходим к выводу, что Русская Правда с момента своего возникновения до окончательного своего формирования является сборником русского права. Русская Правда, возникнув в период становления русского феодального общества, но своими корнями уходящая в право феодального периода, развивает основные принципы тех правовых норм, которые стали возникать в недрах Руси, т. е. в очагах классового общества восточного славянства. Русь, как мы доказываем, первоначально была не этническим понятием, а названием, усвоенным для обозначения элементов, возникших в недрах разлагавшихся общин восточного славянства. Нормы Русской Правды являются дальнейшим развитием Закона русского, который уже существовал во время заключения русскими князьями в первой половине X в. договоров с византийцами.

Закон русский уже тогда противопоставлялся греческому, византийскому праву и являлся, следовательно, настоящей системой права.

¹ Г. М. Барац, Критический анализ договоров Руси и Византии, 1910

Эта система русского права получила свое развитие и во второй половине X в., а равно в XI и в XII вв.

Ни один взгляд о влиянии на Русскую Правду иноземного права не мог быть подкреплён серьезными доводами. Если между Русской Правдой и нормами права соседних народов и можно отметить наличие сходства и аналогии, то все это легко объяснимо не заимствованием прямым или косвенным иноземных правовых норм, а сходством общественно-экономического строя Руси и соседних стран. Киевское государство было в IX—X вв. дофеодальным государством, в котором шла борьба трех укладов: первобытно-общинного, рабовладельческого и феодального. Естественно, что в ранний период мы будем наблюдать сходство с теми памятниками, которые существовали в дофеодальных государствах, например, в варварских королевствах V—VII вв. Отсюда наличие сходства некоторых норм Русской Правды с нормами Салической, Ютландской и прочих Правд.

По мере развития феодальных отношений в XI—XII вв. возникают нормы, характерные для развитого феодального общества. Поэтому нормы Пространной Русской Правды начинают иметь некоторое сходство с нормами соседних феодальных стран. Здесь вполне естественны аналогии между нормами Русской Правды и нормами византийских сборников.

ВОПРОС О ПРОСТРАНСТВЕ ДЕЙСТВИЯ
РУССКОЙ ПРАВДЫ**Р**

И ешение вопроса о происхождении Русской Правды и ее отдельных редакций, которое нами дано в исследовании, дает нам возможность решить вопрос о пространстве действия ее норм. В литературе вопрос этот давно являлся предметом оживленного спора.

В основном боролись два взгляда. По одному взгляду, защищаемому Эверсом, И. И. Беляевым, Н.П.Загоскиным, Н. Дювернуа и др., Русская Правда вначале была памятником новгородского права и, следовательно, не всегда ее нормы имели общерусское значение.

Другая группа исследователей: Карамзин, Погодин, Тобин, Розенкампф, Сергеевич, Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов смотрят на Русскую Правду как на памятник, имевший с самого момента своего возникновения общерусское значение.

Впрочем, имелся еще один взгляд, который проводил в своих работах глава украинских националистов Грушевский. Этот враг народа, утверждая, что Киевское государство является государством украинским, считал Русскую Правду, там возникшую, — сборником украинского права. Советские историки доказали, что Киевское государство есть колыбель трех народностей, возникших после его распада — украинской, белорусской и русской (великорусской). Следовательно, и Русская Правда является источником права этих трех народов.

Нами было установлено, что основные части Русской Правды: и Правда Ярослава, и Правда Ярославичей, и Краткая Правда, и Суд Ярослава Владимировича, и Устав Владимира Мономаха возникли в столице Русского государства — в Киеве или в резиденциях киевских великих князей. А затем уже из Киева распространились эти Правды в разные части Русского государства — в Великий Новгород, во Владимирскую землю и т. д.

Хотя, как было указано, древнейшие части Русской Правды (Правда Ярослава, Правда Ярославичей, Краткая Правда, Устав Ярослава, Устав Владимира Всеволодовича) возникли в основном экономическом, политическом и культурном центре Киевского государства — в Киеве: однако будет совершенно неправильно считать этот памятник отразившим правовое развитие только Киевской земли, т. е. специфически Киевским.

Вне всякого сомнения Русская Правда обобщила правовое развитие всего Русского государства с IX в. до XVI в. Достаточно учесть, что одна из норм Правды Ярославичей своим источником имеет судебное решение князя Изяслава, вынесенное в отношении дорогобужцев, убивших старого конюха.

Но в особенности на развитие текста Русской Правды должно было повлиять правовое развитие других русских земель в период распада Киевского государства.

Мы знаем, что в В. Новгороде и в Северо-Восточной Руси составляются и распространяются особые юридические сборники, в которых Русская Правда является главнейшей частью. К тексту Русской Правды присоединяются местные памятники. В конце концов возникает ряд новгородских (III, IV и V ред.) и северо-восточных редакций и изводов Русской Правды (например, II ред.). Наконец, на развитие текста Русской Правды влияет и правовое развитие Московского государства (так называемая VI редакция «Сокращенная из Пространной»).

Русскую Правду надо считать памятником, отразившим правовое развитие всех русских земель,

Отсюда нам легко ответить на вопрос, каково было пространство действия норм Русской Правды. Поскольку Русская Правда отразила правовое развитие всех русских земель всего Русского государства, она с самого момента своего возникновения до начала кодификации в Новгороде и Пскове, Московском великом княжении и Литовском государстве имела общерусское значение. "Больше того, когда появились памятники кодификации "в этих государствах, то они были созданы на основе принципов Русской Правды.

Но Русская Правда являлась сборником права Киевского государства, которое объединило все племена восточного славянства и, кроме того, ряд финских народов, Маркс отметил огромное значение Киевского государства во всемирной истории. Он писал в своей «Секретной дипломатии»: «Как империя Карла Великого предшествует образованию Франции, Германии, Италии, так империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, балтийских поселений, Турции и самого Московского государства»¹. Экономические, политические и культурные связи этой феодальной империи с соседними, в частности славянскими народами, должны были иметь весьма большое значение. Есть все данные полагать, что нормы русского права и, в частности, Русской Правды могли в той или иной степени повлиять на развитие славянского, сербского, болгарского, польского и чешского права. Нам кажется, что советские историки должны поставить этот вопрос, несмотря на все его трудности. И мы постараемся принять в его решении посильное участие.

¹ Цит. по Истории СССР, ч. I, М., 1939 г., стр. 106.

ВВЕДЕНИЕ

	Стр.
§ 1. Общие задачи исследования.....	3
§ 2. Классификация списков Русской Правды.....	9

Часть первая

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТА ДОШЕДШИХ ДО НАС РЕДАКЦИЙ

Глава первая Русская Правда

в Сборниках и Кормчих

§ 1. Краткая [Правда в летописных сборниках.....	27
§ 2. Русская Правда II—VI редакций в различного рода юридических и канонических сборниках	34
1. Русская Правда в сборнике из русских статей . . .	34
2. Русская Правда в юридических сборниках, включающих в свой состав Закон Судный людем . . .	37
3. Русская Правда в сборниках, состоящих из русских статей и Закона Судного людем	41
4. Русская Правда в Мериле Праведном	44
5. Русская Правда в Кормчих, находящихся в соединении с Мерилем Праведным.....	45
6. Русская Правда в Кормчих, в которых статьи <i>но</i> <i>послушестве</i> » и «о муже кроваве» объединены с Русской Правдой.....	50
7. Русская Правда в Синодальной Кормчей ив Кормчих Новгородско-Софийского вида.....	50
8. Итоги исследования истории Русской Правды в памятниках сложного состава.....■'	53

Глава вторая	
<i>VI (Сокращенная из Пространной) редакция</i>	
	Стр.
§ 1. Обзор литературы	56
§ 2. Взаимоотношение списков	59
§ 3. Источники VI редакции	60
§ 4. Место возникновения Сокращенной Правды	85
§ 5. Время происхождения Сокращенной Правды	87
§ 6. Значение Сокращенной Правды	90
Глава третья	
<i>V редакция</i>	
§ 1. Вводные замечания	93
§ 2. Взаимоотношения списков	93
§ 3. Источники V редакции	96
§ 4. Предпосылки образования V редакции	103
§ 5. Вопрос о времени и месте происхождения V редакций	105
Глава четвертая	
<i>IV редакция</i>	
§ 1. Пушкинский список	107
§ 2. Троицкий IV список	110
Глава пятая	
<i>III редакция</i>	
§ 1. Общие замечания	121
§ 2. Взаимоотношение списков	121
§ 3. Источники III редакции	122
§ 4. Время и место происхождения Русской Правды III редакции	136
Глава шестая	
<i>II редакция</i>	
§ 1. Синодальный извод	138
1. Источники Синодального извода	138
2. Время и место происхождения Синодального извода	145
§ 2. Троицкий извод	146
1. Обзор литературных мнений о взаимоотношениях списков Троицкого извода	146

	Стр.
2. Списки Мерила Праведного	150
3. Списки в Кормчих в соединении с Мерилем Праведным	152
4. Другие виды Троицкого извода	161
5. Протограф II редакции и его происхождение	163

Глава седьмая

Протограф II—V редакций

§ 1. Историографический обзор	166
§ 2. Вопрос о составе статей протографа II—V редакций	169

Глава восьмая

Протограф I редакции (Краткой Правды)

§ 1. Историографический обзор	186
§ 2. Взаимоотношение списков	187
§ 3. Вопрос о взаимоотношении I редакции (Краткой Правды) и протографа II—V редакций (Пространной Правды)	194
§ 4. Вопрос о Краткой Правде как едином литературном целом и ее составе	197

ПРИЛОЖЕНИЯ

Восстановленные тексты протографа I редакции (Краткой Правды) и протографа II—V редакций (Пространной Правды).	
А. Протограф I редакции (Краткой Правды)	201
Б. Протограф II—V редакций (Пространной Правды)	205
Судь Ярославль Володимъричь—Правда Русьская	206
Устав Володимърь Всеволодича	213

Часть вторая

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВДЫ

Глава первая Краткая Правда

§ 1. Историографический обзор	225
§ 2. Основные моменты в развитии русского права IX—X вв.	210 \у

	Стр.
§ 3. Возникновение Древнейшей Правды.....	251
1. Общественно-экономическая и политическая обстановка в первой половине XI в	251
2. Обзор взглядов о происхождении Древнейшей Правды	272
3. Состав, источники, место и время происхождения Древнейшей Правды	^ 287
§ 4. Правда Ярославичей	203
§ 5. Дополнительные статьи к Правде Ярославичей . . .	303
§ 6. Покон вирный и Урок мостником.....	307
1. Покон вирный.....	307
2. Урок мостником.....	311
§ 7. Происхождение Краткой Правды	С 312

Глава вторая

*Происхождение Устава
силы Суда Ярослава Владимировича»
(первой части Пространной Правды).*

§ 1. Вступительные замечания.....	319
§ 2. Общая обстановка и предпосылки возникновения Суда Ярослава Владимировича.....	~~~~ 320
§ 3. Источники Суда Ярослава Владимировича	322
§ 4. Время и место возникновения Суда Ярослава Владимировича	I 325...
§ 5. Значение Суда Ярослава Владимировича.....	327

Глава третья

Происхождение Устава Владимира Мономаха

§ 1. Предпосылки возникновения Устава Владимира Мономаха	■ 331
§ 2. Источники Устава Владимира Мономаха	333
§ 3. Время и место возникновения Устава Владимира Мономаха 335
§ 4. Значение Устава Владимира Мономаха.....	335 ✓

Часть третья

ОБЩИЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ Глава первая

Итоги исследования истории текста Русской Правды

Глава вторая

Официальное происхождение Русской Правды

Глава третья

*Критика взглядов об иноземном праве как
шточнике Русской Правды*

Глава четвертая

Вопрос о пространстве действия Русской Правды